200

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 5. МАЙ 1902.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

Проверене 1964 г.

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 5. МАЙ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. **Законодательство:**
   А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1
   Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 14
2. **Именные Высочайшіе указы** 18
3. **Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ** по гражданскому вѣдомству 19
4. **Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи** 28
5. **Циркулярныя распоряженія по Министерству Юстиціи.** . . 35
6. **Щегловитовъ, И. Г.** Зачетъ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе 1
7. **Латкинъ, В. Н.** Къ исторіи кодификаціи въ Россіи въ XVIII ст. 19
8. **Ширяевъ, В. Н.** Врачебная дѣятельность и уголовное право. 46
9. **Ткаченко, М.** Договоры о выдачѣ, заключенные Россіей съ иностранными государствами, и ихъ отношеніе къ ст. 168—174 уложенія о наказаніяхъ 72
10. **Живаго, С. И.** Задачи университетскаго преподаванія права въ Германіи (окончаніе) 115
11. **Курдиновскій, В. И.** Выморочныя имущества 149
12. **Хроника:**
   I. Обремененность должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства въ 1900 году по свѣдѣніямъ статистическаго отдѣленія Министерства Юстиціи. *Н. Езерскаго* 187
   II. Изъ практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. *К. П. Змирлова* 206
   III. Къ вопросу о вводѣ во владѣніе неочередныхъ наслѣдниковъ при ипотечномъ наслѣдствен-

номъ производствѣ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. *Н. Лебединцева* 219
IV. Недоразумѣнія въ нотаріальномъ дѣлѣ. *Н. Ф. Бѣлевича* 227
V. Объ удержаніи нотаріусами округа Варшавской судебной палаты въ свою пользу десятой части сборовъ по мѣсту совершенія актовъ. *П. Подгорѣцкаго* 235
VI. Новый прусскій проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ системѣ университетскаго преподаванія права и вызванныя имъ возраженія. *А. Люблинскаго* 242
VII. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ . 250
13. **Кассаціонная практика**. Вопросы, разрѣшенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1901 году (продолженіе). Составилъ *Д. Д. Черновъ* 260
14. **Военно-судебная реформа во Франціи**. *А. С. Лыкошина* . 276
15. **Литературное обозрѣніе** 313
1) Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1902. Два тома.—*Д.* 2) К. Н. Анненковъ, Система русскаго гражданскаго права. Т. VI. Право наслѣдованія. Спб. 1902.—*И. Вольмана.* 3) М. М. Винаверъ, Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 1902.—*І. Гессена.* 4) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.
16. **Обзоръ юридическихъ журналовъ**. *А. Б.* 332
17. **Опроверженіе** 340
18. **Объявленія** . . . . . I—VI+I—III

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1902 г.

Отд. I. № 28, III, 19; № 29, III, 22; № 30, III, 26; № 31, III, 29; № 32, IV, 2; № 33, IV, 5; № 34, IV, 9; № 35, IV, 12; № 36, IV, 16; № 37, IV, 19; № 38, IV, 22; № 39, IV, 23.

Отд. II. № 6, III, 26; № 7, IV, 23.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. II. Общ. Учр. Губ.

Отд. I. № 33, ст. 355. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ утвержденіи штата центральнаго полицейскаго пріемнаго покоя для душевно-больныхъ въ городѣ Москвѣ.

Т. III. Уст. Служб. Прав.

Отд. I. № 33, ст. 352. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ усиленіи штата Московской городской полиціи (V). № 33, ст. 361. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмиклассного техническаго училища (шт., прим. 2).

Т. III. Уст. Пенс.

Отд. I. № 33, ст. 361. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмиклассного техническаго училища (шт., прим. 2).

Т. IV. Уст. Воин. Пов.

Отд. I. № 32, ст. 336. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). О предсѣдательствованіи въ уѣздныхъ по воинской повинности присутствіяхъ Курляндской губерніи. № 33, ст. 353. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи Прасковейскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія. № 36, ст. 384. Пол. Воен. Сов. (9 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 635 кн. XV Свода Воен. Пост. 1869 г. (изд. 2) и пункта 1 приказа по военному вѣдомству 1896 г. № 225 (ст. 1).

Т. IV. Уст. Зем. Пов.

Отд. I. № 39, ст. 396. Имен. ук. (16 апр. 1902 г.). О принятіи временныхъ мѣръ для обезпеченія успѣшной поставки лошадей въ войска, въ порядкѣ отбыванія военно-конской повинности, населеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ и юго-западныхъ губерній.

Т. V. Пол. Пром. Налог.

Отд. I. № 32, ст. 343. Выс. пов. (22 февр. 1902 г.). Объ освобожденіи отъ обложенія государственнымъ промысловымъ налогомъ продажи рыбы, привозимой въ городъ Архангельскъ на поморскихъ судахъ.

Т. V. Уст. Акц. Сбор.

Отд. I. № 36, ст. 383. Пол. Ком. Мин. (25 янв. 1902 г.). О разрѣшеніи открытія, безъ пріобрѣтенія патентовъ, складовъ краснаго винограднаго вина при епархіальныхъ складахъ церковныхъ свѣчей.

Т. VI. Уст. Тамож.

Отд. I. № 32, ст. 332. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ освобожденіи отъ оплаты пошлиною и цензурнаго разсмотрѣнія предметовъ, выписываемыхъ изъ-за границы для состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III. № 33, ст. 365. Пол. Ком. Мин. (15 февр. 1902 г.). О безпошлинномъ пропускѣ упаковки нѣкоторыхъ

продуктовъ, оплаченной пошлиною при первоначальномъ ввозѣ въ Россію и отправляемой за границу для вторичнаго наполненія сими продуктами.

Т. IX. Особ. Прил. Зак. Сост. I. Общ. Пол.

Отд. I. № 33, ст. 354. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). О порядкѣ установленія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и Сѣверо-Западныхъ.

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед.

Отд. I. № 33, ст. 354. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). О порядкѣ установленія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и Сѣверо-Западныхъ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг.

Отд. II. № 7, ст. 90. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Харьковской каменноугольной и желѣзоторговой биржи.

Т. XIV. Уст. Пасп.

Отд I. № 33, ст. 360. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). О предоставленіи скопцамъ Якутской области кратковременныхъ отлучекъ съ мѣстъ ихъ поселенія и о разрѣшеніи женщинамъ-скопчихамъ временнаго проживанія въ городахъ области.

Т. XIV. Уст. Сод. под. Стр.

Отд. I. № 32, ст. 338. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). О продленіи дѣйствія временныхъ правилъ объ удовлетвореніи хозяйственныхъ потребностей Московскихъ мѣстъ заключенія, состоящихъ въ вѣдѣніи Московскаго губернатора.

Т. XIV. Уст. Ссыльн.

Отд. I. № 32, ст. 335. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ утвержденіи штата служащихъ при тюремной богадѣльнѣ на островѣ Сахалинѣ (II).

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 29, ст. 303. Выс. пов. (4 нояб. 1901 г.). Объ утвержденіи положенія о капиталѣ, оставшемся послѣ смерти капитана 81-го

пѣхотнаго Апшеронскаго полка Донецкаго. № 29, ст. 304. Выс. пов. (17 нояб. 1901 г.). О предоставленіи Амурскому казачьему войску для заселенія земель Зазейскаго раіона. № 29, ст. 305. Выс. пов. (11 дек. 1901 г.). О старшинствѣ полковъ 2 Финляндской стрѣлковой бригады. № 29, ст. 309. Выс. пов. (23 дек. 1900 г. и 29 дек. 1901 г.). Объ обращеніи батарейныхъ батарей въ легкія. № 29, ст. 310. Выс. пов. (26 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи штата Главнаго Артиллерійскаго Управленія. № 29, ст. 311. Выс. пов. (17 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи плана города Лбищенска, Уральской области. № 30, ст. 312. Пол. Воен. Сов. (18 нояб. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Императорской Военно-Медицинской Академіи стипендій Статскаго Совѣтника Розанова. № 30, ст. 313. Пол. Воен. Сов. (25 нояб. 1901 г.). Объ учрежденіи въ Императорской Военно-Медицинской Академіи стипендіи приватъ-доцента Академіи, доктора медицины, Коллежскаго Совѣтника Андреева. № 30, ст. 314. Пол. Воен. Сов. (30 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи статей 30 и 32 книги XV Свода Воен. Пост. 1869 года, изд. 1896 года. № 30, ст. 315. Выс. пов. (12 дек. 1901 г.). Объ образованіи при Императорской Военно-Медицинской Академіи капитала въ 50,000 рублей и объ утвержденіи положенія о семъ капиталѣ. № 31, ст. 316. Пол. Воен. Сов. (9 окт. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 619 кн. XV (изд. 2) Свода Воен. Пост. 1869 года. № 31, ст. 317. Пол. Воен. Сов. (9 дек. 1901 г.). О дополненіи ст. 386 кн. XVI Свода Воен. Пост. 1869 г. (изд. 2). № 31, ст. 318. Пол. Воен. Сов. (21 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи Высочайше утвержденной 3 августа 1890 года 4 дополнительной статьи къ положенію о подпрапорщикахъ, эстандартъ-юнкерахъ и подхорунжихъ. № 32, ст. 321. Имен. ук. (25 февр. 1902 г.). Объ отчужденіи участковъ близъ города Грубешова, Люблинской губерніи, для возведенія воинскихъ казармъ. № 32, ст. 323. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). О производствѣ прибавокъ къ содержанію чинамъ военныхъ управленій Квантунской области. № 36, ст. 384. Пол. Воен. Сов. (9 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи ст. 635 кн. XV Свода Воен. Пост. 1869 г. (изд. 2) и пункта 1 приказа по военному вѣдомству 1896 г. № 225. № 37, ст. 386. Пол. Воен. Сов. (3 янв. 1902 г.). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатномъ составѣ главнаго интендантскаго управленія.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 28, ст. 280. Мн. Гос. Сов. (7 янв. 1902 г.). Объ усиленіи состава полиціи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской губерніи.

№ 32, ст. 322. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ усиленіи состава Одесской городской полиціи. № 32, ст. 324. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ усиленіи полиціи въ городахъ Бѣлостокѣ и Брестѣ. № 32, ст. 325. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.) Объ утвержденіи временнаго штата междугороднаго телефоннаго сообщенія Варшава—Лодзь. № 32, ст. 326. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Березовкѣ, Херсонской губерніи, должности полицейскаго надзирателя 2-го разряда. № 32, ст. 327. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ усиленіи уѣздной полиціи въ Иркутской губерніи. № 32, ст. 328. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). О раздѣленіи Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи на три стана. № 32, ст. 329. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). О раздѣленіи Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи на три стана. № 32, ст. 330. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ усиленіи состава и средствъ уѣздной полиціи въ Лифляндской губерніи. № 32, ст. 331. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ усиленіи личнаго состава и канцелярскихъ средствъ канцеляріи Московскаго оберъ-полицеймейстера. № 32, ст. 334. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ усиленіи штата почтовой конторы въ Портъ-Артурѣ. № 33, ст. 352. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ усиленіи штата Московской городской полиціи. № 33, ст. 355. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ утвержденіи штата центральнаго полицейскаго пріемнаго покоя для душевнобольныхъ въ г. Москвѣ. № 33, ст. 356. Мн. Гос. Сов. (11 февр 1902 г.). Объ усиленіи средствъ канцеляріи Волынскаго губернатора. № 33, ст. 358. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ усиленіи состава Томской полицейской команды и увеличеніи канцелярскихъ средствъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій Томской губерніи. № 33, ст. 362. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). О разрѣшеніи С.-Петербургскому городскому управленію взимать дополнительную единовременную плату за включеніе новыхъ абонентовъ въ городскую телефонную сѣть впредь до окончательнаго ея переустройства. № 33, ст. 363. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). О перечисленіи Маслаковскаго сельскаго общества изъ Сунской волости Слободскаго уѣзда въ Верхосунскую волость Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи. № 33, ст. 364. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). О продленіи срока дѣйствія Высочайше утвержденнаго, 27 іюня 1897 года, положенія Комитета Министровъ объ обращеніи казенныхъ земельныхъ участковъ въ Одесскомъ портѣ въ оброчныя статьи. № 34, ст. 376. Мн. Гос. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ усиленіи состава Варшавской городской полиціи. № 34, ст. 377. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ увеличеніи содержанія Ялтинскому и Ѳеодосійскому уѣзднымъ врачамъ Таврической губерніи.

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отд. I. № 32, ст. 341. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ утвержденіи штата миссіи въ Абиссиніи. № 34, ст. 379. Выс. пов. (10 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи соглашенія о дополнительныхъ почтовыхъ, въ зимнее время, сношеніяхъ между Россіею и Швеціею.

По вѣдомству Министерства Морскаго.

№ 33, ст. 359. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи должностей штатныхъ судовыхъ священниковъ изъ бѣлаго духовенства.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

№ 32, ст. 337. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ увеличеніи кредита, отпускаемаго на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой княгини Елены Павловны. № 32, ст. 339. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи новыхъ должностей помощника класснаго наставника при Казанскомъ реальномъ училищѣ и Тифлисской 3-й гимназіи. № 32, ст. 340. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи при Кубанской учительской семинаріи должности эконома—письмоводителя. № 33, ст. 357. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Ставрополѣ (Кавказскомъ) учительской семинаріи. № 33, ст. 361. Мн. Гос. Сов. (11 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмиклассного техническаго училища.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія.

Отд. I. № 28, ст. 279. Имен. ук. (17 дек. 1901 г.). Объ отчужденіи земель, потребныхъ для сооруженія узкоколейнаго подъѣзднаго пути общаго пользованія отъ ст. „Петроковъ“ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. № 28, ст. 282. Пол. Ком. Мин. (21 дек. 1901 г.). О передачѣ Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги въ завѣдываніе Министерства Путей Сообщенія на общихъ основаніяхъ. № 32, ст. 320. Имен. ук. (4 февр. 1902 г.). Объ отчужденіи земель и имуществъ, необходимыхъ для устройства станціи керосинопровода на участкѣ „Агъ-Тагля-Михайлово“ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 28, ст. 281. Пол. Ком. Мин. (25 янв. 1902 г.). О зачетѣ служащимъ Московской практической академіи коммерческихъ

наукъ въ срокъ выслуги на пенсію времени, проведеннаго ими на службѣ въ академіи до 1 января 1898 года. № 32, ст. 319. Имен. ук. (4 февр. 1902 г.). Объ отчужденіи земельныхъ участковъ для возведенія зданій поста Маціовице Новобрежской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. № 32, ст. 333. Мн. Гос. Сов. (25 февр. 1902 г.). Объ увеличеніи штата таможни въ г. Владивостокѣ. № 33, ст. 366. Пол. Ком. Мин. (22 февр. 1902 г.). О предоставленіи городомъ Баку въ безсрочное и безвозмездное пользованіе таможеннаго вѣдомства участка городской земли подъ постройку зданій Бакинской таможни. № 38, ст. 393. Имен. ук. (12 апр. 1902 г.). О добровольномъ обмѣнѣ выпущенныхъ въ рубляхъ—$^1/_{15}$ имперіала, 4% облигацій Московско-Ярославско-Архангельской и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ на свидѣтельства государственной 4% ренты и о выпускѣ для сей цѣли новыхъ серій ренты. № 39, ст. 397. Выс. пов. (25 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи стипендій въ Кіевскомъ и Таганрогскомъ коммерческихъ училищахъ и въ Московскомъ прядильно-ткацкомъ училищѣ.

По Корпусу Жандармовъ.

Отд. I. № 29, ст. 302. Выс. пов. (20 окт. 1901 г.). Объ увеличеніи штата жандармскаго полицейскаго управленія Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ на 20 унтеръ-офицеровъ. № 29, ст. 306. Выс. пов. (13 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи штата Московско-Архангельскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. № 29, ст. 307. Выс. пов. (19 дек. 1901 г.). Объ образованіи жандармской полицейской команды порта Императора Александра III. № 29, ст. 308. Выс. пов. (19 дек. 1901 г.). Объ увеличеніи штата жандармскаго полицейскаго управленія Средне-Азіатской желѣзной дороги.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Отд. I. № 28, ст. 285. Выс. пов. (24 янв. 1900 г.—2 нояб. 1901 г.). Объ установленіи особаго знака отличія для кандидатовъ духовныхъ академій, не состоящихъ въ духовномъ санѣ. № 29, ст. 301. Выс. пов. (14 іюл. 1901 г.). Объ утвержденіи устава женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства. № 35, ст. 381. Выс. пов. (13 янв. 1902 г.). О принятіи Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Милицею Николаевною подъ свое Августѣйшее покровительство женской церковно-приходской школы въ селѣ Чесменкѣ, Бобровскаго уѣзда, Воронежской епархіи.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

Отд. I. № 28, ст. 283. Пол. Опек. Сов. (27 авг. 1901 г.). Объ утвержденіи положенія, штата и учебной табели профессіональныхъ курсовъ Ксеніинскаго института. № 28, ст. 284. Пол. Опек. Сов. (26 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи устава института Императрицы Маріи. № 28, ст. 286. Выс. пов. (24 ноябр. 1901 г.). О принятіи устраиваемыхъ въ гор. Владимірѣ родильнаго пріюта и повивальной школы въ число заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 28, ст. 287. Выс. пов. (24 ноябр. 1901 г.). О присвоеніи Ивановскому сельскому сиротскому пріюту вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ сельцѣ Ивановскомъ особаго наименованія. № 28, ст. 288. Выс. пов. (24 ноябр. 1901 г.). О принятіи родильнаго пріюта и богадѣльни въ гор. Иваново-Вознесенскѣ въ число заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 28, ст. 289. Выс. пов. (24 ноябр. 1901 г.). Объ открытіи дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ гор. Волчанскѣ № 33, ст. 367. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). Объ открытіи Лукояновскаго уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 33, ст. 368. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). Объ открытіи Стародубскаго уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и дѣтскаго пріюта въ городѣ Стародубѣ. № 33, ст. 369. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). Объ открытіи дѣтскаго пріюта Имени Императора Александра II, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ городѣ Семеновѣ, Нижегородской губерніи. № 33, ст. 370. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). Объ открытіи Хоперскаго окружнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 33, ст. 371. Выс. пов. (22 дек. 1901 г.). О принятіи Ефремовскаго дѣтскаго пріюта въ число пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 33, ст. 372. Выс. пов. (18 янв. 1902 г.). Объ открытіи Козельскаго уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 33, ст. 373. Выс. пов. (18 янв. 1902 г.). Объ открытіи сельскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ селѣ Пянтегѣ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи. № 36, ст. 385. Пол. Опек. Сов. (15 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи правилъ для награжденія воспитанницъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи при выпускѣ. № 37, ст. 387. Пол. Опек. Сов. (18 янв. 1902 г.). Объ учрежденіи при Варшавскомъ Александринско-Маріинскомъ институтѣ должности врача-консультанта

по глазнымъ болѣзнямъ. № 37, ст. 388. Пол. Опек. Сов. (18 янв. 1902 г.). О повышеніи класса должности учителя при сиротскомъ домѣ тайнаго совѣтника Фабра въ Симферополѣ.

По вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Отд. I. № 34, ст. 378. Выс. пов. (17 дек. 1901 г.). Объ учрежденіи двухъ стипендій въ богадѣльнѣ для неизлечимыхъ имени А. С. Спиридонова.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 32, ст. 342. Выс. пов. (13 март. 1902 г.). О подчиненіи опекунскаго управленія надъ личностью сына умершаго генералъ-маіора Михаила Чичагова, малолѣтняго Михаила Чичагова, и надъ оставшимся послѣ покойнаго имуществомъ вѣдѣнію С.-Петербургской дворянской опеки. № 33, ст. 374. Выс. пов. (27 март. 1902 г.). О сосредоточеніи опекунскаго управленія надъ личностью и всѣмъ имуществомъ малолѣтней свѣтлѣйшей княжны Серафимы Ливенъ въ вѣдѣніи С.-Петербургской дворянской опеки.

Отд. II. № 6, ст. 85. Пол. Ком. Мин. (1 март. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Средне-Уральскаго золотопромышленнаго общества. № 6, ст. 86. Пол. Соед. Присут., Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (1 март. 1902 г.). Объ утвержденіи четвертаго дополненія къ уставу общества Владикавказской желѣзной дороги. № 7, ст. 87. Пол. Ком. Мин. (14 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи устава товарищества фабрики „Жоржъ Борманъ". № 7, ст. 88. Пол. Ком. Мин. (14 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи устава Одесскаго общества дрожжево-винокуреннаго завода. № 7, ст. 89. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи и дополненіи устава С.-Петербургскаго товарищества для производства Глухоозерскаго портландъ-цемента и другихъ строительныхъ матеріаловъ. № 7, ст. 91. Пол. Ком. Мин. (18 янв. 1902 г.). О разрѣшеніи пароходному обществу „Кавказъ и Меркурій" отчудить пять принадлежащихъ ему земельныхъ участковъ. № 7, ст. 92. Пол. Ком. Мин. (25 янв. 1902 г.). Объ измѣненіи устава фабрично-торговаго товарищества „Николай Третьяковъ и К°". № 7, ст. 93. Пол. Ком. Мин. (1 март. 1902 г.). Объ утвержденіи устава солепромышленнаго и грязелечебнаго акціонернаго общества „Кучукъ-Таганашъ". № 7, ст. 94. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ измѣненіи устава общества Рыбинско-Бологовской, нынѣ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. № 7, ст. 95. Пол. Соед.

Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ увеличеніи облигаціоннаго капитала общества Владикавказской желѣзной дороги. № 7, ст. 96. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ отдаленіи срока приступа Россійскимъ обществомъ водныхъ, шоссейныхъ и второстепенныхъ рельсовыхъ путей къ работамъ по постройкѣ Одессо-Аккерманской желѣзной дороги. № 7, ст. 97. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). О разрѣшеніи обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги: а) обратить остатокъ отъ кредита въ 2.925.000 руб. въ облигаціонномъ капиталѣ выпуска 1895 г. на покрытіе части расхода по пріобрѣтенію 20 быстроходныхъ пассажирскихъ паровозовъ, и б) выпустить дополнительный облигаціонный капиталъ для покрытія расходовъ по производству работъ и поставокъ по усиленію дорогъ общества. № 7, ст. 98. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ увеличеніи оборотнаго капитала общества Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги и о выпускѣ названнымъ обществомъ дополнительнаго гарантированнаго правительствомъ облигаціоннаго займа. № 7, ст. 99. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ отдаленіи срока окончанія постройки Друскеникскаго подъѣзднаго пути. № 7, ст. 100. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ отдаленіи срока окончанія постройки городской части Приморской С.-Петербурго-Сестрорѣцкой желѣзной дороги. № 7, ст. 101. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (23 ноябр. 1901 г.). Объ отдаленіи срока окончанія постройки линій: Москва—Крейцбуръ, Туккумъ—Виндава и Дно—Новосокольники общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. № 7, ст. 102. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (21 дек. 1901 г.). О признаніи общества для постройки и эксплоатаціи подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Привислинскомъ краѣ состоявшимся и о пріобрѣтеніи симъ обществомъ Марковскаго узкоколейнаго подъѣзднаго пути. № 7, ст. 103. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (21 дек. 1901 г.). Объ измѣненіи условій сооруженія Сосновицко-Домбровскаго электрическаго подъѣзднаго пути (трамвая). № 7, ст. 104. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (21 дек. 1901 г.). Объ отдаленіи срока приступа къ работамъ по постройкѣ Сосновицко-Домбровскаго электрическаго подъѣзднаго пути (трамвая).

III. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 32, ст. 344. (20 март. 1902 г.). О заключеніи декларацiи между Россіей и Даніей о взаимномъ признаваніи мѣрительныхъ свидѣтельствъ купеческихъ судовъ [1]). № 33, ст. 375. (12 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серафимы Степановны Антоновой на педагогическихъ курсахъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ [2]). № 35, ст. 382. (16 февр./1 март. 1902 г.). О заключеніи декларацiи между Россіею и Германіею о взаимномъ признаваніи мѣрительныхъ свидѣтельствъ купеческихъ судовъ [1]).

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 28, ст. 298. (22 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды г. Омска, Акмолинской области. № 28, ст. 299. (22 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды г. Хвалынска, Саратовской губерніи. № 28, ст. 300. (24 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи штата полиціи въ поселкахъ Амуръ и Нижнеднѣпровскъ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. № 32, ст. 346. (28 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды гор. Ковны. № 32, ст. 347. (31 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды города Кунгура Пермской губерніи. № 32, ст. 348. *(31 янв. 1902 г.)* [3]). Объ учрежденіи въ Саратовской губерніи 11 должностей конно-полицейскихъ урядниковъ. № 32, ст. 349. *(6 февр. 1902 г.)*. Объ учрежденіи должности пѣшаго полицейскаго урядника на лѣсопильномъ заводѣ Храповицкаго въ Судогодскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. № 38, ст. 395. *(20 апр. 1902 г.)*. Объ объявленіи въ положеніи усиленной охраны Полтавскаго, Константиноградскаго, Переяславскаго, Лубенскаго и Кременчугскаго уѣздовъ Полтавской губерніи.

---

[1]) Относится къ вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

[3]) Даты (числа, мѣсяцы и годы) распоряженій, напечатаны *курсивомъ*, указываютъ время, когда подлежащія распоряженія были предложены (или объявлены) Правительствующему Сенату для распубликованія.

Отд. II. № 7, ст. 115. *(20 дек. 1901 г.).* Объ измѣненіи устава учрежденія взаимной помощи рода фонъ-Сиверсовъ.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 28, ст. 295. *(11 янв. 1902 г.).* Объ утвержденіи устава Симбирской низшей сельскохозяйственной школы I разряда, съ одно-лѣтнимъ приготовительнымъ классомъ. № 28, ст. 296. *(15 янв. 1902 г.).* Объ утвержденіи устава и штата для Савальской низшей сельскохозяйственной школы. № 28, ст. 297. *(30 янв. 1902 г.).* Объ отнесеніи Баимо-Комисаровской дачи въ Томской губерніи къ землямъ, на коихъ при развѣдкахъ и разработкѣ ископаемыхъ частными лицами требуется соблюденіе особыхъ правилъ. № 37, ст. 389. (10 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи устава и штата Бѣжецкой низшей сельско-хозяйственной школы. № 37, ст. 390. (31 янв. 1902 г.). О преобразованіи Остаховской сельскохозяйственной школы въ с. Остаховѣ, Во-логодскаго уѣзда. № 37, ст. 391. (29 янв. 1902 г.). Объ открытіи въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, Осинской низшей сельско-хозяйственной школы. № 37, ст. 392. (29 янв. 1902 г.). Объ от-крытіи въ селѣ Смоляны, Оршанскаго уѣзда, Смолянской низшей сельскохозяйственной школы.

Отд. II. № 7, ст. 114. (20 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи устава Кіевскаго общества взаимопомощи земледѣльцевъ и лѣсоводовъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ.

Министромъ Путей Сообщенія.

№ 32, ст. 350. (8/9 февр. 1902 г.). Объ открытіи станцій Грязи III (Орловскія), Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, для обяза-тельныхъ операцій по пріему и высадкѣ пассажировъ безъ багажа въ сообщеніи со станціей Грязи I (Воронежскія) названныхъ дорогъ. № 32, ст. 351. (8/9 февр. 1902 г.). О признаніи Елецкой платформы, Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, остановочнымъ пунктомъ, открытымъ для производства всѣхъ обязательныхъ операцій по пассажирскому движенію въ мѣстномъ и прямомъ сообщеніяхъ.

Отд. II. № 7, ст. 116. (6/8 *янв. 1902 г.).* Объ опредѣленіи перваго операціоннаго года по эксплоатаціи Бѣлгородъ-Сумской желѣз-ной дороги. № 7, ст. 117. (25/30 *янв. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава общества Бѣлгородъ-Сумской желѣзной дороги. № 7, ст. 118. $\frac{\text{30 янв.}}{\text{14 февр.}}$ 1902 г.). О правилахъ нагрузки судовъ зерновыми продук-тами при помощи желѣзной дороги въ Одесскомъ карантинномъ портѣ.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 28, ст. 290. (11 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи таксы за вывѣрку и клейменіе мѣръ длины, гирь, вѣсовъ, мѣръ емкости и термометровъ, представляемыхъ правительственными, общественными и частными учрежденіями и лицами въ Главную Палату мѣръ и вѣсовъ. № 28, ст. 291. *(1 февр. 1902 г.).* О цѣнахъ 4% облигаціямъ общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ вып. 1901 года и 5% облигаціямъ общества Приморской и С.-Петербурго-Сестрорѣцкой желѣзной дороги съ вѣтвями, 1—4 выпусковъ, для пріема въ казенные залоги въ теченіе первой половины 1902 г. № 28, ст. 292. *(4 февр. 1902 г.).* Объ открытіи таможенныхъ заставъ въ станицѣ Абагатуевской и пос. Хилкотоѣ. № 28, ст. 293. *(6 февр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Тифлисскаго коммерческаго училища. № 28, ст. 294. *(6 февр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава частнаго коммерческаго училища П. М. Натансона въ Кіевѣ. № 32, ст. 345. *(2 март. 1902 г.).* О дополненіи росписи товарамъ, которыми не дозволяется торговать по промысловымъ свидѣтельствамъ на торговыя предпріятія третьяго разряда. № 34, ст. 380. *(28 февр. 1902 г.).* О способѣ таможеннаго клейменія привозимыхъ изъ-за границы шипучихъ винъ. № 38, ст. 394. *(20 апр. 1902 г.).* Объ условіяхъ и порядкѣ совершенія операціи по добровольному обмѣну выпущенныхъ въ рубляхъ=$^1/_{15}$ имперіала, 4% облигацій Московско Ярославско-Архангельской и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ на свидѣтельства государственной 4% ренты.

Отд. II. № 7, ст. 105. (4 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи устава Бердянскаго общества взаимнаго кредита. № 7, ст. 106. (30 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ въ Екатеринославскомъ коммерческомъ училищѣ. № 7, ст. 107. (30 дек. 1901 г.). Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ въ Тульскомъ коммерческомъ училищѣ. № 7, ст. 108. (25 янв. 1902 г.). О дополненіи устава акціонернаго общества „Гергардъ и Гей“ транспортированія кладей и товарныхъ складовъ съ выдачею ссудъ. № 7, ст. 109. (30 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи устава ссудо-сберегательно-вспомогательной кассы служащихъ общества судостроительныхъ, механическихъ и литейныхъ заводовъ въ Николаевѣ. № 7, ст. 110. (31 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи инструкціи для арбитражной коммисіи при С.-Петербургской хлѣбной биржѣ. № 7, ст. 111. (5 февр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Руенскаго общества взаимнаго кредита. № 7, ст. 112. *(7 февр. 1902 г.).* О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи русскаго

аерогено-газоваго общества. № 7, ст. 112. *(11 февр. 1902 г.)*. Объ увеличеніи основнаго капитала товарищества Тентелевскаго химическаго завода.

Главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ.

Отд. II. № 7, ст. 119. (18 янв. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Приморскаго общества конской охоты и спорта. № 7, ст. 120. *(23 янв. 1902 г.)*. Объ учрежденіи въ селѣ Лукинѣ, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи, общества охотниковъ конскаго бѣга.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1901 г.

№ 40, I, 28 (1902 г.); № 47, I, 22 (1902 г.); № 48, I, 27 (1902 г.) (н. ст.).

№ 40. Конвенціи и декларацiи, подписанныя на конференціи мира въ Гаагѣ.

№ 47. *Выс. рескр.* о предоставленіи разныхъ преимуществъ состоящимъ въ частяхъ и управленіяхъ финскихъ войскъ чинамъ, по упраздненіи означенныхъ войсковыхъ частей и управленій.

№ 48. *Выс. объяв.*: а) о назначеніи особаго инспектора сельскихъ народныхъ училищъ, въ которыхъ большинство учащихся православнаго исповѣданія.

Для инспекціи находящихся подъ надзоромъ Главнаго Управленія училищнаго вѣдомства сельскихъ народныхъ училищъ, въ которыхъ большинство учащихся православнаго вѣроисповѣданія, назначается инспекторъ, исповѣдывающій православную вѣру и знающій основательно русскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ инспекторъ удовлетворялъ тѣмъ же требованіямъ въ отношеніи компетентности, пользовался тѣмъ же окладомъ содержанія и былъ назначаемъ въ должность въ томъ же порядкѣ, какъ установлено относительно прочихъ инспекторовъ сельскихъ народныхъ училищъ; чтобы онъ имѣлъ мѣсто жительства въ Сердоболѣ; чтобы ему же были поручены тѣ обязанности по православнымъ начальнымъ школамъ, которыя до сихъ поръ лежали на окружныхъ инспекторахъ народныхъ училищъ въ Выборгской и Куопіоской губерніяхъ; и чтобы народныя школы, кои имѣютъ быть подчинены вновь учреждаемой инспекціи, опредѣлялись по соглашенію Сената и Генералъ-Губернатора, который входитъ по этому

предмету въ сношеніе съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 10 декабря 1901 года.

б) Объ учрежденіи пяти штатныхъ должностей десятниковъ при сельско-хозяйственныхъ инженерахъ.—*Выс. пов.* главному управленію училищнаго вѣдомства о числѣ уроковъ русскаго языка въ шведскомъ и финскомъ реальныхъ лицеяхъ въ Гельсингфорсѣ.—*Предп. гражд. экск. Фин. Сен.* Нюландскому губернатору касательно упраздненія должностей губернскихъ казначеевъ въ Нюландской и Або-Бьернеборгской губерніяхъ [1]).

1902 г.

№ 1, II, 22; № 2, II, 25; № 3, III, 4; № 4, III, 29; № 5; IV, 19; № 7, III, 21; № 8, IV, 12; № 9, IV, 16; № 10, IV, 8 (н. ст.).

№ 1. *Выс. пост.* объ устройствѣ полиціи въ городѣ Тавастгусѣ.

№ 2. *Выс. пост.* объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ постановленія о торговлѣ солодовыми напитками на выносъ и распивочно отъ 2 апрѣля 1883 г., измѣненнаго въ нѣкоторыхъ частяхъ постановленіями 9 іюня 1892 г. и 10 апрѣля 1895 г.—*Выс. объяв.*: а) о пересылкѣ по почтѣ посылокъ въ Энонтекисское, Инарское и Утсъіокиское почтовыя учрежденія и изъ сихъ учрежденій; б) о новомъ штатѣ общей больницы въ городѣ Сердоболѣ; в) о преимуществахъ, предоставляемыхъ нѣкоторымъ офицерамъ и гражданскимъ чиновникамъ, а также служащимъ по найму нижнимъ чинамъ унтеръ офицерскаго званія Финскаго драгунскаго полка послѣ упраздненія ихъ должностей.—*Выс. пов.* консисторіи Александровскаго университета, объ отпускѣ суммъ на устройство и содержаніе энтомологической лабораторіи.

№ 3. *Выс. пост.* о предоставленіи Финляндскому Сенату права налагать дисциплинарныя взысканія на должностныхъ лицъ и чиновниковъ Сената.

Высочайше постановлено:

За проступки и упущенія по службѣ, а также за поведеніе, несовмѣстное съ служебнымъ положеніемъ и долгомъ службы, должностныя лица и чиновники Императорскаго Финляндскаго Сената, по заявленію вице-предсѣдателя подлежащаго департамента, могутъ быть

---

[1]) Предписаніе по сему предмету дано также начальнику Або-Бьернеборгской губерніи.

подвергаемы департаментомъ выговору, денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше двухмѣсячнаго жалованія и удаленію отъ должности на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, съ лишеніемъ всего жалованья или части онаго. Перечисленныя взысканія налагаются по истребованіи объясненій отъ обвиняемаго. Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 25 января 1902 года.

Выс. объяв.: а) объ измѣненіи опредѣленій относительно размѣра полугодовой учебной платы въ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ въ Финляндіи; б) объ измѣненіи Высочайшаго объявленія отъ 26 апрѣля 1873 года, касательно таксы, по которой должна быть взимаема плата за экзамены и промоціи въ Императорскомъ Александровскомъ университетѣ въ Финляндіи, и § 4-го Высочайшаго регламента отъ 14 января 1874 года, объ экзаменѣ для поступленія въ студенты названнаго университета; в) относительно учрежденія при физіологической лабораторіи Александровскаго университета должности аманyэнса.—*Предп. Фин. Сен.* о порядкѣ церковнаго оглашенія при вступленіи въ бракъ состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

№ 4. *Выс. объяв.* а) объ учрежденіи при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Александровскаго университета въ Финляндіи экстраординарной каѳедры судебной медицины и объ измѣненіи наименованія каѳедры патологической анатоміи и судебной медицины, б) съ таксою, по которой должна взиматься плата за взятіе пробъ и производство изслѣдованія встрѣчающихся въ торговлѣ искуственныхъ удобрительныхъ средствъ, кормовыхъ составовъ и сѣмянъ.

Предп. Фин. Сен. а) Исправляющему должность Улеаборгскаго губернатора, о раздѣленіи Ленсманскаго округа Сикаіокискаго, Паволаскаго и Франтсиласкаго приходовъ и Ревонлакскаго капеланства; б) Нюландскому губернатору, о перечисленіи имѣнія Бергвикъ, въ деревнѣ Кимола, Итисскаго прихода, въ духовномъ, административномъ и камеральномъ отношеніяхъ, а также гейімата Херрансари, въ деревнѣ Тайпале, Гейноласкаго сельскаго прихода, въ духовномъ, административномъ, камеральномъ и судебномъ отношеніяхъ въ Яласкій приходъ.

№ 5. Ординарная роспись доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго на 1902 годъ.—Экстраординарная роспись доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго на 1902 годъ.

№ 7. *Выс. рескр.* о призывѣ на дѣйствительную службу лицъ, подлежащихъ воинской повинности въ Финляндіи въ 1902 году.

№ 8. *Выс. объяв.*: а) объ учрежденіи должностей трехъ инструк-

торовъ призрѣнія бѣдныхъ; б) содержащее ближайшія правила относительно инструкторовъ призрѣнія бѣдныхъ въ Финляндіи; в) о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ полиціи города Выборга.—*Предп. Финанс. Эксп. Фин. Сен.* статсъ-конторѣ о срокахъ выдачи изъ казенныхъ суммъ пенсій.

№ 9. *Выс. объявл.* объ учрежденіи должностей библіотекаря и амануэнса при библіотекѣ русской литературы Императорскаго Александровскаго университета и объ ассигнованіи суммы на содержаніе сверхштатныхъ помощниковъ при этой библіотекѣ.—*Предп. Фин. Сен.:* а) сельскохозяйственному управленію о служебныхъ округахъ и мѣстахъ жительства сельскохозяйственныхъ инженеровъ; б) управленію промышленности о предоставленіи частному промышленному училищу въ Бьернеборгѣ права выдавать выпускныя свидѣтельства на званіе машиниста; в) Улеоборгскому губернатору о перечисленіи въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ деревни Іонкери изъ прихода Нурмесъ въ Кухмоніемпскій приходъ.

№ 10. *Выс. объяв.* о законномъ составѣ призывныхъ присутствій.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Правительствующему Сенату:

1902 года Апрѣля 14. „Товарищу Министра Юстиціи, Тайному Совѣтнику **Манухину** Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности".

Апрѣля 14. „Инспектору воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, Полковнику **Ольдерогге** Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Директоромъ сего Училища, съ производствомъ въ Генералъ-Маіоры".

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 18, марта 23 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Сенаторы: Старшій Предсѣдатель Варшавской Судебной Палаты, Тайный Совѣтникъ **Аристовъ** и Тайный Совѣтникъ князь **Ливенъ**.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Предсѣдатель Вѣрненскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Колоколовъ** и Членъ Тифлисской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Геевскій**—одинъ на мѣсто другаго, согласно прошеніямъ; Уѣздный Членъ Витебскаго Окружнаго Суда, по Дриссенскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Федоровъ**—Членомъ того же Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Витебскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Гиппіусъ**—Уѣзднымъ Членомъ означеннаго Окружнаго Суда, по Дриссенскому уѣзду; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Бубель-Яроцкій**—Мировымъ Судьею 1-го участка г. Ченстохова; Сенаторъ, Оберъ-Гофмейстеръ Высочайшаго Двора графъ **Сиверсъ** и въ должности Гофмейстера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ фонъ-**Вольфъ**—Почетными Мировыми Судьями Венденъ-Валкскаго округа, на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ графа Сиверса Сенаторомъ и Оберъ-Гофмейстеромъ, а барона фонъ-Вольфа въ должности Гофмейстера; Лифляндскій Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ **Мейендорфъ**, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гебель**, Статскій Совѣтникъ фонъ-**Белендорфъ** и Причисленный къ Министерству

Юстиціи, Надворный Совѣтникъ **Коссовичъ**—Почетными Мировыми Судьями Рижско-Вольмарскаго округа, на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ барона Мейендорфа въ занимаемой имъ должности и въ придворномъ званіи, а Коссовича причисленнымъ къ названному Министерству; Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, Статскій Совѣтникъ **Филипповъ**, Профессоры того же Университета: Ординарный, Статскій Совѣтникъ **Пусторослевъ** и Экстраординарные, Статскіе Совѣтники: **Зачинскій** и **Кривцовъ**, Директоръ Юрьевской учительской семинаріи, Статскій Совѣтникъ **Сѣрковъ** и Коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ 2-го участка Верроскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Малама**—Почетными Мировыми Судьями Юрьево-Верроскаго округа, на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ 2-го участка Феллинскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Гредингеръ** и Аренсбургскій Городской Голова фонъ-**Зенгбушъ**—Почетными Мировыми Судьями округовъ: Гредингеръ—Перново-Феллинскаго, а фонъ-Зенгбушъ—Эзельскаго, оба на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Макарьевскаго уѣзда, округа Костромскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Веригинъ** и Секретарь при Прокурорѣ Варшавской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Жижинъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Архангельскаго, а второй—Люблинскаго; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Чоглоковъ**—Городскимъ Судьею г. Волчанска; Секретарь Уральскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Ястребовъ**—Мировымъ Судьею 5-го участка Уральскаго уѣзда.

Перемѣщаются: Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Нижегородскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гудимъ-Левковичъ** и Херсонскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Рукавишниковъ**—Товарищами Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: первый—Московскаго, а второй—Нижегородскаго, оба согласно прошеніямъ; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Бакинскаго, Надворный Совѣтникъ **Трояновскій**, Екатеринодарскаго, Коллежскій Ассесоръ **Леськевичъ**, Великолуцкаго, Коллежскій Ассесоръ **Харитоновскій** и Архангельскаго, Титулярный Совѣтникъ **Лаженицынъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Екатеринодарскаго, второй—Тифлисскаго, третій—Витебскаго и послѣдній—Рязанскаго; Мировые Судьи: Гурьевскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Мезько** и Джизакскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Бергъ**—Мировыми Судьями: Мезько—2-го участка Уральскаго уѣзда, а Бергъ—2-го участка Ауліэатинскаго уѣзда.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію* Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Липновскаго уѣзда, округа Плоцкаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Михайловскій**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняются *отъ службы: согласно прошеніямъ:* Членъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Ивановъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Товарищъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Гувицъ**; Мировой Судья 2-го участка Капнскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Васильевъ**.

Согласно прошенію по болѣзни, Товарищъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кларкъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій *исключается изъ списковъ* Старшій Предсѣдатель Саратовской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Безе**.

По межевому управленію.

Назначаются: Членъ отъ межеваго вѣдомства Уфимской Межевой Коммисіи, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Коссовъ**—Межевымъ Членомъ Кутаисскаго Окружнаго Суда; Уфимскій Губернскій Землемѣръ, Статскій Совѣтникъ **Воронцовъ**—Членомъ отъ межеваго вѣдомства Уфимской Межевой Коммисіи.

По тюремному управленію.

Назначается Начальникъ Бердичевской уѣздной тюрьмы, Коллежскій Секретарь **Малицкій**—Начальникомъ Кіевской губернской тюрьмы.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни* Начальникъ Пермской губернской тюрьмы, Надворный Совѣтникъ **Васильевъ**.

Умершій *исключается изъ списковъ* Исправлявшій должность Костромскаго Губернскаго Тюремнаго Инспектора, Коллежскій Ассесоръ **Якубовскій**, съ 20 Февраля.

№ 19, апрѣля 1 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Прокурора Саратовской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чемадуровъ** — Предсѣдателемъ Костромскаго Окружнаго Суда; Членъ Кіевскаго Окружнаго, Суда Статскій Совѣтникъ **Назимовъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Уманскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Горемыкинъ**—Товарищемъ Прокурора Саратовской Судебной Палаты; Товарищъ Прокурора Кишиневскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Малышевъ**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Бендерскому уѣзду; Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Минскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Горановскій**, Товарищъ Прокурора Кишиневскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Бѣлинскій**, Городской Судья 2-го участка г. Симферополя, Надворный Совѣтникъ **Афанасьевъ** и Секретарь С.-Петербургской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Стѣна**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Минскаго, второй—Каменецъ-Подольскаго, третій—Симферопольскаго и послѣдній—Новгородскаго.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ*: Уѣздный Членъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, по Бендерскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Скальскій**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Аккерманскому уѣзду;

Членъ Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Гурій **Троцкій** - Членомъ Кишиневскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію,* Товарищъ Предсѣдателя Сувалкскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Шенфельдъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Согласно прошенію, по болѣзни, Членъ Полтавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Невельскій**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

По межевому управленію.

Перемѣщается Олонецкій Губернскій Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Гончаровъ**—Самарскимъ Губернскимъ Землемѣромъ.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни,* Самарскій Губернскій Землемѣръ, Статскій Совѣтникъ **Соболевъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

№ 20, апрѣля 3 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: Прокуроръ Московской Судебной Палаты, Гофмейстеръ Высочайшаго Двора **Посниковъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ и Старшимъ Предсѣдателемъ Варшавской Судебной Палаты, съ 27 марта, съ оставленіемъ его Гофмейстеромъ; Предсѣдатель Департамента Кіевской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Булгаковъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 27 марта, съ производствомъ его въ Тайные Совѣтники.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Уманскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Ченыкаевъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Сувалкскаго Окружнаго Суда; Прокуроръ Сарапульскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Раевскій**—Членомъ Иркутской Судебной Палаты; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Кіевской Судебной Палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 2-ой степени **Кузминскій** - Городскимъ Судьею г. Нижняго-Ломова.

Перемѣщаются: Прокуроры Судебныхъ Палатъ: Тифлисской, Тайный Совѣтникъ фонъ-**Клугенъ** и Иркутской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Коваленскій**—Прокурорами Судебныхъ Палатъ: первый—Московской, а второй—Тифлисской; Членъ Иркутской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Бычковъ**—Членомъ Виленской Судебной Палаты, согласно прошенію.

№ 21, апрѣля 6 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ:* Губернскій Секретарь князь **Енгалычевъ** — Почетнымъ Мировымъ Судьею Рижско-Вольмарскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1901 г., трехлѣтіе.

Опредѣляются *на службу:* Кандидаты Императорскаго Университета: Георгій фонъ-**Раутенфельдтъ** и Вольдемаръ **Липпингеръ**, Инженеръ-химикъ баронъ Альфредъ **Шульцъ-Ашераденъ**, баронъ Эрнестъ **Гойнингенъ-Гюне**, баронъ Эдуардъ **Нолькенъ** и Левъ фонъ-**Сиверсъ** — Почетными Мировыми Судьями округовъ: фонъ-Раутенфельдтъ и баронъ Шульцъ-Ашераденъ — Рижско-Вольмарскаго, баронъ Гойнингенъ-Гюне — Перново-Феллинскаго, а Липпингеръ, баронъ Нолькенъ и фонъ-Сиверсъ — Юрьево-Верроскаго, всѣ на текущее, съ 1 декабря 1901 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Предсѣдатели Съѣздовъ Мировыхъ Судей округовъ: Кіевскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Хойнацкій**, Свенцянскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Воскресенскій**, Владиміръ-Волынскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Дверницкій**, Ровенскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Бѣлоусовъ**, Виленскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Маркъ**, Слонимскаго, Статскій Совѣтникъ **Быковскій**, Гродненскаго, Статскій Совѣтникъ **Фоллендорфъ**, Луцкаго, Статскій Совѣтникъ **Бѣляевъ**, Дубенскаго, Статскій Совѣтникъ **Лонткевичъ**, Поневѣжскаго, Статскій Совѣтникъ **Гамбурцевъ**, Черкасскаго, Статскій Совѣтникъ **Деркачевъ**, Шавельскаго, Статскій Совѣтникъ **Шмеманъ**, Уманскаго, Статскій Совѣтникъ **Воблый**, Васильковскаго, Статскій Совѣтникъ **Антеповичъ**, Новоградволынскаго, Статскій Совѣтникъ **Реутскій**, Волковыскаго, Статскій Совѣтникъ **Кашкадамовъ**, Сморгонскаго, Статскій Совѣтникъ **Дахнѣвскій**, Брестскаго, Статскій Совѣтникъ **Ястржембецъ-Демьяновичъ**, Кременецкаго, Статскій Совѣтникъ **Баторевичъ**, Тельшевскаго, Статскій Совѣтникъ **Орловскій**, Каневскаго, Статскій Совѣтникъ **Дехтеревъ**, Бѣлостоко-Сокольскаго, Статскій Совѣтникъ **Введенскій**, Кобрино-Пружанскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Масловскій**, Заславо-Острожскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Протопоповъ**, Житомірскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Добровольскій**, Радомысльскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Полянскій**, Звенигородскаго, Надворный Совѣтникъ **Левшинъ**, Ковельскаго, Надворный Совѣтникъ **Короткевичъ**, Вилкомирскаго, Надворный Совѣтникъ **Брусъ**, Бѣльскаго, Надворный Совѣтникъ **Харченко**, Чигиринскаго, Надворный Совѣтникъ **Родзянко**, Дисненскаго, Надворный Совѣтникъ **Ува**, Сквирскаго, Надворный Совѣтникъ **Луцкевичъ**, Новоалександровскаго, Надворный Совѣтникъ **Лукашевъ**, Бердичевскаго, Надворный Совѣтникъ **Радзимовскій**, Лидскаго, Коллежскій Ассесоръ **Лукашевъ**, Россіенскаго, Коллежскій Ассесоръ **Владиміровъ**, Ковенскаго, Коллежскій Ассесоръ **Клоповъ**, Липовецкаго, Коллежскій Ассесоръ **Штейнбергъ**, Таращанскаго, Коллежскій Ассесоръ **Александровъ**, и Старокостантиновскаго, Коллежскій Секретарь **Толмачевъ** — вновь Предсѣдателями Съѣздовъ Мировыхъ Судей тѣхъ же округовъ, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе; Участковый Мировой Судья Овручскаго округа, Надворный Совѣт-

никъ **Киселевъ**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей того же округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе; Добавочный Мировой Судья по Эстляндской губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Симоновъ**—Мировымъ Судьею 7-го участка Венденъ-Валкскаго округа; Исправляющій должность Помощника Секретаря С.-Петербургской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Раструбовъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Эстляндской губерніи; Ландратъ Лифляндскаго Дворянства, Статскій Совѣтникъ баронъ Владиміръ **Майдель** и Венденскій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ Георгій **Трампедахъ**—Почетными Мировыми Судьями Венденъ-Валкскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Ландраты Лифляндскаго Дворянства: баронъ Адольфъ **Пиларъ-фонъ-Пильхау** и баронъ Освальдъ **Унгернъ-Стернбергъ**, Уѣздные Депутаты Дворянства: Феллинскій, Викторъ фонъ-**Гельмерсенъ** и Перновскій, баронъ Вильгельмъ **Сталь-фонъ-Гольштейнъ**, Перновскій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ Оскаръ **Бракманъ**, Титулярный Совѣтникъ Максъ **Шелеръ**, Кандидатъ Императорскаго Университета Евгеній фонъ-**Пистолькорсъ**, Николай фонъ-**Валь**, дворянинъ Владиміръ фонъ-**Вебель**, баронъ Густавъ **Майдель**, баронъ Александръ **Сталь-фонъ-Гольштейнъ**, Гаральдъ фонъ-**Стрикъ**, баронъ Викторъ фонъ-**Таубе** и баронъ Карлъ **Штакельбергъ**—Почетными Мировыми Судьями Перново-Феллинскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ пяти въ занимаемыхъ ими должностяхъ; въ должности Церемоніймейстера Высочайшаго Двора князь Николай **Крапоткинъ**, Очередной Ландратъ Лифляндскаго Дворянства баронъ Генрихъ **Тизенгаузенъ**, Ландратъ Лифляндскаго Дворянства Эдуардъ фонъ-**Транзеге**, Рижскій Городской Голова, потомственный почетный гражданинъ Георгій **Армитстедъ**, Товарищъ Рижскаго Городскаго Головы Эмилій фонъ-**Беттихеръ**, Коллежскій Совѣтникъ баронъ Левъ фонъ-**Фрейтахъ-Лорингофенъ**, Кандидаты Императорскаго Университета: Николай фонъ-**Репенакъ** и баронъ Родерихъ фонъ-**Фрейтахъ-Лорингофенъ**, Людвигъ **Керковіусъ**, Конрадъ фонъ-**Книримъ**, графъ Федоръ **Медемъ**, Александръ фонъ-**Пистолькорсъ**, графъ Вильгельмъ **Стенбокъ-Ферморъ** и потомственные почетные граждане: Викторъ **Ливенъ** и Игнатій **Шутовъ**—Почетными Мировыми Судьями Рижско-Вольмарскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Крапоткина въ должности Церемоніймейстера, а барона Тизенгаузена, фонъ-Транзеге, Армитстеда и фонъ-Беттихера въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Вильгельмъ фонъ-**Бокъ**, Статскій Совѣтникъ Фридрихъ фонъ-**Цуръ-Мюленъ**, отставной Ротмистръ гвардіи Николай фонъ-**Гроте** и Эдуардъ фонъ-**Цуръ-Мюленъ**—Почетными мировыми судьями Юрьево-Верроскаго округа на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе; Эзельскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Оскаръ фонъ-**Экеспарре**, Ландратъ Эзельскаго Дворянства, Надворный Совѣтникъ баронъ Александръ **Буксгевденъ**, Депутатъ на Конвентъ Вольдемаръ фонъ-**Адеркасъ**, Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Владиславъ **Мержеевскій** и отставной Поручикъ Наполеонъ фонъ-**Дитмаръ**—Почетными Мировыми Судьями Эзельскаго округа, на текущее, съ 1 Декабря 1901 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Причисленные къ Министерству: Коллежскій Ассесоръ **Гаръ** и Ти-

тулярные Совѣтники **Морозовъ** и **Петровъ** и Помощникъ Дѣлопроизводителя IX класса Второго Департамента Министерства, Титулярный Совѣтникъ **Пенскій**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Бакинскаго, второй—Могилевскаго, третій Великолуцкаго и послѣдній—Симферопольскаго; Секретарь Одесскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Бутягинъ**, Помощникъ Секретаря Харьковской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Эверсъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Самарскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Ожарко** Городскими Судьями: Бутягинъ—2-го участка г. Симферополя, Эверсъ—г. Прилукъ и Ожарко—г. Бугуруслана; Секретарь Омской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Савельевъ**—Мировымъ Судьею 2-го участка Петропавловскаго уѣзда.

Перемѣщаются: Мировой Судья 7-го участка Венденъ-Валкскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Рогальскій**—Мировымъ Судьею 9-го участка Юрьево-Верроскаго округа; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Томскаго, Коллежскій Ассесоръ **Лаппо-Данилевскій** и Нижегородскаго, Коллежскій Ассесоръ **Брюнъ-де-Сентъ-Гипполитъ** — Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Тифлисскаго, а второй—С.-Петербургскаго.

Увольняются *отъ должности согласно прошеніямъ*: Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Новгородскаго, 1-го участка Боровичскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Плущевскій**, Екатеринодарскаго, 1-го участка г. Екатеринодара, Статскій Совѣтникъ **Алексѣевъ** и Елисаветградскаго, 2-го участка Александрійскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Лисецкій**, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы*: *согласно прошенію*, Мировой Судья 3-го участка Курганскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Троицкій**.

согласно прошенію, по болѣзни, Городской Судья 1-го участка г. Маріуполя, Статскій Совѣтникъ **Домонтовичъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Уѣздный Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда, по Ѳеодосійскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Жабицкій**; Членъ Витебскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Поповъ**; Судебный Слѣдователь 1-го участка Пензенскаго уѣзда, округа Пензенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Міодушевскій**; Городской Судья г. Бугуруслана Статскій Совѣтникъ **Кунашевскій**.

№ 24, апрѣля 10 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Умершій *исключается изъ списковъ* Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Студенцовъ**.

№ 25, апрѣля 14 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату

Назначается: Товарищъ Министра Юстиціи, Тайный Совѣтникъ **Манухинъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

№ 29, апрѣля 24 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается: Членъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, для ревизіонныхъ порученій, Непремѣнный Членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ Министерства Юстиціи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Семеновъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 17 апрѣля, съ производствомъ его въ Тайные Совѣтники.

Умершій *исключается изъ списковъ* Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Якоби.**

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Кіевской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Арсеньевъ**—Старшимъ Предсѣдателемъ Саратовской Судебной Палаты; Предсѣдатель Нѣжинскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Котляревскій**—Предсѣдателемъ Департамента Кіевской Судебной Палаты; Предсѣдатели Окружныхъ Судовъ: Орловскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Лопухинъ** и Новочеркасскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Хрулевъ**—Прокурорами Судебныхъ Палатъ: первый—Кіевской, а второй—Иркутской; Членъ Казанскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Сперанскій**—Товарищемъ Предсѣдателя Сарапульскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Кіевскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Узуновъ**, Харьковскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Сокальскій** и Екатеринбургскаго, Надворный Совѣтникъ **Казицынъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Уманскаго, второй—Усть-Медвѣдицкаго и послѣдній—Сарапульскаго; Членъ Тверскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Купреяновъ** и Судебный Слѣдователь 1-го участка Новоторжскаго уѣзда, округа Тверскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Меланченко**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Кашинскаго, по Бѣжецкому уѣзду, а второй—Тверскаго, по Осташковскому уѣзду, оба согласно прошеніямъ; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Полтавскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Струве** и Смоленскаго, Коллежскій Ассесоръ **Кегель** и Мировые Судьи: 3-го участка Иркутскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Толмачевъ** и 1-го участка округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Крусбергъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: Струве—Полтавскаго, Кегель—Смоленскаго, а Толмачевъ и Крусбергъ—Благовѣщенскаго.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ*: Уѣздный Членъ Петрозаводскаго Окружнаго Суда, по Лодейнопольскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Данини**—Уѣзднымъ Членомъ Симферопольскаго Окружнаго Суда, по Ѳеодосійскому уѣзду; Члены Окружныхъ Судовъ: Благовѣщенскаго: Статскій Совѣтникъ **Біянтовскій** и Надворный Совѣтникъ **Кокошкинъ** и Усть-Медвѣдицкаго, Надворный Совѣтникъ **Мѣрный**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Иркутскаго, второй—Красноярскаго и послѣдній—Харьковскаго.

По межевому управленію.

Назначаются: Инспекторъ классовъ Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Рашковъ**—Инспекторомъ воспитанниковъ того же Института; Адъюнктъ-Профессоръ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института, Астрономъ Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Ивероновъ**—Инспекторомъ классовъ Константиновскаго Межевого Института, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности Адъюнктъ-Профессора.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 11, отъ 27-го марта 1902 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 1 участка Саратовскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Хованскій** и 1 участка Сердобскаго уѣзда, округа Саратовскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Полонецкій**—одинъ на мѣсто другаго.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Тифлисскомъ: титулярный совѣтникъ **Евангуловъ** и губенскій секретарь **Кузьминъ**, Кутаисскомъ, коллежскій секретарь **Люксъ**, Ставропольскомъ губернскій секретарь **Закхеевъ**, Владикавказскомъ, титулярный совѣтникъ **Ходалицкій**, Елисаветпольскомъ, коллежскій секретарь **Войтенковъ** и Бакинскомъ титулярный совѣтникъ **Халецкій**—помощниками мировыхъ судей: Евангуловъ—3 участка III отдѣла г. Тифлиса, Люксъ—Бакинскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ 3 Бакинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Кузьминъ—Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающимъ Шемахинскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, Закхеевъ—Темиръ-Ханъ-Шуринскаго отдѣла, завѣдывающимъ Темиръ-Ханъ-Шуринскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа того же окружнаго суда, Ходалицкій—Карсскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, Войтенковъ—Нахичеванскаго отдѣла, округа того же окружнаго суда, Халецкій—Джебраильскаго отдѣла, завѣдывающимъ Джебраильскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда.

Перемѣщаются: помощники мировыхъ судей: Темиръ-Ханъ-Шуринскаго отдѣла, завѣдывающій Темиръ-Ханъ-Шуринскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Завадовскій** и Джебраильскаго отдѣла, завѣдывающій Джебраильскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Монинъ**—помощниками мировыхъ судей: первый—Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающимъ Басхальскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, и послѣдній—Елисаветпольскаго уѣзд-

наго отдѣла, завѣдывающимъ Елисаветпольскимъ уѣзднымъ слѣдственнымъ участкомъ.

Приглашается: почетный мировой судья Усть-Медвѣдицкаго округа, статскій совѣтникъ **Ульяновъ**—въ составъ Усть-Медвѣдицкаго окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, на трехлѣтіе 1901—1904 года.

Переименовываются: судебные слѣдователи Самарскаго уѣзда 1 участка, статскій совѣтникъ **Шанецкій** и 4 участка, статскій совѣтникъ **Тейтель** и исправляющіе должность судебнаго слѣдователя того же уѣзда: 2 участка, коллежскій ассесоръ **Розенфельдъ** и 5 участка статскій совѣтникъ **Зацѣпинъ**: Шанецкій—1 участка, Розенфельдъ—2 участка г. Самары, Тейтель—1 участка и Зацѣпинъ—2 участка Самарскаго уѣзда.

№ 12, отъ 17-го апрѣля 1902 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенные Высочайшими приказами по гражданскому вѣдомству отъ должностей, согласно прошеніямъ: отъ 21 февраля 1902 года за № 12, исправлявшій должность судебнаго слѣдователя 1 участка Фатежскаго уѣзда, округа Курскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Жуковскій** и отъ 15 марта 1902 года за № 17: исправлявшіе должность судебнаго слѣдователя округовъ окружныхъ судовъ: Сарапульскаго, 1 участка Малмыжскаго уѣзда, статскій совѣтникъ **Ломоносовъ**, и Смоленскаго, 1 участка Гжатскаго уѣзда, надворный совѣтникъ **Бержинскій**; старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при С.-Петербургской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Фратица** и при окружныхъ судахъ: Минскомъ, коллежскій секретарь **Малевичъ**, Тульскомъ—титулярный совѣтникъ **Стрѣльниковъ** и коллежскій секретарь **Познышевъ**, Витебскомъ, коллежскій секретарь **Конюшевскій**, Самарскомъ, коллежскій секретарь **Колюмна-Гаттовскій**, Астраханскомъ, коллежскій секретарь **Мишнинъ** и Сарапульскомъ, коллежскій секретарь **Халдинъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Жуковскій—Дмитріевскаго уѣзда, округа Курскаго окружнаго суда, Ломоносовъ—2 участка Елабужскаго уѣзда, округа Сарапульскаго окружнаго суда, Халдинъ—3 участка Малмыжскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Бержинскій—3 участка Московскаго уѣзда, Фратица—1 участка, Стрѣльниковъ—2 участка Оргѣевскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда, Колюмна-Гаттовскій—1 участка Бендерскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Малевичъ—2 участка Мозырскаго уѣзда, округа Минскаго окружнаго суда, Познышевъ—Епифанскаго уѣзда, округа Тульскаго окружнаго суда, Конюшевскій—1 участка Люцинскаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, Мишнинъ—1 участка Царевскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружнаго суда; изъ нихъ: Жуковскій—съ 21 февраля, Ломоносовъ и Бержинскій—съ 15 марта 1902 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 5 участка г. С.-Петербурга, коллежскій совѣтникъ **Зейфартъ**—въ 1 участокъ г. С.-Петербурга, 1 участка Псковскаго уѣзда и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Псковскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Обухъ-Вощатынскій**—въ 5 участокъ г. С.-Петербурга; округа Минскаго окружнаго суда: 2 участка

Новогрудскаго уѣзда, статскій совѣтникъ **Бицютко**—въ 1 участокъ Минскаго уѣзда, 1 участка Слуцкаго уѣзда, коллежскій совѣтникъ **Любимовъ**—во 2 участокъ Новогрудскаго уѣзда и 2 участка Мозырскаго уѣзда губернскій секретарь **Ильяшевичъ**—въ 1 участокъ Слуцкаго уѣзда; 3 участка Малмыжскаго уѣзда, округа Сарапульскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Батуевъ**—въ 1 участокъ того же уѣзда, 1 участка Ошмянскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Шкляевъ**—въ 3 участокъ г. Вильны, 2 участка Двинскаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Безрукихъ**—въ 1 участокъ г. Двинска, 1 участка Люцинскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Кангеръ**—во 2 участокъ Двинскаго уѣзда, 2 участка г. Кіева, коллежскій ассесоръ **Чечотъ**—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Кіевскаго окружнаго суда, 2 участка Славяносербскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Горяиновъ**—въ 1 участокъ Фатежскаго уѣзда, округа Курскаго окружнаго суда, 2 участка Мелитопольскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Завадовскій**—во вновь образованный 2 участокъ Ѳеодосійскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, и командированный къ исправленію вновь учрежденной должности судебнаго слѣдователя въ округѣ Симферопольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Потаповъ**—во 2 участокъ Мелитопольскаго уѣзда.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: причисленные къ Министерству Юстиціи: надворный совѣтникъ **Гольденовъ**, титулярный совѣтникъ **Цвилинскій** и коллежскій секретарь **Ладыженскій**; изъ нихъ, Гольденовъ—съ мундиромъ, прежде занимаемой имъ должности товарища прокурора окружнаго суда присвоеннымъ;

на основаніи 229 ст. Учр. Суд. Уст.: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 3 участка Радомысльскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Пудловскій**.

По Правительствующему Сенату: назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію 1 Департамента Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ **Прибытковъ**—исправляющимъ должность помощника оберъ-секретаря того же Департамента Сената, съ 4 марта 1902 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: перемѣщается: судебный слѣдователь 1 участка г. С.-Петербурга, статскій совѣтникъ **Коробчичъ-Чернявскій**—судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ округа С.-Петербургскаго окружнаго суда.

Приглашается: почетный мировой судья Черкасскаго округа области войска Донскаго, титулярный совѣтникъ **Поздѣевъ**—въ составъ Черкасскаго окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія на трехлѣтіе 1901—1904 г.

Утверждается, *по выборамъ*: Болеславъ **Плосскій**—гминнымъ судьею 1 округа Рыпинскаго уѣзда, Плоцкой губерніи.

По Главному Тюремному Управленію: увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни*: помощникъ IV разряда начальника С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія, надворный совѣтникъ **Сычевъ**—съ 1 марта 1902.

№ 13, отъ 17-го апрѣля 1902 года.

Причисляются *къ Министерству:* уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 23 марта 1902 года за № 18 отъ должности, согласно прошенію, исправлявшій должность судебнаго слѣдователя Липновскаго уѣзда, округа Плоцкаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Михайловскій**; секретари при прокурорахъ окружныхъ судовъ: Харьковскаго, коллежскій секретарь **Вырскій** и Херсонскаго, титулярный совѣтникъ **Ельчаниновъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской судебной палатѣ, губернскій секретарь **Пановъ** и при окружныхъ судахъ: Смоленскомъ, коллежскій секретарь **Захаревичъ**, Одесскомъ, титулярный совѣтникъ **Саченко-Сакунъ** и Херсонскомъ, титулярный совѣтникъ **Ненайденко**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Михайловскій—Плоцкаго уѣзда, округа Плоцкаго окружнаго суда, Вырскій—1 участка Купянскаго уѣзда, округа Харьковскаго окружнаго суда, Пановъ—2 участка Медынскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, Захаревичъ—Сапожковскаго уѣзда, округа Рязанскаго окружнаго суда, Ненайденко—3 участка Херсонскаго уѣзда, Саченко-Сакунъ—4 участка того же уѣзда, Ельчаниновъ—1 участка Днѣпровскаго уѣзда, округа Херсонскаго окружнаго суда; изъ нихъ Михайловскій—съ 23 марта 1902 года;

дѣлопроизводитель перваго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій совѣтникъ **фонъ-Глезеръ**—съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности, съ 28 марта 1902 года, согласно прошенію.

Опредѣляются *въ службу:* окончившіе курсъ юридическихъ наукъ: въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломами: первой степени—**Твердый** и второй степени—**Львовъ** и **Лужецкій**, и въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, **Врублевскій**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ: Львовъ и Врублевскій—къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій: первый—въ канцелярію втораго департамента Правительствующаго Сената, съ 20 декабря 1901 года, а второй—въ прокураторію Царства Польскаго, а Твердый и Лужецкій—къ первому департаменту сего Министерства и съ откомандированіемъ для занятій: первый—въ первое уголовное отдѣленіе—съ 20 марта, а второй—въ статистическое отдѣленіе—съ 28 марта 1902 года.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: 1 участка Херсонскаго уѣзда, коллежскій совѣтникъ **Маевскій**—къ исправленію должности судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, округа Херсонскаго окружнаго суда, 1 участка Днѣпровскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Кущъ**—въ г. Херсонъ, 2 участка Нижегородскаго уѣзда, коллежскій совѣтникъ **Погожевъ**—въ 1 участокъ Херсонскаго уѣзда; округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда: 3 участка Гайсинскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Бакалъ**—во 2 участокъ того же уѣзда, 4 участка Ольгопольскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Сущинскій**—въ 4 участокъ Брацлавскаго уѣзда и 2 участка Камышинскаго уѣзда, округа Саратовскаго

окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Аматуни**—въ 3 участокъ Балтскаго уѣзда; 2 участка Медынскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Розановъ**—въ 1 участокъ того же уѣзда, Радиминскаго уѣзда, округа Варшавскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Соловьевъ**—въ 11 участокъ г. Варшавы, Скерневицко-Ловичскаго участка, округа того же окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Бобрикъ**—въ 8 участокъ г. Варшавы, Гарволинскаго уѣзда, округа Сѣдлецкаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Капустянскій**—въ Скерневицко-Ловичскій участокъ, Конинскаго уѣзда, округа Калишскаго окружнаго суда, подпоручикъ запаса арміи **Кулинскій**—въ Радиминскій уѣздъ.

Увольняются *отъ службы:* согласно прошеніямъ—причисленные къ Министерству Юстиціи: надворный совѣтникъ **Прокоповичъ** и командированный для занятій въ канцелярію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, **Розенбергъ**;

согласно прошенію, по болѣзни, причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 3 участка Полтавскаго уѣзда, статскій совѣтникъ **Гриневъ**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: причисленный къ сему Министерству, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2 участка Рѣчицкаго уѣзда, округа Минскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Елько**.

По Московскому Архиву Министерства Юстиціи: опредѣляется *въ службу, согласно 136 ст. Уст. о служ. Прав. изд. 1896 г.:* поручикъ запаса арміи **Куломзинъ**—чиновникомъ X класса Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ 1 января 1902 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначается; помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, губернскій секретарь **Чижъ**—секретаремъ того же суда;

дѣйствительный статскій совѣтникъ **Гуглинскій**—гминнымъ судьею 2 округа Кѣлецкаго уѣзда.

Распредѣляются *по участкамъ:* причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію вновь учрежденныхъ должностей судебныхъ слѣдователей:

въ округѣ Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда: титулярный совѣтникъ **Рубиновскій**—2 участка Проскуровскаго уѣзда, губернскій секретарь **Шабліовскій**—2 участка Ушицкаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Ждановъ**—3 участка Могилевскаго уѣзда, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Пашковскій**—3 участка Гайсинскаго уѣзда и титулярный совѣтникъ **Антипинъ**—4 участка Винницкаго уѣзда;

въ округѣ Елисаветградскаго окружнаго суда: титулярный совѣтникъ **Лукешъ**—6 участка, коллежскій секретарь **Чорба**—7 участка Елисаветградскаго уѣзда и коллежскій секретарь **Якубовскій**—5 участка Александрійскаго уѣзда и

въ округѣ Кишиневскаго окружнаго суда: коллежскій секретарь **Холостовъ**—3 участка Оргѣевскаго уѣзда и коллежскій секретарь **Яскорскій**—3 участка Сорокскаго уѣзда.

Увольняются *отъ должностей:* секретарь Варшавскаго коммерческаго суда, титулярный совѣтникъ **Соловьевъ**—по случаю назначенія старшимъ кандидатомъ на должности по судебному вѣдомству при Варшавскомъ окружномъ судѣ, и гминный судья 4 округа Бендинскаго уѣзда **Михелисъ**—согласно прошенію.

По межевой части.

№ 3, отъ 19-го марта 1902 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣлены *на службу*: окончившіе курсъ: въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, съ званіемъ Младшаго Землемѣрнаго Помощника и съ правомъ на чинъ XIV класса: Александръ **Архиповъ** и въ Псковскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Сакъ**—Младшими Землемѣрными Помощниками, съ откомандированіемъ для занятій въ Губернскія Чертежныя: первый—Владимірскую съ 1-го, а послѣдній—Нижегородскую съ 15 марта 1902 года.

Назначаются: Старшій Землемѣръ Чертежной при Коммисіи для отграниченія земель Забайкальскаго казачьяго войска, Коллежскій Ассесоръ **Янковскій**—Младшимъ Землемѣромъ 2 разряда съ откомандированіемъ для исполненія обязанности Уѣзднаго Землемѣра Кіевской губерніи, согласно прошенію, Младшіе Землемѣрные Помощники, командированные для занятій въ Губернскія Чертежныя: Вологодскую—Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Кикинъ** и Ярославскую—Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Рухинъ**—Старшими Землемѣрными Помощниками, оба съ оставленіемъ при Губернскихъ Чертежныхъ; изъ нихъ Янковскій съ 1-го февраля 1902 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Младшій Землемѣръ 1 разряда, Коллежскій Совѣтникъ **Барановскій**—по болѣзни и Старшій Землемѣрный Помощникъ, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Никоновъ**; изъ нихъ первый съ 11 марта 1902 года.

По губернской межевой части: Назначаются: Младшіе Землемѣры Кубанской Областной Чертежной, Коллежскіе Ассесоры: **Косякинъ, Борщевъ** и **Скляревскій**—Старшими Землемѣрами и Старшіе Помощники Землемѣровъ той же Чертежной: Титулярные Совѣтники **Мулюкинъ** и **Сепѣтый** и неимѣющій чина **Валицкій**—Младшими Землемѣрами означенной Чертежной; Землемѣрные Помощники Межевой Канцеляріи: Старшій—Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ Леонидъ **Шереметовъ** и Младшій—Губернскій Секретарь **Александровъ**—для исполненія обязанностей Уѣздныхъ Землемѣровъ губерній: первый—Тульской съ 1 марта, а послѣдній—Курской съ 9 февраля 1902 года, оба съ оставленіемъ Землемѣрными Помощниками Межевой Канцеляріи; *по Тифлисской Судебной Палатѣ:* Старшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскіе Ассесоры **Лукьяновъ** и **Шкоттъ** и Коллежскій Секретарь **Гавриловъ**—Младшими Землемѣрами, изъ нихъ Лукьяновъ сверхъ штата, Старшіе Помощники Землемѣровъ для работъ въ Чертежной: Коллежскіе Ассесоры **Разумовскій** и **Голембіовскій**, Коллежскій Регистраторъ **Гриневскій**, неимѣющіе чина: **Соловьевъ, Ломидзе** и **Ждановъ** и Младшій Помощникъ Землемѣра, неимѣющій чина **Введенскій**—Старшими Помощниками Землемѣровъ.

Утверждается *въ должности:* Младшаго Помощника Дѣлопроизводителя Межеваго Присутствія Тифлисской Судебной Палаты, исправляющій эту должность, Губернскій Секретарь **Альбовскій**, съ 12 января 1901 года.

Переведены: Уѣздный Землемѣръ Тульской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Никифоровъ** на таковую же должность въ Черниговскую губернію, Топографъ высшаго оклада Енисейскаго поземельно-устроительнаго отряда, Губернскій Секретарь **Николаевъ**, Помощникъ Дѣлопроизводителя Новгородскаго Губернскаго Правленія, Губернскій Секретарь **Бржезинскій** и канцелярскій служитель Забайкальскаго Областнаго Правленія **Соловьевъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, по межевой части, съ назначеніемъ: первый—Уѣзднымъ Землемѣромъ Саратовской губерніи, второй—Секретаремъ Пермской Межевой Коммисіи и третій—исправляющимъ должность Дѣлопроизводителя Забайкальской Областной Чертежной; изъ нихъ: Соловьевъ съ 15 февраля, Никифоровъ и Николаевъ съ 1 марта 1902 года.

Командированъ: Старшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Коллежскій Секретарь **Ширяевъ**—для занятій въ Новгородскую Губернскую Чертежную, съ 20 февраля 1902 года.

Переименовываются, въ виду II п. закона 23 апрѣля 1901 года (Собр. узак. и расп. Правит. 1901 г. № 57, ст. 1080): Окружные Землемѣры Забайкальской области: Надворные Совѣтники **Школинскій** и **Жебровскій** и Коллежскій Ассесоръ **Морозовъ**—Уѣздными Землемѣрами означенной области.

Отчисляются *отъ межеваго вѣдомства:* состоящіе при Кіевской Губернской Чертежной для занятій по крестьянскимъ дѣламъ, Коллежскіе Ассесоры: **Будкевичъ**, **Пащенко** и **Толкуновъ**.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Уѣздный Землемѣръ Эстляндской губерніи, Надворный Совѣтникъ **Разумовскій**—съ 18 февраля 1902 года и Старшій Помощникъ Землемѣра Кубанской Областной Чертежной, Титулярный Совѣтникъ **Гречишкикъ**—съ правомъ носить въ отставкѣ мундиръ, послѣдней должности его присвоенный.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

XVIII. Марта 4 дня 1902 г. № 8509.

Г.г. Предсѣдателямъ и Прокурорамъ судебныхъ мѣстъ.

На основаніи ст. 413 уст. угол. суд., показаніе обвиняемаго о лѣтахъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда возрастъ его можетъ имѣть вліяніе на вмѣненіе ему содѣяннаго въ вину или на опредѣленіе ему наказанія, повѣряется справкою изъ метрическихъ книгъ, а за неимѣніемъ ихъ—изъ ревизскихъ сказокъ и другихъ документовъ; за невозможностью же сихъ справокъ, возрастъ обвиняемаго опредѣляется посредствомъ освидѣтельствованія его черезъ врача. Равнымъ образомъ и ст. 115 того же устава предписываетъ единоличнымъ судьямъ собирать свѣдѣнія о лѣтахъ обвиняемаго, когда сіе необходимо для опредѣленія слѣдующаго ему наказанія.

Между тѣмъ изъ имѣющихся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣній усматривается, что судебныя мѣста не всегда собираютъ передъ постановленіемъ приговора о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ точныя свѣдѣнія о лѣтахъ обвиняемыхъ и нерѣдко присуждаютъ къ отдачѣ въ исправительные пріюты и колоніи лицъ, не соотвѣтствующихъ по своему возрасту условіямъ пріема, опредѣленнымъ въ уставѣ того изъ названныхъ учрежденій, въ которое осужденные направляются.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что означенные приговоры, съ одной стороны, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ напрасную трату денегъ на перевозку осужденныхъ для помѣщенія ихъ въ колонію и обратно, а съ другой—создаютъ для администраціи колоніи излишнюю и часто весьма продолжительную переписку съ разными лицами и учрежденіями о доставленіи необходимыхъ для точнаго опредѣленія возраста осужденныхъ свѣдѣній, я признаю необходимымъ предложить

Г.г. предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ мѣстъ принять зависящія мѣры къ тому, чтобы судебныя установленія точно и неуклонно соблюдали требованія статей 115 и 413 уст. угол. суд. и при постановленіи приговоровъ объ отдачѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ исправительные пріюты и колоніи всякій разъ указывали на возрастъ осужденныхъ, удостовѣренный приложенными къ сообщаемымъ въ означенные пріюты и колоніи исполнительнымъ листамъ и выпискамъ изъ приговоровъ копіями документовъ, на основаніи коихъ опредѣляется возрастъ несовершеннолѣтнихъ, направляемыхъ въ исправительныя заведенія.

ЗАЧЕТЪ ПОДСЛѢДСТВЕННАГО АРЕСТА ВЪ НАКАЗАНІЕ.

И. Г. Щегловитова.

Содержаніе обвиняемаго подъ стражею, предшествующее исполненію наказанія, составляетъ исключительно процессуальный институтъ, необходимость котораго обусловливается удобствами правосудія. Этою высшею мѣрою пресѣченія, принимаемою по отношенію къ лицу, привлеченному къ уголовной отвѣтственности, стремятся или предупредить уклоненіе обвиняемаго отъ слѣдствія или суда, или исполненія приговора, или же устранить вредное вліяніе, которое онъ можетъ оказать на разслѣдованіе дѣла, напримѣръ, сокрытіемъ и уничтоженіемъ слѣдовъ преступленія, воздѣйствіемъ на свидѣтелей и т. под. По справедливому замѣчанію покойнаго профессора А. Кистяковскаго, „предварительный арестъ является остаткомъ инквизиціоннаго процесса, институтомъ, поддерживаемымъ отчасти излишнею опасливостью, отчасти вообще несовершенствами современнаго уголовнаго процесса“ [1]).

Подслѣдственный арестъ по своему существу составляетъ лишеніе свободы, весьма близко подходящее къ карательнымъ мѣрамъ этого рода. Поэтому обвиняемый, присуждаемый за

[1]) А. Кистяковскій. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 1882 г. § 361, стр. 698.

совершенное имъ преступленіе къ наказанію, подвергается въ томъ случаѣ, если онъ содержался подъ стражею до постановленія судебнаго о немъ приговора, уголовной карѣ, отягченной этимъ предварительнымъ арестомъ.

Усугубленіе уголовной отвѣтственности, создаваемое подслѣдственнымъ содержаніемъ обвиняемаго подъ стражею, приводитъ къ необходимости зачета въ наказаніе того лишенія свободы, которое уже понесено преступникомъ въ силу распоряженія судебной власти.

Въ отношеніи подобнаго зачета современныя западно-европейскія законодательства представляютъ двѣ системы. По одной системѣ зачетъ въ наказаніе предварительнаго ареста обязателенъ для суда, а по другой онъ предоставляется усмотрѣнію судебной власти.

Первая система усвоена въ различномъ объемѣ многими законодательствами. Шире всего она поставлена въ женевскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства 25 октября 1884 года, измѣненномъ законами 1 октября 1890 года и 28 марта 1891 года. Въ ст. 340 этого устава опредѣлено, что во всѣхъ случаяхъ, когда то представляется возможнымъ, продолжительность предварительнаго содержанія подъ стражею исключается изъ наказанія (dans tous les cas, où cela est possible la durée de la détention préventive est déduite de la peine prononcée). Широкую постановку зачетъ предварительнаго ареста получилъ также въ итальянскомъ уголовномъ уложеніи. По ст. 35 и 40 этого кодекса, время, проведенное подъ стражею, до вступленія приговора въ законную силу, исключается изъ срока лишенія свободы, которому подлежитъ осужденный, при чемъ одинъ день предварительнаго ареста засчитывается за три дня наказанія лишеніемъ свободы. Кромѣ того по итальянскому уложенію предварительное содержаніе подъ стражею вліяетъ и на денежное взысканіе, которое уменьшается по разсчету десяти франковъ штрафа за одинъ день ареста. По бельгійскому уголовному уложенію (ст. 30), зачетъ предварительнаго содержанія подъ стражею въ наказаніе также обязателенъ, но только при различныхъ видахъ лишенія свободы и отнюдь не при денежномъ взысканіи.

Гораздо болѣе ограниченную постановку обязательному зачету предварительнаго ареста въ наказаніе даютъ уголовное уложеніе венгерское и недавно изданное уложеніе кантона Гларуса (7 мая 1899 года). Эти два кодекса (ст. 94 уложенія венгерскаго и ст. 41 уложенія кантона Гларуса) допускаютъ зачетъ только при условіи продолжительности предварительнаго ареста, происшедшей не по винѣ подсудимаго. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не указать на то, что по ст. 505 венгерскаго устава уголовнаго судопроизводства изъ срока наказанія лишеніемъ свободы исключается время, проведенное осужденнымъ подъ стражею послѣ провозглашенія приговора до приведенія его въ исполненіе, если обвиняемый не обжаловалъ приговора. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ отказался отъ поданной жалобы или же принесъ жалобу, которая оставлена безъ разсмотрѣнія вслѣдствіе того, что она подана по истеченіи срока или изложена неопредѣленно, въ наказаніе засчитывается время предварительнаго ареста со дня или отказа отъ жалобы, или оставленія ея безъ разсмотрѣнія.

Вторая система зачета предварительнаго ареста по усмотрѣнію суда принята въ германскомъ и нидерландскомъ уголовныхъ уложеніяхъ. Въ первомъ изъ нихъ ст. 27 уполномочиваетъ судъ зачесть вполнѣ или въ части предварительный арестъ въ наказаніе какъ лишеніемъ свободы, такъ и денежнымъ взысканіемъ. По статьѣ же 60 германскаго уложенія, судъ, приговаривая только къ лишенію свободы, можетъ засчитать въ назначаемое имъ наказаніе и срокъ предварительнаго заключенія, которому подвергся виновный по тому же дѣлу. При этомъ зачетъ можетъ быть сдѣланъ вполнѣ или частью, т. е. судъ можетъ, по своему усмотрѣнію, независимо отъ рода назначаемаго наказанія, или засчитать день въ день или засчитать предварительный арестъ въ извѣстной пропорціи. Что же касается времени, проведеннаго подъ стражею послѣ объявленія приговора до обращенія его къ исполненію, то ст. 482 германскаго устава уголовнаго судопроизводства обязываетъ засчитывать это время въ наказаніе лишеніемъ свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда осужденный отказался отъ обжалованія приговора или отъ

поданной жалобы, при чемъ зачету подлежитъ періодъ времени, протекшій съ момента такого отказа.

Ко второй системѣ зачета примыкаетъ законъ швейцарскаго кантона Во 23 мая 1886 года, предоставившій усмотрѣнію суда засчитывать предварительный арестъ въ наказаніе при присужденіи къ отдѣльнымъ видамъ лишенія свободы (réclusion, emprisonnement, internement dans une colonie agricole et industrielle) но только въ томъ случаѣ, когда судъ останавливается на низшемъ размѣрѣ наказанія (si le tribunal fait application du minimum de la peine). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ цитированномъ законѣ оговорено, что если продолжительность предварительнаго ареста превышаетъ срокъ наказанія, къ которому присуждается виновный, то онъ не можетъ быть освобожденъ ранѣе или истеченія срока для обжалованія приговора, или разсмотрѣнія высшею инстанціею поданной жалобы.

Среднее мѣсто между указанными системами занимаетъ извѣстный французскій законъ 15 ноября 1892 г. о зачетѣ въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражею (l'imputation de la détention préventive). Предложеніе по этому предмету было сдѣлано французской палатѣ депутатовъ Леруа и Лабати въ 1888 году, послѣ чего въ слѣдующемъ году по докладу Кародека былъ вотированъ законопроектъ, который подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ въ сенатѣ по докладу Морелле. По вторичномъ обсужденіи проекта о зачетѣ предварительнаго ареста въ палатѣ депутатовъ въ 1892 году (докладчикомъ былъ Георгъ Гро), онъ былъ принятъ съ измѣненіями, сдѣланными французскимъ сенатомъ [1]).

Указанный законъ 15 ноября 1892 года, установившій новую редакцію ст. 24 французскаго code pénal, изложенъ слѣдующимъ образомъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ мѣсто предварительный арестъ, онъ сполна засчитывается въ

---

[1]) Депутатъ Гро представилъ чрезвычайно подробный и обстоятельный докладъ о зачетѣ подслѣдственнаго ареста въ засѣданіи палаты депутатовъ 29 октября 1892 года. Докладъ этотъ начинается слѣдующими словами Монтескьё: „qu'on examine la cause de tous les relachements, on verra qu'elle vient de l'impunite des crimes et non de la modération des peines".

срокъ наказанія, опредѣляемаго судебнымъ приговоромъ, если только судья не постановитъ въ особомъ мотивированномъ опредѣленіи о томъ, что такой зачетъ не можетъ быть вовсе допущенъ или можетъ быть сдѣланъ только въ части. Что же касается предварительнаго ареста со времени постановленія приговора и до вступленія его въ законную силу, то онъ засчитывается всегда въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда осужденный не обжаловалъ приговора и 2) когда по его жалобѣ назначенное ему наказаніе было уменьшено при апелляціонномъ пересмотрѣ дѣла или же послѣ кассаціи приговора (quand il y aura eu détention préventive, cette détention sera intégralement déduite de la durée de la peine qu'aura prononcée le jugement ou l'arrêt de condamnation, à moins que, le juge n'ait ordonné, par disposition speciale et motivée, que cette imputation n'aura pas lieu ou qu'elle n'aura lieu que pour partie. En ce qui concerne la détention préventive comprise entre la date du jugement ou de l'arrêt et le moment où la condamnation devient irrévocable, elle sera toujours imputée dans les deux cas suivants: 1) si le condamné n'a pas exercé de recours contre le jugement on l'arrêt; 2) si, ayant exercé un recours, sa peine a été réduite sur son appel, ou à la suite de son pourvoi)".

Французскій code pénal 1810 года не содержалъ вовсе постановленій о зачетѣ предварительнаго ареста. Закономъ же 28 апрѣля 1832 года былъ установленъ лишь зачетъ въ наказаніе при присужденіи къ заключенію въ тюрьмѣ (emprisonnement) времени, проведеннаго подъ стражею, со дня постановленія судебнаго приговора, если только онъ не былъ обжалованъ подсудимымъ или если и былъ обжалованъ въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ, но жалоба была уважена и наказаніе уменьшено. Попытки, сдѣланныя при изданіи закона 1832 года, о болѣе широкой постановкѣ зачета предварительнаго ареста, были возобновляемы во Франціи въ 1865 году, но успѣха до 1892 года не имѣли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе возраженій, дѣлавшихся о томъ, что система зачета, придавая предварительному аресту несвойственное ему значеніе наказанія, приводитъ неизбѣжно къ вознагражденію оправданнаго подсудимаго, содержавшагося подъ стражею. Воз-

раженія эти, по справедливому замѣчанію Гарро, нельзя считать серьезными [1]).

Въ докладѣ Георга Гро французской палатѣ депутатовъ было вполнѣ основательно заявлено по этому поводу, что существованіе двухъ несправедливостей не оправдываетъ оставленія одной изъ нихъ, пока не будетъ отмѣнена другая. Если законъ не возмѣщаетъ вреда, причиненнаго оправданному, содержавшемуся подъ стражею, путемъ соотвѣтствующаго вознагражденія его [2]), то развѣ слѣдуетъ ради этого отказываться отъ устраненія того увеличенія уголовной кары, которое создаетъ для лица виновнаго предварительный арестъ? Вопросъ о вознагражденіи оправданнаго подсудимаго и зачетъ въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражею,— говоритъ въ своемъ докладѣ Гро—обусловливаются одною и тою же причиною—подслѣдственнымъ арестомъ, но требуютъ различнаго разрѣшенія. Любовь къ симметріи,—замѣчаетъ онъ, —не должна останавливать гуманной реформы. Отрицаніе зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе, по словамъ того же Гро, приводитъ къ неравенству уголовной кары за одно и то же преступленіе по отношенію къ двумъ лицамъ, изъ которыхъ во время предварительнаго слѣдствія одно содержалось подъ стражею, а другое находилось на свободѣ. Конечно, подобное несоотвѣтствіе должно быть устранено.

Французскій законъ 15 ноября 1892 года, выдвинувъ принципъ зачета предварительнаго ареста въ наказаніе пол-

---

[1]) Garraud. Précis de droit criminel. 1901, стр. 889. Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ Дюмонъ приводилъ слѣдующія соображенія противъ зачета подслѣдственнаго ареста: „l'emprisonnement préalable est un tribut, qu? chacun paye à la sécurité de tous; l'innocent, qu'une détention préalable a frappé ne peut obtenir aucune réparation: traitera—t-on le coupable avec plus de faveurr D'ailleurs l'emprisonnement préalable diffère frop de la plupart des peines pou, qu'on puisse l'assimiler avec elles et le précompter sur leur durée. Quel rapport y a-t-il, par exemple, entre l'emprisonnement préalable et les travaux forcés"?

[2]) Нѣкоторыя законодательства (шведскій законъ 12 марта 1886 года, норвежскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1887 года, датскій законъ 5 апрѣля 1888 года) признаютъ право на вознагражденіе изъ государственной казны за лицомъ, неправильно, безъ чьей-либо вины, привлеченнымъ къ суду, когда оно оправдано, въ особенности если оно содержалось подъ стражею.

ностью въ силу закона, предоставилъ однако суду право устранить примѣненіе зачета въ полномъ объемѣ или въ части. Такимъ образомъ, если судъ мотивированнымъ постановленіемъ не отвергъ зачета, онъ становится обязательнымъ и, по разъясненію французскаго кассаціоннаго суда (рѣш. 13 января, 4 августа 1893 года), распространяется между прочимъ и на содержаніе подъ стражею послѣ объявленія приговора первой инстанціи, хотя бы онъ былъ обжалованъ въ апелляціонномъ порядкѣ осужденнымъ. Затѣмъ, по толкованію французскихъ комментаторовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда осужденный обжаловалъ судебный приговоръ и жалоба его оставлена безъ послѣдствій, время, проведенное подъ стражею послѣ объявленія обжалованнаго приговора, засчитывается въ наказаніе, если кассаціонный или апелляціонный судъ не отвергли мотивированнымъ опредѣленіемъ зачета [1]). Интересно также, что французскіе комментаторы считаютъ правильнымъ при зачетѣ въ наказаніе предварительнаго ареста увеличивать срокъ его на одну четверть въ виду того, что подслѣдственное содержаніе подъ стражею установлено въ одиночныхъ камерахъ [2]).

Въ нашемъ Сводѣ законовъ, въ законахъ уголовныхъ (ст. 142 изд. 1842 г.), содержалось постановленіе о томъ, что долговременное нахожденіе подъ судомъ и содержаніе подъ стражею, по усмотрѣнію суда, вмѣняется въ наказаніе и пріемлется основаніемъ или къ облегченію положеннаго закономъ наказанія, или къ замѣнѣ онаго вполнѣ. Съ изданіемъ же уложенія о наказаніяхъ 1845 года подслѣдственный арестъ былъ отнесенъ только къ смягчающимъ обстоятельствамъ, въ силу которыхъ судъ можетъ ходатайствовать передъ Верховною Властью о чрезвычайномъ снисхожденіи къ подсудимому, но и то при двухъ условіяхъ: чтобы арестъ былъ весьма продолжителенъ и чтобы дѣяніе, въ которомъ подсудимый признанъ виновнымъ, не влекло лишенія всѣхъ правъ состоянія (п. 4 ст. 153 улож. наказ. изд. 1885 г.) [3]).

---

[1]) Garraud. Précis, стр. 895.

[2]) Garraud. Précis, стр. 893.

[3]) Въ высшей степени любопытно, что редакторы уложенія 1845 года, какъ

Судебные Уставы 20 ноября 1864 года также не установили зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе. Въ ст. 968 уст. угол. суд. 1864 года было постановлено только, что время, проведенное, по вступленіи приговора въ законную силу, въ тюремномъ помѣщеніи лицами, присужденными къ содержанію въ арестантскихъ ротахъ, въ крѣпости, въ рабочемъ или смирительномъ домѣ, зачисляется въ опредѣленный приговоромъ срокъ содержанія.

Первый шагъ къ введенію въ наше законодательство зачета предварительнаго ареста въ наказаніе былъ сдѣланъ закономъ 8 декабря 1886 года объ отмѣнѣ заявленія сторонами неудовольствія на приговоры мировыхъ судей. Закономъ этимъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства была включена особая статья (ст. 191[1]) для дѣлъ мировой подсудности такого содержанія: „время, проведенное обвиняемымъ подъ стражею послѣ провозглашенія приговора, засчитывается въ срокъ заключенія въ тюрьмѣ, если приговоръ не былъ обжалованъ обвиняемымъ“.

Какъ видно изъ представленія бывшаго Министра Юстиціи сенатора Манасеина въ Государственный Совѣтъ отъ 31 августа 1886 года за № 23637, приведенное постановленіе было обосновано слѣдующими соображеніями: „справедливо принять особую мѣру къ тому, чтобы обвиняемому, содержащемуся подъ стражею, въ томъ случаѣ, когда онъ съ своей стороны не принесъ жалобы на приговоръ, срокъ наказанія не увеличивался на время теченія апелляціоннаго срока, хотя бы обвинитель и не заявилъ, что приговоромъ доволенъ и ограничился оставленіемъ его безъ обжалованія. Для

видно изъ ихъ объясненій къ проекту этого уложенія, вовсе не предполагали отмѣнять ст. 142 законовъ уголовныхъ, изд. 1842 г., а признавали лишь необходимымъ „частное, въ видѣ исключенія постановленное въ ст. 142 Свода законовъ уголовныхъ правило распространить и на другія обстоятельства, достойныя вниманія не менѣе долговременнаго нахожденія подъ судомъ и содержанія подъ стражею“. См. проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, внесенный въ 1844 году въ Государственный Совѣтъ, съ подробнымъ означеніемъ основаній каждаго изъ внесенныхъ въ сей проектъ постановленій, стр. 45.

сего было бы достаточно установить, что лицамъ, приговореннымъ къ заключенію въ тюрьмѣ, время содержанія ихъ подъ предварительнымъ арестомъ послѣ объявленія приговора мироваго судьи, сторонами необжалованнаго, зачисляется въ срокъ наказанія. Но по этому вопросу казалось бы возможнымъ пойти даже нѣсколько далѣе. Правило о зачисленіи въ наказаніе времени, проведеннаго обвиняемымъ подъ стражею послѣ объявленія приговора, котораго онъ не обжаловалъ, не представлялось бы препятствія распространить и на тѣ случаи, когда обвинитель принесъ жалобу, но таковая оставлена безъ послѣдствій, и, наконецъ, допустить это правило даже и тогда, когда жалоба обвинителя уважена и мировой съѣздъ нѣсколько увеличилъ назначенное судьею наказаніе или Правительствующій Сенатъ передалъ дѣло на новое разсмотрѣніе въ другой мировой съѣздъ, такъ какъ и при этихъ послѣднихъ условіяхъ присоединеніе къ отбываемому обвиняемымъ по судебному приговору наказанію значительнаго времени содержанія его подъ предварительнымъ арестомъ послѣ объявленія первоначальнаго приговора, коимъ онъ остался доволенъ, *представляется также вполнѣ произвольнымъ увеличеніемъ наказанія, не находящимся ни въ какомъ соотношеніи съ виною самого подсудимаго*".

Закономъ 10 ноября 1887 года начало, выраженное въ ст. 191[1] уст. угол. суд., было распространено и на общія судебныя установленія, въ виду чего соотвѣтственному измѣненію была подвергнута ст. 968 уст. угол. суд., въ которой было, между прочимъ, указано, что если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, то ему засчитывается въ срокъ заключенія и время, проведенное подъ стражею послѣ провозглашенія приговора.

Въ нашей литературѣ по поводу ст. 968 уст. угол. суд., въ редакціи закона 1887 года, Н. С. Таганцевъ обратилъ вниманіе на то, что по тексту этого закона зачетъ времени отъ постановленія приговора до вступленія его въ законную силу при обжалованіи его не подсудимымъ, а противною стороною, можетъ быть осуществленъ только въ томъ случаѣ, если жалоба противной стороны осталась безъ послѣдствій.

Если же приговоръ первой инстанціи былъ отмѣненъ или измѣненъ второю инстанціею, то затѣмъ будетъ приводиться въ исполненіе не первый приговоръ, а второй, почему и не представляется достаточныхъ основаній исчислять срокъ наказанія со времени постановленія перваго приговора; тѣмъ болѣе,—замѣчаетъ Н. С. Таганцевъ,—должно бы было примѣняться это начало въ томъ случаѣ, когда первый приговоръ былъ отмѣненъ въ порядкѣ кассаціонномъ, а затѣмъ состоялся новый приговоръ по дѣлу, которымъ могли быть совершенно иначе опредѣлены признаки учиненнаго виновнымъ дѣянія и онъ могъ быть приговоренъ даже къ иному наказанію [1]).

Однако Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 1889 года № 39 по дѣлу Смотрицкаго разъяснилъ, что указанный въ ст. 968 уст. угол. суд. порядокъ исчисленія начала срока наказанія примѣняется ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, каковы бы ни были результаты обжалованія. Приведенное разъясненіе, основанное на изложенныхъ выше соображеніяхъ, послужившихъ къ включенію въ уставъ уголовнаго судопроизводства ст. 191[1], заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія, хотя нельзя не согласиться съ Н. С. Таганцевымъ, что соображенія эти не нашли себѣ выраженія въ ст. 968 уст. угол. суд.

Необходимо далѣе отмѣтить весьма важное разъясненіе Правительствующаго Сената (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1894 г. № 16, 1898 г. № 13) о томъ, что въ случаѣ отказа подсудимаго отъ принесенной имъ на состоявшійся о немъ приговоръ жалобы, срокъ отбытія наказанія долженъ быть исчисленъ ему со дня объявленія приговора, а не со дня этого отказа, такъ какъ,—говоритъ Сенатъ,—не представляется никакихъ основаній къ тому, чтобы лишать подсудимаго, отказавшагося отъ принесенной жалобы и, такимъ образомъ, подчинившагося постановленному о немъ приговору, предоставленнаго ему закономъ права на зачетъ

---

[1]) Н. С. Таганцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву, вып. 4, стр. 1816 и 1817.

содержанія подъ стражею со дня провозглашенія приговора. Само собою разумѣется, что такой зачетъ можетъ быть допущенъ только при условіи, что заявленіе подсудимаго объ отказѣ отъ принесенной жалобы поступило до разсмотрѣнія ея высшею инстанціею.

Процессуальное правило, изложенное въ ст. 191[1] и 968 дѣйствующаго устава уголовнаго судопроизводства о зачетѣ въ наказаніе времени, проведеннаго подъ стражею послѣ провозглашенія приговора, даже при распространительномъ толкованіи этихъ статей Сенатомъ, представляется однако весьма неполнымъ и требуетъ, по нашему мнѣнію, дальнѣйшаго развитія. Въ основу разсматриваемаго правила положена вполнѣ справедливая мысль, выраженная въ указанномъ выше представленіи Министра Юстиціи, о томъ, что *совершенно произвольно увеличивать наказаніе лишеніемъ свободы, не находящимся ни въ какомъ соотношеніи съ виною самого подсудимаго.*

Изъ этого начала прежде всего вытекаетъ, что если подсудимый подчинился состоявшемуся о немъ приговору, отказавшись или отъ его обжалованія, или отъ поданной жалобы до ея разсмотрѣнія высшею инстанціею, то время, проведенное осужденнымъ подъ стражею послѣ провозглашенія приговора, должно быть засчитано въ наказаніе. При этомъ весьма важно ввести въ законъ разъясненіе Сената, что при отказѣ отъ жалобы срокъ наказанія считается не со дня отказа, какъ то установлено нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами, а со дня провозглашенія приговора. Поданная подсудимымъ жалоба, оставшаяся по его просьбѣ безъ разсмотрѣнія, могла быть сама по себѣ совершенно основательною, вслѣдствіе чего едва ли справедливо ставить въ вину осужденному фактъ ея принесенія и на этомъ основаніи отягощать его участь.

Равнымъ образомъ зачетъ содержанія подъ стражею со дня провозглашенія приговора возможно, по нашему мнѣнію, распространить и на случаи подачи жалобы съ нарушеніемъ установленныхъ закономъ формальныхъ условій, каковы, напр., жалобы, поданныя по пропускѣ сроковъ,

кассаціонныя жалобы, содержащія одни объясненія по существу и т. под. Всѣ подобныя жалобы, оставляемыя безъ разсмотрѣнія, существеннымъ образомъ не удлиняютъ производства, въ виду чего принесеніе ихъ не должно ухудшать участь осужденныхъ. Затѣмъ мы полагаемъ, что устранять разсматриваемый зачетъ могутъ вообще только жалобы, приносимыя или самимъ осужденнымъ, или лицами, имъ уполномоченными (напр., защитниками). Жалобы же, подаваемыя за подсудимыхъ лицами, ими неуполномоченными, каковы жалобы, приносимыя за несовершеннолѣтнихъ и за лицъ, лишенныхъ возможности пользоваться своими правами, родителями, супругами, опекунами или тѣми, которые имѣютъ о нихъ попеченіе, не должны вліять на зачетъ въ наказаніе содержанія обвиняемаго подъ стражею послѣ провозглашенія приговора.

Далѣе изъ указаннаго нами начала о невозможности увеличивать наказаніе, назначаемое осужденному лишеніемъ его свободы послѣ провозглашенія приговора, если такой арестъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ виною самого подсудимаго, вытекаетъ, что не всякая поданная съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей имъ или лицомъ, имъ уполномоченнымъ, жалоба можетъ устранять зачетъ этого ареста въ наказаніе, а только та жалоба, которая по разсмотрѣніи ея высшею инстанціею будетъ признана незаслуживающею уваженія. Въ подобныхъ случаяхъ принесеніе жалобы, съ точки зрѣнія затягиванія процесса, можетъ быть поставлено въ вину подсудимому.

Но за то, въ тѣхъ случаяхъ, когда жалоба осужденнаго будетъ признана заслуживающею удовлетворенія, отягощеніе участи подсудимаго за обжалованіе постановленнаго о немъ неправильнаго приговора не находитъ себѣ рѣшительно никакого оправданія. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливымъ представляется намъ постановленіе французскаго законодательства, обязывающее засчитывать осужденному предварительный арестъ со времени постановленія приговора до вступленія его въ законную силу въ случаѣ уменьшенія по жалобѣ подсудимаго наказанія при апелляціонномъ пересмотрѣ дѣла или же послѣ кассаціи приговора. Подоб-

ное же постановленіе слѣдуетъ перенести и въ нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства въ развитіе ст. 191[1] и 968. При этомъ мы съ своей стороны считали бы болѣе послѣдовательнымъ не обусловливать разсматриваемаго зачета послѣ кассаціи приговора по жалобѣ подсудимаго уменьшеніемъ ему наказанія при новомъ разсмотрѣніи дѣла. Смягченіе уголовной кары въ приговорѣ апелляціоннаго суда дѣйствительно свидѣтельствуетъ о томъ, что жалоба осужденнаго на приговоръ первой инстанціи признана заслуживающею удовлетворенія; по отношенію же къ рѣшеніямъ кассаціоннаго суда основательность жалобы осужденнаго удостовѣряется фактомъ отмѣны первоначальнаго приговора, хотя бы при послѣдующемъ разсмотрѣніи дѣла подсудимый былъ присужденъ къ тому же наказанію, которое было ему назначено отмѣненнымъ приговоромъ.

На основаніи приведенныхъ соображеній мы полагаемъ, что процессуальное правило, содержащееся въ ст. 191[1] и 968 уст. угол. суд., о зачетѣ въ наказаніе времени, проведеннаго обвиняемымъ подъ стражею послѣ провозглашенія приговора, слѣдовало бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что такой зачетъ производится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судебный приговоръ, хотя бы онъ былъ впослѣдствіи измѣненъ или замѣненъ другимъ приговоромъ, не былъ обжалованъ съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ формальностей подсудимымъ или лицомъ, имъ уполномоченнымъ, или же былъ ими обжалованъ, но принесенная жалоба или была по ихъ ходатайству оставлена безъ разсмотрѣнія, или повлекла за собою уменьшеніе наказанія или отмѣну въ кассаціонномъ порядкѣ приговора.

Мы подробно остановились на разсмотрѣніи ст. 191[1] и 968 уст. угол. суд. въ виду, главнымъ образомъ, того, что въ проектѣ новой редакціи этого устава не предположено расширить допускаемый этими статьями зачетъ въ наказаніе времени, проведеннаго обвиняемымъ подъ стражею, послѣ провозглашенія приговора (ср. ст. 962 проекта новой редакціи уст. угол. суд.). Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что въ обширныхъ опытныхъ данныхъ, собранныхъ Высочайше учрежден-

ною коммисіею о пересмотрѣ нашихъ законоположеній по судебной части 1894 года, не содержалось указаній на отмѣченную нами неполноту постановленій, изложенныхъ въ ст. 191[1] и 968 уст. угол. суд. [1]).

Расширеніе опредѣляемаго этими статьями зачета, вызываемое интересами справедливости, имѣетъ у насъ большое значеніе въ виду тѣхъ процессуальныхъ стѣсненій, которымъ подвергается по нашему уставу уголовнаго судопроизводства осужденный, приносящій жалобу на состоявшійся о немъ приговоръ. Такъ, по ст. 875 уст. угол. суд. подсудимый, подавшій апелляціонный отзывъ противъ приговора, присуждающаго его къ содержанію подъ стражею, можетъ оставаться на свободѣ только по представленіи суду залога или поручительства, а по ст. 175 (п. 2) и 910 (п. 3) при подачѣ кассаціонной жалобы онъ можетъ быть оставленъ на свободѣ только по представленіи залога. Правда, въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства указанныя стѣсненія предположено отмѣнить, но за то въ этомъ проектѣ обобщено для всѣхъ судебныхъ приговоровъ правило, содержащееся въ ст. 125 уст. угол. суд. для мировыхъ судебныхъ установленій, въ томъ смыслѣ, что присужденный къ за-

---

[1]) Въ постановленіи проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, имѣющемъ замѣнить ст. 191[1] и 968 (ст. 962 проекта), коммисія по пересмотру законоположеній по судебной части признала лишь необходимымъ указать, въ измѣненіе дѣйствующаго закона, что время нахожденія въ бѣгахъ не включается въ исчисленіе общаго срока заключенія лица осужденнаго. По этому предмету коммисія находила, что содержащееся въ ст. 968 уст. угол. суд. правило о томъ, что бѣжавшимъ изъ подъ стражи до отбытія опредѣленнаго имъ судомъ наказанія срокъ заключенія исчисляется со дня новаго задержанія ихъ для исполненія приговора, устанавливаетъ уголовную кару за побѣгъ изъ подъ стражи, а потому не должно находиться въ ряду процессуальныхъ постановленій. Засимъ и по существу разсматриваемая мѣра, какъ было высказано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Киселева 1871 г. № 1725, оказывается крайне неравномѣрною и несправедливою. Въ виду этого названная коммисія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію редакціонной коммисіи по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія, что побѣгъ арестанта вообще не составляетъ уголовно наказуемаго дѣянія, кромѣ особыхъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ законѣ. Объяснительная записка къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, т. IV, стр. 107 и 108.

ключенію въ тюрьмѣ или къ наказанію болѣе строгому можетъ быть оставленъ на свободѣ, впредь до вступленія приговора въ законную силу, не иначе, какъ по представленіи имъ залога или поручительства (ст. 793 проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства) [1]).

Особенно же желательными представляются намъ намѣченныя измѣненія ст. 191[1] и 968 уст. угол. суд. при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія. Какъ извѣстно, редакціонная коммисія при составленіи этого уложенія признала справедливымъ по отношенію къ подслѣдственному аресту въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. аресту во время слѣдствія и суда, предоставить суду, постановляющему приговоръ, право засчитывать его вполнѣ или частью въ срокъ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда назначенное наказаніе будетъ исправительный домъ, крѣпость, тюрьма или арестъ. При наказаніяхъ болѣе тяжкихъ, по мнѣнію редакціонной коммисіи, разсматриваемый зачетъ едва ли представляется правильнымъ, съ одной стороны, потому, что принятіе по дѣламъ этого рода подобной мѣры, какъ предварительный арестъ, вполнѣ оправдывается свойствомъ самого преступленія, а съ другой—въ виду безсрочности сопровождающаго эти наказанія поселенія. Точно такъ же коммисія не упомянула о случаяхъ присужденія лица, находившагося подъ предварительнымъ арестомъ, къ денежному взысканію, такъ какъ въ этихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто не зачетъ ареста въ наказаніе, а развѣ уменьшеніе размѣра пени, такъ что судъ можетъ смотрѣть на предварительный арестъ, какъ на обстоятельство, уменьшающее отвѣтственность.

Принявъ германскую систему зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе по усмотрѣнію суда, редакціонная коммисія имѣла въ виду, что продолжительность слѣдствія можетъ быть обусловлена виною самого подсудимаго, который, находя предварительный арестъ для себя удобнымъ, умышленно затрудняетъ скорѣйшее окончаніе слѣдствія, такъ что для уменьшенія отвѣтственности не представляется ни-

---

[1]) Та же объяснительная записка, т. IV, стр. 62 и 63.

какихъ основаній. По тѣмъ же основаніямъ редакціонная коммисія предоставила усмотрѣнію суда и объемъ зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе [1]).

Съ введеніемъ въ наше законодательство начала зачета въ уголовную кару предварительнаго ареста, предшествующаго постановленію судебнаго приговора, содержаніе подъ стражею, слѣдующее за этимъ моментомъ, должно, какъ намъ кажется, засчитываться въ наказаніе на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ то допускается дѣйствующимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. Едва ли будетъ послѣдовательно, допуская существенное облегченіе при назначеніи уголовной кары обвиняемому, содержащемуся подъ стражею, въ то же время не устранить угрожающаго ему отягченія наказанія въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обжалуетъ состоявшійся о немъ неправильный приговоръ.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ указать на то, что предположенный въ новомъ уголовномъ уложеніи зачетъ въ наказаніе предварительнаго ареста будетъ имѣть существенное практическое значеніе въ дѣлѣ отправленія отечественнаго правосудія. Невозможность въ настоящее время засчитать въ уголовную кару осужденному лишеніе свободы, которому онъ подвергался въ ожиданіи суднаго дня, до нельзя затрудняетъ дѣятельность уголовнаго суда, вынуждая его или постановлять чрезмѣрно суровые, не соотвѣтствующіе винѣ подсудимаго приговоры, или оправдывать обвиняемаго, несмотря на вполнѣ доказанную его виновность.

Нагляднымъ подтвержденіемъ сказанному служатъ весьма часто встрѣчающіяся оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей о подсудимыхъ, искупившихъ свою вину продолжительнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ во время производства предварительнаго слѣдствія. Въ нашей литературѣ было уже указываемо на то, что для присяжныхъ „не имѣетъ смысла схоластическое разсужденіе о томъ, что предварительный арестъ не есть наказаніе, что онъ самъ по себѣ, а карательное

---

[1]) Объясненія редакціонной коммисіи къ проекту уголовнаго уложенія, т. I, стр. 511 и 512.

заключеніе само по себѣ, что подслѣдственное заключеніе въ теченіе какого-нибудь года, когда по окончательному приговору можетъ быть назначено всего нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нисколько не мѣшаетъ этому послѣднему и проч. Люди практической вседневной жизни,—они смотрятъ на нее глазами обывателя-гражданина, дорожащаго свободою, какъ своимъ высшимъ благомъ, а не глазами юриста-техника, легко привыкающаго смотрѣть на нее, какъ на простой объектъ профессіональныхъ мѣропріятій. Они не безъ основанія находятъ, что въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи для человѣка одинаково тягостно сидѣть подъ стражею въ предварительномъ или исполнительномъ, карательномъ порядкѣ, по постановленію слѣдователя или по приговору суда“ [1]).

Дѣйствительно присяжные чутко прислушиваются къ удостовѣренію суда о времени, которое обвиняемый провелъ подъ предварительнымъ арестомъ, и, постановляя о немъ оправдательное рѣшеніе, несмотря на доказанную виновность, мысленно производятъ тотъ самый зачетъ въ наказаніе подслѣдственнаго содержанія подъ стражею, который новымъ уголовнымъ уложеніемъ предоставляется усмотрѣнію короннаго суда.

---

[1]) Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности, т. I, стр. 226 и 227. По поводу отмѣченнаго отношенія присяжныхъ къ предварительному аресту тотъ же авторъ говоритъ, что въ этомъ явленіи „во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего такого, что можно было бы поставить въ вину нашему суду присяжныхъ. Ихъ отношеніе къ предварительному аресту согласно съ самою элементарною справедливостью, которая требуетъ, чтобы никто, не только прямо, но и косвенно не былъ наказанъ свыше мѣры содѣяннаго, а чѣмъ же инымъ, какъ не двойнымъ наказаніемъ, является кара по обвинительному приговору послѣ равносильной ей или даже превышающей ее излишней подслѣдственной мѣры? Что вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные вполнѣ способны понимать и понимаютъ ея дѣйствительное значеніе, что они не прибѣгаютъ къ оправданію, когда примѣненіе ея не возмущаетъ общественную совѣсть,—отмѣчаетъ Н. В. Муравьевъ,—ясно доказывается тѣмъ, что въ дѣлахъ о тяжкихъ и общеопасныхъ преступленіяхъ, убійствахъ, разбояхъ, грабежахъ, точно такъ же, какъ и въ дѣлахъ, по которымъ обнаружены стремленія подсудимаго уклониться отъ суда, совершенъ побѣгъ, они не придаютъ никакого вѣса предварительному аресту и не справляются о его продолжительности“.

Введеніе въ наше законодательство этого института въ связи съ широкими рамками, предоставляемыми новымъ уложеніемъ суду въ выборѣ наказанія, несомнѣнно облегчитъ правильное опредѣленіе подсудимому уголовной кары. Но для того, чтобы отмѣченныя крупныя достоинства уголовнаго уложенія могли благотворно отразиться на дѣятельности суда присяжныхъ, необходимо, по нашему крайнему убѣжденію, предоставить имъ возможность серьезно вліять своими рѣшеніями на размѣры смягченія уголовной кары, ожидающей подсудимаго, и въ частности на зачетъ въ наказаніе предварительнаго ареста [1]). Только при этомъ условіи совѣсть присяжныхъ не будетъ смущаться обвинительнымъ рѣшеніемъ о лицѣ, томившемся долгое время въ тюрьмѣ.

Отъ предполагаемаго зачета въ наказаніе предварительнаго ареста можно ожидать также, съ одной стороны, значительнаго сокращенія случаевъ примѣненія этой высшей мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, а съ другой—нѣкотораго ускоренія производства предварительнаго слѣдствія по такъ называемымъ „арестантскимъ“ дѣламъ. При сравнительной медленности нашихъ слѣдствій и далеко не всегда вызываемомъ необходимостью заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу, съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія нельзя не предвидѣть, что суды будутъ вынуждены на первыхъ порахъ довольно часто засчитывать подсудимымъ въ наказаніе подслѣдственный арестъ и нерѣдко отпускать ихъ даже безъ послѣдующаго возмездія; обстоятельство же это въ свою очередь неминуемо должно будетъ вызвать извѣстную реакцію въ нашей практикѣ въ смыслѣ бо́льшей осмотрительности въ примѣненіи подслѣдственнаго ареста обвиняемыхъ при одновременномъ стремленіи возможно скорѣе окончить предварительное слѣдствіе. Подобная реакція несомнѣнно принесетъ громадную услугу нашему правосудію.

---

[1]) См. нашу статью—Судъ присяжныхъ при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія. Право, 1902 г. №№ 12 и 13.

КЪ ИСТОРІИ КОДИФИКАЦІИ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII СТ.

В. Н. Латкина.

Какъ извѣстно, въ теченіе всего царствованія Павла I существовала учрежденная имъ 16-го декабря 1796 г. кодификаціонная коммисія, получившая названіе „коммисіи для составленія законовъ“. Но до сихъ поръ о дѣятельности ея намъ почти ничего не было извѣстно, и многимъ изслѣдователямъ исторіи русскаго права приходилось довольствоваться тѣми скудными данными по исторіи коммисіи, которыя сообщилъ еще Сперанскій въ 1837 г. [1]). Правда, въ послѣднее время нѣсколько новыхъ свѣдѣній о кодификаціи при Павлѣ I приведено въ изслѣдованіи проф. Лаппо-Данилевскаго [2]), но ихъ очень немного, и къ тому же они не совсѣмъ точны, какъ будетъ показано ниже. Между тѣмъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта, въ дѣлахъ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла имѣется пять большихъ связокъ (за № 228, 230[1], 230[2], 231 и 232) съ матеріалами, относящимися къ исторіи Павловской коммисіи. Занимаясь въ декабрѣ прошлаго и въ январѣ нынѣшняго года въ названномъ архивѣ, мы имѣли возможность просмотрѣть эти

---

[1]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, стр. 33.

[2]) Собраніе и Сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II, стр. 134.

матеріалы. Нижеслѣдующій очеркъ написанъ на основаніи ихъ.

I.

Коммисія депутатовъ, созванная съ такою помпою Екатериною II въ 1767 г., не прекратила своего существованія по роспускѣ депутатовъ домой въ началѣ 1769 г. Какъ общая, такъ и частныя коммисіи, образованныя изъ состава общей, продолжали существовать въ теченіе всего царствованія Екатерины. Правда, въ 1774 г. были распущены депутаты и изъ частныхъ коммисій, но самыя коммисіи не были закрыты, а дѣйствовали до самой смерти императрицы. Въ послѣднее время, съ легкой руки проф. Липинскаго [1]), а вслѣдъ за нимъ и проф. Лаппо-Данилевскаго [2]), установилось мнѣніе, будто съ 1774 г. отъ коммисій остались только ихъ канцеляріи, которыя и существовали въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII ст. Но съ подобнымъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Конечно, если специфическимъ признакомъ понятія коммисіи считать наличность въ ней членовъ-депутатовъ, то съ роспускомъ послѣднихъ въ 1774 г. слѣдуетъ считать коммисіи упраздненными. Но такимъ признакомъ послѣднія не обладали, такъ какъ изъ *восьми* коммисій, учрежденныхъ правительствомъ въ XVIII ст. въ цѣляхъ кодификаціи и послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга, депутаты участвовали только въ *четырехъ* (въ 1728, 1730, 1761 и 1767 гг.), при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., въ 1730 и 1754—1761 гг., они присутствовали далеко не за все время существованія коммисій [3]). Такимъ образомъ составъ послѣднихъ въ XVIII ст. могъ быть двухъ родовъ: или онъ былъ построенъ на земско-выборномъ началѣ, или имѣлъ, такъ сказать, бюрократическій характеръ, когда ком-

---

[1]) Новыя данныя для исторіи Екатерининской коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г. кн. 6).

[2]) Назв. соч., стр. 86 и слѣд.

[3]) Подробности см. въ моемъ изслѣдованіи „Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I, СПБ. 1887 г.

мисіи состояли изъ лицъ по назначенію правительства. Точно такъ же и Екатерининская коммисія до указа 4 декабря 1774 г. была депутатской коммисіей, т. е. представительнымъ учрежденіемъ, а съ изданіемъ этого указа преобразовалась въ учрежденіе бюрократическаго характера, не переставая, однако, быть коммисіей. На принятіе подобнаго мнѣнія наводятъ и слѣдующіе факты. Прежде всего во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ вплоть до кончины Екатерины II какъ общая, такъ и частныя коммисіи называются по прежнему коммисіями. Затѣмъ отъ 1796 г. до насъ дошло нѣсколько протоколовъ коммисіи, ясно указывающихъ на то, что она не состояла изъ одной канцеляріи, но также и изъ присутствія, результатомъ дѣятельности котораго были тѣ или иныя постановленія, облекавшіяся въ форму протоколовъ. Наконецъ, если бы отъ общей и частныхъ коммисій послѣ указа 4 декабря 1774 г. остались только однѣ канцеляріи, какъ утверждаютъ гг. Липинскій и Лаппо-Данилевскій, ничѣмъ, впрочемъ, не обосновывая своего мнѣнія, то въ составъ ихъ, конечно, должны были бы входить только одни приказные служители или „канцеляристы", употребляя выраженіе Генеральнаго регламента (гл. 34). Между тѣмъ рядомъ съ послѣдними въ составъ коммисій входятъ также гражданскіе и даже военные чины, „присутствующіе" въ нихъ.

Намъ удалось найти весьма любопытный списокъ личнаго состава частныхъ коммисій въ 1796 г. [1]). Изъ него видно, что въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II существовало 18 частныхъ коммисій изъ слѣдующихъ лицъ: 1) дирекціонная коммисія — одинъ „сочинитель", надв. сов. Прожикъ, два его помощника: колл. сов. Звѣревъ и колл. асс. Пекинъ (очевидно, присутствіе) и два канцеляриста (очевидно, канцелярія); 2) экспедиціонная коммисія— два „сочинителя": колл. асс. Кривцовъ и Латынинъ, два помощника: губ. секр. Непряхинъ и прапорщикъ Цѣпинъ (очевидно, присутствіе) и три канцеляриста (очевидно, канцелярія; 3) коммисія о разборѣ депутатскихъ наказовъ—два

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, связка 231 (дѣла кодиф. отдѣла).

„сочинителя“: губ. секр. Ушаковъ и секундъ-маіоръ Юдинъ, три помощника: тит. сов. Долгой, сен. рег. Каменевъ и тит. сов. Фуксъ (присутствіе) и два канцеляриста (канцелярія); 4) коммисія о разборѣ родовъ—два „сочинителя“: колл. асс. Полторацкій и колл. секр. Аѳанасьевъ, два помощника: капитанъ Мелинъ и сен. рег. Зноевъ (присутствіе) [1]) и три канцеляриста (канцелярія); 5) коммисія о правосудіи вообще—два „сочинителя“: тит. сов. Титовъ и колл. секр. Верде (присутствіе), одинъ журналистъ, одинъ старшій писецъ и два младшихъ (канцелярія); 6) коммисія о имѣніяхъ—одинъ „сочинитель“, надв. сов. Полубояриновъ, два помощника: тит. сов. Смирной и губ. секр. Христенекъ (присутствіе) и два канцеляриста (канцелярія); 7) коммисія о среднемъ родѣ людей—два „сочинителя“: надв. сов. Аврамовъ и секундъ-маіоръ князь Гагаринъ, два помощника: губ. секр. Семеновъ и сен. рег. Овчинниковъ (присутствіе), одинъ журналистъ и одинъ писецъ (канцелярія); 8) коммисія о благочиніи—два „сочинителя“: над. сов. Портновъ и тит. сов. Мещерскій, одинъ помощникъ, сен. рег. Канатчиковъ (присутствіе), одинъ журналистъ и два писца (канцелярія); 9) коммисія о городахъ—два „сочинителя“: надв. сов. Рыбинъ и колл. асс. Ефстафій фонъ-Ризенкампфъ, два помощника: поручикъ Карлъ фонъ-Ризенкампфъ и подпоручикъ Костюченко (присутствіе), одинъ журналистъ и три писца (канцелярія); 10) коммисія о порядкѣ государства въ силѣ общаго права—два „сочинителя“: тит. сов. Наумовъ и секундъ—маіоръ Савиновъ, помощникъ, сен. рег. Фадіенковъ (присутствіе); одинъ журналистъ и одинъ писецъ (канцелярія); 11) коммисія о противорѣчіи—„сочинитель“, колл. секр. Ефимовъ, помощникъ, губ. секр. Прохоровъ (присутствіе), журналистъ и пять писцовъ (канцелярія); 12) коммисія о размноженіи народа—два „сочинителя“: колл. асс. Кнорре и секундъ-маіоръ Судовщиковъ, помощникъ, поручикъ Лебедевъ (присутствіе), журналистъ и два писца (канцелярія);

---

[1]) Впрочемъ, въ виду наименованія Зноева также и журналистомъ, весьма возможно, что онъ входилъ и въ составъ канцеляріи.

13) коммисія о образѣ сборовъ и расходовъ—два „сочинителя“: тит. сов. Валесовъ и сен. рег. Шестаковъ, два помощника: подпоручикъ Шванъ и сен. рег. Гейдеманъ (присутствіе), журналистъ и три писца (канцелярія); 14) коммисія о рудокопаніи—„сочинитель“, тит. сов. Коневскій, два помощника: капитанъ Розлачъ и губ. секр. Ивановъ (присутствіе), два журналиста и три писца (канцелярія); 15) коммисія духовно-гражданская — „сочинитель“ преміеръ-маіоръ Штейгерсъ, помощникъ, поручикъ Щедринъ (присутствіе) и журналистъ (канцелярія); 16) коммисія о училищахъ—„сочинитель“, тит. сов. Свенске, помощникъ, сен. рег. Осиповъ (присутствіе) и писецъ (канцелярія); 17) коммисія о почтахъ и гостинницахъ—„сочинитель“, губ. секр. Мартыновъ, два помощника: тит. сов. Аѳанасьевъ и сен. рег. Харламовъ (присутствіе) и два журналиста (канцелярія); 18) коммисія о обязательствахъ—„сочинитель“, сен. рег. Окуловъ, помощникъ, сен. рег. Шеляпинъ (присутствіе), журналистъ и писецъ (канцелярія). Кромѣ того, для всѣхъ коммисій или, лучше сказать, для всей коммисіи, такъ какъ общая коммисія, нужно думать, составлялась изъ всѣхъ членовъ частныхъ коммисій [1]), имѣлась еще общая канцелярія, въ составъ которой входили: экзекуторъ, казначей, его помощникъ, два переводчика и оберъ-секретарь 1-го департамента Сената, по всей вѣроятности, стоявшій во главѣ канцеляріи.

Изъ приведеннаго списка видно, что въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II коммисія по составленію новаго уложенія не состояла изъ одной канцеляріи. Иначе составъ ея былъ бы совсѣмъ другой, да, кромѣ того, едва ли бы канцелярскіе служители назывались тогда „сочинителями“. Присутствіе военныхъ въ коммисіи также противъ принятія подобнаго мнѣнія. Но одно необходимо признать, это измѣненіе характера коммисіи, которая изъ представительнаго учрежденія превратилась въ бюрократическое, такъ какъ члены ея назначались правительствомъ.

---

[1]) Подобный случай составленія общей коммисіи изъ членовъ частныхъ произошелъ 8 іюля 1770 г. (см. Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XXXVI, стр. 160).

Со вступленіемъ на престолъ Павла I Екатерининская коммисія продолжала существовать, и новое правительство вскорѣ вспомнило о ней. Сперва двумя указами отъ 16-го декабря 1796 г. на нее, подъ руководствомъ генералъ-прокурора кн. Куракина, была возложена новая задача по составленію трехъ книгъ законовъ (уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ), а затѣмъ указомъ отъ 30 декабря того же года она была переименована изъ „коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія“ въ „коммисію для составленія законовъ Россійской Имперіи“, при чемъ въ составъ ея были назначены новыя лица [1]). Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что мнѣніе Сперанскаго [2]), повторяемое и новѣйшими изслѣдователями, будто Павелъ I учредилъ новую коммисію (по счету Сперанскаго, девятую), не можетъ быть принято, какъ не соотвѣтствующее дѣйствительности. При Павлѣ I продолжала существовать прежняя Екатерининская коммисія, но только съ другимъ названіемъ. Если же мы вспомнимъ, что эта же коммисія, съ тѣмъ же названіемъ и почти въ томъ же составѣ, какъ при Павлѣ, перешла по наслѣдству къ Александру I, функціонируя въ теченіе всего его царствованія, а затѣмъ при Николаѣ I была преобразована во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, то мы получимъ возможность установить преемственную историческую связь между знаменитой депутатской коммисіей Екатерины II, съ одной стороны, и кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ, а впослѣдствіи кодификаціоннымъ отдѣленіемъ при Государственной Канцеляріи, съ другой стороны,—выводъ, во всякомъ случаѣ не лишенный интереса.

II.

Изъ кого же состояла коммисія для составленія законовъ, иначе говоря, какой былъ ея *составъ?* Вторымъ ука-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV. №№ 17652, 17654 и 17697.
[2]) Назв. соч., стр. 33.

зомъ отъ 16-го декабря 1796 г. къ дѣлу кодификаціи были привлечены, по рекомендаціи генералъ-прокурора князя Куракина, два „искусныхъ въ дѣлопроизводствѣ и законознаніи“ чиновника: предсѣдатель СПБ. палаты гражданскаго суда, д. ст. сов. Ив. Яковлевъ и „находящійся не у дѣлъ“, д. ст. сов. Алексѣй Полѣновъ. Черезъ два мѣсяца, а именно указомъ 11 февраля 1797 г., къ нимъ былъ присоединенъ еще оберъ-секретарь втораго департамента Сената, д. ст. сов. Ив. Ананьевскій. Эти три лица и составили присутствіе коммисіи. При нихъ „для письмоводства и переписки“ (по крайней мѣрѣ въ 1797 г.) находилось 14 лицъ, а именно: колл. сов. Гавриловъ, надв. сов. Катушинъ, надв. сов. Федоровъ, колл. асс. Коневскій, колл. асс. Мещерскій, колл. асс. Ветошниковъ, губ. секр. Шенфельдъ, студентъ Никифоровъ, три канцеляриста и три писца. Почти всѣ эти лица принимали въ разныхъ годахъ участіе въ Екатерининской коммисіи. Такимъ образомъ первоначально коммисія состояла изъ 17 лицъ. Однако правительство этимъ не удовольствовалось и привлекло къ дѣлу кодификаціи сенаторовъ. Указомъ 31 мая 1797 г.[1]) Павелъ I предписалъ тремъ сенаторамъ: Ф. М. Колокольцеву, Н. В. Леонтьеву и барону К. А. Гейкингу „къ разсмотрѣнію и уваженію бумагъ, по предмету составленія книги законовъ заготовляемыхъ, прежде нежели оныя въ общее собраніе Сената внесены быть должны, учредить между собою съѣздъ“, на которомъ названныя лица, вмѣстѣ съ членами коммисіи „должны изготовляемое ими разсматривать и, утверждая то, въ чемъ никакого не найдутъ сомнѣнія, прочее общими сужденіями въ надлежащее положеніе приводить“. И дѣйствительно, въ теченіе всего царствованія Павла I подобные съѣзды происходили въ коммисіи, при чемъ составъ сенаторовъ мѣнялся. Такъ, въ январѣ 1798 г. выбылъ Леонтьевъ, „за препорученіемъ ему по именному Его Императорскаго Величества указу особой коммисіи“, а въ сентябрѣ того же года былъ „уволенъ отъ тѣхъ дѣлъ“ бар. Гейкингъ. За то съ 21 октября на съѣздахъ стали присутствовать се-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17978.

наторы: П. А. Соймоновъ и бар. Б. Б. Кампенгаузенъ, а со 2 апрѣля 1800 г. къ нимъ присоединились еще кн. Гагаринъ и извѣстный Г. Р. Державинъ.

Но и самый составъ коммисіи не былъ однимъ и тѣмъ же. Такъ, 11 августа 1799 г., по болѣзни, былъ уволенъ Яковлевъ, очень много потрудившійся надъ дѣломъ кодификаціи, какъ это видно изъ списка его работъ, имѣющагося въ дѣлахъ коммисіи. Еще до его увольненія, а именно 18 сентября 1798 г. въ составъ коммисіи вошелъ правитель канцеляріи генералъ-прокурора, д. ст. сов. Пшеничный, а на основаніи именнаго указа 6 іюля 1800 г. къ дѣлу кодификаціи былъ привлеченъ находившійся въ конторѣ СПБ. запасныхъ магазиновъ кол. сов. Ильинскій. Точно такъ же мѣнялся и составъ лицъ, находившихся при нихъ „для письмоводства и переписки". Вообще число лицъ, прикомандированныхъ къ коммисіи, то увеличивалось, то уменьшалось. Такъ, всѣхъ членовъ коммисіи, считая присутствіе и канцелярію, было въ 1798 г.—20, въ 1799 г.—21 и т. д.

Коммисія находилась „подъ вѣдомствомъ" генералъ-прокурора (указъ 30 декабря 1796 г.) и помѣщалась въ зданіи Сената. Вообще генералъ-прокуроръ пользовался огромнымъ значеніемъ за все время существованія кодификаціонныхъ работъ въ царствованіе Павла I. Въ сущности, по буквальному тексту обоихъ указовъ 16 декабря 1796 г., составленіе книгъ законовъ было возложено на генералъ-прокурора, коммисія же существовала „въ помощь ему" и „дабы онъ могъ совершить сіе возлагаемое на него дѣло съ лучшею удобностію и возможною поспѣшностію". И дѣйствительно, всѣ три павловскіе генералъ-прокурора: кн. А. Б. Куракинъ, П. В. Лопухинъ и А. А. Беклешовъ—принимали самое дѣятельное участіе въ трудахъ коммисіи и иногда присутствовали на ея засѣданіяхъ. Такъ, 4 января 1798 г. коммисія засѣдала въ домѣ Куракина и въ его присутствіи. Точно такъ же Беклешовъ принималъ участіе на засѣданіяхъ 15 августа 1799 г., 31 марта, 14 и 28 апрѣля, 5 и 12 мая 1800 г. На съѣздѣ сенаторовъ и членовъ коммисіи 18 іюня 1797 г. было рѣшено: „дневныя сихъ съѣздовъ записки

доставлять подлинникомъ" генералъ-прокурору. Иногда члены коммисіи являлись къ послѣднему для объясненій „по заготовляемымъ каждымъ изъ нихъ частямъ законовъ", при чемъ генералъ-прокуроръ нерѣдко давалъ имъ разныя „предложенія" или утверждалъ („апробировалъ") „начертанія" и планы проектовъ, составляемые коммисіей. Тѣмъ или инымъ членамъ онъ поручалъ выполненіе разныхъ работъ, при чемъ ревизовалъ эти послѣднія. Такъ, 18 января 1800 г. А. А. Беклешовъ посѣтилъ „присутствіе коммисіи" и „потребовалъ къ разсмотрѣнію упражненія, какими который изъ членовъ занимался, на что и преподаны были нужныя объясненія отъ каждаго изъ нихъ, по выслушаніи чего, не оставилъ безъ замѣчанія и того, чтобы каждый, по мѣрѣ силъ и возможности, употребилъ должное раченіе о приведеніи къ желаемому концу возложеннаго на коммисію препорученія" (связка 230). Въ цѣляхъ контроля коммисія представляла генералъ-прокурору рапорты о своихъ работахъ, а также и результаты этихъ послѣднихъ. Самое направленіе работы всецѣло зависѣло отъ генералъ-прокурора. Такъ, благодаря Лопухину была даже измѣнена задача коммисіи, о чемъ, впрочемъ, будетъ сказано ниже.

III.

Въ чемъ же заключалась *задача* коммисіи? Согласно указу 16 декабря 1796 г. на генералъ-прокурора кн. Куракина была возложена обязанность „собрать въ уложенной коммисіи и во всѣхъ архивахъ государственныхъ изданныя донынѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ Россійской Имперіи книги, показавъ оныхъ прямую черту закона, на которой судія утвердительно основаться долженъ". Во исполненіе этого предписанія, кн. Куракинъ предписалъ двумъ членамъ коммисіи, Яковлеву и Полѣнову, приступить къ составленію проектовъ названныхъ книгъ, „извлекая во оныя изъ законовъ все, къ тому относящееся, частію точнымъ въ тѣхъ законахъ изреченіемъ, а частію съ перемѣ-

ною токмо нѣкоторыхъ изреченій, не отступая отъ настоящаго содержанія и разума тѣхъ законовъ, а соединяя токмо разныя по однѣмъ матеріямъ постановленія и предписанія воедино, слѣдуя послѣднему изъ того постановленію и предписанію" [1]). Такимъ образомъ изъ приведенной цитаты видно, что задачею коммисіи было составленіе такъ называемаго *своднаго* уложенія, т. е. свода дѣйствующихъ законовъ. Составляя его, она должна была слѣдовать не только „разуму" дѣйствующихъ узаконеній и не вносить ничего новаго въ ихъ содержаніе, но даже по возможности придерживаться и ихъ текста. При наличности нѣсколькихъ законовъ, касающихся одного и того же предмета („матеріи"), коммисія обязывалась считать дѣйствующимъ послѣдній по времени законъ. Какъ эта задача мало походила на ту, которую возложила Екатерина II на свою коммисію въ 1767 г.! Послѣдняя работала надъ созданіемъ *новаго* уложенія, при чемъ дѣйствующее право признавалось его источникомъ только въ видѣ исключенія, такъ какъ въ основу проекта должны были лечь начала французской раціоналистической философіи, съ одной стороны, и воззрѣнія Монтескьё и Беккаріа, съ другой.

Однако и Павловская коммисія вскорѣ должна была отказаться отъ составленія своднаго уложенія по крайней мѣрѣ въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя были установлены указомъ 16 декабря 1796 г. и инструкціей генералъ-прокурора Яковлеву и Полѣнову. Послѣдніе, работая надъ проектомъ, натолкнулись на цѣлый рядъ препятствій вслѣдствіе „неимѣнія въ законахъ точнаго предписанія на разныя матеріи", а также вслѣдствіе наличности „неясностей" и „недостатковъ", которые оказалось необходимымъ „поправить" и „пополнить". Въ такихъ случаяхъ составители проекта прибѣгали къ содѣйствію генералъ-прокурора, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, докладывалъ государю и получалъ Высочайшія повелѣнія, вносившіяся въ проектъ. Очевидно, подобное „поправленіе неясностей" и „пополненіе

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, связка 230, приложеніе къ журналу 15 января 1799 года.

недостатковъ", къ тому же совершавшееся въ формѣ Высочайшихъ повелѣній, имѣло результатомъ внесеніе въ проектъ новыхъ юридическихъ нормъ, что̀, конечно, не соотвѣтствовало первоначальной задачѣ коммисіи касательно составленія свода стараго законодательнаго матеріала. Съ изданіемъ же указа 31-го мая 1797 г., установившаго „съѣзды" сенаторовъ съ членами коммисіи и предписавшаго „изготовляемое по предмету составленія книги законовъ разсматривать и, утверждая то, въ чемъ никакого не найдутъ сомнѣнія, прочее общими сужденіями въ надлежащее положеніе приводить" [1]), члены коммисіи, съ согласія генералъ-прокурора, „признали, что всѣ встрѣчавшіеся въ законахъ неясности пояснять, недостатки пополнять можно и должно, не представляя болѣе о семъ г. генералъ-прокурору и чрезъ него къ Высочайшему разрѣшенію". И дѣйствительно, достаточно самаго бѣглаго просмотра журналовъ засѣданій сенаторовъ и членовъ коммисіи, чтобы убѣдиться, какъ широко пользовалась коммисія правомъ вносить *новыя* статьи въ проектъ *своднаго* уложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, на засѣданіи 7 іюля 1797 г., при разсмотрѣніи проекта судной части книги гражданскихъ дѣлъ, сенаторы и члены коммисіи пришли къ заключенію о неполнотѣ постановленій Уложенія 1649 г. о встрѣчномъ судѣ (гл. X, ст. 180 и 181), почему, „по сей въ законѣ неполности и неясности въ пополненіе и изъясненіе оныхъ", приняли цѣлый рядъ новыхъ положеній, которыя и внесли въ формѣ статей въ проектъ. На засѣданіи 10 іюля того же года сенаторы и члены коммисіи усмотрѣли „въ узаконеніяхъ недостатокъ тотъ, что не ограничено, въ какихъ именно городскихъ слободахъ или кварталахъ, а по уѣзду въ какихъ селеніяхъ, обыски производить", вслѣдствіе чего и „положили сіе обстоятельство дополнить и, сочиня, предложить оное на разсмотрѣніе впредь". Дѣйствительно, къ слѣдующему засѣданію, состоявшемуся 14 іюля, „дополненіе" было готово, и съѣздъ сенаторовъ и членовъ коммисіи постановилъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17978.

внести его въ 4 главу судной части. На засѣданіи 7 августа 1797 г. составители проекта, въ виду несогласованности между собою законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ и „объ отдачѣ ихъ изъ бѣговъ владѣльцамъ“ и „въ отвращеніе“ вытекающихъ отсюда „неудобствъ и затрудненій“, постановили внести въ проектъ шесть обширныхъ новыхъ статей. На „съѣздѣ“ 9 января 1798 г. сенаторы и члены коммисіи, придя къ тому заключенію, что „въ изданныхъ и донынѣ существующихъ узаконеніяхъ нѣтъ точнаго постановленія, до какой цѣны въ искахъ одного на другихъ въ присутственныхъ мѣстахъ исковыя прошенія принимать“, постановили составить слѣдующую статью: „во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ исковыя прошенія принимать, буде въ тѣхъ прошеніяхъ цѣна иска показана будетъ не ниже 10 рублей, а въ которыхъ исковыхъ прошеніяхъ показана будетъ иску цѣна ниже 10 рублей, у такихъ прошенія не принимать, а предоставлять просителямъ таковыхъ своихъ малыхъ исковъ отыскивать въ словесныхъ судахъ или черезъ избираемыхъ ими посредниковъ“. Такимъ образомъ возникло новое постановленіе, въ сущности немыслимое на почвѣ составленія *своднаго* уложенія. Характеру послѣдняго точно такъ же противорѣчила и слѣдующая реформа, принятая на „съѣздѣ“ 12 мая 1800 г. А именно коммисія высказалась противъ дальнѣйшаго существованія „выбора судей дворянствомъ какъ въ уѣздный, такъ и въ нижній земскій судъ“, считая его „несвойственнымъ монархическому правленію, но приличествующимъ только аристократическому“. Выборное начало въ данномъ случаѣ коммисія предложила замѣнить назначеніемъ судей Сенатомъ „изъ находящихся при герольдіи чиновниковъ“ (!). Однако, установивъ это положеніе, составители проекта не рѣшились, безъ санкціи государя, внести его въ проектъ и, какъ было до изданія указа 31 мая 1797 г., „разсудили доложить Его Императорскому Величеству черезъ генералъ-прокурора“.

Сама коммисія въ запискѣ о своей дѣятельности, приложенной къ журналу 15 января 1799 г., свидѣтельствуетъ, что въ составленныхъ ею проектахъ „нѣкоторыя изъ преж-

нихъ постановленій и предписаній, какъ въ обрядѣ, такъ и въ самомъ законоположеніи, судя по перемѣнявшимся обстоятельствамъ и сообразуясь съ настоящимъ временемъ, *иныя вовсе отъ изданія, яко ненужныя, исключены, другія пополнены и пояснены, а сверхъ сего внесено вновь*" и т. д. Такимъ образомъ ясно, что члены коммисіи, вынужденные обстоятельствами, изъ которыхъ главное заключалось въ несовершенствѣ тогдашняго нашего законодательства, должны были отклониться отъ своей прямой задачи—составленія своднаго уложенія. Это отклоненіе значительно увеличилось послѣ того, когда, по иниціативѣ генералъ-прокурора П. В. Лопухина, на „съѣздѣ" сенаторовъ и членовъ коммисіи 27 ноября 1798 г. [1]) было рѣшено, при составленіи проекта книги гражданскихъ дѣлъ „заимствовать на составленіе всѣхъ подлежащихъ въ сію книгу матерій систематическій порядокъ и правила изъ Высочайше данныхъ бывшей коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія: въ 1767 г. Большаго Наказа, а въ 1768 г. двухъ ко оному дополненій и Начертанія о приведеніи той коммисіи ко окончанію, и вслѣдствіе того изъ сдѣланныхъ бывшими тогда частными коммисіями плановъ". Приведенное рѣшеніе „съѣзда" 27 ноября 1798 г. существенно видоизмѣнило характеръ работъ коммисіи, которая вмѣсто прежняго *своднаго* уложенія, отъ типа коего составители и безъ того постепенно отступали, приступила къ составленію сборника, называвшагося на юридическомъ языкѣ XVIII ст. *новымъ* уложеніемъ, при чемъ источникомъ его признавалось далеко не одно только русское законодательство. И дѣйствительно, изъ бумагъ коммисіи мы видимъ, что въ 1800 и 1801 г.г. члены ея оперируютъ также и надъ иностранными законами. Такъ, изъ сношеній сенатскаго архива съ коммисіей мы имѣемъ возможность конста-

---

[1]) Проф. Лаппо-Данилевскій (назв. соч., стр. 133) утверждаетъ, что руководствоваться Наказомъ и „всѣмъ тѣмъ, что̀ было сдѣлано коммисіей 1767 г." было вмѣнено въ обязанность Павловской коммисіи еще указомъ 16 декабря 1796 г. Но это утвержденіе совершенно не вѣрно. Указъ 16 декабря о Наказѣ молчитъ, и впервые на него, какъ на источникъ уложенія, указалъ П. В. Лопухинъ на засѣданіи 27 ноября 1798 г.

тировать фактъ посылки послѣднею обратно въ архивъ: 1) „перевода съ *датскихъ* правъ на русскій языкъ“, затѣмъ 2) „пунктовъ, выписанныхъ о разныхъ дѣлахъ изъ *разныхъ* правъ“ и, наконецъ, 3) копіи со *шведскаго* земскаго уложенія. 2 января 1801 г. коммисія потребовала изъ архива „законы и установленія короля *Сардинскаго*, обнародованные въ 1770 г.“, „оригиналъ“ законовъ *эстляндскихъ* и *финляндскихъ* и „*саксонскія* права, на латинскомъ языкѣ напечатанныя“. Наконецъ, изъ прошеній трехъ переводчиковъ: Корниловича, Добржанскаго и Броховича, прикомандированныхъ къ коммисіи, мы знаемъ, что они переводили на русскій языкъ *польскіе* законы, а именно разныхъ годовъ конституціи, „судовый процессъ или судопроизводство великаго княжества Литовскаго“ и др. [1]).

Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность установить, какъ постепенно модифицировалась задача коммисіи и какъ вмѣсто своднаго уложенія, что̀ ей было предписано указами 1796 г., она стала составлять новое уложеніе.

IV.

Переходимъ къ обозрѣнію *дѣятельности* коммисіи и къ выясненію *результатовъ* этой послѣдней. Указъ 16-го декабря предписалъ генералъ-прокурору кн. Куракину составить три книги законовъ: 1) гражданскихъ, 2) уголовныхъ и 3) казенныхъ дѣлъ. Во исполненіе этого предписанія, кн. Куракинъ поручилъ составленіе книги гражданскихъ дѣлъ двумъ членамъ коммисіи: т. сов. Яковлеву и д. ст. с. Ананьевскому, при чемъ первый долженъ былъ составить проектъ „судной“, а второй—проектъ „вотчинной“ части. Къ сожалѣнію, ни того, ни другаго намъ не удалось найти, и мы можемъ судить о нихъ только по журналамъ „съѣздовъ“ сенаторовъ и членовъ коммисіи. Яковлевъ, приступивъ къ своей работѣ,

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, связки 231 и 232 (дѣла кодиф. отдѣла).

прежде всего составилъ „начертаніе“ или планъ будущаго проекта „съ раздѣленіемъ его на главы и статьи“ и, по одобреніи его Куракинымъ, принялся за работу. По словамъ записки о дѣятельности коммисіи, приложенной къ журналу 15 января 1799 г., составитель въ самомъ началѣ своей работы натолкнулся на „издавна замѣченное неудобство въ установленномъ въ 1723 г. обрядѣ говорить формальные суды предъ налоемъ“, почему и рѣшилъ подать генералъ-прокурору записку съ указаніемъ на желательность отмѣны подобнаго обряда. Кн. Куракинъ „поднесъ“ записку государю, повелѣвшему разсмотрѣть ее въ общемъ собраніи Сената. Послѣдній согласился съ мнѣніемъ Яковлева, и, по утвержденіи сенатскаго опредѣленія Павломъ I, коммисія получила предписаніе упраздненный обрядъ не вносить въ проектъ. Яковлевъ работалъ очень скоро, и къ іюню 1797 г. составилъ судную часть. Какъ видно изъ журналовъ засѣданій сенаторовъ и членовъ коммисіи, она въ свою очередь была раздѣлена на двѣ части: 1) О формальномъ судѣ и 2) О посредническомъ или третейскомъ судѣ. Правда, въ „описи работъ“ Яковлева, имѣющейся въ дѣлахъ коммисіи, находится указаніе на то, что имъ была составлена еще и третья часть: О словесномъ судѣ, состоящая изъ трехъ главъ (I. Въ какихъ мѣстахъ и изъ какихъ людей словесный судъ учреждается—изъ 4-хъ статей, II. О должности словеснаго суда—изъ 10-ти статей и III. Какимъ присутственнымъ мѣстамъ словесный судъ подчиненъ—изъ 5-ти статей), но она на разсмотрѣніе коммисіи не поступила. Что касается до двухъ первыхъ частей, то онѣ состояли: первая изъ 15 главъ и вторая изъ одной. Приводимъ названіе 15 главъ первой части, чтобы имѣть возможность судить объ ея содержаніи:

I. Объ истцѣ и отвѣтчикѣ; II. Объ истребованіи или призывѣ отвѣтчика къ суду; III. О порядкѣ производства суда; IV. О собраніи по суднымъ дѣламъ справокъ, о свидѣтеляхъ, о повальномъ обыскѣ и о присягѣ; V. О встрѣчномъ судѣ; VI. О сочиненіи по суднымъ дѣламъ выписокъ и о прикладываніи ко онымъ рукъ; VII. О рѣшеніи судныхъ дѣлъ и о взысканіи по онымъ съ виноватыхъ оправленныхъ исковъ ихъ; VIII. О бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и объ отдачѣ ихъ изъ бѣговъ владѣльцамъ, а казеннаго вѣдомства селеній въ ихъ имѣнія; IX. Въ какихъ случаяхъ истцовъ и

отвѣтчиковъ винить безъ окончанія суда; X. О поклепныхъ и недоказанныхъ истцами искахъ; XI. О пошлинахъ съ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ и о имѣніи онымъ въ присутственныхъ мѣстахъ записныхъ настольныхъ книгъ; XII. О проѣстяхъ и волокитахъ по суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ; XIII. Какимъ образомъ взыскивать по суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ съ обвиненныхъ истцевы иски, въ казну пошлины, также за проѣсть и волокиту; XIV. Отъ кого и въ какихъ случаяхъ исковыхъ прошеній не принимать и суда не давать, и XV. О подозрѣніяхъ на судей и секретарей по суднымъ и другимъ тяжебнымъ дѣламъ, показуемымъ отъ тяжущихся.

Съ возникновеніемъ засѣданій („съѣздовъ") сенаторовъ и членовъ коммисіи проектъ судной части сталъ предметомъ обсужденія на этихъ засѣданіяхъ. Такъ, уже въ первомъ журналѣ „съѣзда" отъ 9 іюня 1797 г. записано: „потомъ читана сочиненная по части гражданской о формальномъ судѣ глава I, которая и не окончена (обсужденіемъ); напослѣдокъ разсудили: для окончанія помянутой главы и для выслушанія изготовленныхъ по вышеписанному жъ предмету главъ назначить день". Во второмъ же журналѣ—отъ 18 іюня 1797 г. сказано: „окончаніе по части гражданской о формальномъ судѣ первой главы, которая разсмотрѣніемъ окончена, при чемъ сомнѣнія не найдено". Такъ же скоро было покончено и съ двумя слѣдующими главами. Но за то, при обсужденіи 4-й главы на засѣданіи 2-го іюля 1797 г. возникло „сомнѣніе" по слѣдующему поводу. Уложеніе 1649 г. (гл. X, ст. 158 и 173), хотя и предписываетъ свидѣтелей и обыскныхъ людей допрашивать „по крестному цѣлованію въ правду по Евангельской заповѣди Господней предъ образомъ Божіимъ", но не говоритъ о приводѣ ихъ къ присягѣ до допроса. Между тѣмъ Воинскій уставъ (ч. II, гл. 3, отд. 6 и 7) категорически требуетъ привода свидѣтелей къ присягѣ до начала допроса. А такъ какъ именнымъ указомъ 11 марта 1724 г. велѣно: „которые указы выходятъ во опредѣленіе вѣчное, исполнять по онымъ, а не по тѣмъ пунктамъ, которые въ Уложеніи о томъ же гласятъ", то, повидимому, слѣдовало бы придерживаться постановленій Воинскаго устава, а не Уложенія. Но 30 іюля 1753 г. состоялся приговоръ Сената, опредѣлившій слѣдовать въ данномъ слу-

чаѣ Уложенію, а не Воинскому уставу, какъ имѣющему значеніе только для военныхъ судовъ. Въ виду такой несогласованности источниковъ по разсматриваемому вопросу, сенаторы и члены коммисіи рѣшили внести въ проектъ статью, на основаніи которой свидѣтелей и обыскныхъ людей, согласно Воинскому уставу, приводить къ присягѣ „прежде допросовъ о показаніи истины".

Такихъ „сомнѣній", при дальнѣйшемъ обсужденіи проекта, встрѣтилось не мало. Такъ, на засѣданіи 7 іюля 1797 г. сенаторы и члены коммисіи дополнили постановленія Уложенія 1649 г. объ обыскныхъ людяхъ внесеніемъ въ проектъ трехъ новыхъ статей; на засѣданіи 21 іюля того же года составили три новыя статьи о безчестіи, на засѣданіи 28 іюля внесли въ проектъ статью о „поклажахъ воинскими людьми", но за то исключили изъ него цѣлыхъ пять статей о разныхъ искахъ; на засѣданіи 7 августа были составлены и включены въ проектъ шесть статей о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и т. д.

Первая часть судной части закончилась обсужденіемъ 25 августа 1797 г., а на засѣданіи 4 сентября того же года сенаторы и члены коммисіи обсудили единственную главу второй части. Однако, этимъ дѣло не кончилось, и уже въ журналѣ 29 сентября 1797 г. мы читаемъ: „какъ сочиненная для внесенія въ гражданскую книгу первая часть о формальномъ судѣ въ минувшія времена предъ симъ засѣданіемъ разсматривана въ разныя времена, то для лучшаго соображенія въ нынѣшнемъ собраніи читана та часть въ полномъ ея составѣ, которой и прочтено четыре главы, и разсуждено прочія сея части главы предложить въ будущее засѣданіе". Но, какъ оказалось, не одно, а цѣлыхъ пять засѣданій было еще посвящено вторичному обсужденію судной части, при чемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ составители проекта внесли въ него снова не мало новыхъ дополненій, и хотя въ журналѣ 17 октября 1797 г. записано, что „обѣ части въ полномъ ихъ составѣ разсмотрѣніемъ окончены", однако это не совсѣмъ вѣрно. Дѣло въ томъ, что на трехъ январьскихъ засѣданіяхъ (4, 9 и 23 января) 1798 г. сенаторы и члены

коммисіи опять вспомнили о судной части и внесли въ нее еще новыя дополненія. Изъ нихъ въ особенности обширно дополненіе сенатора Колокольцева, разсмотрѣнное на засѣданіи 23 января 1798 г. и вошедшее въ проектъ въ формѣ новой главы подъ названіемъ: „Какимъ образомъ поступать въ производствѣ суда о недвижимыхъ имѣніяхъ за отсутствіемъ изъ тѣхъ имѣній отвѣтчиковъ“ (изъ 12 статей).

Когда, по иниціативѣ генералъ-прокурора П. В. Лопухина, составители проекта рѣшили кореннымъ образомъ измѣнить планъ книги гражданскихъ дѣлъ и раздѣлить ее на двѣ новыя части: 1) о правѣ общемъ и 2) о правѣ особенномъ (см. ниже), то судную часть „съѣздъ“ сенаторовъ и членовъ коммисіи (9 апрѣля 1799 г.) постановилъ не оставлять въ томъ видѣ, „въ какомъ оная сочинена“, а „раздробить по матеріямъ въ обѣ вышеупомянутыя двѣ части, въ разные составы, отдѣленія и главы“.

V.

Какъ уже было сказано, проектъ „*вотчинной*“ части книги гражданскихъ дѣлъ долженъ былъ составить членъ коммисіи Ананьевскій. Дѣйствительно, къ началу съѣздовъ сенаторовъ и членовъ коммисіи имъ были изготовлены девять главъ этой части. Приводимъ ихъ названія, такъ какъ самый текстъ намъ не удалось отыскать.

I. О различіи, что есть недвижимое и движимое имѣніе; II. О различіи, кто какими имѣніями владѣетъ, какимъ образомъ оныя пріобрѣтать имѣетъ право и кому чѣмъ изъ того пользоваться не должно; III. О различіи недвижимыхъ имѣній по существу оныхъ на наслѣдственныя и благопріобрѣтенныя; IV. О правахъ и преимуществахъ дворянъ и прочихъ владѣльцевъ и о порядкѣ въ распоряженіи и управленіи недвижимыми и движимыми имѣніями; V, О порядкѣ, куда какія изъ учиненныхъ настоящими владѣльцами о ихъ недвижимыхъ имѣніяхъ распоряженія и укрѣпленія преемникамъ и пріобрѣтателямъ объявятъ и что прежде вступленія во владѣніе по онымъ исполнять должно; IV. О правилахъ, какимъ образомъ въ палатахъ суда и расправы свидѣтельствовать духовныя завѣщанія; VII, О подлежащихъ изъ свекровыхъ и свекровьиныхъ имѣній при жизни ихъ невѣсткамъ, умершихъ сыновей женамъ, частяхъ и о дѣтяхъ послѣ такихъ умершихъ сыновей; VIII. О оставшихся послѣ умершихъ настоящихъ владѣльцевъ безъ

распоряженія и завѣщанія имѣніяхъ, какимъ образомъ преемникамъ по наслѣдству и присутственнымъ мѣстамъ съ оными до раздѣла и въ дѣлежѣ ихъ поступать слѣдуетъ, и IX. О подлежащихъ послѣ умершихъ вотчинниковъ и прочихъ настоящихъ владѣльцевъ изъ оставшихся безъ распоряженія и укрѣпленія недвижимыхъ и движимыхъ имѣній ихъ женамъ послѣ мужей и мужьямъ послѣ женъ въ частяхъ, а затѣмъ о правѣ и порядкѣ въ наслѣдованіи дѣтямъ и прочимъ потомкамъ по прямой нисходящей линіи.

Этимъ главамъ предшествовало особое введеніе, въ которомъ было обращено вниманіе на „различіе“ въ содержаніи законовъ до Уложенія 1649 г., самого Уложенія, новоуказныхъ статей, указа 1714 г. о единонаслѣдіи и указовъ 1716, 1725 и 1731 г.г. въ отношеніи „владѣльческихъ недвижимыхъ имѣній на помѣстья и вотчины“. Здѣсь же составитель проекта счелъ нужнымъ указать на необходимость составленія вотчинной части „изъ законовъ, касающихся вообще до недвижимыхъ и движимыхъ имѣній, исключая относящіяся до раздачи помѣстій по окладамъ и различія ихъ съ вотчинами, также о наслѣдованіи старшимъ по первенству постановленія, яко болѣе къ поступленію по онымъ неподлежащія“. Введеніе оканчивалось сообщеніемъ, что членъ коммисіи Ананьевскій, приступая къ составленію проекта, рѣшилъ не придерживаться порядка главъ и статей, „каковъ въ Уложеніи значитъ“, такъ какъ большинство статей послѣдняго, имѣющихъ отношеніе до недвижимой собственности, касается „такихъ обстоятельствъ, которыя нынѣ и впредь къ наблюденію и исполненію уже не слѣдуютъ“. Въ виду этого, „сочинитель оныя части“, хотя и принялъ въ соображеніе Уложеніе, однако, придалъ большее значеніе въ качествѣ источниковъ „всѣмъ изданнымъ послѣ онаго указамъ, новоуказнымъ статьямъ, регламентамъ и учрежденіямъ, какіе только есть до владѣльческихъ имѣній относящіеся“. Но на первыхъ же порахъ Ананьевскому „встрѣтились два сомнѣнія“, а именно: 1) вслѣдствіе отсутствія въ законахъ „точнаго предписанія“, считать ли „состоящихъ за владѣльцами крѣпостныхъ людей и крестьянъ въ числѣ недвижимаго или движимаго имѣнія“ и 2) о правѣ секретарей и низшихъ придворныхъ служителей ниже 8-го класса на владѣніе недвижимыми имѣніями. Ука-

занныя сомнѣнія были разрѣшены Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по докладу кн. Куракина.

Вотчинная часть была внесена на разсмотрѣніе съѣзда сенаторовъ и членовъ коммисіи 28 августа 1797 г., при чемъ на двухъ засѣданіяхъ (28 августа и 1 сентября) съѣздъ обсудилъ введеніе и первую главу, оставивъ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были изложены въ проектѣ. На слѣдующихъ засѣданіяхъ (4, 11 и 15 сентября, 24 октября, 7 и 14 ноября, 5 и 19 декабря 1797 г., 4 и 30 января, 20 и 27 февраля, 13 и 20 марта, 10 апрѣля и 8 мая 1798 г.) были разсмотрѣны остальныя восемь главъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ подверглись переработкѣ и дополненію новыми статьями. Такъ, хотя глава 4-ая первоначально обсуждалась на четырехъ засѣданіяхъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1797 г., при чемъ съѣздъ одобрилъ редакцію проекта этой главы, но на засѣданіи 30 января 1798 г. сенаторы и члены коммисіи снова вернулись къ обсужденію названной главы и внесли въ нее четыре новыя статьи. Мало того, на засѣданіи 8 мая 1798 г., по окончаніи обсужденія послѣдней (9-ой) главы, съѣздъ опять вернулся къ пересмотру положеній 4-ой главы, при чемъ, внеся въ нее новое дополненіе, постановилъ одиннадцать статей (съ 11 по 21 включительно) выдѣлить изъ нея въ особую главу.

27 ноября 1798 г. П. В. Лопухинъ, бывшій въ то время генералъ-прокуроромъ, сдѣлалъ предложеніе о внесеніи въ книгу гражданскихъ дѣлъ „по всѣмъ, кромѣ уголовныхъ и казенныхъ, матеріямъ приличныхъ узаконеній, расположа сію книгу такимъ систематическимъ порядкомъ, чтобъ тѣ узаконенія различены были по матеріямъ, не смѣшивая однѣхъ съ другими“. Это предложеніе обсуждалось на слѣдующемъ засѣданіи, состоявшемся 15 января 1799 г., при чемъ сенаторы и члены коммисіи, прежде чѣмъ высказаться по поводу его, рѣшили разсмотрѣть планы „по нѣкоторымъ матеріямъ“, сохранившіеся отъ дѣятельности Екатерининской коммисіи. „По выслушаніи жъ“,—читаемъ въ журналѣ этого засѣданія,— „и по разсмотрѣніи всего того, соображая прежніе предметы,— очевидно, планы Екатерининской коммисіи—съ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества въ именномъ 1796 г.

декабря 16 дня указѣ предписаніемъ, положили о всѣхъ, слѣдующихъ въ книгу законовъ гражданскихъ дѣлъ, матеріяхъ сдѣлать генеральный систематическій планъ, каковый трудъ принялъ на себя д. ст. сов. Ананьевскій". Дѣйствительно, послѣднимъ была составлена „форма плана", внесенная имъ на разсмотрѣніе сенаторовъ и членовъ коммисіи 12 марта 1799 г. На этомъ засѣданіи и тѣ, и другіе, одобривъ ее, „положили продолжать сочиненіе плана" и раздѣлить книгу гражданскихъ дѣлъ на двѣ части: 1) „О правѣ общемъ относительно сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства" и 2) „О правѣ особенномъ относительно лицъ, вещей и обязательствъ государственныхъ жителей". На засѣданіи же 9 апрѣля 1799 г. было рѣшено обѣ части раздѣлить на составы, а эти послѣдніе на отдѣленія, каждое же отдѣленіе на главы и статьи. Работа по составленію плана не прекратилась вслѣдствіе отставки П. В. Лопухина и назначенія на его мѣсто А. А. Беклешова, такъ какъ послѣдній вполнѣ согласился съ мыслью перваго видоизмѣнить планъ составленія книги гражданскихъ дѣлъ. На засѣданіяхъ 15 августа 1799 г. и 31 марта 1800 г. планъ былъ окончательно одобренъ. Мы уже видѣли изъ журнала засѣданія 15 января 1799 г., что до извѣстной степени источниками плана можно считать планы частныхъ коммисій 1767 г. Но они не были единственнымъ источникомъ. Какъ видно изъ самого плана, а также и изъ вступленія къ нему, онъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ идей Большаго Наказа и Начертанія о приведеніи коммисіи 1767 г. къ окончанію. Въ особенности важно, какъ источникъ, Начертаніе. Достаточно самаго бѣглаго сравненія плана съ нимъ, чтобы увидѣть, что въ основу перваго положено Начертаніе. То же дѣленіе на право общее и особенное и даже почти то же распредѣленіе матеріала между отдѣльными составами, главами и т. п. Въ этомъ отношеніи въ особенности поразительно сходство, доходящее до тождества, между содержаніемъ права особеннаго обоихъ памятниковъ. Приводимъ планъ, хотя для сокращенія его, безъ наименованія главъ.

Часть I. О правѣ общемъ.

Составъ I. О власти самодержавной и отъ оныя учрежденныхъ судебныхъ мѣстъ и прочихъ правленій и начальствъ (двѣ главы).

Составъ II. О внутреннемъ распредѣленіи государства на части и о существенномъ тѣхъ частей положеніи (восемь главъ о губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ).

Составъ III. О существующихъ въ государствѣ христіанскихъ и иныхъ вѣрахъ относительно наблюденія по онымъ при сохраненіи догматовъ и прочихъ правилъ и обрядовъ (три главы).

Составъ IV. О благоустройствѣ относительно личной и вещественной безопасности и спокойствія государственныхъ жителей и чужестранныхъ вообще.

Отдѣленіе 1. О личной и вещественной каждаго безопасности (двѣ главы).

Отдѣленіе 2. О личномъ каждаго спокойствіи (семь главъ).

Отдѣленіе 3. О вещественномъ каждаго спокойствіи (шесть главъ).

Отдѣленіе 4. О наблюденіи общественнаго спокойствія (семь главъ).

Составъ V. О правосудіи вообще по дѣламъ гражданскимъ (десять отдѣленій, вмѣщающихъ въ себѣ 62 главы).

Составъ VI. Объ управленіи нравовъ и благопристойности (три главы).

Составъ VII. О благочиніи или полиціяхъ вообще (три отдѣленія и семь главъ).

Составъ VIII. О коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ для отправленія порученныхъ имъ дѣлъ, кромѣ правосудія по дѣламъ гражданскимъ (двѣ главы).

Часть II. О правѣ особенномъ.

Составъ I. О различіи государственныхъ жителей на разные роды, о личныхъ и вещественныхъ ихъ преимуществахъ, выгодахъ и обязанностяхъ.

Отдѣленіе 1. О лицахъ перваго рода людей (семь главъ).

Отдѣленіе 2. О лицахъ, сопричисляющихся къ первому роду людей (двѣ главы).

Отдѣленіе 3. О лицахъ средняго рода людей (двѣ главы).

Отдѣленіе 4. О лицахъ нижняго рода людей (двѣ главы).

Составъ II. О разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ.

Отдѣленіе 1. О супружествѣ и о прочемъ, до онаго относящемся (шесть главъ).

Отдѣленіе 2. О родителяхъ и дѣтяхъ (четыре главы).

Отдѣленіе 3. О бездѣтныхъ, но не послѣднихъ въ родѣ, желающихъ принять себѣ кого въ усыновленіе (четыре главы).

Отдѣленіе 4. О безумныхъ и дуракахъ отъ рожденія и сумасшедшихъ (четыре главы).

Отдѣленіе 5. О опекунствѣ и попечительствѣ надъ лицами и имѣніями малолѣтнихъ и умалишенныхъ (три главы).

Отдѣленіе 6. О опекунствѣ и попечительствѣ надъ имѣніемъ совершеннолѣтнихъ по дѣламъ и другимъ случаямъ (двѣ главы).

Составъ III. О вещахъ или имѣніяхъ недвижимыхъ и движимыхъ, под-

лежащихъ въ собственность дворянству и прочимъ владѣльцамъ (введеніе, пять отдѣленій и 25 главъ).

Составъ IV. О обязательствахъ вообще со стороны государственныхъ жителей по принадлежностямъ коронѣ и по ихъ между собою собственностямъ всякаго рода и существа (семь отдѣленій и 34 главы).

Было уже сказано, что судную часть съѣздъ сенаторовъ и членовъ коммисіи, засѣдавшій 9 апрѣля 1799 г., постановилъ внести „въ обѣ части, въ разные составы, отдѣленія и главы". Изъ плана части общей видно, что судная часть включена въ составъ V и породила въ немъ 10 отдѣленій и 62 главы. Но что же сталось съ вотчинной частью? Хотя на ея счетъ и не состоялось никакого распоряженія, но нетрудно угадать и ея судьбу. Какъ опять-таки видно изъ плана части особенной, она включена въ составъ III, при чемъ даже введеніе вотчинной части, о которомъ мы своевременно говорили, цѣликомъ попало въ этотъ составъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что утвержденіе проф. Лаппо-Данилевскаго, будто коммисія должна была составить, кромѣ трехъ книгъ законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ, еще „особую четвертую книгу, въ которую помѣстить все право общее и особенное" [1]), совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мы видѣли, что обѣ части— о правѣ общемъ и особенномъ—совсѣмъ не составляли „особой книги", а являлись подраздѣленіемъ все той же книги гражданскихъ дѣлъ, составленіе которой было возложено на коммисію еще указомъ 16 декабря 1796 г.

Проектъ части общей и особенной былъ внесенъ на разсмотрѣніе коммисіи 14 апрѣля 1800 г., но послѣдняя, посвятивъ ему только шесть засѣданій (14 и 28 апрѣля, 5 и 12 мая, 19 іюня и 3 іюля 1800 г.), успѣла обсудить и утвердить изъ общей части три первыхъ состава и два отдѣленія четвертаго состава, а изъ особенной части первое отдѣленіе перваго состава. Видоизмѣненія въ проектѣ, произведенныя коммисіей, были невелики. Такъ, въ составѣ второмъ вмѣсто одной главы о городахъ, въ которой, между прочимъ, было сказано, что „относительно принадлежности

---

[1]) Назв. соч., стр. 133.

къ городамъ земель и прочихъ угодій .... поступать по Высочайшимъ о всемъ томъ отъ Императорскаго Величества изданнымъ жалованнымъ грамотамъ и уставамъ", коммисія постановила „сочинить потребное число главъ, расположа ихъ по приличности съ прописаніемъ всѣхъ относительно сей матеріи подробностей". Имѣя въ виду это постановленіе, составитель проекта Ананьевскій внесъ въ него еще шесть главъ касательно городовъ.

Затѣмъ, при обсужденіи состава III о существующихъ въ государствѣ христіанскихъ и иныхъ вѣрахъ, коммисія высказалась „для лучшаго удостовѣренія" „отнести сей третій составъ на разсмотрѣніе Св. Правительствующаго Синода, Юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ и департамента Юстицъ-коллегіи для разбора дѣлъ римскаго исповѣданія". Для приведенія въ исполненіе этого постановленія, сенаторы и члены коммисіи поручили составителю проекта Ананьевскому представить копіи состава III первенствующему члену Синода, преосвященному Амвросію, архіепископу С.-Петербургскому, Эстляндскому и Выборгскому, президенту Юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ и начальнику департамента для разбора дѣлъ римскаго исповѣданія, митрополиту Сестрецевичу съ тѣмъ, „чтобы они благоволили возвратить сіи копіи въ коммисію съ присовокупленіемъ, буде что къ пополненію и поправленію, по разсмотрѣніи, встрѣтится, своихъ замѣчаній".

Наконецъ, при обсужденіи состава перваго особенной части, коммисія высказалась за уничтоженіе права дворянъ избирать членовъ уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ. Послѣдніе, по мнѣнію коммисіи, должны назначаться Сенатомъ. Соображенія, побудившія составителей проекта высказаться за подобную реформу, были четырехъ родовъ: 1) избираемые дворянами судьи, будучи не подготовлены къ „статской" службѣ, едва только „сдѣлаютъ нѣкоторый навыкъ и получатъ въ дѣлахъ свѣдѣнія", смѣняются другими, столь же малосвѣдующими; 2) при выборахъ бываютъ всякія злоупотребленія, „да и сами выбранные, опасаясь по смѣнѣ своей мще-

нія отъ своей собратіи, отправляютъ дѣла не по должности, но съ послабленіемъ или съ понаровкою"; 3) нерѣдко губернаторы самовольно смѣняютъ дворянскихъ судей, и 4) судьи относятся крайне недобросовѣстно къ исполненію своихъ обязанностей, подолгу проживая въ своихъ помѣстьяхъ. Вотъ въ сущности тѣ измѣненія, которыя внесла коммисія въ части общую и особенную.

VI.

Проектъ книги *уголовныхъ* дѣлъ князь Куракинъ поручилъ составить члену коммисіи Полѣнову. Послѣдній приготовилъ двѣ части его: одну изъ 8-ми и другую изъ 5-ти главъ. Пользуясь журналами тѣхъ засѣданій, на которыхъ эти части обсуждались, приведемъ названія главъ, такъ какъ и ихъ текстъ намъ не удалось отыскать:

Часть I: глава I. О богохульникахъ; гл. II. О вѣроотступникахъ и обращавшихъ въ иновѣріе; гл. III. О преступленіи святотатства; гл. IV. О лживой присягѣ; гл. V. О церковныхъ мятежникахъ и безчинникахъ; гл. VI. О иновѣрцахъ, желающихъ принять святое крещеніе; гл. VII. О чародѣйствѣ; гл. VIII. О кликушахъ.

Часть II: гл. I. О оскорбителяхъ Величества; гл. II. О бунтѣ и измѣнѣ; гл. III. О доносѣ по первымъ двумъ пунктамъ; гл. IV. О нарушителяхъ благопристойности и продерзателяхъ при государствѣ и его дворѣ; гл. V. О нарушителяхъ благопристойности и продерзателяхъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

Проектъ книги уголовныхъ дѣлъ былъ внесенъ на обсужденіе сенаторовъ и членовъ коммисіи 15 мая 1798 г., при чемъ на этомъ же засѣданіи возникъ вопросъ объ опредѣленіи понятія богохуленія. Не считая себя компетентными въ разрѣшеніи названнаго вопроса, члены „съѣзда" постановили „отнестись по сему предмету къ преосвященному Гавріилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, для нужнаго объясненія, каковое препорученіе исполнить принялъ на себя д. ст. сов. Полѣновъ". Дѣйствительно, на слѣдующемъ засѣданіи (22 мая) Полѣновъ сообщилъ коммисіи, что былъ у митрополита Гавріила „для должнаго съ

нимъ объясненія въ разсужденіи полагаемаго по уголовной части законовъ опредѣленія, что̀ есть богохуленіе, и получилъ отзывъ, что Его Преосвященство съ учиненнымъ по сему предмету положеніемъ согласенъ, присоединя еще истолкованіе, что̀ именно разумѣть должно подъ названіемъ освященныхъ въ церкви вещей, коихъ похищеніе прямымъ святотатствомъ почитать слѣдуетъ".

Обсужденіе остальныхъ главъ обѣихъ частей книги прошло безпрепятственно, не вызвавъ никакихъ „сомнѣній". Журналы тѣхъ 14-ти засѣданій (15, 22 и 29 мая, 3, 10, 17, 24 и 31 іюля, 7, 14 и 21 августа, 4 сентября, 9 и 16 октября 1798 г.), на которыхъ происходило это обсужденіе, составлены крайне лаконично и отмѣчаютъ только фактъ разсмотрѣнія такой-то главы и принятія или отсрочки обсужденія ея до слѣдующаго засѣданія.

Планъ книги *казенныхъ* дѣлъ было поручено составить члену коммисіи Пшеничному, вошедшему въ ея составъ 18 сентября 1798 г. Эта работа была имъ закончена къ 13 ноября того же года и внесена на разсмотрѣніе съѣзда сенаторовъ и членовъ коммисіи подъ названіемъ „Предварительное назначеніе матерій, долженствующихъ войти въ книгу законовъ по части казенной". Съѣздъ одобрилъ планъ и поручилъ Пшеничному приступить къ составленію проекта книги.

Планъ состоитъ изъ 18-ти главъ, раздѣленныхъ на отдѣленія и статьи. Мы приведемъ только названія однѣхъ главъ.

Гл. I. О государственныхъ доходахъ, расходахъ, доимкахъ и счетахъ;

Гл. II. О обязанности чиновъ и мѣстъ, коимъ распоряженіе, сборъ и храненіе государственныхъ доходовъ вѣдомы;

Гл. III. О казенныхъ поселянахъ и о казенномъ имуществѣ;

Гл. IV. О подрядахъ и откупахъ вообще;

Гл. V. О продажѣ въ государствѣ россійскаго хлѣбнаго горячаго вина, такожъ пива, полъ-пива, меду, водокъ и наливокъ изъ казенныхъ питейныхъ домовъ;

Гл. VI. О водочныхъ заводахъ, такожъ о иностранныхъ водкахъ, виноградныхъ винахъ и гербергахъ, и трактирахъ;

Гл. VII. О винокуреніи казенномъ и партикулярномъ, кому оное дозволено и кому запрещено;

Гл. VIII. О ревизіи или исчисленіи въ государствѣ жителей;

Гл. IX. О рекрутскихъ наборахъ;

Гл. X. О дорогахъ, мостахъ и перевозахъ;

Гл. XI. О лѣсахъ;

Гл. XII. О горныхъ заводахъ, казенныхъ и партикулярныхъ, зависящихъ отъ Бергъ-коллегіи и отъ кабинета;

Гл. XIII. О мануфактурахъ и фабрикахъ, казенныхъ и партикулярныхъ, зависящихъ отъ Мануфактуръ-коллегіи;

Гл. XIV. О коммерціи, таможняхъ и водоходствѣ;

Гл. XV. О заготовленіи, развозѣ и продажѣ соли;

Гл. XVI. О земляныхъ продуктахъ и произрастеніяхъ, о разведеніи оныхъ и о наблюденіи, чтобъ жители въ нужное время снабдены были хлѣбомъ и сѣменами;

Гл. XVII. О уѣздныхъ подводахъ, кому и въ какомъ случаѣ давать оныя, и о работникахъ;

Гл. XVIII. О казенныхъ мучныхъ и пильныхъ мельницахъ.

Однако проектъ этой книги не былъ составленъ, почему и не подвергался обсужденію коммисіи.

Мы обозрѣли ходъ работъ этой послѣдней и должны прійти къ тому заключенію, что дѣятельность Павловской коммисіи оказалась столь же безрезультатной, какъ и всѣхъ предыдущихъ коммисій. Впрочемъ, въ столь краткій срокъ времени, въ теченіе котораго существовала кодификаціонная коммисія Павла I, едва ли и можно было что-либо сдѣлать. Съ кончиною этого государя, коммисія продолжала свое существованіе, хотя съѣзды сенаторовъ въ ней и прекратились. Дѣятельность коммисіи при Александрѣ I болѣе или менѣе извѣстна.

ВРАЧЕБНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

В. Н. Ширяева.

I.

Нашей судебной практикѣ пришлось встрѣтиться съ весьма интереснымъ вопросомъ объ отвѣтственности врача за произведенную имъ безъ согласія больнаго операцію. 15 ноября 1901 года въ Московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію д-ра медицины Модлинскаго въ производствѣ операціи безъ разрѣшенія больной Прасковьи Черновой.

Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: у крестьянской дѣвицы Прасковьи Черновой образовалась на шеѣ, подъ нижней челюстью, опухоль; родители ея рѣшили прибѣгнуть къ врачебной помощи и съ этой цѣлью обратились въ рекомендованную имъ клинику д-ра Модлинскаго; 1 марта Чернова вмѣстѣ съ больной дочерью явилась въ клинику, здѣсь больная была осмотрѣна ассистентомъ д-мъ Коцубеемъ, который объяснилъ матери больной, что опухоль ничего серьезнаго не представляетъ и что въ клиникѣ согласны сдѣлать операцію удаленія ея. Въ виду этого П. Чернова была оставлена матерью въ клиникѣ. Въ тотъ же день Черновой была сдѣлана д-мъ Модлинскимъ операція и опухоль на шеѣ удалена, но во время приготовленія къ этой

операціи докторъ обнаружилъ въ полости живота присутствіе другой опухоли, повидимому кистозной, о которой ни сама больная, ни родители ея не имѣли никакихъ свѣдѣній. На слѣдующій день послѣ операціи Чернова-мать пришла въ клинику, чтобы взять свою дочь домой, но ей было сказано, что Прасковья должна остаться въ больницѣ еще 3—4 дня. 5-го марта П. Черновой, при вполнѣ успѣшномъ ходѣ заживленія послѣ первой операціи, была произведена лапоротомія, и обнаруженная д-ромъ Модлинскимъ опухоль въ области живота была имъ удалена. Въ послѣдующіе затѣмъ дни въ теченіи болѣзни произошла перемѣна къ худшему, и появились признаки воспаленія брюшины; вслѣдствіе этого 9 марта Черновой была сдѣлана снова лапоротомія, обнаружившая признаки септическаго перитонита; несмотря на принятыя при этой операціи мѣры къ прекращенію воспалительнаго процесса, 10 марта Чернова скончалась [1]).

Таковы вкратцѣ обстоятельства дѣла, на основаніи которыхъ д-ръ медицины Модлинскій былъ преданъ суду по обвиненію въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 142 уст. о нак. и ст. 1466 улож. наказ., т. е. по обвиненію въ самоуправствѣ и насиліи и въ учиненіи дѣйствій, противныхъ ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, послѣдствіемъ чего, хотя и неожиданнымъ, была смерть.

Судебное слѣдствіе было посвящено главнымъ образомъ выясненію вопроса, было ли дано больною или ея родителями согласіе на совершеніе второй операціи.

Одни свидѣтели удостовѣряли, что такое согласіе было дано какъ самой больной, такъ и ея родителями, которые даже благодарили Модлинскаго; другіе наоборотъ отрицали это согласіе; родители Черновой показывали, что о второй операціи они узнали уже послѣ ея совершенія и слѣдовательно не могли выразить или не выразить своего согласія, равнымъ образомъ не давала якобы своего согласія на вторую операцію и дочь ихъ.

---

[1]) См. „Право“ 1901 г. № 51, стр. 2312.

Всѣ эксперты единогласно подтвердили, что операція была произведена вполнѣ правильно; только проф. Снегиревъ добавилъ, что къ производству ея не было жизненныхъ показаній, что у больной былъ циррозъ, болѣзнь почекъ и что при этой болѣзни 90% смертныхъ случаевъ при производствѣ операцій, вслѣдствіе чего онъ лично операціи не сдѣлалъ бы, но при этомъ оговорился, что изслѣдованіе мочи передъ совершеніемъ операціи—новость въ наукѣ, требующая еще опытовъ и встрѣчающая возраженія. Напротивъ, другіе эксперты, проф. Нейдингъ и проф. Дьяконовъ, категорически высказались за необходимость въ данномъ случаѣ операціи; проф. Дьяконовъ заявилъ, что онъ считалъ бы преступленіемъ со стороны хирурга ждать жизненныхъ показаній для производства операціи.

Представитель обвиненія, ссылаясь на доказанность совершенія операціи безъ согласія больной, настаивалъ на обвинительномъ приговорѣ. Защитникъ, отрицая возможность требовать при каждой операціи неопровержимыхъ доказательствъ согласія больнаго на операцію, такъ какъ такое требованіе поставило бы врачебную дѣятельность въ невозможныя условія, указывалъ на отсутствіе въ дѣйствіяхъ д-ра Модлинскаго состава преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 142 уст. о нак. и 1466 ст. улож. наказ., а также и ст. 1468, и старался юридически обосновать право врача на принятіе всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для спасенія больнаго.

Московскій окружный судъ, признавая д-ра Модлинскаго виновнымъ въ производствѣ операціи безъ согласія на то оперированной, нашелъ, что дѣяніе Модлинскаго ближе всего подходитъ къ самоуправству, такъ какъ Модлинскій, приступая къ операціи, воображалъ, „что онъ, какъ врачъ, свободно, по собственному усмотрѣнію, можетъ распоряжаться поступившимъ къ нему для леченія совершенно другой болѣзни паціентомъ“, согласіе больнаго при такомъ взглядѣ играетъ самую ничтожную роль, а, можетъ быть, и никакой не играетъ, и самъ больной низводится на положеніе безсловеснаго животнаго или вещи. Но съ такимъ взглядомъ судъ не можетъ согласиться и полагаетъ, что такое прину-

дительное насильственное леченіе взрослаго, сознающаго себя человѣка, не только хирургическое, опасное для жизни, но и общее, не можетъ быть допущено, какъ проявленіе насилія надъ личностью человѣка, какъ самоуправство со стороны врача. Въ данномъ случаѣ самоуправство осложняется особо увеличивающими вину послѣдствіями—смертью оперированной, а потому судъ, принявъ во вниманіе и обстоятельства, смягчающія вину, а именно: легкомысленное рѣшеніе на операцію на основаніи поверхностнаго осмотра и затѣмъ принятіе всѣхъ мѣръ къ спасенію больной, опредѣлилъ подвергнуть Модлинскаго аресту при полиціи на 7 дней и предать церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства [1]).

По апелляціонной жалобѣ обвиняемаго дѣло было перенесено въ судебную палату, которая признала д-ра Модлинскаго виновнымъ по 1468 ст. улож. о нак. т. е. въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности, послѣдствіемъ чего была смерть, при совершеніи дѣянія, закономъ не воспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но однакоже явно неосторожнаго, и постановила подвергнуть его строгому выговору въ присутствіи суда и церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства [2]).

Какъ самое дѣло, такъ и приговоръ суда, безусловно заслуживаютъ глубокаго вниманія; вполнѣ справедливо замѣтилъ защитникъ обвиняемаго, присяжный повѣренный Ледницкій, что этотъ приговоръ можетъ отразиться на всей врачебной дѣятельности, поставивъ ее въ такія условія, которыя тяжело отзовутся на правахъ врачей и на ихъ обязанностяхъ.

---

[1]) См. Русск. Вѣдом. №№ 67—68.
[2]) Тамъ же.

II.

Выдвинутый у насъ дѣломъ д-ра Модлинскаго вопросъ о значеніи для врача согласія паціента и о тѣхъ границахъ врачебной дѣятельности, вращаясь въ предѣлахъ которыхъ врачъ не рискуетъ встать въ противорѣчіе съ уголовнымъ закономъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію въ германской литературѣ и вызвалъ появленіе большаго количества брошюръ и статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, юридическихъ и медицинскихъ [1]). Поводомъ къ этому живому обмѣну мнѣній послужилъ случай съ женщиной-врачомъ Ihle въ Дрезденѣ. Къ ней обратилась за совѣтомъ одна паціентка, жаловавшаяся на боли въ животѣ; послѣ осмотра г-жа Ihle посовѣтовала сдѣлать ей небольшую операцію; больная согласилась и легла въ клинику. При вторичномъ изслѣдованіи, уже подъ наркозомъ, д-ръ Ihle обнаружила значительную опухоль яйцеводовъ и кистозное перерожденіе яичниковъ. Положеніе больной, по мнѣнію г-жи Ihle, было весьма серьезно и требовало немедленнаго оперативнаго леченія, вслѣдствіе чего она и рѣшила, не ожидая согласія паціентки, воспользоваться ея желаніемъ подвергнуть себя операціи и сдѣлать трудную и опасную для жизни операцію удаленія яичниковъ и яйцепроводовъ. Операція произведена была вполнѣ удачно, и паціентка впослѣдствіи вышла даже замужъ. Только по истеченіи нѣсколькихъ дней послѣ операціи больной было сообщено, какую тяжелую операцію она перенесла; паціентка была очень довольна и благодарила г-жу Ihle, что та спасла ее отъ тяжкихъ страданій и освободила отъ излишнихъ волненій. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени д-ръ Ihle сдѣлала паціенткѣ первоначально предполагавшуюся небольшую операцію. Добрыя отношенія между врачомъ и паціенткой нарушились, когда возникъ вопросъ объ уплатѣ гонорара; паціентка отказалась платить врачу за первую операцію,

---

[1]) См. указатель литературы въ брошюрѣ Heimberger'a—„Strafrecht und Medizin", переведенной на русскій языкъ и издан. Н. К. Мартыновымъ.

какъ сдѣланную безъ ея согласія, и на искъ со стороны врача она предъявила встрѣчный искъ объ уплатѣ врачомъ вознагражденія за увѣчье и штрафныхъ денегъ за причиненное страданіе. Дрезденскій апелляціонный судъ отказалъ въ искѣ обѣимъ сторонамъ: паціенткѣ—на томъ основаніи, что она выраженіемъ благодарности врачу отреклась отъ права требовать себѣ вознагражденіе, а врачу—въ виду того, что онъ дѣйствовалъ безъ согласія больной, такъ что его образъ дѣйствія при совершеніи первой операціи долженъ быть признанъ противоправнымъ тѣлеснымъ поврежденіемъ. На этомъ основаніи судъ передалъ дѣло прокуратурѣ, и г-жа Ihle избѣжала привлеченія къ отвѣтственности только благодаря тому, что прокуратура не возбудила преслѣдованія [1]).

Въ этомъ случаѣ дѣятельность врача—совершеніе операціи было подведено подъ понятіе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія; можно указать другіе случаи, гдѣ врачебныя мѣры могли быть подведены подъ понятіе неосторожнаго убійства, лишенія свободы, принужденія и даже оскорбленія дѣйствіемъ [2]).

Такой взглядъ на врачебную дѣятельность, какъ заключающую въ себѣ составъ противоправоваго посягательства на блага личности, является весьма распространеннымъ въ литературѣ уголовнаго права и господствующимъ въ судебной практикѣ. Но изъ этого взгляда естественно вытекаетъ необходимость указать основаніе, въ силу котораго врачебная дѣятельность, какъ общее правило, остается ненаказуемой. Попытокъ обоснованія правомѣрности врачебной дѣятельности было сдѣлано немало. При этомъ главное вниманіе обыкновенно сосредоточивается на хирургическихъ операціяхъ, какъ наиболѣе интензивно нарушающихъ сферу неприкосновенности личности. Обоснованіе ненаказуемости терапевтическаго леченія представляется излишнимъ, такъ какъ даже при взглядѣ на него, какъ на тѣлесное поврежденіе,

---

[1]) Подробное изложеніе дѣла г-жи Ihle см. у Heimberger'a, указ. соч. стр. 6—7.

[2]) См. Dr. R. Schmidt. Die strafrechtliche Verantwortlichkeit des Arztes für verletzende Eingriffe, Iena, 1900, стр. 3—4,

оно не можетъ быть признано наказуемымъ, потому что въ большинствѣ случаевъ имѣетъ видъ самоповрежденія.

Но на ряду съ этимъ высказывались мнѣнія, совершенно противоположныя, горячо возстававшія противъ приравненія врачебной дѣятельности дѣятельности преступной.

III.

Среди существующихъ воззрѣній относительно основаній правомѣрности врачебной дѣятельности наиболѣе старыми и распространенными въ литературѣ являются указанія на профессіональное право врача и на согласіе паціента, какъ на условія, способныя уничтожить неправомѣрный характеръ принимаемыхъ врачами мѣръ.

Нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, совершаемое врачами въ цѣляхъ леченія, не считается преступнымъ, такъ какъ пользующаяся признаніемъ со стороны права профессія врача уполномочиваетъ его на совершеніе всѣхъ дѣйствій, которыя врачебная наука признаетъ необходимыми, въ частности слѣдовательно, и на совершеніе требуемыхъ тѣлесныхъ поврежденій [1]).

Въ этомъ отношеніи врачъ приравнивается тюремщику, лишающему свободы арестанта, палачу, исполняющему смертный приговоръ надъ осужденнымъ преступникомъ, судебному приставу, налагающему арестъ или запрещеніе на имущество должника, и т. п. лицамъ, вторгающимся въ сферу правъ личности на основаніи принадлежащаго имъ профессіональнаго права [2]).

Подобное обоснованіе правомѣрности врачебной дѣятельности предоставляетъ патентованному врачу полную и неограниченную свободу дѣйствій по отношенію къ паціенту; съ другой стороны, лицо, не имѣющее диплома врача, лише-

---

[1]) См. Heimberger. Указ. соч., стр. 6.

[2]) Такого взгляда придерживаются Berner, Binding, Merkel, Meyer, Liszt и друг.; изъ нашихъ криминалистовъ его проводитъ, между прочимъ, Н. С. Таганцевъ. Лекціи II, 421.

но возможности, при подобномъ взглядѣ, оказать какую-либо помощь ближнему, хотя бы она не выходила изъ границъ общеупотребляемыхъ въ домашнемъ обиходѣ мѣръ, не рискуя подвергнуться за это отвѣтственности; на этомъ основаніи могутъ подвергнуться отвѣтственности нянька, вынимающая занозу у ребенка, воспитатель, давшій воспитаннику слабительнаго или рвотнаго, и т. д. Кромѣ того для осуществленія профессіональнаго права необходимо получить извѣстное полномочіе; какъ судебный приставъ безъ заявленія кредитора не можетъ приступить къ описи и продажѣ имущества должника, точно такъ же и врачъ безъ приглашенія больнаго или его представителей, за весьма рѣдкими исключеніями, не принимаетъ лечебныхъ мѣръ. Конечно, изъ этого условія, необходимаго для осуществленія врачебной или иной профессіональной дѣятельности, нельзя еще вывести, что родъ и предѣлы этой дѣятельности должны быть также опредѣляемы исключительно волей больнаго или кредитора, но необходимость особаго полномочія показываетъ, что профессіональное право само по себѣ не можетъ еще служить оправданіемъ дѣянія, имѣющаго неправомѣрный характеръ.

При этомъ способѣ рѣшенія вопроса согласію больнаго отводится второстепенное мѣсто, значеніе условія, при которомъ профессіональное право можетъ быть осуществлено.

Но не менѣе распространеннымъ является взглядъ, по которому согласіе больнаго признается обстоятельствомъ, уничтожающимъ преступный характеръ врачебныхъ мѣръ, такъ что врачъ, приступившій къ леченію безъ согласія паціента, независимо отъ исхода леченія, долженъ быть подвергнутъ отвѣтственности. Такой взглядъ проводится германской судебной практикой [1]), его принялъ и Московскій окружный судъ въ рѣшеніи по дѣлу д-ра Модлинскаго.

Едва ли можно что-либо принципіально возразить противъ этого взгляда, такъ какъ согласіе потерпѣвшаго дѣйствительно уничтожаетъ неправомѣрность посягательства; даже наказуемость убійства по требованію убитаго можетъ быть объ-

---

[1]) Entsch. d. R. G. in Str. S. Bd. 25, стр. 375 и слѣд., также стр. 388.

яснена соображеніями скорѣе уголовно-политическими, чѣмъ юридическими. Тѣмъ не менѣе проведеніе этого взгляда на практикѣ сопряжено съ весьма серьезными затрудненіями. Прежде всего могутъ быть и бываютъ весьма часто случаи, когда получить согласіе больнаго представляется невозможнымъ, если, напр., больной—малолѣтній или находится въ такомъ состояніи, когда выражаемая имъ воля не можетъ быть принята во вниманіе, а родители больнаго или вообще лица, къ которымъ можно было бы обратиться за разрѣшеніемъ, отсутствуютъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Н. С. Таганцевъ: „при операціяхъ или леченіи дѣтей, лицъ психически больныхъ или находящихся въ состояніи безсознательности, о подобномъ согласіи не можетъ быть и рѣчи; мало того, врачъ не всегда можетъ прекратить операцію, необходимую по ходу болѣзни, хотя бы паціентъ, подъ вліяніемъ физической боли, происходящей отъ операціи, требовалъ ея прекращенія“ [1]).

Врачебная этика требуетъ, чтобы врачъ прежде, чѣмъ приступить къ леченію, заручился согласіемъ больнаго, и каждый врачъ, по собственному опыту, знаетъ, съ какими затрудненіями связано часто полученіе такого согласія. Требованіе согласія больнаго, какъ необходимаго условія для оправданія врачебной дѣятельности, можетъ крайне вредно отразиться на ней; прежде всего, операціи, производимыя съ той цѣлью, чтобы предпринять ту или иную мѣру на основаніи данныхъ, полученныхъ при изслѣдованіи, большею частью не достигали бы никакого результата, такъ какъ прежде, чѣмъ принять требуемую положеніемъ больнаго мѣру, необходимо сообщить больному о результатахъ изслѣдованія и испросить разрѣшеніе на продолженіе операціи [2]).

На это могутъ возразить, что въ данномъ случаѣ должна дѣйствовать презумпція согласія, но съ такимъ же основаніемъ можетъ быть допущена и противоположная презумпція относительно отчаявшагося въ выздоровленіи и рѣшившагося

---

[1]) См. Таганцевъ, Лекціи, II, 421, стр. 555.

[2]) См. R. Schmidt, указ. соч. стр. 12.

по крайней мѣрѣ умереть спокойно больнаго. Можно ли говорить, напр., о презумпціи согласія лица, находящагося въ безсознательномъ состояніи послѣ покушенія на самоубійство? Развѣ нельзя предположить какъ-разъ обратное, именно, что, оправившись послѣ неудачной попытки покончить съ собой, вмѣсто благодарности за спасеніе жизни, онъ не привлечетъ къ отвѣтственности врача, извлекавшаго у него пулю?

Можно представить и такой случай, о которомъ говоритъ Heimberger. „Паціентъ противится предложенной врачомъ необходимой операціи, напр., снятію катаракта или вскрытію причиняющаго страданіе нарыва, исключительно изъ боязни. Врачъ, человѣкъ энергичный, дѣлаетъ однако операцію, пользуясь для этого наркозомъ, а при нарывѣ—просто неожиданнымъ быстрымъ движеніемъ. Паціентъ оказывается потомъ очень довольнымъ, радуясь возврату зрѣнія или освобожденію отъ мучительныхъ болей, и чувствуетъ живѣйшую благодарность къ врачу за его рѣшительность. Однако послѣдующее одобреніе дѣйствій врача не приноситъ послѣднему пользы, оно не устраняетъ преступности его дѣянія“ [1]), такъ какъ имѣетъ силу лишь согласіе добровольное и данное ранѣе вторженія въ сферу права потерпѣвшаго.

Наконецъ, при такомъ способѣ рѣшенія вопроса остаются невыясненными многіе пункты, могущіе породить весьма крупныя сомнѣнія; защитники этого взгляда не указываютъ лицъ, согласіе которыхъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе, не опредѣляютъ возраста, съ достиженіемъ котораго больной можетъ самостоятельно выражать свое согласіе, не нуждаясь въ санкціи своихъ родителей и опекуновъ; они оставляютъ нерѣшеннымъ вопросъ, кто долженъ уполномочить врача на принятіе мѣръ, если произошелъ съ кѣмъ-нибудь несчастный случай и нѣтъ на лицо ни родителей, ни законныхъ представителей [2]). Все это указываетъ, что нельзя выставлять согласіе паціента, какъ обстоятельство, имѣющее рѣшающее значеніе для оправданія дѣятельности врача, не говоря уже

---

[1]) См. Heimberger, указ. соч., стр. 14.

[2]) См. Schmidt, указ. соч., стр. 34, прим. 3.

о томъ, что при такой постановкѣ вопроса врачъ ставится на одну доску съ членовредителемъ, причиняющимъ кому-либо изъ какихъ-либо темныхъ цѣлей увѣчье, раны и ссылающимся въ свое оправданіе на просьбы этого изувѣченнаго [1]).

Невозможность остановиться на этомъ способѣ рѣшенія вопроса заставляетъ искать иныхъ путей, при которыхъ согласіе паціента не устраняется вовсе, но получаетъ болѣе соотвѣтствующее значеніе. Въ качествѣ обстоятельства, устраняющаго преступный характеръ, указывается цѣль, преслѣдуемая врачомъ, согласіе же паціента имѣетъ значеніе лишь границы дозволеннаго врачебнаго вмѣшательства.

Такъ, по мнѣнію Oppenheim'a [2]), „врачебная цѣль—созданное обычаемъ основаніе права врачебнаго вмѣшательства, моментъ, устанавливающій это право". Установивъ это общее основаніе правомѣрности врачебной дѣятельности, Oppenheim указываетъ, кромѣ того, множество отдѣльныхъ правилъ для всевозможныхъ случаевъ врачебной дѣятельности, которыя въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ уничтожаютъ силу выставленнаго имъ теоретическаго принципа. Важнѣйшимъ изъ этихъ положеній является правило, что „лицо, достигшее совершеннолѣтія и обладающее душевнымъ здоровьемъ, не обязано вопреки своему желанію подвергаться операціи". Далѣе устанавливаются особыя правила относительно операцій для излеченія хроническихъ болѣзней, для замедленія хода болѣзней неизлечимыхъ, напр., рака, наконецъ для устраненія страданій неопасныхъ и т. п. Всѣ эти правила имѣютъ значеніе руководящихъ началъ для врачей, которые обыкновенно ихъ придерживаются въ своей практикѣ, но никакъ не силу положеній, настолько окрѣпшихъ въ народномъ правосознаніи, чтобы быть критеріемъ при обсужденіи дѣятельности врача [3]).

---

[1]) Напр., весьма часты случаи причиненія ранъ по просьбѣ для уничтоженія особыхъ примѣтъ и т. п.

[2]) L. Oppenheim. Das ärztliche Recht zu körperlichen Eingriffen an Kranken und Gesunden, Basel 1892 г.

[3]) См. Schmidt указ. соч., стр. 14—15; Heimberger указ. соч., стр. 16—17.

V. Lilienthal примыкаетъ къ высказанному Oppenheim'омъ взгляду и также признаетъ, что обстоятельствомъ, освобождающимъ врача отъ отвѣтственности, является преслѣдуемая имъ цѣль леченія и помощи, но, установивъ такое положеніе, v. Lilienthal въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣлаетъ рядъ отступленій и, въ качествѣ критерія, разграничивающаго лечебныя дѣйствія наказуемыя отъ ненаказуемыхъ, выдвигаетъ согласіе паціента, такъ что преслѣдованіе лечебныхъ цѣлей признается допустимымъ лишь подъ условіемъ и въ предѣлахъ даннаго паціентомъ согласія. „Врачебныя мѣры въ силу своей цѣли освобождаются отъ наказанія, но онѣ не должны примѣняться противъ воли паціента" [1]). Но такъ какъ такое условіе крайне стѣснило бы свободу врачебной дѣятельности, то v. Lilienthal приравниваетъ согласіе, предполагаемое на основаніи обстоятельствъ дѣла, согласію, дѣйствительно выраженному. Такимъ образомъ врача можетъ оградить отъ отвѣтственности не согласіе больнаго, а обстоятельства дѣла, создающія презумпцію согласія; этимъ устанавливается новый объективный критерій, признаковъ котораго авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, вслѣдствіе чего разрѣшеніе вопроса о допущеніи презумпціи согласія предоставляется на усмотрѣніе суда. Выставляя необходимость согласія для устраненія неправомѣрности, v. Lilienthal подрываетъ силу указаннаго имъ ранѣе основанія цѣли лечебной, которое дѣйствительно неспособно превратить преступное дѣяніе въ непреступное, такъ какъ цѣль дѣятельности можетъ вліять на размѣръ наказуемости, но не можетъ устранить неправомѣрности дѣянія [2]).

Значеніе цѣли врачебной дѣятельности подчеркивается также R.Schmidt'омъ въ его работѣ — „Die strafrectliche Verantwortlichkeit des Arztes für die verletzende Eingriffe" [3]), но онъ стремится разрѣшить весь вопросъ нѣсколько инымъ путемъ.

---

[1]) См. v. Lilienthal. Die pflichtmässige ärztliche Handlung, стр. 56.

[2]) См. болѣе подробный разборъ взгляда v. Lilienthal'я въ работахъ Stooss'a и Heimberger'a.

[3]) Dr. R. Schmidt. Die Strafrechtliche Verantwortlichkeit des Arztes für die erletzende Eingriffe. Jena, 1900.

Всѣ взгляды по данному вопросу страдаютъ, по мнѣнію Schmidt'a, однимъ кореннымъ недостаткомъ: они отдаютъ предпочтеніе то одной, то другой сторонѣ, то предоставляютъ беззащитнаго больнаго въ полное распоряженіе врача, хотя и патентованнаго, но не застрахованнаго отъ ошибокъ и увлеченій, то, наоборотъ, ставятъ дѣятельность врача въ такія условія, при которыхъ ея осуществленіе становится крайне затруднительнымъ, между тѣмъ какъ должны быть приняты во вниманіе, какъ интересы врачей, такъ и паціентовъ, профессіональная свобода и индивидуальное благо.

Для разрѣшенія этой задачи Schmidt предлагаетъ установить въ законѣ на ряду съ правомъ необходимой обороны, правомъ дисциплинарной власти и т. п. особое основаніе, устраняющее преступный характеръ дѣянія, которое онъ называетъ „правомъ врачебной помощи". Въ силу этого права возможны посягательства на свободу, честь, тѣлесную неприкосновенность и даже жизнь, насколько это посягательство съ точки зрѣнія выводовъ медицины представляется необходимымъ для излеченія, ослабленія страданій и т. п. [1]). Дѣйствія врача не могутъ считаться преступными потому, что они объективно способны вызвать желаемый обществомъ результатъ, что отъ нихъ на основаніи опыта можно ждать съ вѣроятностью полезныхъ послѣдствій [2]). Какъ при необходимой оборонѣ границы обороны опредѣляются степенью необходимости для отраженія неправомѣрнаго нападенія, такъ же точно степенью необходимости опредѣляются и границы правомѣрности врачебной дѣятельности. Рѣшеніе же вопроса, насколько извѣстная мѣра представляется въ данномъ случаѣ необходимой, должно быть предоставлено спеціальнымъ врачамъ-экспертамъ, такъ что судьба врача будетъ прежде всего зависѣть отъ лицъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ профессіи, чѣмъ обезпечивается бо̀льшая правильность приговора. Въ отличіе отъ попытки обосновать ненаказуемость врачеб-

---

[1]) См. Schmidt, указ. соч., стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 27.

ной дѣятельности путемъ ссылки на профессіональное право способъ рѣшенія Schmidt'а ограждаетъ отъ отвѣтственности не только патентованныхъ врачей, но и лицъ, занимающихся леченіемъ, не имѣя диплома врача, если только предпринятыя ими мѣры не выходятъ изъ границъ, указанныхъ наукой; въ то же время онъ даетъ возможность подвергнуть профессіональнаго врача отвѣтственности, если послѣдній примѣнитъ какіе-либо рискованные, недостаточно провѣренные способы леченія. Для того, чтобы заключенія экспертовъ-врачей имѣли большій вѣсъ и значеніе, Schmidt предлагаетъ, чтобы судъ при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ выслушивалъ по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ врачей или чтобы была создана постоянная организація изъ врачей, которая, съ одной стороны, служила бы цѣлямъ контроля за дѣятельностью врача, съ другой—могла бы оказать ему поддержку.

„Право врачебной помощи" Schmidt'а въ сущности представляетъ то же профессіональное право; различіе заключается въ томъ, что при установленіи этого основанія устраненія преступности въ законѣ на него могутъ ссылаться какъ патентованные, такъ и непатентованные врачи. Schmidt раскрываетъ при этомъ основанія, въ силу которыхъ „право врачебной помощи" должно быть признано обстоятельствомъ, устраняющимъ преступный характеръ дѣянія; такимъ основаніемъ, по его мнѣнію, является объективно-полезная цѣль врачебныхъ мѣръ. Въ противоположность Oppenheim'у и v. Lilienthal'ю, указывающимъ на цѣль дѣятеля, Schmidt говоритъ, что оправдывающимъ основаніемъ могутъ служить лишь цѣли, дорогія всему обществу. Что же касается всѣхъ другихъ условій, указываемыхъ Schmidt'омъ, то они имѣютъ силу при всякой профессіональной дѣятельности; такъ, граница вторженія въ сферу правъ личности при отправленіи профессіональныхъ обязанностей всегда опредѣляется степенью необходимости, и нарушеніе этой границы будетъ наказуемо; если, напр., полицейскій служитель, не ограничиваясь предоставленнымъ ему правомъ задержанія нарушителя тишины, подвергнетъ его побоямъ, то его не избавитъ отъ отвѣтственности ссылка на исполненіе своихъ обязанностей, точно такъ же и врачъ, зло-

употребившій своимъ званіемъ, не можетъ избѣжать наказанія за учиненное имъ правонарушеніе.

Для того, чтобы врачъ имѣлъ возможность сослаться на „право врачебной помощи", онъ долженъ быть призванъ къ больному [1]); отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что для принятія каждой отдѣльной мѣры врачъ долженъ спрашивать согласіе больнаго, но если онъ предприметъ какую-либо мѣру, вопреки ясно выраженной волѣ больнаго, воздѣйствуя на него путемъ угрозъ или обмана, то онъ, въ случаѣ соотвѣтствія предпринятой мѣры требованіямъ медицинской науки, будетъ все-таки подлежать отвѣтственности за посягательство на свободу [2]). Такимъ образомъ при отсутствіи согласія больнаго „право врачебной помощи" не освобождаетъ врача отъ отвѣтственности, а лишь видоизмѣняетъ ее, какъ скоро врачъ дѣйствовалъ въ границахъ, указываемыхъ медицинской наукой; если же врачъ, не получивъ согласія больнаго, вышелъ изъ этихъ границъ и принялъ мѣры, не провѣренныя наукой, то отпадаетъ и возможность ссылки на право врачебной помощи, и наступаетъ отвѣтственность за учиненное въ полной мѣрѣ [3]).

---

[1]) Schmidt, ук. соч., стр. 33.

[2]) Тамъ же, стр. 35—36.

[3]) Изъ другихъ попытокъ разрѣшить вопросъ объ основаніяхъ правомѣрнаго характера врачебной дѣятельности отмѣтимъ взглядъ Dietrich'а, который въ своей работѣ „Die Straflosigkeit ärztlicher Eingriffe" признаетъ врачебную дѣятельность дозволенной потому, что „она составляетъ меньшее зло и является необходимымъ средствомъ для уничтоженія тѣхъ несчастій, объ отвращеніи которыхъ заботится самъ законъ". Противъ этого взгляда было высказано возраженіе, что необходимость правонарушенія не можетъ служить основаніемъ его дозволенности, она можетъ вліять лишь на размѣръ наказуемости.

Если бы всякое вызванное необходимостью правонарушеніе признавалось дозволеннымъ, то не было бы надобности въ особыхъ опредѣленіяхъ закона относительно ненаказуемости дѣяній, учиненныхъ въ состояніи крайней необходимости и необходимой обороны.

См. Heimberger, указ. соч., стр. 18—19.

IV.

Всѣ изложенные выше взгляды страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ,—неправильной точкой зрѣнія, положенной въ основаніе разсужденія. Неправильность ея заключается въ томъ, что врачебная дѣятельность не можетъ быть разсматриваема, какъ дѣятельность преступная, нуждающаяся для своего оправданія въ особомъ основаніи; врачебная дѣятельность является дѣятельностью вполнѣ правомѣрной, не требующей для своего оправданія никакого особаго основанія.

Преступленіемъ называется дѣяніе, запрещенное закономъ, подъ страхомъ наказанія. Но развѣ врачебная дѣятельность запрещена закономъ? Развѣ государство не устраиваетъ клиникъ, больницъ и т. п. учрежденій? Если законодатель признаетъ извѣстное дѣяніе преступнымъ и въ качествѣ таковаго указываетъ въ законѣ, то лишь при наличности особыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, подвергающихся каждый разъ судебному разсмотрѣнію и оцѣнкѣ, это дѣяніе можетъ быть признано правомѣрнымъ; врачи же за отправленіе своихъ профессіональныхъ обязанностей, наоборотъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ на скамью подсудимыхъ, т. е. ихъ дѣятельность признается, какъ общее правило, правомѣрной и только въ видѣ исключенія можетъ вызвать преслѣдованіе [1]).

Дѣятельность врача входитъ въ соприкосновеніе съ важнѣйшими благами личности и въ силу этого она обставляется извѣстными условіями, гарантирующими полученіе желаемаго результата; вотъ за нарушеніе этихъ спеціальныхъ условій и можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности врачъ, но отнюдь не за тѣлесное поврежденіе.

При тѣлесномъ поврежденіи наносится вредъ тѣлу человѣка, разстраивается его здоровье; благодаря тѣлесному поврежденію прекращается или ослабляется функціонированіе

---

[1]) Такой же взглядъ защищаютъ K. Stooss въ своихъ работахъ, посвященныхъ этому вопросу, и Heimberger въ ук. соч.—Das Strafrecht und Medizin.

органовъ человѣческаго тѣла, нарушается цѣлость внѣшнихъ покрововъ и т. п. Для устраненія всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій прибѣгаютъ къ врачебной помощи, принимаютъ мѣры, которыя на основаніи данныхъ опыта и выводовъ науки способны уничтожить нанесенный вредъ или ослабить его дѣйствіе; врачебная дѣятельность—дѣятельность врачующая, т. е. способная возстановить здоровье больнаго или содѣйствовать его улучшенію. Различіе между дѣятельностью врача и дѣятельностью лица, причиняющаго тѣлесное поврежденіе, заключается и въ субъективной, и въ объективной сторонѣ. Воля одного направляется на причиненіе вреда здоровому человѣку, воля другаго напротивъ стремится уничтожить вредъ уже существующій; насколько первый руководствуется мотивами антисоціальными, настолько дѣятельность втораго проникнута похвальнымъ стремленіемъ сохранить обществу лишнюю силу. Эта разница въ субъективномъ настроеніи обоихъ дѣятелей настолько ярка, что нѣтъ надобности долго на ней останавливаться. Она настолько ясна и очевидна, что подрываетъ возможность сравнивать оба вида дѣятельности со стороны внѣшней.

Защитники противоположнаго взгляда увлекаются этимъ внѣшнимъ мнимымъ сходствомъ и говорятъ, что операція воспроизводитъ собой объективный составъ тѣлеснаго поврежденія. Вполнѣ справедливо по этому поводу замѣчаетъ Stooss: „кто наблюдалъ за хирургомъ во время производства имъ операціи, тотъ несомнѣнно замѣтилъ, что онъ подходитъ къ дѣлу совершенно иначе, чѣмъ тотъ, кто желаетъ причинить вредъ здоровью другаго лица. Хирургъ приготовляется къ операціи съ замѣчательной тщательностью. Все, что̀ можетъ повредить больному, своевременно устраняется, производится полная дезинфекція. Прежде, чѣмъ приступить къ операціи, хирургъ внимательно изслѣдуетъ больнаго, онъ принимаетъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, которыя могли бы повліять на исходъ операціи. Онъ знаетъ, какъ произвести разрѣзъ; каждая линія разрѣза обусловливается цѣлью операціи и состояніемъ больнаго. Послѣ удачно выполненной операціи паціентъ оказывается въ томъ именно

положеніи, какое желалъ создать хирургъ и которое является условіемъ для выздоровленія. Кто увѣчитъ солдата, непріятель, раздробившій ему ногу, или врачъ, произведшій ампутацію? Не слѣдуетъ ли признать членовредителемъ врага, а врача наоборотъ цѣлителемъ? Но развѣ положеніе дѣла измѣнится, если нога повреждена болѣзнью, если зараженіе крови или гангрена дѣлаютъ необходимой ея ампутацію?

Удаляя оперативнымъ путемъ причину болѣзни, этимъ самымъ хирургъ создаетъ такое положеніе, которое по сравненію съ положеніемъ, бывшимъ до операціи, должно быть признано нормальнымъ" [1]).

Heimberger подвергаетъ разсмотрѣнію объективный составъ тѣлеснаго поврежденія, какъ послѣднее обрисовано въ § 223 германскаго уголовнаго уложенія, и находитъ, что врачебная дѣятельность, въ частности операція, не можетъ быть подведена ни подъ понятіе „Misshandlung", ни подъ понятіе разстройства здоровья [2]). „Misshandeln"—обозначаетъ не столько причиненіе боли или страданія, сколько несоовѣтствующее неумѣстное обращеніе; возможны случаи „Misshandlungen", не вызывающіе страданія, съ другой стороны—могутъ быть вызывающіе боль или страданія мѣры, которыя не подходятъ подъ понятіе „Misshandlung"; рѣшеніе вопроса, можно ли данный способъ обращенія разсматривать, какъ „Misshandlung", зависитъ отъ того, умѣстно или нѣтъ подобное обращеніе съ тѣломъ человѣка. Поэтому врачъ, примѣняющій къ больному тѣ мѣры, которыя въ данномъ случаѣ требуются отъ него правилами врачебной науки, поступаетъ вполнѣ соотвѣтственно съ положеніемъ больнаго, а не „misshandelt" больнаго, хотя бы его образъ дѣйствій и причинялъ больному страданіе. Еще менѣе операція подходитъ подъ понятіе „разстройства здоровья". Нѣкоторые указываютъ, что производство операціи необходимо сопровождается патологическими состояніями.

Но очевидно, что эти преходящія состоянія не имѣютъ самостоятельнаго значенія, они должны быть разсматриваемы

---

[1]) См. Zeitschrift für Strafrecht, XII, K. Stooss, ук. соч., стр. 25—26.

[2]) Heimberger, ук. соч., 38—54 стр.

во всей своей совокупности, какъ условія леченія, и дѣятельность, создавшая такія условія, не можетъ быть вредной для здоровья.

Итакъ, если кто, руководствуясь требованіями науки, производитъ операцію, тотъ не только не совершаетъ тѣлеснаго поврежденія, но предпринимаетъ дѣйствіе, которое ни по своей природѣ, ни по своему свойству, наконецъ ни по своему назначенію не имѣетъ въ виду причинить вредъ человѣку. Даже неудавшаяся операція не можетъ быть подведена подъ понятіе тѣлеснаго поврежденія, такъ какъ операторъ никогда не хочетъ создать положеніе, которое способствовало бы неудачному исходу операціи, онъ желаетъ напротивъ примѣненіемъ врачебныхъ мѣръ создать условія благопріятныя для здоровья паціента.

Но этимъ положеніемъ не устраняется возможность привлеченія врача къ отвѣтственности, который воспользовался своей профессіей для причиненія вреда здоровью. Врачебная мѣра можетъ быть признана умышленнымъ тѣлеснымъ поврежденіемъ, когда врачъ примѣняетъ ее съ сознаніемъ, что она повредитъ здововью человѣка, напр., прививка какого-либо яда; неосторожное тѣлесное поврежденіе имѣетъ мѣсто, когда врачъ не предвидѣлъ въ качествѣ результата своей дѣятельности разстройства здоровья, хотя при надлежащей осмотрительности долженъ былъ его предвидѣть".

Съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ еще менѣе можно говорить о подведеніи врачебной дѣятельности подъ понятіе тѣлеснаго поврежденія. Наше уложеніе не знаетъ общаго понятія тѣлеснаго поврежденія, а содержитъ крайне сложную и запутанную систему отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ поврежденій, указывая при каждомъ изъ нихъ различныя степени и оттѣнки тяжести въ зависимости отъ различныхъ условій, большей или меньшей обдуманности умысла, степени жестокости употребленныхъ средствъ, опасности для жизни, мѣры страданій и т. д. Всѣ эти признаки, входящіе въ составъ отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ поврежденій, не даютъ возможности подводить хирургическую операцію подъ понятіе тѣлеснаго поврежденія. Въ

частности оно не можетъ быть сочтено за разстройство здоровья въ виду редакціи ст. 1486, опредѣленно указывающей на свойство умысла дѣятеля: разстроить здоровье; тѣмъ менѣе врачебная дѣятельность можетъ быть подведена подъ понятіе „побоевъ", „истязаній и мученій".

Остаются увѣчья и раны.

Характеристика этихъ видовъ тѣлеснаго поврежденія, даваемая уложеніемъ, ясно показываетъ, что законодатели вовсе не имѣли въ виду отождествлять увѣчья и раны, какъ неправомѣрныя посягательства на тѣлесную неприкосновенность, съ хирургическими пріемами леченія.

Подъ увѣчьемъ подразумѣвается лишеніе человѣка какого-либо органа тѣла или тѣлесной способности. Примѣненіе такихъ врачебныхъ средствъ, послѣдствіемъ которыхъ является лишеніе какого-либо органа или тѣлесной способности, обыкновенно вызывается такимъ состояніемъ этого органа, что онъ не можетъ уже функціонировать правильно и оставленіе его грозитъ опасностью для здоровья человѣка. Ранами въ уложеніи называются наружные, проникающіе въ глубь разрывы ткани, сопровождаемые наружнымъ кровоизліяніемъ. Врачамъ-хирургамъ дѣйствительно весьма часто приходится прибѣгать къ нарушенію цѣлости тѣлесныхъ покрововъ и вскрытію полостей, но эти мѣры принимаются не ради причиненія боли или страданія, а обусловливаются состояніемъ здоровья паціента, это нарушеніе цѣлости тканей является тѣмъ преходящимъ состояніемъ, которое не можетъ быть разсматриваемо самостоятельно и составляетъ лишь условіе для спасенія больнаго. Выше указывалось, какъ не сходны даже съ внѣшней стороны пріемы лица, наносящаго рану, и пріемы хирурга, который, по окончаніи операціи, содѣйствуетъ скорѣйшему заживленію сдѣланныхъ имъ разрѣзовъ.

Равнымъ образомъ неудачный исходъ операціи не даетъ основанія для привлеченія врача къ отвѣтственности по ст. 1466 или 1494 въ виду того, что необходимымъ условіемъ примѣненія этихъ статей является запрещенность того дѣянія, отъ котораго произошла смерть или тѣлесное поврежденіе (кас. рѣш. $^{70}/_{560}$ Вишинскаго, $^{72}/_{1354}$ Михина, $^{72}/_{1555}$

Щербакова, $^{88}/_{60}$ Деркача), въ законѣ же нигдѣ нѣтъ запрещенія дѣлать операціи.

Примѣняя ст. 1466, судъ, по толкованію Сената, долженъ прямо указать, какія именно постановленія закона нарушены виновными ($^{72}/_{1354}$ по д. Михина). Поэтому Московскій окружный судъ поступилъ вполнѣ правильно, отвергнувъ обвиненіе Модлинскаго по ст. 1466 и признавъ такимъ образомъ, что операція сама по себѣ не является дѣяніемъ запрещеннымъ. Что же касается ст. 1468, опредѣляющей наказаніе за причиненіе кому-либо смерти отъ дѣянія явно неосторожнаго, не составляющаго само по себѣ какого-либо преступленія или проступка (кас. рѣш. $^{90}/_{42}$ по д. Попова), то примѣненіе ея возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ врачебной дѣятельности, когда врачъ предпринялъ операцію вопреки требованіямъ науки, когда онъ долженъ былъ предвидѣть вредное вліяніе ея на здоровье, но благодаря невнимательности, отсутствію надлежащей осмотрительности не предусмотрѣлъ этого. Этихъ условій въ дѣлѣ Модлинскаго не было; напротивъ эксперты утверждаютъ, что операція была необходима, что она была произведена согласно со всѣми требованіями науки и что были приняты всѣ необходимыя мѣры предосторожности.

Поэтому едва ли можно согласиться съ приговоромъ судебной палаты, признавшей Модлинскаго виновнымъ по ст. 1468.

Всѣ приведенныя выше соображенія, разумѣется, имѣютъ мѣсто лишь по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда операція, произведенная согласно со всѣми правилами науки, дѣлается больному, нуждающемуся въ ней для возставленія своего здоровья. Поэтому случаи операцій, производимыхъ надъ здоровыми людьми, для излеченія другихъ или для научныхъ опытовъ, могутъ быть оправданы лишь согласіемъ потерпѣвшихъ; эти операціи не вызываются состояніемъ ихъ здоровья, онѣ наоборотъ причиняютъ имъ ущербъ, для нихъ эти операціи не являются мѣрой врачующей, а потому для производства ихъ необходимо заручиться согласіемъ лица, такъ что врачъ, безъ согласія снявшій кусокъ кожи для

заживленія раны другаго лица или привившій какую-либо болѣзнь въ цѣляхъ научныхъ опытовъ, можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности за тѣлесное поврежденіе.

V.

Но, высказываясь противъ признанія противоправности врачебной дѣятельности, мы не можемъ согласиться съ той постановкой вопроса, какую далъ защитникъ д-ра Модлинскаго присяжный повѣренный Ледницкій. По его мнѣнію, врачъ, какъ представитель государственнаго интереса охраненія жизни и здоровья гражданъ, имѣетъ право принимать всѣ мѣры, какія предписываетъ ему наука. Такой взглядъ можетъ завести весьма далеко; проводя его послѣдовательно, можно было бы дойти до предоставленія врачамъ права примѣнять врачебныя мѣры ко всякому, у кого они замѣтятъ какіе-либо признаки болѣзни, не справляясь о желаніи обнаружившаго эти признаки подвергнуться леченію. Между тѣмъ совершенно справедливо замѣчаетъ v. Lilienthal, что каждому должно быть предоставлено право по своему усмотрѣнію отправляться на тотъ свѣтъ. Поэтому примѣненіе врачебныхъ мѣръ, безъ полномочія паціента, будетъ нарушеніемъ его свободы [1]). Свобода, какъ объектъ посягательства, понимается въ смыслѣ возможности распоряжаться и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Посягательство на свободу можетъ выразиться въ самой разнообразной формѣ и степени, начиная отъ лишенія на короткое время возможности располагать какимъ-либо членомъ тѣла, сдѣлать выборъ между какимъ-либо дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ, и кончая полной потерей свободы въ смыслѣ возможности передвиженія. Врачебныя мѣры, принимаемыя безъ полномочія паціента, подходятъ подъ ту категорію дѣяній, нарушающихъ свободу, которыя состоятъ въ принужденіи что-либо сдѣлать или не дѣлать, испытать или перенести какое-либо ощущеніе; по

---

[1]) Подобный же взглядъ развиваетъ Heimbeger, см. ук. соч. стр. 55 и слѣд.

нашему праву онѣ ближе всего подходятъ подъ понятіе насилія, предусмотрѣннаго ст. 142 уст. наказ. [1]).

Понятіе насилія обнимаетъ собой всѣ случаи посягательствъ съ помощью физической силы, направленныхъ на ограниченіе свободы личнаго самоопредѣленія, которыя не заключаютъ въ себѣ состава иного преступнаго дѣянія. Совершающій насиліе принуждаетъ насилуемаго претерпѣть какое-либо состояніе для него нежелательное или выполнить какое-либо дѣйствіе, или воздержаться отъ дѣйствія. Существенный элементъ насилія—употребленіе силы противъ личности, вопреки ея волѣ. Этотъ элементъ безусловно имѣется въ дѣятельности врача, принимающаго лечебныя мѣры безъ полномочія больнаго.

Итакъ, чтобы дѣятельность врача не имѣла характера посягательства на свободу, необходимо полномочіе больнаго, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаютъ Schmidt и другіе, что и для каждой отдѣльной мѣры, предпринимаемой врачемъ въ цѣляхъ леченія, требуется согласіе больнаго. Намъ думается, что больной, приглашая врача тѣмъ самымъ какъ бы отдаетъ себя въ его распоряженіе, и врачъ не только уполномоченъ, но и обязанъ принять всѣ мѣры, которыя предписываетъ ему въ данномъ случаѣ наука. Врачебная этика требуетъ, чтобы врачъ предупреждалъ больнаго относительно предпринимаемыхъ имъ пріемовъ леченія; но выполненіе этого требованія бываетъ иногда невозможно, иногда не цѣлесообразно. „Каждый знаетъ“,—говоритъ Schmidt,—„что при извѣстныхъ обстоятельствахъ представляется необходимымъ обмануть не только больнаго, но и его близкихъ, и это является однимъ изъ лучшихъ доказательствъ несостоятельности господствующей практики, которая совершенно упускаетъ изъ вида эти случаи, такъ какъ по ея представленію врачъ всегда имѣетъ дѣло съ лицами образованными, развитыми и никогда съ недальновидными, не понимающими

---

[1]) Но отнюдь не самоуправства, какъ это призналъ Московскій окружный судъ; судебная палата, признавъ Модлинскаго виновнымъ по ст. 1468, тѣмъ самымъ отвергла, вполнѣ правильно, обвиненіе его въ самоуправствѣ.

собственной пользы представителями некультурныхъ классовъ“ [1]). При терапевтическомъ леченіи медикаменты назначаются и мѣняются обыкновенно безъ всякаго предупрежденія о томъ паціента, но вѣдь терапевтическое леченіе по существу не отличается отъ хирургическаго; различіе между ними скорѣе количественное, въ степени интенсивности воздѣйствія, а никакъ не качественное. Права врача еще болѣе расширяются, когда больной ложится въ клинику, когда попеченіе о его здоровьѣ всецѣло ложится на врача. Если больной согласился на предложенную ему врачомъ операцію, то это согласіе даетъ врачу право сдѣлать ее въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ требуетъ положеніе больнаго; если операція произведена, но черезъ нѣкоторое время по ходу болѣзни возникаетъ необходимость въ ея повтореніи или совершеніи новой, подобной же, вызываемой тѣмъ же болѣзненнымъ процессомъ, то по нашему мнѣнію, спрашивать снова согласіе на эту вторичную операцію представляется совершенно излишнимъ: право на производство этой второй операціи вытекаетъ изъ даннаго ранѣе полномочія на леченіе. Противоположный взглядъ можетъ повести къ тому, что прежде, чѣмъ приступить къ операціи, врачъ долженъ будетъ справиться, согласенъ ли паціентъ, чтобы ему произвели такіе-то и такіе-то разрѣзы, удалили такія-то и такія-то части, перерѣзали такіе-то и такіе-то мускулы, нервы и т. п. Едва ли и врачебная этика признаетъ цѣлесообразность всѣхъ подобныхъ объясненій. Еще менѣе можно говорить о необходимости согласія для каждой врачебной мѣры, когда въ клинику помѣщенъ ребенокъ или лицо, вообще неспособное выражать свою волю; родители или представители, помѣстивъ такого больнаго въ клинику, тѣмъ самымъ передали попеченіе о его здоровьѣ врачу, послѣдній же вслѣдствіе возложенія на него этой заботы не только можетъ, но и обязанъ сдѣлать все и принять всѣ мѣры для возстановленія здоровья, не испрашивая каждый разъ особаго полномочія.

Наконецъ, если врачъ имѣетъ дѣло съ лицомъ, временно

---

[1]) См. Schmidt, указ. соч., стр. 36.

лишившимся возможности выражать свою волю, то тутъ, несмотря на отсутствіе согласія, не можетъ быть рѣчи о посягательствѣ на свободу, такъ какъ больной уже ранѣе лишился свободы распоряжаться своей личностью, а врачъ, оказывая ему помощь, исполняетъ лишь свой долгъ, возложенный на него его званіемъ.

Такимъ образомъ врачебная дѣятельность, какъ дѣятельность вполнѣ правомѣрная, не нуждается ни въ какомъ оправданіи; согласіе больнаго необходимо для леченія вообще, а не для отдѣльныхъ актовъ его, такъ какъ обращеніе больнаго къ врачу за помощью уполномочиваетъ этого послѣдняго на принятіе всѣхъ мѣръ, предписываемыхъ наукой до тѣхъ поръ, пока это согласіе не будетъ взято обратно; примѣненіе отдѣльныхъ врачебныхъ мѣръ безъ согласія представляется нарушеніемъ врачебной этики, но посягательствомъ на свободу можетъ быть признано лишь примѣненіе этихъ мѣръ вопреки ясно выраженной волѣ больнаго.

Когда наша статья была уже написана, появились двѣ работы, посвященныя тому же вопросу: статья г. Скляра „Врачъ и законъ“ въ журналѣ „Русская Мысль“, Февраль, и статья Н. С. Таганцева „Уголовная отвѣтственность хирурговъ“ въ газетѣ „Право“ № 12.

Г. Скляръ, отрицая возможность подведенія случаевъ совершенія операцій безъ согласія больнаго подъ понятіе самоуправства и подъ понятіе нанесенія ранъ или увѣчья, предлагаетъ „производство операціи безъ согласія больнаго, когда притомъ въ ней не было неотложной необходимости, квалифицировать, какъ особое преступленіе. Слѣдуетъ ввести въ уложеніе о наказаніяхъ особую статью о томъ, что такое дѣяніе и вообще насильственное леченіе воспрещается подъ страхомъ извѣстнаго наказанія. Наказаніе это должно быть меньше, чѣмъ за нанесеніе увѣчья или ранъ, но больше, чѣмъ за самоуправство. Если результатомъ насильственнаго леченія была смерть, увѣчье или поврежденіе здоровья наказаніе по общимъ правиламъ должно быть повышено сообразно важности результата“ (132 стр.). „Но если есть на лицо жизненныя показанія, т. е. больному грозитъ немедлен-

ная смерть и есть основаніе разсчитывать, что операція можетъ его спасти, врачъ не только имѣетъ право, но и обязанъ ее сдѣлать, хотя бы ни самъ больной, ни его родные этого не хотѣли. Тутъ уже властно вступаетъ въ свои права другой принципъ, по которому не только близкіе и родные, но и самъ больной не въ правѣ распорядиться своей жизнью. Притомъ же больной, не соглашающійся на операцію, когда она можетъ спасти его отъ немедленной смерти, долженъ разсматриваться какъ человѣкъ, находящійся въ состояніи невмѣняемости" (стр. 133).

Не вдаваясь въ подробный разборъ статьи г. Скляра, отмѣтимъ здѣсь неопредѣленность взгляда автора на сущность лечебныхъ мѣръ и въ частности операцій; признаетъ ли онъ врачебную дѣятельность an und für sich правомѣрной и не требующей для своего оправданія никакихъ особыхъ основаній или наоборотъ, остается невыясненнымъ; предоставленіе врачу права примѣненія лечебныхъ мѣръ вопреки волѣ больнаго или его близкихъ, допущеніе презумпціи невмѣняемости больнаго, отказывающагося отъ необходимой операціи—все это говоритъ противъ принятія взглядовъ г. Скляра.

Что же касается взгляда г. Таганцева, что „лечебное дѣйствіе, вызванное состояніемъ больнаго и соотвѣтствующее тому, что разумный врачъ могъ, сообразно требованіямъ медицины, предпринять для борьбы съ болѣзнью и для блага больнаго, не можетъ почитаться преступнымъ", то мы съ нимъ совершенно согласны, но не согласны съ тѣмъ, что хирургическая операція воспроизводитъ собой объективный и субъективный составъ тѣлеснаго поврежденія.

ДОГОВОРЫ О ВЫДАЧѢ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ РОССІЕЙ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ, И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ СТ. 168–174 УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

М. Ткаченко.

I.

Согласно дѣйствующимъ постановленіямъ нашего уголовнаго уложенія о „пространствѣ его дѣйствія“ всѣ лица, совершившія какое-либо преступное дѣяніе въ предѣлахъ государства (ст. 168, 170), а равно подозрѣваемыя или изобличенныя въ содѣяніи внѣ предѣловъ его „преступленій“, упомянутыхъ въ ст. 172—174, *исключительно* подсудны русскимъ судамъ. Въ силу этой исключительности юрисдикціи, признанный уложеніемъ объемъ власти русскихъ уголовныхъ судовъ нисколько не зависитъ отъ того, *гдѣ* (въ Россіи или внѣ ея предѣловъ), *кѣмъ* (русскимъ подданнымъ или иностранцемъ) и *противъ кого* (русскаго или иностраннаго государства, русскихъ или иностранныхъ подданныхъ) учинено преступное дѣяніе. Такимъ образомъ, въ случаѣ возможнаго столкновенія началъ подсудности по уложенію о наказаніяхъ съ объемомъ власти иностранныхъ уголовныхъ судовъ по титуламъ территоріальному, личному или реальному, послѣдніе, по ясному смыслу нашего законодательства, не принимаются во вниманіе, и выдача лица въ этихъ случаяхъ, казалось бы, не могла бы имѣть мѣста.

Въ своей прямолинейности наше уложеніе идетъ еще дальше и, по отношенію къ лицамъ, учинившимъ опредѣленныя преступленія внѣ предѣловъ государства, постоянно говоритъ о возможности ихъ выдачи Россіи [1]).

Въ виду всей совокупности этихъ постановленій, международные договоры о выдачѣ преступниковъ, заключенные Россіей, должны были бы допустить выдачу только иностранныхъ подданныхъ, требуемыхъ другими государствами въ виду учиненія этими лицами посягательствъ на иностранный правовой порядокъ, такъ какъ только на эти случаи внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній не распространяется объемъ власти русскихъ уголовныхъ судовъ.

Однако Россія въ своихъ договорахъ о выдачѣ въ значительной степени отклоняется отъ началъ внутренняго своего уголовнаго законодательства и путемъ партикулярныхъ международныхъ нормъ открываетъ широкую дверь высокимъ началамъ такъ называемой космополитической теоріи дѣйствія уголовнаго закона, признавая его основной принципъ: субсидіарность преслѣдованія уголовныхъ внѣземельныхъ дѣяній.

Проектъ уголовнаго уложенія, сохранивъ въ общемъ тѣ же принципы, внесъ въ данную область очень мало новаго. Его задачей въ этомъ отношеніи было—съ одной стороны, вмѣсто ряда партикулярныхъ нормъ, дать надлежащее количество общихъ правовыхъ началъ, а съ другой—„переплавить“ содержаніе дѣйствующаго *международнаго* права въ форму туземнаго уголовнаго законодательства. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ непосредственной задачѣ нашего этюда, именно къ выясненію тѣхъ измѣненій въ объемѣ власти русскихъ уголовныхъ судовъ, которыя внесены въ наше право договорами о выдачѣ преступниковъ.

---

[1]) Такъ, ст. 172 (подсудность по началу реальному) предполагаетъ выдачу иностранцевъ „правительствомъ того края, гдѣ (ими) учинено преступленіе, или тѣмъ, у коего онъ въ подданствѣ“. Въ томъ же смыслѣ составлены и ст. 173—174 (подсудность по началу личному).

II.

Объемъ власти русскихъ уголовныхъ судовъ по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ русскимъ подданнымъ или иностранцемъ въ предѣлахъ нашей территоріи, установленный ст. 168 и 170 улож. наказ., остался, какъ то и слѣдовало ожидать, незатронутымъ нашими договорами о выдачѣ.

Согласно общепризнанной нормѣ международнаго уголовнаго права, выдача допустима лишь за дѣянія, совершенныя *внѣ* предѣловъ территоріи государства-убѣжища [1]). На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и всѣ наши договоры о выдачѣ.

Такъ, конвенціи съ Австро-Венгріей, ст. 2, Италіей, ст. 2, Монако, ст. 1, Нидерландами, ст. 1, Баваріей (1869) ст. 3, Гессеномъ, ст. 3, Португаліей, ст. 1, Швейцаріей, ст. 3— опредѣленно указываютъ на то, что выдача должна примѣняться лишь въ случаѣ преступнаго дѣянія, совершеннаго внѣ предѣловъ государства, отъ котораго требуется выдача.

Тотъ же смыслъ имѣютъ ст. 1 конвенціи со Швеціей 1860 г. и ст. 7 акта разграниченія 1810—съ той же державой, ст. 1—конвенціи съ Даніей и нотъ, обмѣненныхъ съ правительствами Баварскимъ и Прусскимъ въ 1885 году.

Наконецъ, согласно статьѣ 1-ой договоровъ съ Бельгіей, Великобританіей, Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Испаніей—выдачѣ подлежатъ только тѣ лица, которыя привлечены къ отвѣтственности судебными установленіями той изъ двухъ странъ, гдѣ совершено противозаконное дѣй-

---

[1]) Такъ, законы о выдачѣ: Нидерландскій (1875), ст. 2, Бельгійскій (1874) ст. 1 и 2, Швейцарскій (1892), ст. 1, Аргентинскій (1885), ст. 2 п. 1; проекты: Итальянскій (1885), ст. 2, Французскій (Дюфора), ст. 3 п. 2 и пр. Billot, Traité de l'extradition, P. 1874, p. 1 и Hans, Principes généraux de droit pénal belge, P. 1885 № 951 вносятъ въ само понятіе выдачи признакъ учиненія преступнаго дѣянія внѣ предѣловъ государства-убѣжища. Но въ такой общей формѣ это воззрѣніе неправильно, напр., по отношенію къ договорному праву Италіи, Швейцаріи, Германской Имперіи (см. дѣйствующіе взаимно между этими государствами договоры о выдачѣ).

ствіе [1]). Проектъ уголовнаго уложенія удерживаетъ то же начало. По ст. 10-й подлежитъ выдачѣ .... „иностранецъ, учинившій *внѣ предѣловъ Россіи* преступленіе или проступокъ".

III.

По смыслу нашего внутренняго законодательства выдача представляетъ собою административную мѣру безопасности, примѣняемую исключительно къ иностранцамъ, учинившимъ *внѣ* предѣловъ русскаго государства *предосудительныя* дѣянія [2]).

Что же касается русскихъ подданныхъ, то наша юрисдикція распространяется на нихъ и въ случаѣ совершенія имъ преступленія за границей и притомъ *исключительно*, если преступникъ находится въ предѣлахъ отечественной территоріи.

И это начало подтверждается громаднымъ большинствомъ нашихъ картельныхъ конвенцій, провозглашающихъ принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ.

Однако, три конвенціи съ Великобританіей (ст. 3), съ Соединенными Штатами Америки (ст. 4) и съ Испаніей (ст. 3) стипулируютъ *факультативную* выдачу туземцевъ.

---

[1]) Не могутъ быть разсматриваемы какъ исключенія въ данномъ отношеніи тѣ постановленія нашихъ договоровъ, въ силу которыхъ лица, добровольно или по принужденію явившіяся для дачи показаній въ иностранномъ уголовномъ судѣ, не подлежатъ наказанію по преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ ими во время пребыванія въ иностранномъ государствѣ, а должны быть переданы (выданы) государству, которое сдѣлало распоряженіе объ ихъ явкѣ въ судъ. Эти нормы относятся не къ праву выдачи въ тѣсномъ смыслѣ, а представляютъ скорѣе новое примѣненіе начала, такъ называемой „внѣземельности". Въ цѣляхъ надлежащей дачи этими лицами свидѣтельскихъ показаній, имъ гарантируется неприкосновенность до возвращенія къ мѣсту первоначальнаго пребыванія.

[2]) Но не преступныя и наказуемыя съ точки зрѣнія нашего уложенія. Какъ справедливо указываетъ проф. Сергѣевскій (Русское Уголовное Право, изд. 3-е 1896 г. стр. 346)—„наше уложеніе сливаетъ въ своихъ опредѣленіяхъ положенія о пространствѣ дѣйствія закона, опредѣляющихъ преступность дѣянія, съ правилами объ объемѣ власти или предѣлахъ подсудности русскихъ уголовныхъ судовъ".

„Оба правительства“,—говоритъ первая изъ нихъ,—„имѣютъ полное право обоюдно отказывать другъ другу въ выдачѣ собственныхъ подданныхъ“—другими словами, правительства въ данномъ случаѣ не желаютъ взять на себя безусловную обязанность выдавать туземцевъ, предоставляя себѣ право въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать вопросъ о цѣлесообразности и необходимости принятія подобной мѣры.

Именно эту возможность предусматриваетъ еще точнѣе договоръ съ Испаніей: „оба правительства сохраняютъ за собою полную свободу допускать или отказывать другъ другу въ выдачѣ своихъ собственныхъ подданныхъ“.

Къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и конвенція съ Соединенными Штатами Америки: „договаривающіяся стороны не обязаны выдавать другъ другу собственныхъ подданныхъ или гражданъ“. Такая формулировка статьи, очевидно, не имѣетъ цѣлью ограничить разъ навсегда права государства на выдачу своихъ подданныхъ.

Не лишне при этомъ замѣтить, что три указанныя государства въ своемъ туземномъ правѣ не знаютъ какихъ-либо ограниченій возможности выдачи подданныхъ иностранному государству. Въ Россіи однако вопросъ рѣшается, какъ извѣстно, иначе, а именно согласно ст. 173 и 174 улож. наказ. выдача предполагается только со стороны *иностраннаго* правительства. Но въ такомъ случаѣ, имѣютъ ли какое-либо практическое значеніе указанные три договора? Можетъ ли быть, въ силу ихъ постановленій, преимущество въ осуществленіи права уголовнаго преслѣдованія въ случаѣ наличности конкуррирующихъ уголовныхъ притязаній отдано уголовнымъ судамъ одного изъ этихъ трехъ государствъ?

На нашъ взглядъ, въ Россіи вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ отрицательно только въ томъ случаѣ, если бы право подданнаго судиться въ отечественномъ судѣ, признанное ст. 173 и 174 улож. наказ., было обезпечено должнымъ образомъ и если бы полномочія судебной власти въ силу тѣхъ же статей стояли незыблемо и внѣ возможнаго вмѣшательства со стороны административныхъ властей.

Но ни того, ни другаго въ Россіи нѣтъ—и поэтому

возможна, въ случаѣ желанія правительства, выдача туземца иностранной державѣ.

Означенными договорами, такимъ образомъ, внесено и коренное измѣненіе въ самое понятіе выдачи, какъ оно установлено русскимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Выше мы указали на то, что въ нашемъ уложеніи положенія о пространствѣ дѣйствія закона, опредѣляющія преступность дѣянія, сливаются съ правилами о предѣлахъ подсудности русскимъ уголовнымъ судамъ. Поэтому, съ точки зрѣнія нашего внутренняго законодательства, при заключеніи правительствомъ договоровъ о выдачѣ, его полномочія должны бы, казалось, стоять въ связи съ правомъ исполнительной власти ограждать государство отъ „опасныхъ" людей, но никоимъ образомъ отъ „преступниковъ".

Между тѣмъ, въ сношеніяхъ съ Великобританіей, Соединенными Штатами Америки и Испаніей, въ каждомъ конкретномъ случаѣ выдачи собственнаго подданнаго, со стороны Россіи предполагается право на уголовное самостоятельное преслѣдованіе. Выдача ставится такимъ образомъ въ связь съ правомъ государства по устроенію надлежащаго *уголовнаго правосудія*, а прежній ея административно-полицейскій характеръ исчезаетъ.

При такой конструкціи выдачи отходитъ на задній планъ идея безусловнаго подчиненія подданныхъ отечественному уголовному закону, а потому теряютъ въ значительной степени свою силу и выставленныя внутреннимъ законодательствомъ основанія преслѣдованія внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній—другими словами, дозволеніе, хотя бы и факультативное, выдачи собственныхъ подданныхъ представляетъ для Россіи коренной переворотъ въ понятіи института выдачи, въ его смыслѣ и цѣляхъ, и до извѣстной степени разрушаетъ систему международнаго уголовнаго права, начертанную въ нашихъ уголовныхъ законахъ.

Проектъ уголовнаго уложенія въ этомъ отношеніи дѣлаетъ еще новый шагъ назадъ. На самомъ дѣлѣ, согласно ст. 10 его, выдача допускается только относительно иностранцевъ, учинившихъ внѣ предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ.

Правда, въ засѣданіяхъ редакціонной коммисіи представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ (проф. Мартенсомъ) было высказано пожеланіе, чтобы постановленія о выдачѣ примѣнялись и къ русскимъ подданнымъ, совершившимъ преступленіе за предѣлами Россіи. Однако коммисія, признавъ всю справедливость высказаннаго проф. Мартенсомъ мнѣнія, тѣмъ не менѣе не рѣшилась ввести принципъ экстрадиціи своихъ подданныхъ въ проектъ, такъ какъ, по словамъ мотивовъ къ проекту, нельзя забывать, что противоположное начало, не допускающее выдачи собственныхъ подданныхъ, не только принято во всѣхъ нашихъ договорахъ, но и въ договорахъ почти всѣхъ другихъ европейскихъ державъ между собою.

Мало того, во многихъ государствахъ начало невыдачи собственныхъ подданныхъ почитается столь важнымъ, что оно внесено въ конституцію или въ уголовные кодексы.

Слѣдовательно, если бы Россія и признала нынѣ принципъ выдачи нашихъ подданныхъ иностраннымъ державамъ, то ни по трактатамъ, ни по началу взаимности, она не могла бы получить отъ другихъ державъ согласіе на принятіе этого принципа, а потому этимъ или нарушалось бы начало международной равноправности, или же самое постановленіе, какъ не соотвѣтствующее нашимъ договорамъ и международнымъ обычаямъ, оставалось бы мертвой буквой.

По поводу всѣхъ этихъ замѣчаній редакціонной коммисіи слѣдуетъ замѣтить, что разъ она признавала начало выдачи туземцевъ само по себѣ справедливымъ и цѣлесообразнымъ, то едва ли имѣлись основанія окончательно отвергнуть выдачу и въ тѣхъ случаяхъ, когда она фактически могла бы оказаться возможной.

На самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ государствъ придерживается невыдачи собственныхъ подданныхъ, главнымъ образомъ, въ виду невозможности добиться отъ другихъ государствъ принятія противоположнаго начала. Въ такомъ положеніи находятся, напр., Великобританія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Испанія, Швеція, Норвегія и Данія.

Устанавливать, при такомъ положеніи дѣла, общую запретительную норму едва ли было необходимо. Достаточно

было бы редакторамъ проекта поставить условіемъ выдачи собственныхъ подданныхъ—признаніе этого начала и со стороны государства-контрагента. Это было бы тѣмъ болѣе естественно и умѣстно, что нѣкоторыя изъ нашихъ картельныхъ конвенцій, какъ мы выше видѣли, не высказываются категорически противъ выдачи туземцевъ. Между тѣмъ, съ введеніемъ въ дѣйствіе ст. 10 проекта, постановленія этихъ договоровъ окажутся прямо противорѣчащими внутреннему нашему законодательству.

IV.

Установляя въ договорномъ правѣ начало невыдачи собственныхъ подданныхъ, каждое государство тѣмъ самымъ беретъ на себя международную обязанность установить въ своемъ уголовномъ законодательствѣ и необходимый коррелятивъ невыдачи: уголовное преслѣдованіе туземцевъ по преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ внѣ предѣловъ отечества.

Въ виду ст. 173 и 174 улож. наказ., Россіей эта международная обязанность представляется вполнѣ выполненной.

Это же начало санкціонируется большинствомъ нашихъ договоровъ о выдачѣ, а именно съ Австро-Венгріей, ст. 2, Баваріей, ст. 2, Гессеномъ, ст. 2, Испаніей, ст. 3, Португаліей, ст. 1, Бельгіей, ст. 3, Люксембургомъ, ст. 4, съ Швейцаріей, ст. 3; всѣ они установляютъ обязанность для обѣихъ сторонъ преслѣдовать на основаніи своихъ законовъ всѣ преступленія и проступки, совершенные туземцами противъ законовъ другой договаривающейся стороны, при томъ условіи, чтобы предъявлено было соотвѣтствующее требованіе со стороны правительства этой послѣдней страны и чтобы преступное дѣяніе было предусмотрѣно конвенціей.

Отъ указанныхъ выше договоровъ нѣсколько отличается договоръ съ Италіей. Ст. 3 его ограничиваетъ международную обязанность уголовнаго преслѣдованія собственныхъ подданныхъ только тѣмъ случаемъ, когда эти лица совершатъ за границей какое-либо преступленіе или проступокъ про-

тивъ подданныхъ другаго договаривающагося государства. Такое лицо „подвергается, по возвращеніи въ отечество и въ случаѣ предъявленія о семъ требованія со стороны правительства сказаннаго государства или подачи жалобы потерпѣвшей стороной, суду и наказанію, опредѣленному законами его отечества“.

Сличая данныя постановленія договоровъ со ст. 173—174 улож. наказ., легко замѣтить немаловажныя отличія этихъ двухъ правовыхъ источниковъ въ постановкѣ вопроса объ уголовномъ преслѣдованіи собственныхъ подданныхъ за ихъ внѣземельныя преступныя дѣянія.

Естественно возникаетъ вопросъ, не представляютъ ли статьи указанныхъ договоровъ частичной отмѣны постановленій ст. 173 и 174 улож. наказ. и въ особенности послѣдней?

Можно ли сказать, что Россія, принявъ на себя данную международную обязанность, тѣмъ самымъ заставляетъ и свои уголовные суды держаться постановленій договора, разъ извѣстное преступное дѣяніе учинено въ предѣлахъ юрисдикціи государства-контрагента?

Поставленный въ такой общей формѣ, вопросъ этотъ, на нашъ взглядъ, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Цѣль и значеніе указанныхъ постановленій нашихъ договоровъ о выдачѣ и уголовнаго законодательства совершенно различны. Первыя имѣютъ въ виду точнѣе опредѣлить границы международной отвѣтственности государства за внѣземельныя преступныя дѣянія своихъ подданныхъ, вторыя же преслѣдуютъ охрану государственныхъ интересовъ въ широкомъ смыслѣ слова, и притомъ постольку, поскольку послѣдніе нарушаются преступными дѣяніями подданныхъ внѣ предѣловъ Россіи.

И тѣ и другія нормы, стремясь къ различнымъ цѣлямъ, существуютъ рядомъ другъ съ другомъ, при чемъ объемъ власти русскихъ уголовныхъ судовъ по ст. 173—174 улож. наказ. долженъ остаться неизмѣннымъ и при дѣйствіи указанныхъ договоровъ, поскольку дѣйствіемъ сихъ статей имѣется въ виду обезпеченіе нашихъ государственныхъ интересовъ.

Въ чемъ же, спрашивается, заключается различіе между обѣими системами, и каково ихъ взаимное соотношеніе?

1. Договоры о выдачѣ самостоятельно ставятъ вопросъ объ объемѣ преслѣдуемыхъ внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній. Какъ извѣстно, уложеніе ограничиваетъ кругъ преслѣдуемыхъ дѣяній: а) посягательствами россійскихъ подданныхъ „противъ *правъ* державной власти своего отечества или цѣлости, безопасности или благосостоянія Россіи или же въ нарушеніе *правъ* одного или нѣсколькихъ изъ соотечественниковъ своихъ (ст. 173) и б) „противъ верховной власти того государства (гдѣ они пребываютъ) или же противъ *правъ* одного или нѣсколькихъ изъ подданныхъ онаго или другой иностранной державы“ (ст. 174).

Въ объясненіе употребляемой въ этихъ статьяхъ терминологіи слѣдуетъ замѣтить, что уложеніе 1845 г. подъ посягательствами, направленными на права лицъ физическихъ и юридическихъ, понимало „преступленія“ въ узкомъ смыслѣ слова, а къ „проступкамъ“ относило дѣянія, нарушающія различныя постановленія, ограждающія права. Но это дѣленіе, не имѣвшее никакого практическаго значенія, было отмѣнено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, отъ 27 декабря 1865 г., такъ что дѣйствующее право не знаетъ никакого формальнаго дѣленія и въ этомъ отношеніи страдаетъ отсутствіемъ всякой терминологіи.

Поэтому уголовное преслѣдованіе русскихъ подданныхъ по ихъ внѣземельнымъ преступнымъ дѣяніямъ распространяется на всѣ дѣянія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ.

Точно такъ же и наши договоры, устанавливая международную обязанность Россіи по уголовному преслѣдованію подданныхъ за ихъ внѣземельные „преступленія и проступки“, не ставятъ вопроса о наказуемости этихъ лицъ шире, чѣмъ это сдѣлано въ ст. 173 и 174, такъ какъ этими статьями, какъ мы только-что видѣли, предусматриваются и „проступки“.

Интересна другая сторона нашихъ экстрадиціонныхъ договорныхъ нормъ: ими, какъ легко замѣтить, была сдѣлана

попытка ввести въ наше право трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній по ихъ тяжести—попытка совершенно безцѣльная и безполезная при современномъ состояніи нашего законодательства, вовсе не знающаго подобнаго дѣленія преступленій на отдѣльные роды.

Договоры однако не только не расширяютъ объема преслѣдуемыхъ дѣяній собственныхъ подданныхъ, а, напротивъ, значительно его суживаютъ, ставя необходимымъ условіемъ уголовнаго преслѣдованія—упоминаніе того преступнаго дѣянія, по поводу котораго иностраннымъ правительствомъ предъявлено требованіе о наказаніи въ перечнѣ соотвѣтствующаго договора [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя влечетъ за собой почти каждый уголовный процессъ о внѣземельномъ преступленіи, ограниченіе объема преслѣдуемыхъ дѣяній кругомъ особо тяжкихъ преступленій и проступковъ можетъ принести одну только пользу уголовному правосудію.

Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что критеріемъ особой тяжести дѣяній, учиненныхъ собственными подданными, взятъ перечень, имѣющій въ современныхъ договорахъ о выдачѣ вполнѣ опредѣленную цѣль и значеніе, а именно точно установить объемъ права иностраннаго правительства требовать со стороны нашего государства содѣйствія по обезпеченію уголовнаго суда и наказаній *его—иностраннаго государства—подданныхъ* или же подданныхъ третьяго государства.

Своихъ же подданныхъ въ случаѣ учиненія ими внѣземельнаго преступнаго дѣянія государство, по общему правилу, наказываетъ не въ видахъ содѣйствія иностранному уголовному правосудію, а для поддержанія собственнаго правопорядка и за нарушеніе туземнаго уголовнаго закона. На этомъ убѣжденіи покоится личный принципъ въ международ-

---

[1]) Перечни эти получаютъ, слѣдовательно, какъ бы характеръ партикулярныхъ международныхъ уголовныхъ кодексовъ. Только договоръ съ Италіей, ст. 3, не знаетъ этого ограниченія.

номъ уголовномъ правѣ, усвоенный русскимъ уголовнымъ законодательствомъ въ ст. 173 и 174 уголовнаго уложенія [1]).

Система нашихъ договоровъ, становясь въ вопросѣ о преслѣдованіи собственныхъ подданныхъ на точку зрѣнія содѣйствія иностранному уголовному правосудію въ виду нарушенія этими лицами иностранныхъ уголовныхъ законовъ [2]), строго говоря, признаетъ тѣмъ самымъ несоотвѣтствіе принциповъ личнаго начала съ интересами международнаго уголовнаго правопорядка.

Такимъ образомъ двѣ параллельно дѣйствующія системы русскаго международнаго уголовнаго права исходятъ въ интересующемъ насъ вопросѣ изъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія.

И мы полагаемъ, что при всей недосказанности ст. 173 и 174 улож. наказ., при всей ихъ односторонности въ пониманіи личнаго начала, все-таки онѣ заключаютъ въ себѣ болѣе правильную правовую конвенцію, чѣмъ договоры о выдачѣ.

Понимать внѣземельное преступное дѣяніе исключительно, какъ нарушеніе иностраннаго уголовнаго закона, и видѣть

---

[1]) Нѣкоторые договоры о выдачѣ—такъ, Австро-Венгріи съ Швеціей 1863, Германской имперіи съ Швейцаріей 1874—вмѣсто внесенія разбираемой нами формулы, довольствуются только опредѣленіемъ обязанности каждой изъ сторонъ представить всѣ необходимые для уголовнаго процесса документы, предметы, сохранившіяся доказательства и т. д.—въ томъ случаѣ, если по законамъ государства, подданнымъ котораго является виновное лицо, существуютъ достаточныя основанія для привлеченія этого лица къ слѣдствію и суду по поводу внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній. И эта редакція вполнѣ естественна у государства, желающаго избѣжать въ будущемъ толкованія его договоровъ, несовмѣстимаго съ его туземнымъ правомъ по тому же вопросу.

[2]) Надо остерегаться, во всякомъ случаѣ, толкованія данной нормы договоровъ въ томъ смыслѣ, что она провозглашаетъ особый принципъ въ международномъ уголовномъ правѣ—„начало препорученія“, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые территоріалисты, напр., Кёстлинъ. Появленіе такихъ началъ объясняется господствомъ въ прежней теоріи международнаго права частно-правныхъ аналогій. Но здѣсь, строго говоря, нѣтъ даже и аналогіи мандата. Въ самомъ дѣлѣ государство уже *въ силу своего публичнаго права обязано* къ преслѣдованію подданныхъ—и съ этой обязанностью сталкивается будто бы мандатъ иностраннаго государства! Не лучше ли въ такой нормѣ видѣть международную гарантію того, что государство выполнитъ добросовѣстно свои публично-правовыя обязанности.

основаніе его наказуемости въ нуждахъ иностраннаго правового порядка—въ высокой степени ошибочно.

„Государство“,—говоритъ Лохвицкій[1]),—„подвергая наказанію преступленія, совершенныя за границей, дѣйствуетъ не для защиты интересовъ чуждой страны, а защищаетъ свои собственные интересы, защищаетъ безопасность и спокойствіе своихъ гражданъ; слѣдовательно, нисколько не выходитъ изъ предѣловъ своихъ обязанностей; напротивъ того, дѣйствуя иначе, оно нарушило бы обязанности къ своимъ подданнымъ“.

Логически развивая свою основную мысль, система нашихъ договоровъ о выдачѣ ставитъ независимо отъ системы уложенія и вопросъ объ объектахъ преступныхъ и наказуемыхъ дѣяній, совершенныхъ туземцами. Большинство договоровъ имѣетъ въ виду преступленія и проступки подданныхъ „противъ законовъ другаго договаривающагося государства“, а конвенція съ Италіей (ст. 3)—„какое-либо преступленіе или проступокъ противъ подданныхъ другаго договаривающагося государства“.

Формулой договоровъ, по большей части, объемлются, въ границахъ, указанныхъ перечнями, случаи, предусмотрѣнные ст. 174, а изъ случаевъ ст. 173—только посягательства русскихъ подданныхъ на права соотечественниковъ—т. е. съ точки зрѣнія иностраннаго государства преступныя дѣянія противъ *общаго права*, преслѣдуемыя имъ согласно началамъ территоріальному и реальному.

Договоръ съ Италіей еще сильнѣе оттѣнилъ *общій* характеръ объектовъ преступныхъ посягательствъ и требуетъ наказуемости русскихъ подданныхъ только тамъ, гдѣ имѣется въ виду охрана итальянскихъ подданныхъ—безъ отношенія къ мѣсту, гдѣ посягательство учинено—на итальянской ли территоріи или въ третьемъ государствѣ.

Этотъ объемъ наказуемыхъ въ силу международной обязанности внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній собственныхъ подданныхъ объясняется двумя причинами.

---

[1]) Уголовное право, изд. 1-ое, стр. 24.

Первая коренится въ самомъ смыслѣ существованія договорной системы на ряду съ системой уложенія.

Эта система, какъ мы видѣли выше, имѣетъ цѣлью опредѣлить границу международной отвѣтственности государства за деликты подданныхъ. Вполнѣ естественно думать, что такая отвѣтственность развѣ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ можетъ возникнуть по поводу дѣяній подданнаго, направленныхъ противъ *отечественнаго* правопорядка въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Подданный, совершившій преступное дѣяніе, подпадающее подъ дѣйствіе 1-ой половины ст. 173, въ случаѣ возвращенія его на родину или выдачи иностраннымъ правительствомъ, будетъ подвергнутъ суду и наказанію не по соображеніямъ международнаго права, а ради высшихъ цѣлей твердости и непоколебимости основныхъ началъ туземнаго правопорядка.

Другая причина, повліявшая на ограниченіе объема преслѣдуемыхъ дѣяній только посягательствами противъ общаго права, имѣетъ въ своей основѣ господство въ русскомъ конвенціонномъ правѣ (за исключеніемъ договора съ Испаніей) начала невыдачи политическихъ преступниковъ.

Гарантируя, съ согласія иностраннаго государства, подданнымъ его неприкосновенность личности и свободу отъ уголовнаго преслѣдованія, пока эти лица пребываютъ на нашей территоріи, наше правительство не можетъ брать на себя обязанность преслѣдовать политическихъ внѣземельныхъ деликтовъ русскихъ подданныхъ противъ иностраннаго государства уже потому, что оно тѣмъ самымъ поставило бы собственныхъ подданныхъ въ худшее сравнительно съ иностранцами, пребывающими на нашей территоріи, положеніе [1]).

Послѣ этихъ замѣчаній по поводу объема внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ туземцами, по уложенію

---

[1]) Особенно рѣзко это неравенство передъ закономъ выступило бы въ томъ случаѣ, когда собственный подданный оказался бы только соучастникомъ въ дѣяніи, а главный виновникъ—иностранецъ—спокойно проживалъ бы на нашей территоріи.

и договорамъ о выдачѣ, переходимъ къ другимъ вопросамъ международнаго уголовнаго права, затронутымъ въ интересующихъ насъ постановленіяхъ договоровъ.

Всѣ эти договоры содержатъ въ себѣ обязательство для обѣихъ сторонъ преслѣдовать всѣ преступленія и проступки, совершаемые ихъ подданными, *на основаніи своихъ законовъ*— или, какъ выражается договоръ съ Италіей, подвергать этихъ лицъ „суду и наказанію, опредѣленному *законами ихъ отечества*“.

Той же системѣ слѣдуетъ и уложеніе въ ст. 173 и 174, и только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 174, русскій судъ, при опредѣленіи отвѣтственности виновнаго, долженъ имѣть въ виду размѣръ наказанія, коему виновный подлежалъ бы по законамъ мѣста учиненія преступленія.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что система, принятая договорами о выдачѣ, въ отличіе отъ уложенія, отказываетъ иностранному уголовному закону въ какомъ-либо вліяніи на опредѣленіе размѣра наказанія за внѣземельное преступное дѣяніе. Но правильнѣе будетъ допустить то естественное толкованіе, что выраженія договоровъ „на основаніи своихъ законовъ“, „по законамъ своего отечества“ заключаютъ въ себѣ ссылку и на нормы ст. 174-й. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ такъ называемой бланкетной международной нормы права, содержаніе которой всецѣло опредѣляется содержаніемъ туземнаго законодательства.

На противоположную точку зрѣнія можетъ стать только или законодатель, рѣшившійся на проведеніе принциповъ личнаго начала во что̀ бы то ни стало, чего нельзя, какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго изложенія, ожидать отъ системы нашихъ договоровъ о выдачѣ,—или законодатель— „космополитъ“, который въ наказаніи внѣземельныхъ преступниковъ видитъ только средство возстановленія нарушеннаго *туземнаго* порядка. Но, какъ мы видѣли выше, наши договоры о выдачѣ въ наказаніи такихъ преступниковъ видятъ только средство охраны *иностраннаго* правопорядка. Такимъ образомъ основныя начала, воспринятыя картельными конвенціями Россіи съ иностранными державами, гово-

рять за примѣненіе указанной выше нормы ст. 174 и въ случаѣ преслѣдованія туземца по требованію иностраннаго правительства.

Дальнѣйшимъ условіемъ возможности преслѣдованія собственныхъ подданныхъ за ихъ внѣземельные деликты наша договорная система ставитъ предъявленіе объ этомъ требованія со стороны правительства государства-убѣжища. Договоръ съ Италіей уравниваетъ съ таковымъ требованіемъ и подачу жалобы потерпѣвшей стороной.

Легко замѣтить, что эти постановленія вносятъ въ данную систему черты отличныя отъ системы уложенія.

Послѣднее, какъ извѣстно, только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 174, ставитъ условіемъ преслѣдованія „жалобы и обвиненія". Такъ же понимаетъ границы этого условія и договоръ съ Италіей.

Но остальные, во-первыхъ, незнаютъ жалобы частнаго лица, какъ основанія возбужденія уголовнаго преслѣдованія и во-вторыхъ, ставятъ требованіе иностраннаго правительства условіемъ преслѣдованія подданныхъ и для тѣхъ случаевъ, когда посягательство направлено на права соотечественниковъ (по второй половинѣ ст. 173-ей). Первое изъ этихъ двухъ началъ слѣдуетъ признать важнымъ шагомъ впередъ въ строѣ русскаго законодательства. Цѣль преслѣдованія преступленій, совершенныхъ заграницей, прежде всего охрана общаго для всего международнаго общенія правопорядка; но при этомъ имѣется также въ виду и другая цѣль—охрана туземнаго правопорядка.

Только государство, на территоріи котораго находится преступникъ, компетентно сказать, нарушенъ ли этотъ правопорядокъ или нѣтъ; поэтому отдавать рѣшеніе этого вопроса на усмотрѣніе частныхъ лицъ, значило бы возвратиться къ частноправной конструкціи уголовнаго права и оживить давно умершія начала.

Ставить возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за внѣземельный деликтъ въ зависимость отъ жалобы частнаго лица можно только тогда, когда законодательство loci delicti commissi само ставитъ такое условіе.

Во всякомъ случаѣ надлежитъ замѣтить, что русскій законодатель, требуя согласно ст. 174-ой „жалобъ и обвиненій“ въ значительной степени подрываетъ принятое имъ начало личнаго дѣйствія уголовнаго закона.

На самомъ дѣлѣ, основнымъ соображеніемъ по уголовному преслѣдованію въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 174, является, надо думать, то, что общественный интересъ и порядокъ гораздо менѣе заинтересованы въ преслѣдованіи и наказаніи внѣземельныхъ деликтовъ подданныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пострадавшей стороной является иностранецъ.

Съ другой стороны, наша договорная система, стоя именно на этой точкѣ зрѣнія, должна была бы допустить частную жалобу.

Впрочемъ эта непослѣдовательность и представляетъ именно ея заслугу для русскаго права.

Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что въ системѣ, предназначенной исключительно урегулировать *международную* обязанность государства по уголовному преслѣдованію деликтовъ подданныхъ, введеніе начала *частной* жалобы (и слѣдовательно иниціативы частнаго лица), какъ условія этого преслѣдованія, равносильно признанію такого частнаго лица субъектомъ международныхъ правъ—субъектомъ права по отношенію къ государству въ сферѣ международныхъ отношеній послѣдняго. Это именно и имѣетъ мѣсто въ нашихъ отношеніяхъ къ Италіи.

Правильность этого положенія подтверждается и тѣмъ, что неправомѣрное отклоненіе такой частной жалобы есть само по себѣ нарушеніе *международной* обязанности.

Быть можетъ, малая привычка смотрѣть на подданнаго, какъ на субъекта международнаго права, повела въ большинствѣ нашихъ договоровъ къ тому, что международная отвѣтственность признана только въ отношеніяхъ между государствами, какъ таковыми. Какъ мы знаемъ, уголовное преслѣдованіе подданнаго возбуждается по системѣ большинства договоровъ исключительно по требованію государства, законы котораго нарушены. При этомъ безразлично,

представляютъ ли эти нарушенія по своему объекту посягательства на русскихъ подданныхъ или на иностранцевъ.

Въ этомъ система договоровъ существенно отклоняется отъ системы уложенія и вноситъ въ русское право чуждую ему (см. ст. 173 улож. наказ.) норму, согласно которой охрана правъ соотечественниковъ отъ посягательствъ со стороны соотечественниковъ же возникаетъ не столько для защиты собственнаго правопорядка, сколько въ цѣляхъ оказанія содѣйствія правосудію иностраннаго государства—содѣйствія, осуществляемаго однако только въ случаѣ требованія со стороны этого послѣдняго государства.

Результатъ этотъ едва ли желателенъ, и потому договоры сдѣлали бы много лучше, если бы ограничились тѣмъ объемомъ преступныхъ дѣяній, который предусмотрѣнъ въ договорѣ съ Италіей, имѣющемъ въ виду только общіе деликты, указанные въ ст. 174 улож. наказ.

Таковы отличія, существующія между двумя параллельными системами условій уголовнаго преслѣдованія собственныхъ подданныхъ въ случаѣ совершенія ими преступленій за границей.

Каково же ихъ соотношеніе, вліяетъ ли примѣненіе одной системы на дѣйствіе другой и, если вліяетъ, то въ какомъ объемѣ?

Соотношеніе это крайне спутано и полно недостатковъ съ точки зрѣнія нормальнаго правопорядка.

Договорная система, естественно, имѣетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уголовное преслѣдованіе наступаетъ по требованію иностраннаго правительства. Если процессъ возбужденъ по поводу деликта, наказуемаго одинаково какъ по договорамъ, такъ и по ст. 173—174 улож. наказ., то, само собою разумѣется, начало non bis in idem имѣетъ полную силу.

Но какое положеніе суды должны занять по отношенію къ деликтамъ, не входящимъ въ перечень договоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющимъ собою посягательства на политическій строй иностраннаго государства?

Намъ думается, что отвѣтъ долженъ быть данъ слѣдующій.

Если во время уголовнаго процесса, возбужденнаго по требованію иностраннаго правительства, выяснилось, что преступное дѣяніе не входитъ въ кругъ тѣхъ, по поводу которыхъ наше правительство приняло на себя международную обязанность суда и наказанія, то судъ, дѣйствуя въ границахъ, признанныхъ договоромъ, обязанъ оправдать обвиняемаго *за отсутствіемъ состава преступнаго дѣянія.*

Выше мы указали, что въ затронутомъ нами отношеніи перечни международныхъ договоровъ о выдачѣ представляютъ собою партикулярные международные уголовные кодексы, и суды, дѣйствуя въ границахъ права, по отношенію ко всѣмъ непредусмотрѣннымъ перечнемъ договора *дѣйствіямъ* лица, должны руководиться основнымъ началомъ: nulla poena sine lege.

Поэтому и въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто полное примѣненіе начала non bis in idem. Не можетъ быть допущенъ и пересмотръ дѣла, который бы свелся просто къ привлеченію лица къ отвѣтственности не на основаніи договора, а согласно ст. 173 и 174 улож. наказ.

Пересмотръ процесса былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы вновь открывшіяся данныя вводили дѣйствіе подсудимаго въ кругъ „преступленій и проступковъ", предусмотрѣнныхъ договоромъ о выдачѣ.

Таково положеніе лица въ процессѣ, возбужденномъ согласно требованію иностраннаго государства. Напротивъ того, если уголовное преслѣдованіе возбуждается независимо отъ такого требованія или прежде, чѣмъ таковое поступило, то, хотя бы дѣяніе и было учинено въ юрисдикціи государства, съ которымъ мы заключили договоръ о выдачѣ, тѣмъ не менѣе примѣненію подлежатъ ст. 173 и 174 улож. наказ. и, наказаніе можетъ быть наложено за дѣянія, не предусмотрѣнныя въ перечняхъ договоровъ.

Это различіе въ правовыхъ гарантіяхъ подданнаго, покоящееся исключительно на такомъ случайномъ фактѣ, какъ— успѣло или нѣтъ прибыть во-время требованіе иностраннаго правительства или жалоба частнаго лица-иностранца, представляетъ изъ себя крупный дефектъ нашего дѣйствую-

щаго права,—дефектъ, который долженъ быть устраненъ или признаніемъ того начала, что, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступное дѣяніе учинено въ области юрисдикціи государства, съ которымъ мы заключили договоръ о выдачѣ, должны быть примѣняемы начала этого договора относительно объема наказуемыхъ дѣяній собственныхъ подданныхъ,— или же тѣмъ путемъ, что правительство, заключая договоры о выдачѣ, строго придерживалось началъ туземнаго уголовнаго права [1]). При настоящемъ же положеніи дѣла единство въ правѣ достигается лишь косвеннымъ путемъ.

Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ правовыхъ препятствій къ тому, чтобы иностранное правительство (см. ст. 174) или частное лицо-иностранецъ предъявило просьбу или представило жалобу по поводу дѣянія, учиненнаго русскимъ подданнымъ, но не входящаго въ перечень конвенціи. Это и будутъ тѣ „жалобы и обвиненія", которыя ст. 174 ставитъ условіемъ уголовнаго преслѣдованія въ предусмотрѣнныхъ ею случаяхъ.

Разобранныя нами постановленія договорнаго права совершенно отсутствуютъ въ конвенціяхъ съ Нидерландами, Монако, Даніей, Швеціей (1860), Пруссіей (нота 1885 г.), Баваріей (та же нота), Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Великобританіей.

При наличности требованія о преслѣдованіи русскаго подданнаго, совершившаго преступленіе за границей, русское правительство, особенно въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 174-ой, не можетъ отказаться дать этому требованію законное движеніе. Объемъ власти русскихъ уголовныхъ судовъ въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ границами между-

---

[1]) По первому пути пошло, напр., австрійское законодательство (§ 41 угол. код.), по второму—законодательство Бельгіи, Нидерландовъ, Люксембурга и вообще всѣхъ тѣхъ государствъ, гдѣ существуютъ законы о выдачѣ, опредѣляющіе условія заключенія конвенцій съ иностранными государствами.

Поэтому въ Бельгіи, напр., объемъ власти уголовныхъ судовъ по преслѣдованію внѣземельныхъ деликтовъ собственныхъ подданныхъ вполнѣ опредѣленъ указаніями закона о выдачѣ или соотвѣтствующаго договора и внѣ предусмотрѣнныхъ ими случаевъ нѣтъ ни права туземнаго судебнаго преслѣдованія, ни международной на то обязанности.

народной отвѣтственности Россіи за преступныя дѣянія ея подданныхъ.

Впрочемъ въ договорахъ съ Швеціей, Пруссіей и Баваріей и не могло появиться надобности въ какой-либо статьѣ, стипулирующей наказуемость собственныхъ подданныхъ, такъ какъ всѣ три договора говорятъ о подданныхъ, какъ единственныхъ лицахъ, подлежащихъ выдачѣ: ихъ требуютъ для суда и наказанія.

Смыслъ этихъ договоровъ тотъ, что объемъ власти туземныхъ уголовныхъ судовъ *гарантируется* путемъ международнаго соглашенія *или* на случай опредѣленныхъ преступныхъ дѣяній собственныхъ подданныхъ (Пруссія, Баварія), *или* же во всемъ объемѣ, допускаемомъ туземнымъ уголовнымъ законодательствомъ (Швеція).

Въ заключеніе этой главы намъ остается указать на отношеніе къ нашему договорному праву началъ проекта уголовнаго уложенія, при чемъ слѣдуетъ помнить, что нормы будущаго уголовнаго уложенія никоимъ образомъ не могутъ пріобрѣсть дерогирующей силы по отношенію къ возникшему раньше договорному праву. Начало lex posterior derogat legi priori здѣсь не примѣнимо, такъ какъ международное право есть право высшаго, въ сравненіи съ туземнымъ, порядка.

Переходя къ частностямъ, замѣтимъ прежде всего, что необходимый коррелятивъ принципа невыдачи подданныхъ— ихъ наказуемость на родинѣ—обезпечивается ст. 5 п.п. 1-ымъ и 2-ымъ.

Далѣе введеніемъ трехчленнаго дѣленія преступныхъ дѣяній по ихъ тяжести (ст. 3 проекта) проектъ устанавливаетъ общую терминологію какъ для туземнаго, такъ и для договорнаго права, но тѣмъ не менѣе разница въ объемѣ преслѣдуемыхъ дѣяній по обѣимъ системамъ останется и впредь, такъ какъ проектъ (ст. 5 п. 2) руководствуется нормами договорнаго права только тогда, „когда россійскимъ подданнымъ учинено *нарушеніе*, о наказуемости коего, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, существуетъ договоръ“.

Далѣе, въ виду того, что по ст. 6-ой проекта—п. 1,

абзацъ 3—„уголовное преслѣдованіе не возбуждается, а начатое подлежитъ прекращенію: если дѣяніе относится къ числу тѣхъ, по коимъ, согласно послѣдней части статьи 10, не допускается выдача“, системы туземная и договорная одинаково ограничатъ уголовное преслѣдованіе собственныхъ подданныхъ только общими ихъ деликтами противъ иностраннаго правоваго порядка, благодаря чему устранится двойственность юридическаго положенія и необезпеченность правъ нашихъ подданныхъ, имѣющая мѣсто при дѣйствіи 174 ст. улож. наказ.

Наконецъ въ проектѣ удержано примѣненіе исключительно туземныхъ законовъ, съ опредѣленіемъ наказанія менѣе строгаго, если таковое полагается по закону мѣста учиненія дѣянія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что по вопросу о требованіи иностраннаго правительства и жалобѣ частнаго лица, какъ условіяхъ уголовнаго преслѣдованія туземцевъ, существующая нынѣ несогласованность между договорнымъ и внутреннимъ правомъ останется неизмѣнной. На самомъ дѣлѣ, согласно пункту 2-му статьи 6-ой проекта „уголовное преслѣдованіе возбуждается не иначе, какъ по требованію подлежащей иностранной власти или по жалобѣ потерпѣвшаго, если виновный посягнулъ на права иностраннаго государства или иностраннаго подданнаго“.

Такимъ образомъ опять только договоръ съ Италіей окажется соотвѣтствующимъ туземной уголовной системѣ и точно такъ же по прежнему останется въ силѣ не выдерживающее никакой критики начало частной жалобы, какъ необходимаго условія для возбужденія уголовнаго преслѣдованія по поводу внѣземельныхъ дѣяній туземцевъ.

V.

Какъ мы уже знаемъ, господствующимъ началомъ конвенціоннаго права является невыдача собственныхъ подданныхъ.

Подданнымъ въ смыслѣ договорнаго права считается то лицо, которое не прервало еще связей съ государствомъ-отечествомъ въ моментъ *предъявленія требованія о выдачѣ.*

Поэтому подъ это понятіе, съ одной стороны, подходятъ лица, принявшія русское подданство послѣ учиненія преступнаго дѣянія, съ другой—изъ него исключаются лица, оставившія при тѣхъ же условіяхъ русское подданство. Такимъ образомъ наше договорное право исключительное вниманіе обращаетъ на то подданническое отношеніе, въ которомъ лицо состоитъ во время предъявленія требованія о выдачѣ.

Наоборотъ, соотвѣтствующія статьи уложенія формулированы такъ, что наводятъ на мысль о томъ, будто исходнымъ моментомъ должно быть принято подданство лица во время учиненія преступнаго дѣянія.

Такъ, ст. 173 упоминаетъ о россійскихъ *подданныхъ, находящихся внѣ предѣловъ* государства и тамъ учинившихъ опредѣленныя преступныя дѣянія.

Ст. 174, въ свою очередь, говоритъ о россійскомъ подданномъ, подлежащемъ суду по добровольномъ возвращеніи въ Россію.

Такимъ образомъ, по системѣ уложенія, тотъ фактъ, что иностранецъ, по учиненіи имъ преступнаго дѣянія, пріобрѣлъ русское подданство, еще не даетъ права на возбужденіе противъ него уголовнаго преслѣдованія, развѣ только дѣяніе окажется подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 172-ой.

Но въ этомъ случаѣ преступникъ подлежитъ наказанію не какъ собственный подданный, по ст. 173-ей, а какъ иностранецъ.

Пріобрѣтеніе подданства не можетъ, конечно, вызвать обратное дѣйствіе уголовнаго закона, а таковое безспорно наступило бы при примѣненіи къ данному лицу постановленій ст. 173-ей уложенія.

Такимъ образомъ наше договорное право и дѣйствующее уложеніе даютъ по данному вопросу два прямо противоположныхъ отвѣта, при чемъ картельными конвенціями въ значительной степени подрываются начала, лежащія въ основѣ нашего внутренняго права.

Такъ, благодаря имъ, наше отечество беретъ на себя обязанность преслѣдовать лицъ, принявшихъ русское под-

данство послѣ учиненія ими преступнаго дѣянія,—т. е. устанавливаетъ путемъ международной нормы наказуемость лицъ, не подходящихъ, сами по себѣ, подъ дѣйствіе ст. 172—174 уложенія. Этимъ самымъ русскіе суды облекаются правомъ преслѣдовать иностранцевъ (съ точки зрѣнія уложенія), совершившихъ посягательство на право своихъ же соотечественниковъ, что̀, въ свою очередь, составляетъ какъ бы частичное примѣненіе принципа универсальнаго дѣйствія уголовнаго закона.

Само собою разумѣется, что уголовное преслѣдованіе, въ данномъ случаѣ, можетъ быть возбуждено лишь въ случаѣ совершенія дѣянія, предусмотрѣннаго конвенціей, и что ст. 172—174 улож. наказ. никакого примѣненія здѣсь имѣть не могутъ.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что одна изъ дѣйствующихъ конвенцій о выдачѣ—съ Португаліей, ст. 1,—ставитъ договорное право въ рамки туземной системы. Согласно означенной статьѣ, правительства обѣихъ договаривающихся сторонъ обязываются выдавать всѣхъ лицъ, за исключеніемъ своихъ природныхъ подданныхъ и иностранцевъ, принятыхъ въ подданство до момента совершенія преступленія, служащаго поводомъ къ выдачѣ. Какъ мы видѣли выше, существуетъ цѣлый рядъ договоровъ, въ которыхъ не устанавливается международной обязанности для Россіи преслѣдовать собственныхъ подданныхъ.

Обезпечивается ли тѣмъ самымъ безнаказанность и тѣмъ лицамъ, которыя натурализировались послѣ совершенія инкриминируемаго дѣянія? Можно ли сказать, что въ Россіи эти лица не могутъ ни быть привлечены къ уголовной отвѣтственности, ни выданы для наказанія иностранному государству?

Отвѣтъ, на нашъ взглядъ, долженъ быть данъ отрицательный. Начало отвѣтственности государства за деликты собственныхъ подданныхъ, при современномъ состояніи права, является нормой общаго обычнаго права. Договоры только точнѣе опредѣляютъ ея примѣненіе къ конкретнымъ отношеніямъ государствъ. Въ частности допустимы, въ разумныхъ

границахъ, всѣ средства международнаго принужденія къ исполненію государствомъ этой важной обязанности. Во всякомъ случаѣ иностранныя государства въ правѣ требовать соотвѣтственной реформы туземнаго законодательства, если оно, не допуская въ такихъ случаяхъ уголовнаго преслѣдованія даннаго лица, не дозволяетъ и его выдачи [1]).

Въ русскомъ правѣ исполненіе международной обязанности преслѣдованія уголовнымъ судомъ такихъ „иностранцевъ" обезпечено впредь прим. 1 къ ст. 172 улож. наказ. по продолженію 1895.

Правда, это примѣчаніе говоритъ о международныхъ договорахъ, какъ основѣ уголовнаго преслѣдованія, а потому какъ будто не относится къ тѣмъ договорамъ, гдѣ не упомянуто о международной обязанности суда и наказанія собственныхъ подданныхъ. Однако едва ли здѣсь имѣется какое-либо противорѣчіе, такъ какъ эти договоры, устанавливая принципъ невыдачи туземцевъ, тѣмъ самымъ implicite признаютъ необходимость преслѣдованія этихъ лицъ.

Такое положеніе вытекаетъ и изъ того основнаго принципа толкованія международныхъ актовъ, по которому въ нихъ, пока не будетъ доказано ясно противное, всегда слѣдуетъ предполагать *правомѣрную* волю у каждаго изъ контрагентовъ, а никоимъ образомъ не желаніе стать на почву нарушенія международно-правовыхъ обязанностей.

Система проекта уголовнаго уложенія не измѣняетъ, какъ кажется, прежней туземной системы. Правда, ст. 5 формулирована менѣе опредѣленно въ этомъ отношеніи, чѣмъ

---

[1]) Такъ, напр., Люксембургъ, благодаря конфликту съ Германіей по дѣлу Merten'а въ 1878 г., долженъ былъ измѣнить свое уголовное законодательство въ 1879 г. въ томъ смыслѣ, что собственные подданные подлежатъ наказанію и по преступнымъ дѣяніямъ противъ имущества и доходовъ иностраннаго государства.

Напротивъ, Швейцарскій союзный совѣтъ всегда понималъ указанную выше норму международныхъ договоровъ въ томъ смыслѣ, что уголовное преслѣдованіе должно имѣть мѣсто, независимо отъ того, допускаютъ ли таковое уголовные законы кантоновъ, подданнымъ которыхъ является виновное лицо. Такой конфликтъ могъ, впрочемъ, возникнуть, только въ виду законодательствъ бернскаго и люцернскаго.

ст. 173 и 174 дѣйствующаго уложенія, но во всякомъ случаѣ и она говоритъ (п. 1 и 2) о *русскихъ* подданныхъ, которые внѣ предѣловъ Россіи учинятъ какое-либо преступное дѣяніе. Мнѣніе наше подтверждается и ст. 6 п. 3 (in fine), гдѣ правило о примѣненіи наказанія менѣе противъ опредѣляемаго въ проектѣ строгаго—„не распространяется на преступленія, статьями 59—62, а для россійскихъ подданныхъ и статьями 63—66 и 69—73 предусмотрѣнныя".

Слѣдовательно, формула „россійскій подданный" въ ст. 6 п. 3 понимается въ смыслѣ подданства во время учиненія преступнаго дѣянія, такъ какъ распространеніе на натурализованныхъ иностранцевъ всѣхъ послѣдствій ст.ст. 63—66, и 69—73 было бы обратнымъ дѣйствіемъ уголовнаго закона (ср. ст. 5 п. 3). Въ силу этихъ соображеній слѣдуетъ заключить, что система проекта оставляетъ и впредь въ прежнемъ положеніи вопросъ о наказуемости натурализованныхъ иностранцевъ. При этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что (ср. ст. 172 прим. 1, по прод. 1895), ст. 5-я п. 3-ій проекта предусматриваетъ тотъ случай, „когда иностранцемъ учинено преступленіе или такой проступокъ, „коимъ онъ посягалъ на право россійскаго подданнаго или на имущество или доходы казны, или же преступное дѣяніе, о наказуемости коего, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, существуетъ договоръ" [1]).

De lege ferenda положеніе, занятое въ этомъ вопросѣ русскимъ правомъ, слѣдуетъ считать крайне неудовлетворительнымъ. Всѣ соображенія, приводимыя въ пользу выдачи собственныхъ подданныхъ, имѣютъ въ данномъ случаѣ удвоенную силу.

Наше правительство, какъ мы видѣли, и въ договорахъ, и при обсужденіи проекта уголовнаго уложенія вполнѣ ясно

---

[1]) Нельзя, опираясь на эту статью, предполагать, что наказуемость натурализованныхъ *по проступкамъ* противъ иностранцевъ впредь не обезпечена.

Заключительныя слова п. 3 ст. 5-й говорятъ не о *правонарушеніяхъ*, наказуемость коихъ устанавливаетъ международный договоръ, а вообще о *преступныхъ дѣяніяхъ*, а подъ это наименованіе подойдутъ и указанные проступки.

заявило свое нежеланіе удержать *неограниченный* принципъ невыдачи подданныхъ.

Врядъ ли поэтому—будь вопросъ о выдачѣ натурализованныхъ послѣ учиненія дѣянія иностранцевъ поставленъ прямо, привилегія невыдачи была бы распространена и на такихъ лицъ, которыя не могли бы получить натурализацію, если бы правительство было поставлено своевременно въ извѣстность о фактѣ учиненія ими преступленія. За то же рѣшеніе говоритъ и начало личнаго дѣйствія уголовнаго закона, несомнѣнно повліявшее на редакцію какъ ст. 173 и 174 улож. наказ., такъ и ст. 5-ой п. 1 и 2 проекта. О какомъ подчиненіи законамъ отечества можетъ быть рѣчь по отношенію къ лицу, которое, навѣрно, во время учиненія имъ преступнаго дѣянія и не думало о будущей „родинѣ"? По этимъ соображеніямъ норма, установленная въ договорѣ съ Португаліей, должна быть рекомендована, какъ наиболѣе желательная для включенія въ будущіе договоры наши съ иностранными державами [1]).

Переходимъ ко второму основному отличію системъ договорной и туземной по отношенію къ лицамъ, перемѣнившимъ подданство послѣ учиненія преступнаго дѣянія. До-

---

[1]) Само собою разумѣется, что въ сношеніяхъ съ тѣми государствами, съ которыми у насъ возможна выдача собственныхъ подданныхъ (Англія, Сѣверные Штаты Америки, Испанія), выдача лицъ, натурализованныхъ по учиненіи дѣянія, тѣмъ болѣе не встрѣтитъ затрудненій.

Въ сношеніяхъ съ другими государствами по этому вопросу, слѣдуетъ допустить, согласно основнымъ принципамъ экстрадиціоннаго права, что Россія не отклоняетъ выдачи иностранца, который, по предварительномъ задержаніи въ цѣляхъ выдачи, обращается съ просьбой о натурализаціи въ Россіи. Подобное рѣшеніе вопроса мы встрѣчаемъ, напр., въ Бельгіи и Нидерландахъ, но оно противорѣчитъ русскимъ законамъ о натурализаціи.

Съ другой стороны, русское право, безъ сомнѣнія, не знаетъ и того ограниченія начала невыдачи натурализованныхъ, согласно которому (см., напр., договоры Италіи съ Великобританіей 1874 г., ст. 4, съ Греціей 1877 г., ст. 6 и др.) натурализованное лицо должно пробыть въ своей новой родинѣ опредѣленное число лѣтъ (обыкновенно пять), чтобы воспользоваться привилегіею невыдачи. И по русскому праву натурализація, послѣдовавшая по учиненіи деликта, не можетъ имѣть никакого значенія для выдачи, если она получена благодаря ложнымъ указаніямъ—напр., подъ ложнымъ именемъ.

говоры наши стипулируютъ выдачу бывшихъ русскихъ, совершившихъ преступное дѣяніе въ бытность ихъ нашими подданными.

Передъ этой нормой и должна въ сношеніяхъ съ государствами, заключившими съ Россіей договоры о выдачѣ, преклониться туземная система, предписывающая судить и наказывать такихъ лицъ въ Россіи. Значеніе этого вывода двояко.

1). Онъ кореннымъ образомъ измѣняетъ начала личнаго дѣйствія уголовнаго закона, усвоенное русскимъ правомъ. На самомъ дѣлѣ наказуемость „подданныхъ" понимается въ такой концепціи ужъ не какъ послѣдствіе обязательныхъ для этихъ лицъ законовъ, а скорѣе какъ международная обязанность, обезпечиваемая „особымъ способомъ дѣйствія для примѣненія наказанія", а именно выдачей иностранному государству.

Наказаніе въ этой системѣ конструируется, какъ средство укрѣпленія узъ, связывающихъ народы въ области уголовнаго правосудія въ одинъ общій международный союзъ: система, приближающая русское право къ космополитической теоріи.

2). Понятіе выдачи, съ своей стороны, пріобрѣтаетъ тотъ же космополитическій оттѣнокъ, какой мы ужъ имѣли случай наблюсти при обсужденіи возможности выдачи собственныхъ подданныхъ по договорамъ съ Испаніей, Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Великобританіей (см. гл. III).

И здѣсь выдача изъ области права административнаго входитъ въ сферу уголовнаго правосудія, особенно по отношенію къ вопросу объ объемѣ преслѣдуемыхъ преступныхъ дѣяній.

Но слѣдуетъ замѣтить, что неограниченное примѣненіе началъ ст. 173 и 174 уложенія имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе о выдачѣ не представлено, а равно, если уголовное преслѣдованіе возбуждается по поводу деликта, непредусмотрѣннаго въ перечнѣ соотвѣтствующаго договора.

Здѣсь наступаетъ снова параллельное дѣйствіе двухъ си-

стемъ права со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя нами уже изучены во второй половинѣ главы IV-ой, гдѣ была рѣчь о соотношеніи и взаимномъ вліяніи системъ договорной и туземной.

Что же касается, наконецъ, проекта новаго уголовнаго уложенія, то онъ, въ данномъ отношеніи, остался на точкѣ зрѣнія дѣйствующаго права, а потому и впредь должно остаться неизмѣннымъ соотношеніе туземнаго права съ договорнымъ.

VI.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ видно, насколько наша договорная система отступила отъ воспринятыхъ уложеніемъ началъ по вопросу о дѣйствіи уголовнаго закона. Но отступленіе отъ туземнаго права пошло еще дальше и коснулось и нашихъ уголовныхъ притязаній къ иностранцамъ, построенныхъ на реальномъ принципѣ (ст. 172 улож. наказ.). Какъ мы уже указывали, институтъ выдачи преступниковъ, по основному взгляду нашего законодательства, долженъ имѣть примѣненіе исключительно къ иностранцамъ, учинившимъ внѣ предѣловъ Россіи преступныя посягательства на иностранныя „правовыя блага“.

И дѣйствительно, наши первыя картельныя конвенціи строго придерживаются выраженнаго въ ст. 172 улож. наказ. реальнаго начала.

„Если тѣмъ же дѣйствіемъ“,—читаемъ мы здѣсь (ст. 4-ая конвенціи съ Даніей 1866 г., съ Баваріей 1869 г. и съ Гессеномъ 1869 г.),—„за которое требуется выдача какого-либо лица, вызывается равнымъ образомъ судебное преслѣдованіе въ той странѣ, отъ которой требуется выдача, то въ такомъ случаѣ окончательный отвѣтъ можетъ быть пріостановленъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ судебными мѣстами разсмотрѣнъ вопросъ о виновности сего послѣдняго лица противъ сей послѣдней страны и въ случаѣ признанія его виновнымъ, пока оно не выдержитъ присужденнаго наказанія“.

Отвѣтъ этотъ долженъ быть отрицательный, и въ выдачѣ

должно быть отказано, если лицо понесло или отбываетъ наказаніе или же оправдано по суду (въ силу принципа non bis in idem).

Но это только одна сторона разбираемаго нами постановленія договорнаго права. Признаніемъ начала non bis in idem исключительность реальнаго начала по ст. 172-ой терпитъ существенное измѣненіе, такъ какъ реальная теорія, строго говоря, исключаетъ примѣненіе этого начала на самомъ дѣлѣ, преступное дѣяніе, по этой системѣ, мыслится какъ *двойное* посягательство, какъ нарушеніе различныхъ правовыхъ благъ, охраняемыхъ какъ правопорядкомъ того государства, гдѣ дѣяніе учинено, такъ и правопорядкомъ того общенія, противъ котораго посягательство направлено. Какъ будетъ поступать государство loci delicti commissi—если мы придерживаемся реальнаго начала—насъ должно мало интересовать: оно можетъ наказать преступника, но можетъ и оставить нашъ правопорядокъ безъ охраны. Но во всякомъ случаѣ посягательство на наши „правовыя блага" должно быть искуплено нашимъ закономъ, ихъ охраняющимъ. Наоборотъ, при проведеніи принципа non bis in idem эта двойственность объектовъ посягательства необходимымъ образомъ исчезаетъ, такъ какъ и логически, и юридически примѣненіе означеннаго правила мыслимо только при возбужденіи новаго уголовнаго преслѣдованія *по тому же дѣянію и противъ того же лица.*

Такимъ образомъ въ договорномъ правѣ, дѣйствующемъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Баваріей, Гессеномъ и Даніей, преступное дѣяніе естественно мыслится, какъ нарушеніе *общаго намъ и этимъ государствамъ правопорядка*: реальный принципъ незамѣтно пріобрѣтаетъ космополитическую тенденцію.

Въ позднѣйшихъ договорахъ о выдачѣ такое строгое проведеніе реальнаго начала не устояло передъ натискомъ болѣе жизненныхъ правовыхъ нормъ.

Начиная съ 1871 г., Россія вводитъ въ свое договорное право статью, допускающую выдачу вообще иностранныхъ подданныхъ, безотносительно къ тому, подлежатъ ли они су-

дебному преслѣдованію по русскимъ уголовнымъ законамъ или нѣтъ. Власть нашихъ судовъ, согласно постановленіямъ ст. 172-ой, пріобрѣтаетъ субсидіарный характеръ, поскольку требованіе иностраннаго правительства о выдачѣ имѣетъ въ виду преступное дѣяніе, предусмотрѣнное въ перечнѣ соотвѣтствующаго договора.

Незначительное, но довольно характерное отступленіе отъ этого новаго начала представляютъ договоры—съ Австро-Венгріей, съ Испаніей и съ Италіей.

„Если подданный одной изъ договаривающихся сторонъ",—говорится въ ст. 6 этихъ договоровъ,—„совершивъ въ третьемъ государствѣ одно изъ преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ ст. 2-ой (въ перечнѣ), будетъ засимъ укрываться на территоріи другой договаривающейся стороны, то онъ можетъ быть выданъ лишь въ томъ случаѣ, если по законамъ этой послѣдней страны онъ не подлежитъ суду туземныхъ судебныхъ мѣстъ. Это опредѣленіе примѣняется также къ лицамъ, не состоящимъ въ подданствѣ договаривающихся сторонъ, которыя, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, совершатъ преступленія противъ подданныхъ... одного изъ договаривающихся государствъ".

Согласно этой статьѣ субсидіарная власть русскихъ уголовныхъ судовъ снова вполнѣ исключаетъ юрисдикцію иностранныхъ уголовныхъ судовъ въ томъ случаѣ, когда иностранное государство требуетъ выдачи своего подданнаго по титулу внѣземельной личной подсудности, а наше выступаетъ въ роли верховнаго охранителя правъ собственныхъ подданныхъ по началу реальному. На введеніе этой нормы безъ всякаго сомнѣнія повліяли, главнымъ образомъ, соображенія характера процессуальнаго. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ преступному дѣянію, учиненному въ третьемъ государствѣ, начала устности, гласности и непосредственности уголовнаго производства могутъ быть достижимы съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ въ государствѣ мѣста нахожденія объекта преступнаго посягательства [1]), чѣмъ въ отечествѣ виновнаго лица—

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду то, что присутствіе пострадавшаго подданнаго всегда можетъ быть обезпечено, если процессъ возбуждается въ его отечествѣ.

т. е. въ мѣстѣ, связанномъ съ даннымъ дѣяніемъ только формальнымъ фактомъ нахожденія въ немъ преступнаго лица,— по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать упомянутое постановленіе нашего договорнаго права, такъ какъ оно направлено къ обезпеченію наиболѣе правильнаго и нормальнаго отправленія уголовной юстиціи.

Далѣе исключительность юрисдикціи русскихъ уголовныхъ судовъ проявляется также относительно иностранцевъ, виновныхъ въ посягательствахъ на права подданныхъ Австро-Венгріи, Испаніи и Италіи, учиненныхъ ими въ третьемъ государствѣ. Мы имѣемъ здѣсь примѣръ отрицательнаго отношенія русскаго договорнаго права къ притязаніямъ иностранныхъ уголовныхъ властей, основаннымъ на титулѣ внѣземельной реальной юрисдикціи. Согласно конвенціямъ, дѣйствіе реальнаго начала ограничивается посягательствами подданныхъ одного договаривающагося государства противъ подданныхъ другаго; посягательства же иностранцевъ оставляются безъ вниманія. Подобнаго рода положеніе вещей, какъ внушенное ничѣмъ не оправдываемымъ недовѣріемъ къ иностранному правовому строю, на нашъ взглядъ, представляется весьма мало желательнымъ. Договоры какъ бы заявляютъ, что на усмотрѣніе иностранныхъ уголовныхъ судовъ можно безъ опаски предоставить только подданныхъ государства-истца. Кромѣ того, это постановленіе страдаетъ еще и непослѣдовательностью, такъ какъ не распространяется на иностранцевъ, преслѣдуемыхъ по территоріальному титулу.

Наконецъ, нѣтъ никакой возможности разсматривать разбираемую норму, какъ установленную въ цѣляхъ процессуальныхъ, какъ это имѣло мѣсто въ первомъ случаѣ, предусмотрѣнномъ договорами съ Австро-Венгріей, Италіей и Испаніей, такъ какъ въ данномъ отношеніи и Россія, и указанныя державы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ отвергнутъ долженъ быть тотъ взглядъ, будто иностранцы, преслѣдуемые, по титулу реальнаго начала, могутъ остаться безнаказанными, за невозможностью для Россіи выдать ихъ иностранному правительству. При обсу-

жденіи аналогичныхъ случаевъ по примѣненію ст. 173—174 улож. наказ., мы указали на то, что согласно основнымъ началамъ современнаго международнаго уголовнаго права, отказъ въ выдачѣ преступника имѣетъ своимъ необходимымъ коррелятивомъ „молчаливое“ принятіе государствомъ на себя обязанности подвергнуть этого преступника суду и наказанію.

Такимъ образомъ ст. 6 договоровъ съ Австро-Венгріей, Италіей и Испаніей представляетъ изъ себя новое расширеніе уголовной юрисдикціи русскихъ судовъ въ отношеніи внѣземельныхъ деликтовъ иностранцевъ. Примѣчаніе же 1-ое къ ст. 172-ой улож. наказ. (по продолженію 1895 г.) является только санкціонированіемъ общаго международнаго правоваго принципа и, собственно говоря, не вводитъ, въ наше право новой правовой нормы, какъ то на первый взглядъ можно подумать.

Отношенія между системами договорной и туземной, аналогичныя только-что разобраннымъ, возникаютъ и въ силу постановленій нѣкоторыхъ нашихъ договоровъ относительно такъ называемыхъ водворившихся иностранцевъ.

Эти постановленія, встрѣчающіяся только въ нашихъ первыхъ договорахъ о выдачѣ, объясняются господствовавшимъ ко времени заключенія ихъ во внутреннемъ нашемъ законодательствѣ взглядомъ на выдачу преступниковъ.

Мы выдавали тогда не только лицъ, которыхъ не могли сами подвергнуть уголовному преслѣдованію, а скорѣе лицъ, признанныхъ властями административными, по своей дѣятельности и образу жизни, опасными для нашего государственнаго спокойствія. При отсутствіи послѣдняго условія выдача для государства-убѣжища въ значительной степени теряла свое значеніе. Та же самая точка зрѣнія проводится нѣкоторыми изъ нашихъ договоровъ по отношенію къ водворившимся иностранцамъ.

Такъ, ст. 1 конвенціи съ Швеціей 1860 г. постановляетъ, что передача преступника русскаго подданнаго или, наоборотъ, шведскаго не должна имѣть мѣста, если онъ, преступникъ, зачисленъ въ службу другаго государства или занимался въ ономъ государствѣ законнымъ образомъ земле-

дѣліемъ или инымъ промысломъ въ собственную пользу, или же, если такой преступникъ вступилъ въ бракъ въ томъ государствѣ, куда онъ прибылъ, и съ подданной сего государства.

Форма статьи оригинальна. Невыдача стипулируется въ ней потому, что правительства предполагаютъ возможность взаимнаго отказа принять обратно такое лицо. Слѣдовательно, самое предложеніе допускается возможнымъ.

Если эта статья толкуется такъ и въ настоящее время, то врядъ ли она имѣетъ дѣйствительное значеніе, такъ какъ, по всей вѣроятности, ни Россія, ни Швеція не откажутся принять такихъ лицъ.

Въ болѣе опредѣленной формѣ тенденція невыдачи выражена въ конвенціи съ Даніей 1866 г., ст. 2: „подъ наименованіемъ подданныхъ, въ отношеніи примѣненія настоящей конвенціи, разумѣются и иностранцы, въ странѣ поселившіеся или имѣющіе жительство“.

Иниціатива внесенія этой нормы въ договоръ принадлежала Даніи, и ея взглядъ на означенную въ этой статьѣ категорію иностранцевъ нашелъ благопріятную почву въ тогдашнемъ строѣ института выдачи въ Россіи.

Но между тѣмъ какъ въ Даніи занесенная въ картельную конвенцію норма, опираясь на § 6 угол. код., имѣетъ опредѣленный смыслъ и значеніе, у насъ эта опредѣленность содержанія совершенно отсутствуетъ. Конвенція съ Даніей сама по себѣ не даетъ положительныхъ указаній на то, какія лица подходятъ подъ понятіе водворившихся или имѣющихъ жительство. Въ этомъ отношеніи на болѣе вѣрномъ пути стоятъ договоры 1869 г.—съ Баваріей и Гессеномъ (и не имѣющій нынѣ силы—съ Нидерландами—того же года).

„Въ наименованіе подданныхъ“,—говорятъ эти договоры,—„относительно примѣненія настоящей конвенціи, включаются тѣ иностранцы, которые, по законамъ той страны, отъ которой требуется выдача, уравнены съ подданными, а также иностранцы, водворившіеся въ странѣ и состоящіе или состоявшіе въ бракѣ съ туземной женщиной и имѣющіе отъ нея дитя или нѣсколькихъ дѣтей, родившихся въ странѣ“.

Съ 70-хъ годовъ однако наше договорное право отказывается признавать за водворившимися иностранцами и лицами, съ ними уравненными, какія-либо экстрадиціонныя привилегіи. Само собою разумѣется, что при дѣйствіи указанныхъ четырехъ договоровъ должны были быть изысканы и средства, которыя обезпечивали бы наказуемость всѣхъ этихъ родовъ иностранцевъ въ странѣ ихъ пребыванія и водворенія.

Въ сношеніяхъ съ Швеціей, поскольку договоръ имѣетъ силу, несомнѣнно дѣйствуетъ общая норма международнаго уголовнаго права: отказъ въ выдачѣ, по общему правилу, влечетъ за собою принятіе государствомъ-убѣжищемъ обязанности возбудить противъ преступника уголовное преслѣдованіе.

Этой нормы было бы вполнѣ достаточно и при примѣненіи соотвѣтствующихъ постановленій договоровъ съ Даніей, Баваріей и Гессеномъ. Но эти договоры пошли по другому пути. Бо̀льшей опредѣленности ради и въ видахъ бо̀льшей обезпеченности наказанія водворившихся иностранцевъ они приравниваютъ ихъ къ собственнымъ подданнымъ.

Такимъ образомъ договоры предписываютъ уголовнымъ судамъ каждаго изъ договаривающихся государствъ примѣнять тѣ изъ касающихся внѣземельныхъ деликтовъ постановленія уголовныхъ законовъ, которыя относятся къ собственнымъ подданнымъ—въ частности для Россіи постановленія ст. 173—174 уложенія.

De lege ferenda подобная правовая концепція, само собою разумѣется, должна быть совершенно отвергнута, такъ какъ ею безъ всякой нужды и совершенно произвольно иностранцы приравниваются къ собственнымъ подданнымъ [1]).

---

[1]) Данія впрочемъ на такой конструкціи не настаиваетъ. Соотвѣтствующая статья въ ея договорахъ съ Бельгіей 1876, ст. 3 п. 1, съ Нидерландами, 1877, ст. 1, съ Люксембургомъ, 1879, ст. 3 п. 3, формулирована слѣдующимъ образомъ: „обязанность выдачи не распространяется на собственныхъ подданныхъ. Данія, кромѣ того, сохраняетъ за собою право не выдавать иностранцевъ, водворившихся или имѣющихъ въ ней жительство, развѣ только требованіе о выдачѣ имѣетъ въ виду дѣяніе, учиненное передъ его прибытіемъ въ Данію, и не протекло съ

Съ другой стороны, содержаніе, объемъ и условія дѣйствія ст. 173—174 улож. наказ. предполагаютъ, по мысли законодателя, вполнѣ опредѣленную подданническую связь лица съ государствомъ, особое гражданское общество, члены котораго обязаны воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, способныхъ умалить ихъ гражданскую честь. Вводить въ это общество, обнятое какъ бы единымъ личнымъ статутомъ, иностранныхъ подданныхъ, лишь въ силу ихъ болѣе или менѣе постоянныхъ отношеній къ нашимъ гражданамъ, равносильно уничтоженію всѣхъ особенностей личнаго начала.

Договорное право и здѣсь, такимъ образомъ, проводитъ всенивеллирующее, въ силу требованій высшей справедливости—artis boni et aequi, начало международнаго права.

И здѣсь изолированное гражданское общество, защищающее своихъ членовъ, гдѣ бы они ни находились, налагающее на нихъ обязанности, вытекающія изъ понятій національной гражданской чести и достоинства, претворяется въ общество международное съ однимъ общимъ правопорядкомъ, съ сознаніемъ общихъ обязанностей по отношенію ко всѣмъ лицамъ, входящимъ въ составъ этого союза. И здѣсь, такимъ образомъ, прорывается космополитическое начало, которому несомнѣнно принадлежитъ будущее, и высокая задача коего—создать истинное *международное* уголовное право.

Проектъ уголовнаго уложенія занялъ по отношенію къ затронутымъ въ настоящей главѣ вопросамъ слѣдующее положеніе: во-первыхъ, наказуемость дѣяній, учиненныхъ иностранцемъ противъ правъ россійскаго подданнаго или имущества и доходовъ казны (ст. 5 п. 3), носитъ субсидіарный характеръ.

Согласно ст. 10-ой п. 1: „иностранецъ, учинившій внѣ

тѣхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь, до представленія требованія о выдачѣ, полныхъ двухъ лѣтъ“.

Эту формулировку можно рекомендовать, какъ наиболѣе цѣлесообразную, при возможномъ пересмотрѣ совершенно устарѣвшаго нашего договора съ Даніей. Въ крайнемъ случаѣ, государства, въ цѣляхъ удержанія начала взаимности, могутъ обоюдно сохранить за собою право отклоненія выдачи въ указанныхъ случаяхъ. Такъ, напр., поступаетъ Франція въ договорѣ съ Даніей 1877, см. ст. 1 п. 2.

предѣловъ Россіи преступленіе или проступокъ, подлежитъ выдачѣ, согласно договору или установившейся съ государствомъ, требующимъ выдачи, взаимности, если онъ не былъ въ Россіи за то дѣяніе наказанъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ".

Такимъ образомъ проектъ примыкаетъ къ господствующей въ нашемъ договорномъ правѣ системѣ, разрушившей исключительность юрисдикціи русскихъ судовъ по примѣненію ст. 172-ой.

Во-вторыхъ, проектъ находится въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ постановленіемъ договоровъ нашихъ съ Австро-Венгріей, Испаніей и Италіей, согласно коему юрисдикція русскихъ уголовныхъ судовъ носитъ исключительный характеръ, въ томъ случаѣ, когда иностранное государство требуетъ выдачи своего подданнаго по титулу внѣземельной личной подсудности, и Россія имѣетъ право на уголовное преслѣдованіе въ силу реальнаго начала. Между тѣмъ ст. 10-ая проекта подобнаго исключенія въ пользу этой послѣдней юрисдикціи не знаетъ.

Благодаря ея общей формулировкѣ, статья эта можетъ быть понята и въ томъ смыслѣ, что русское правительство при требованіи о выдачѣ всегда охотно откажется отъ права собственнаго уголовнаго преслѣдованія въ пользу иностранной личной, реальной и даже космополитической юрисдикціи.

Между тѣмъ предпочтеніе должно быть отдано лишь тому форуму, дѣйствіями котораго наиболѣе обезпечивается „правда и милость" въ уголовномъ процессѣ, т. е. юрисдикціи территоріальной.

Отношеніе ст. 10-ой проекта, совершенно безразличное ко всѣмъ четыремъ указаннымъ подсудностямъ, врядъ ли можетъ считаться большимъ достоинствомъ нашего будущаго права.

Въ-третьихъ, вопросъ о нашемъ самостоятельномъ правѣ уголовнаго преслѣдованія водворившихся и имѣющихъ у насъ жительство иностранцевъ остается въ прежнемъ положеніи.

По смыслу ст. 10-ой проекта, какъ и ст. 172-ой дѣйствующаго уложенія, ни фактъ водворенія, ни фактъ жи-

тельства не вліяютъ на отношеніе нашего правительства къ требованію о выдачѣ иностранца. Такимъ образомъ проектъ примыкаетъ къ господствующей въ нашемъ договорномъ правѣ концепціи, по которой такіе иностранцы подлежатъ выдачѣ.

Постановленія договоровъ съ Швеціей, Даніей, Баваріей и Гессеномъ и впредь, конечно, сохранятъ свою силу, при чемъ наказуемость невыдаваемыхъ лицъ вполнѣ обезпечивается дѣйствіемъ ст. 5-ой п. 1, 2 и 3.

VII.

Наши замѣчанія относительно особенностей договорной системы русскаго права по вопросу объ объемѣ власти уголовныхъ судовъ въ дѣлѣ преслѣдованія внѣземельныхъ преступныхъ дѣяній сводятся къ слѣдующему.

1. Такъ называемый территоріальный принципъ международнаго уголовнаго права—въ его положительной функціи—всецѣло сохраняется нашими картельными конвенціями (см. гл. 2-ую). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и проектъ, ст. 4 и 10.

2. Начало личной подсудности подверглось кореннымъ и весьма существеннымъ ограниченіямъ, благодаря которымъ нельзя съ увѣренностью сказать, признаетъ ли наше договорное право эту подсудность, какъ таковую, и имѣетъ ли національность преступника рѣшающее значеніе при организаціи системы внѣземельной наказуемости преступныхъ дѣяній. Такъ: a) по договорамъ съ Испаніей, Великобританіей и Соединенными Штатами Америки допускается возможность выдачи собственныхъ подданныхъ, чѣмъ нарушается ст. 173—174 улож. наказ. Напротивъ, проектъ: ст. 5, п. 1 и 2, ст. 10, категорически высказывается противъ экстрадиціи туземцевъ; b) при опредѣленіи объема международной отвѣтственности государства по деликтамъ собственныхъ подданныхъ внѣ предѣловъ Россіи критеріемъ взятъ перечень договоровъ, благодаря чему въ договорномъ правѣ получила господствующее значеніе та мысль, что государство пользуется личной юрисдикціей главнымъ образомъ въ видахъ содѣйствія иностранному уголовному правосудію. Внѣземельное преступное дѣяніе понимается,

какъ нарушеніе иностраннаго уголовнаго закона, и основаніе его наказуемости сводится къ нуждамъ иностраннаго правопорядка; c) договорная система не знаетъ основнаго типа преступныхъ дѣяній собственныхъ подданныхъ, по отношенію къ которымъ начала личной подсудности имѣютъ особенную силу: внѣземельныхъ государственныхъ преступленій. Иная точка зрѣнія усвоена проектомъ, ст. 5 п. 1, и улож. наказ. ст. 173; d) требуя для возбужденія уголовнаго преслѣдованія предъявленія требованія со стороны иностраннаго правительства, а въ одномъ случаѣ и жалобы частнаго лица, какъ пострадавшей стороны, наше договорное право разрушаетъ единство основаній, на которыхъ покоится личная юрисдикція. Тѣмъ самымъ оно даетъ возможность заключить, что, по мысли нашего законодателя, общественный интересъ и порядокъ гораздо менѣе заинтересованы въ преслѣдованіи и наказаніи внѣземельныхъ деликтовъ подданныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пострадавшей стороной является иностранецъ (главный случай примѣненія договорнаго права), чѣмъ тогда, когда таковой является русскій подданный. Примѣняя эти условія уголовнаго преслѣдованія и къ случаямъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 173-ей улож. наказ., наше договорное право идетъ еще дальше и вноситъ норму, согласно которой защита правъ соотечественниковъ отъ посягательствъ соотечественниковъ же дается главнымъ образомъ ради охраны иностраннаго правоваго порядка (см. пунктъ b). Проектъ же, ст. 6. п. 2, удерживаетъ въ этомъ отношеніи норму ст. 174 улож. наказ.; e) гарантируя невыдачу лицамъ, пріобрѣвшимъ русское подданство послѣ учиненія ими преступнаго дѣянія, договорное право до крайности расширяетъ кругъ лицъ, подлежащихъ уголовному преслѣдованію по началу личной подсудности. То же значеніе имѣетъ и приравненіе водворившихся иностранцевъ къ собственнымъ подданнымъ по нѣкоторымъ договорамъ, а равно и допущеніе выдачи собственныхъ подданныхъ вообще, хотя бы въ факультативной формѣ, или же только тѣхъ, кои, по учиненіи ими преступнаго дѣянія, перемѣнили русское подданство на иностранное.

3. Реальное начало точно такъ же потеряетъ въ постано-

вленіяхъ нашего договорнаго права свои характерныя особенности. Такъ: a) въ большинствѣ договоровъ эта юрисдикція получаетъ субсидіарное значеніе, тогда какъ во внутреннемъ правѣ она носитъ характеръ исключительности; b) въ тѣхъ же договорахъ, гдѣ удержано реальное начало, указываемая исключительность подорвана признаніемъ принципа non bis in idem.

4. Рядомъ партикулярныхъ нормъ договорное право вводитъ въ русскую систему международнаго уголовнаго права космополитическое начало.

Такъ, прежде всего, благодаря обезпеченію невыдачи иностраннымъ подданнымъ, принявшимъ русское подданство послѣ совершенія преступнаго дѣянія, русскими властями дается право преслѣдовать иностранцевъ, посягнувшихъ на права своихъ соотечественниковъ.

Для уголовнаго же права важна и имѣетъ значеніе только та подданническая связь, которой подлежало лицо во время учиненія имъ преступнаго дѣянія.

Далѣе, допущеніемъ выдачи собственныхъ подданныхъ, оставившихъ русское подданство послѣ учиненія преступнаго дѣянія, договорное право проводитъ ту мысль, исходящую изъ космополитическаго ученія, согласно которой наказаніе и собственныхъ подданныхъ, достигаемое путемъ выдачи ихъ, является средствомъ укрѣпленія узъ, связывающихъ народы въ области уголовнаго правосудія въ одинъ общій международный правопорядокъ. На противоположной точкѣ зрѣнія, какъ мы постарались доказать, стоитъ нашъ проектъ, ст. 5 п. 1 и 2.

Та же мысль проявляется и въ признаніи принципа non bis in idem при примѣненіи началъ какъ личной, такъ и реальной юрисдикціи. Здѣсь исчезаетъ необходимое по началамъ этихъ юрисдикцій представленіе о преступномъ дѣяніи, какъ нарушеніи различныхъ правовыхъ благъ, и на первый планъ выступаетъ то, по которому преступное дѣяніе является нарушеніемъ общаго всѣмъ заинтересованнымъ государствамъ правопорядка. Такъ же смотритъ на вопросъ и проектъ, ст. 6 п. 1 и 2.

Наконецъ, договоры наши съ Австро-Венгріей, Италіей и Испаніей отказывая въ выдачѣ подданныхъ третьяго государства, преслѣдуемыхъ по титулу реальнаго начала (ср. проектъ, ст. 10) представляютъ изъ себя новое расширеніе уголовной юрисдикціи русскихъ судовъ по внѣземельнымъ деликтамъ иностранцевъ (ср. прим. 1 къ ст. 172 улож. наказ.). Тотъ же характеръ носятъ и постановленія договоровъ со Швеціей, Даніей, Баваріей и Гессеномъ относительно наказуемости водворившихся въ Россіи иностранцевъ.

Въ системѣ этихъ договоровъ особенно замѣтно разрушается національный характеръ личной юрисдикціи, и уголовный международный законъ возвышается до охраны международнаго общества съ однимъ общимъ правопорядкомъ и съ сознаніемъ общихъ обязанностей по отношенію ко всѣмъ лицамъ, входящимъ въ его составъ.

Однако все это только зародыши проведенія космополитическаго начала въ русскомъ правѣ.

Только проектъ, ст. 5, 6 и 10, охватилъ всѣ возможные случаи примѣненія этого принципа и принялъ всѣ логическія его послѣдствія.

5. Выдача преступниковъ, которая понималась у насъ первоначально, какъ институтъ права административнаго, приводится договорами въ связь со всей нашей системой уголовнаго преслѣдованія внѣземельныхъ преступленій. Это выражается какъ въ томъ, что по нѣкоторымъ договорамъ допускается выдача собственныхъ подданныхъ (договоры съ Испаніей, Англіей, Соединенными Штатами Сѣверной Америки), всѣхъ вообще или только тѣхъ, кои по учиненіи ими преступнаго дѣянія, оставили русское подданство, такъ и въ томъ, что по большинству нашихъ конвенцій, притязаніе нашихъ уголовныхъ судовъ къ иностранному подданному по началу реальной подсудности не можетъ еще служить, какъ таковое, достаточнымъ мотивомъ отклоненія требованія о выдачѣ, особенно если такое лицо требуется по титулу территоріальной юрисдикціи.

Проектъ уголовнаго уложенія и будущіе договоры, въ основаніе которыхъ имѣютъ быть положены выраженныя въ

проектѣ начала, придадутъ институту выдачи по отношенію ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ затрогиваемымъ ею преступнымъ дѣяніямъ характеръ мѣры, тѣсно связанной со всей сферой уголовнаго правосудія государства (ст. 5 п. 3, ст. 6 ч. 1—3, ст. 10).

Въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается великая заслуга проекта.

VIII.

Изложенныя въ предыдущихъ главахъ соображенія по поводу отношенія нашихъ договорной и туземной системъ международнаго уголовнаго права даютъ намъ поводъ указать на слѣдующія измѣненія и дополненія соотвѣтствующихъ статей проекта уголовнаго уложенія, которыя, на нашъ взглядъ, представлялись бы желательными.

А) Статью 5-ую, п. 1, 2 и 3, слѣдовало бы редактировать въ формѣ перечня наказуемыхъ преступныхъ дѣяній—въ цѣляхъ внесенія единства въ нашу систему международнаго уголовнаго права.

Этимъ была бы, при пересмотрѣ договоровъ, уничтожена двойственность объема преслѣдуемыхъ дѣяній по системамъ договорной и туземной, а само уголовное преслѣдованіе было бы ограничено наиболѣе тяжкими преступными дѣяніями.

Б) П. 3-ій ст. 5-ой долженъ быть дополненъ яснымъ указаніемъ на то, что отказъ въ выдачѣ кого-либо или ея фактическая или правовая невозможность влекутъ за собою въ случаѣ, если дѣяніе направлено противъ общаго права, уголовное преслѣдованіе въ Россіи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что редакція нѣкоторыхъ нашихъ картельныхъ конвенцій возбуждаетъ порою сомнѣнія по вопросу о томъ, обязано ли государство, отказывающее въ выдачѣ требуемаго лица, возбудить противъ него уголовное преслѣдованіе.

В) Желательно было бы исключить частную жалобу, какъ условіе возбужденія уголовнаго преслѣдованія по внѣземель-

нымъ преступнымъ дѣяніямъ, и измѣнить въ этомъ смыслѣ п. 2-ой ст. 6-ой проекта.

Г) Ст. 10-ая должна быть дополнена и измѣнена въ томъ смыслѣ, что выдача собственныхъ подданныхъ имѣетъ мѣсто только при условіи взаимности.

Д) Въ случаѣ сохраненія начала невыдачи своихъ подданныхъ, желательно было бы внесеніе въ проектъ особой статьи, допускающей выдачу лицъ, натурализованныхъ послѣ учиненія ими преступнаго дѣянія внѣ предѣловъ Россіи.

Е) Ст. 10-ую слѣдовало бы дополнить указаніемъ на то, что выдавать надлежитъ преимущественно государству мѣста учиненія преступнаго дѣянія.

ЗАДАЧИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ПРАВА ВЪ ГЕРМАНІИ

С. И. Живаго.

(*Окончаніе*) [1]).

Вопросы народнаго образованія, по конституціи, не входятъ въ область законодательной компетенціи имперской центральной власти. Поэтому вообще не могло быть рѣчи о проведеніи реформы университетскаго преподаванія права путемъ имперскаго закона о новой регламентаціи юридическаго образованія во всей Германіи. Однако вполнѣ понятно, напримѣръ, что въ германскомъ рейхстагѣ во время обсужденія проекта новаго общеимперскаго уложенія гражданскаго права вопросъ объ изученіи этого кодекса будущими юристами долженъ былъ привлечь самое серьезное вниманіе. Рейхстагъ высказался по этому вопросу въ особой резолюціи отъ 11 декабря 1896 года [2]). Мнѣніе рейхстага, ни для кого въ данномъ случаѣ формально не обязательное, можетъ однако служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало имѣлось въ виду учащимъ и учащимся навязать что-либо извнѣ, помимо ихъ собственнаго убѣжденія и желанія. Резолюція рейхстага имѣетъ значеніе, какъ признаніе необходимости самой

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г., Апрѣль, стр. 142, Мартъ, стр. 117 и Февраль, стр. 127.

[2]) См. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages за 1896 г. (Band 5; S. 3848 и ff.).

реформы вообще и того направленія, въ которомъ она представлялась желательной.

Изъ среды членовъ одной изъ коммисій (XII), принимавшихъ участіе въ работахъ по подготовленію и обсужденію проекта новаго гражданскаго уложенія, было сдѣлано слѣдующее предложеніе: „просить имперскаго канцлера, чтобы имъ были предприняты надлежащіе шаги передъ отдѣльными правительствами государствъ союзной имперіи относительно измѣненій учебныхъ плановъ мѣстныхъ университетовъ въ томъ смыслѣ, чтобы лекціи о новомъ гражданскомъ уложеніи заняли на юридическихъ факультетахъ центральное положеніе въ курсахъ гражданскаго права“.

Въ рѣчахъ, послѣдовавшихъ за внесеніемъ этого предложенія, было между прочимъ съ особой настоятельностью указано, что „вовсе не имѣется въ виду посягать на самостоятельность университетовъ или на свободу преподаванія профессоровъ“,..... но что „признается желательнымъ, чтобы тѣ научныя силы, которыя посвящаютъ себя въ университетахъ изученію гражданскаго права, получили приложеніе и относительно новаго гражданскаго кодекса—со стороны теоріи и со стороны практики, для его толкованія и правильнаго примѣненія“. Для этого необходимо, чтобы центръ тяжести университетскихъ курсовъ былъ перенесенъ именно на новое гражданское право . . . . , чтобы студенты изучали его самымъ основательнымъ образомъ и вполнѣ сознавали его важное значеніе для своей будущей практической дѣятельности.... Новое гражданское уложеніе не должно испытать судьбу, подобную положенію прежнихъ мѣстныхъ, партикулярныхъ кодексовъ („разные Landrechte“), едва находившихъ вообще признаніе въ университетахъ рядомъ съ необъятными курсами римскаго права. Новое гражданское уложеніе должно стать „центральнымъ предметомъ среди всѣхъ остальныхъ дисциплинъ гражданскаго права“; студенты должны сознавать, что и на экзаменѣ это дѣйствующее общеимперское гражданское право будетъ главнымъ предметомъ испытанія и т. п. (см. рѣчь депутата Dr. Spahn).

При дальнѣйшемъ обсужденіи упомянутаго предложенія

со стороны двухъ депутатовъ (von Benningsen и von Cuny) было особенно подчеркнуто принципіальное отношеніе рейхстага къ вопросу о необходимой реформѣ въ общей системѣ образованія и подготовки будущихъ юристовъ, а именно, что, постановляя свою резолюцію по этому вопросу, рейхстагъ чуждъ всякой мысли о какомъ-либо посягательствѣ на исконную автономію нѣмецкихъ университетовъ. Сообразно съ этимъ была потребована и сдѣлана въ проектѣ резолюціи несущественная сама по себѣ редакціонная поправка: вмѣсто оборота рѣчи, дававшаго поводъ къ возможному толкованію, что будто со стороны союзныхъ правительствъ ожидается прямое вмѣшательство и одностороннее измѣненіе учебныхъ плановъ юридическихъ факультетовъ, новая редакція указывала лишь вообще на самую желательность подобнаго измѣненія, не предрѣшая ни способовъ, ни путей къ его осуществленію. Въ такой измѣненной и уже совершенно недвусмысленной редакціи резолюція и была принята рейхстагомъ даже безъ особаго голосованія, путемъ простаго вставанія.

Несомнѣнно, что именно этотъ авторитетный голосъ рейхстага послужилъ непосредственнымъ внѣшнимъ поводомъ къ обсужденію реформы въ правительственныхъ сферахъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Сношенія имперскаго канцлера съ подлежащими инстанціями не опубликованы. Результатомъ „соотвѣтствующихъ шаговъ“ явились аналогичныя и сходныя по существу распоряженія союзныхъ правительствъ объ измѣненіяхъ требованій, которымъ должны удовлетворить на государственныхъ экзаменахъ кандидаты-юристы [1]). Разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что измѣненіе этихъ требованій по существу дѣла должно было предполагать извѣстныя измѣненія и въ университетской подготовкѣ будущихъ юристовъ, т. е. и въ учебныхъ планахъ юридическихъ факультетовъ. Но тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что даже и внѣшнимъ образомъ (независимо отъ того, что за необходимость реформы уже предварительно высказались профессора-юристы) было соблюдено во всей неприкосновен-

---

[1]) Источники для сравненія были указаны раньше.

ности исконное взаимоотношеніе между сферой государственной компетенціи и областью вѣдѣнія правительственныхъ органовъ, съ одной стороны, и университетской автономіей въ вопросахъ изученія и преподаванія—съ другой.

Къ тѣмъ же самымъ результатамъ относительно принципіальной постановки всего вопроса о реформѣ университетскаго преподаванія права въ Германіи, въ связи съ принятіемъ рейхстагомъ проекта новаго гражданскаго уложенія и предстоящимъ введеніемъ общеимперскаго кодекса въ жизнь и судебную практику, приводитъ и разсмотрѣніе источниковъ чисто оффиціальнаго происхожденія—напримѣръ, распоряженій министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія, а также комментарій къ нимъ въ правительственныхъ органахъ.

Мы остановимся для примѣра только на *Пруссіи*, такъ какъ, съ одной стороны, Пруссія обладаетъ наибольшимъ количествомъ „мѣстныхъ университетовъ (Landesuniversitäten), а съ другой—именно прусскому правительству всего менѣе свойственна какая-либо преувеличенная и не отвѣчающая дѣлу щепетильность.

---

18 января 1897 года, т. е. приблизительно черезъ полгода послѣ принятія рейхстагомъ проекта новаго гражданскаго уложенія и ровно черезъ 5 недѣль послѣ указанной декабрьской резолюціи, прусскимъ министромъ юстиціи было издано общее распоряженіе относительно государственнаго экзамена для кандидатовъ - юристовъ (Allgemeine Verfügung, betreffend die erste juristische Prüfung; государственный экзаменъ на званіе референдарія является въ Германіи *первымъ*, который вообще приходится держать нѣмецкому молодому юристу). Въ этомъ распоряженіи министра юстиціи между прочимъ говорится: „съ завершеніемъ новаго гражданскаго уложенія явилась необходимость произвести измѣненія въ университетскомъ изученіи права будущими юристами (Rechtsstudium), а также и въ томъ государственномъ испытаніи, доступъ къ которому обусловленъ окончаніемъ курса на юридическомъ факультетѣ; существуетъ потребность (es kommt darau an)

сдѣлать въ будущемъ именно общеимперское дѣйствующее гражданское право центральнымъ предметомъ преподаванія (Unterricht), такъ чтобы оно въ учебныхъ планахъ университетовъ получало то значеніе, которое въ настоящее время отводится двумъ курсамъ—пандектамъ и германскому (нѣмецкому) гражданскому праву [1]).

Принципіальное отношеніе прусскаго министерства юстиціи къ реформѣ въ общей университетской подготовкѣ будущихъ юристовъ нашло себѣ вполнѣ опредѣленное выраженіе въ указанномъ распоряженіи отъ 18 января 1897 г.

Въ самомъ дѣлѣ трудно оспаривать, что когда рѣчь идетъ о тѣхъ требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять кандидатамъ для допущенія ихъ къ подготовительной государственной службѣ по судебному вѣдомству, то въ такого рода вопросахъ именно за министерствомъ юстиціи должно быть прежде всего признано право голоса и нѣкоторая компетентность для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Эта точка зрѣнія въ Пруссіи и получила, очевидно, признаніе и примѣненіе въ изданіи министромъ юстиціи новыхъ правилъ относительно „государственныхъ экзаменовъ для юристовъ“.

Но въ виду того, что общее юридическое образованіе пріобрѣтается въ университетѣ и доступъ къ государственнымъ экзаменамъ обусловленъ окончаніемъ курса на юридическомъ факультетѣ, то едва ли соотвѣтствующія требованія правительства или спеціально министерства юстиціи могутъ быть выражены иначе, какъ въ формѣ указаній на то, какіе элементы въ этой общей подготовкѣ правительство или министерство признаетъ для кандидата-юриста существенными и необходимыми. Университетамъ вообще или юридическимъ

---

[1]) „Deutsches Recht“. См. объясненіе этого термина въ спеціальной статьѣ профессора Бруннера въ изданіи O. Fischer. Rechtsforschung und Rechtsunterricht auf den Deutschen Universitäten. 1893. H. Brunner, Deutsches Recht. S. 40 и ff. Такой знатокъ дѣла, какъ Бруннеръ, указываетъ, что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ прежде всего понимать всю исторію нѣмецкаго права, а затѣмъ въ области дѣйствующаго гражданскаго права все то, что не носитъ на себѣ непосредственныхъ слѣдовъ римскаго происхожденія (въ 1893, напр., вексельное и торговое право) и потому „романистами“ предоставляется вѣдѣнію „германистовъ“.

факультетамъ въ частности прусскій министръ юстиціи, конечно, не могъ предписать чего бы то ни было. Вполнѣ согласно съ этимъ въ самомъ текстѣ распоряженія указывается, что оно относится лишь „къ тѣмъ изучающимъ въ университетѣ юридическія науки, кто по окончаніи курса желаетъ подвергнуться государственному экзамену". Въ чемъ заключается по существу измѣненіе требованій министерства юстиціи, явствуетъ изъ приведенныхъ выше вступительныхъ словъ самаго распоряженія. Подробности указываются въ такой внѣшней редакціи, чтобы изъ самаго текста могли быть почерпнуты свѣдѣнія для руководства всякимъ студентомъ, имѣющимъ въ виду держать впослѣдствіи государственный экзаменъ. Кандидатамъ сообщается, что вмѣсто курсовъ: энциклопедія права, исторія римскаго права, институціи римскаго права, пандекты, исторія нѣмецкаго права, нѣмецкое (германское) гражданское право, прусское Landrecht, рейнско-французское право",—которые требовались по прежнимъ правиламъ для допущенія окончившаго юридическій факультетъ къ государственнымъ экзаменамъ, новыми правилами будетъ требоваться отъ кандидата удостовѣреніе въ томъ, что онъ былъ записанъ (и—предполагается—прослушалъ, т. е. получилъ зачетъ) на слѣдующіе курсы: „1) введеніе въ изученіе юридическихъ наукъ; 2) исторія и система римскаго права; 3) исторія нѣмецкаго (германскаго) права и общій очеркъ нѣмецкаго гражданскаго права; 4) дѣйствующее имперское гражданское право (B. GB. и партикулярныя къ нему дополненія) въ подробномъ историко-догматическомъ изложеніи; 5) обзоръ исторіи развитія права въ Пруссіи"...

Дальнѣйшія указанія въ томъ же распоряженіи министра юстиціи относятся къ нѣкоторымъ частностямъ въ самомъ прохожденіи курса кандидатами-юристами. Но и это также не какія-либо обязательныя предписанія для всѣхъ студентовъ-юристовъ вообще, а тѣмъ менѣе для самихъ юридическихъ факультетовъ. Министръ юстиціи въ своихъ руководящихъ указаніяхъ становится прежде всего на точку зрѣнія цѣлесообразности въ дѣлѣ подготовки будущихъ юристовъ и поставляетъ на видъ, что слушаніе лекцій по дѣйствующему

гражданскому праву, по общему правилу, должно бы относиться къ первой половинѣ университетскаго курса и т. п. Затѣмъ обращается особое вниманіе на важное значеніе участія студента въ упражненіяхъ по догмѣ дѣйствующаго права и соотвѣтственно съ этимъ устанавливается, какъ условіе допущенія кандидата къ государственному экзамену, требованіе, чтобы имъ представлены были предсѣдателю коммисіи письменныя работы за подписью лица, руководившаго въ университетѣ практическими упражненіями... Въ заключеніе министръ юстиціи устанавливаетъ въ своемъ распоряженіи компетенцію предсѣдателя испытательной коммисіи [1]) относительно права рѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о томъ, поскольку представленныя кандидатомъ данныя о прохожденіи имъ университетскаго курса удовлетворяютъ, по числу и составу прослушанныхъ имъ курсовъ, установленнымъ нормальнымъ требованіямъ, и являются ли допущенныя кандидатомъ отступленія настолько существенными, чтобы они могли получить значеніе препятствій для допущенія претендента на зачисленіе въ референдаріи къ государственному экзамену.

Было бы, разумѣется, натяжкой или софизмомъ утверждать, что изложенное распоряженіе прусскаго министра юстиціи вовсе и никоимъ образомъ не касается юридическихъ факультетовъ и университетскаго преподаванія права. Вѣдь, несомнѣнно, громадное большинство студентовъ-юристовъ, независимо отъ того, какую карьеру и какую дѣятельность они разсчитываютъ избрать въ будущемъ, во время самаго прохожденія университетскаго курса заинтересованы тѣмъ, чтобы имѣть возможность выполнить также и тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ допущеніе къ государственному экзамену. Ясно,

---

[1]) Эти предсѣдатели никогда не бываютъ изъ числа профессоровъ, а только изъ предсѣдателей высшихъ судебныхъ учрежденій округа. Самый экзаменъ происходитъ въ резиденціи соотвѣтствующаго суда, что̀ далеко не всегда совпадаетъ съ университетскимъ городомъ (такъ, напр., для Боннскаго университета—Кёльнъ, для Грейфсвальда—Штеттинъ и т. п.). Кандидаты направляются къ испытанію также не по мѣсту „окончанія курса“, а главнымъ образомъ въ зависимости отъ того судебнаго округа, къ которому они желаютъ быть причислены.

что это въ свою очередь возможно лишь при существованіи соотвѣтствующихъ курсовъ, лекцій и упражненій въ учебныхъ планахъ и въ самой практикѣ преподаванія юридическихъ факультетовъ.

Въ этомъ отношеніи юридическіе факультеты тѣмъ скорѣе могли пойти навстрѣчу видамъ и желаніямъ министерства юстиціи, что новыя правила о государственныхъ экзаменахъ въ Пруссіи съ матеріальной стороны являются, по существу дѣла, какъ бы буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ общихъ постулатовъ, которые были высказаны профессорами-юристами на эйзенахской конференціи. Мы уже имѣли случай показать, что со стороны академическихъ „учителей права" именно необходимость сдѣлать новое дѣйствующее гражданское уложеніе центральнымъ предметомъ изученія для будущихъ юристовъ, вмѣсто пандектъ и институцій, было признано за основное положеніе для реформы учебныхъ плановъ юридическихъ факультетовъ. Такимъ образомъ юридическимъ факультетамъ дѣйствительно не навязывалось ничего несогласнаго съ ихъ собственными принципіальными воззрѣніями. Что же касается стороны *формальной*, то въ этомъ отношеніи не будетъ неточнымъ самымъ положительнымъ образомъ утверждать, что распоряженіе министра юстиціи вовсе не относится къ юридическимъ факультетамъ и de jure имъ ничего не предписываетъ.

Посредствующимъ моментомъ при указанной реформѣ въ Пруссіи явилось „соглашеніе" министерства юстиціи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. На такое соглашеніе указывается между прочимъ и въ самомъ текстѣ разсмотрѣннаго распоряженія 18 января 1897 г. („Im Einverständniss mit dem Herrn Unterrichts-Minister"). Результатомъ соглашенія явился циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ того же 18 января 1897 г., при которомъ юридическимъ факультетамъ прусскихъ университетовъ черезъ попечителей былъ препровожденъ текстъ распоряженія министра юстиціи „zur gefälligen Kenntnissnahme", какъ говорится въ самомъ циркулярѣ. Министръ народнаго просвѣщенія съ своей стороны также ничего не предписываетъ формально юридическимъ фа-

культетамъ, а лишь „доводитъ до ихъ свѣдѣнія“ о состоявшемся соглашеніи двухъ министерствъ относительно измѣненія правилъ о государственныхъ экзаменахъ для кандидатовъ-юристовъ. Министръ поясняетъ эти правила своими „замѣчаніями“ (Bemerkungen), гдѣ между прочимъ указывается, что оба министерства держатся того мнѣнія, что при введеніи новыхъ курсовъ по дѣйствующему гражданскому праву не представляется однако желательнымъ увеличивать общее число недѣльныхъ часовъ въ занятіяхъ студентовъ, тѣмъ болѣе что въ будущемъ предполагается придавать особое значеніе участію студентовъ въ упражненіяхъ. Въ этой болѣе чѣмъ деликатной формѣ юридическимъ факультетамъ указывалось на желательность значительныхъ сокращеній въ прежнихъ учебныхъ планахъ и, разумѣется, прежде всего на счетъ „старыхъ, заслуженныхъ институцій и пандектъ“. Но развѣ въ этомъ заключалось что-либо новое, напримѣръ, сравнительно съ резолюціями эйзенахской конференціи?

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія приводится примѣрное число часовъ, которое „имѣлось въ виду“ (es wurde dabei gedacht). Эти указанія весьма характерны:

1) Введеніе въ изученіе юридическихъ наукъ (Einführung in die Rechtswissenschaft): 2—3 часа въ недѣлю.

2) Исторія римскаго права вмѣстѣ съ системою римскаго гражданскаго права: 8—10 часовъ въ недѣлю.

3) Исторія нѣмецкаго (германскаго) права вмѣстѣ съ очеркомъ германистическихъ основъ гражданскаго права: 6—8 ч.

4) Дѣйствующее имперское гражданское право: 16—20 ч.

5) Очеркъ исторіи развитія права въ Пруссіи: 1—2 ч.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что указаніе на недѣльное число часовъ для каждаго предмета дѣлается, конечно, въ разсчетѣ на одно академическое полугодіе для чтенія всего курса, такъ какъ въ нѣмецкихъ университетахъ раздѣленіе на семестры проводится вполнѣ послѣдовательно. Если производить разсчетъ примѣнительно къ установившемуся фактически на русскихъ юридическихъ факультетахъ счету и распредѣленію курсовъ лекцій не по полугодіямъ, а по ака-

демическимъ годамъ, то пришлось бы, очевидно, для каждаго предмета брать только половинное число недѣльныхъ часовъ. На исторію римскаго права вмѣстѣ съ системой римскаго гражданскаго права, по нашимъ условіямъ, пришлось бы всего 4—5 часовъ, а при раздѣленіи этихъ предметовъ на два особыхъ курса, какъ принято у насъ, всего по два лекціонныхъ часа на каждый. Между тѣмъ на изученіе студентами дѣйствующаго гражданскаго права даже и при такомъ разсчетѣ пришлось бы 8—10 часовъ лекцій или упражненій въ недѣлю....

Вполнѣ понятно, что слушать 20 часовъ въ недѣлю одно только B.GB. не мыслимо, равно какъ и усвоить всю систему гражданскаго права въ теченіе одного семестра. Это было предусмотрѣно и въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, гдѣ указывается, что примѣрное число (20) часовъ для занятій имперскимъ гражданскимъ правомъ можетъ, конечно, быть распредѣлено на два (и болѣе) семестровъ. Такъ это дѣйствительно и практикуется въ настоящее время на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ. Однако *особенность нѣмецкой практики* заключается въ томъ, что на юридическихъ факультетахъ нѣсколько преподавателей читаютъ главнѣйшіе отдѣлы гражданскаго права (общая часть, обязательственное, вещное, семейственное, наслѣдственное право) въ видѣ самостоятельныхъ курсовъ и заканчиваютъ курсъ въ теченіе одного семестра. Такимъ образомъ нѣмецкій студентъ-юристъ все-таки не знаетъ курсовъ, тянущихся цѣлый годъ и болѣе [1]); онъ имѣетъ возможность слушать различныхъ преподавателей и въ различныхъ университетахъ, участвовать въ практическихъ занятіяхъ хоть въ теченіе всего курса, заботясь, конечно, прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ, лишь о томъ, чтобы изъ отдѣльныхъ курсовъ у различныхъ препода-

---

[1]) Такое положеніе дѣла иногда весьма замѣтно отражается и на самомъ характерѣ преподаванія. Нѣмецкій профессоръ по большей части долженъ очень экономно пользоваться своимъ лекціоннымъ временемъ, что̀ и является лучшей гарантіей противъ растянутости, непроизводительной многословности изложенія и т. п.

вателей и путемъ постояннаго активнаго участія въ практическихъ упражненіяхъ у него постепенно сложилось законченное цѣлое, т. е. основательное знакомство со всей системой дѣйствующаго гражданскаго права германской имперіи и навыкъ въ примѣненіи этихъ свѣдѣній для рѣшенія такихъ вопросовъ, которые ставятъ юристу на каждомъ шагу гражданскій оборотъ и судебная практика. Такіе именно результаты въ настоящее время достигаются германскими юридическими факультетами, если только самъ студентъ хочетъ хоть сколько-нибудь работать и воспользоваться тѣмъ, что̀ ему предлагается въ такомъ изобиліи и въ такой удобопріемлемой формѣ.

Далѣе въ разсматриваемомъ циркулярѣ прусскаго министра народнаго просвѣщенія заслуживаютъ вниманіе тѣ пункты, по которымъ министръ „обращается съ покорнѣйшею просьбой“ къ юридическимъ факультетамъ („ersuche gefälligst“), а именно:

1) препроводить экземпляры распоряженія министра юстиціи и настоящаго циркуляра каждому изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ;

2) довести о томъ же до свѣдѣнія студентовъ, вывѣсивъ соотвѣтствующія объявленія въ университетахъ;

3) войти съ предложеніями о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи курсовъ между профессорами, какъ представителями каѳедръ (Neuordnung der Lehranträge).

4) сдѣлать представленія объ увеличеніи численнаго состава учебныхъ силъ факультетовъ, поскольку это представляется необходимымъ и желательнымъ.

Изложенный въ главныхъ пунктахъ циркуляръ прусскаго министра народнаго просвѣщенія отъ 18 января 1897 г. ни по самому своему содержанію, ни относительно общаго характера заключающихся въ немъ предложеній не нуждается въ какихъ-либо дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Едва ли есть какое-либо основаніе за отмѣченной нами, въ высшей степени отвѣчающей дѣйствительному положенію дѣла, формой и редакціей циркуляра видѣть простое авторитетное „sic volo, sic jubeo“, которымъ бы юридическимъ факультетамъ „безъ

всякихъ разсужденій“ предписывалось что-либо, несогласное съ ихъ собственнымъ отношеніемъ къ назрѣвшему вопросу о необходимой реформѣ университетскаго преподаванія права. Противъ такого допущенія говоритъ прежде всего та внутренняя исторія этой реформы, которая достаточно подробно была охарактеризована на основаніи мнѣній отдѣльныхъ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ и путемъ анализа резолюцій эйзенахской конференціи.

Ясно, что одновременныя распоряженія министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія, изданныя по взаимному соглашенію, по существу дѣла заключали въ себѣ только формальную, окончательную санкцію того, что̀ признавалось необходимымъ профессорами и что отвѣчало потребностямъ и запросамъ изучающихъ право будущихъ юристовъ.

Фактическое проведеніе реформы преподаванія права на практикѣ, разумѣется, всецѣло лежало на самихъ юридическихъ факультетахъ и являлось уже чисто университетскимъ, академическимъ дѣломъ.

Здѣсь интересно указать между прочимъ на одну подробность. Въ министерскихъ распоряженіяхъ, какъ было указано, обращалось особое вниманіе на важное значеніе „*упражненій*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ признавалось возможнымъ привлечь къ руководительству практическими занятіями „ассистентовъ“ не изъ академическихъ преподавателей (профессора и приватъ-доценты), а изъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Между двумя вѣдомствами состоялось и по этому пункту особое соглашеніе, о чемъ также было доведено до свѣдѣнія юридическихъ факультетовъ. Какъ можно судить по оффиціальнымъ и оффиціознымъ источникамъ [1]), при этомъ въ министерствѣ предполагалось, что студенты, слушающіе общій курсъ у какого-либо профессора, будутъ „для упражненій“ раздѣляться на группы человѣкъ въ 30, 40 и что „ассистенту“ будетъ поручено вести съ каждой такой группой практическія занятія отдѣльно въ особые дни и часы, выставлять „цензуры“, выдавать „удостовѣренія“

---

[1]) См., напр., Reichsanzeiger 1897 № 24, 2-te Beilage.

и т. п. Однако подобный институтъ „ассистентовъ со стороны“ оказался совершенно неосуществимымъ на почвѣ нѣмецкихъ университетовъ. Юридическіе факультеты сами своими академическими средствами въ совершенно достаточной степени удовлетворяютъ всѣмъ запросамъ цѣлесообразной постановки университетскаго преподаванія права.

Намъ приходилось слышать, что правительство, предлагая факультетамъ введеніе „ассистентовъ“, имѣло въ виду облегчить задачи преподаванія самимъ профессорамъ, особенно многимъ заслуженнымъ представителямъ старой школы и прежней системы занятій со студентами. Но съ тѣмъ большей готовностью прусское правительство пошло навстрѣчу цѣлесообразной самодѣятельности юридическихъ факультетовъ и въ этомъ частномъ вопросѣ. По представленію факультетовъ былъ учрежденъ цѣлый рядъ новыхъ ординарныхъ каѳедръ, штатныхъ экстраординатуръ и приватъ-доцентуръ (въ одномъ Берлинскомъ университетѣ цѣлыхъ 5). Это дало возможность юридическимъ факультетамъ привлечь къ руководительству практическими занятіями дѣйствительно призванныя къ этому, научно подготовленныя академическія силы. Факультеты исходили при этомъ, повидимому, изъ того убѣжденія, что правильная постановка практическихъ занятій и успѣшное ихъ веденіе предъявляютъ преподавателю нерѣдко гораздо болѣе высокія требованія, чѣмъ невозмутимое чтеніе ex kathedra разъ уже составленнаго и достаточно разработаннаго курса.

При всемъ уваженіи къ „образованнымъ судьямъ“, если употребить выраженіе Бетманнъ-Голльвега, университетскимъ преподавателямъ было ясно, что практическія занятія подъ ихъ руководствомъ должны были или обратиться въ „игру въ судоговореніе“ [1]), или же получить характеръ „Paragraphenjurisprudenz“ и „Präjudiziencult“, противъ чего съ такой энергіей протестовали участники эйзенахской конференціи и позднѣе отдѣльные профессора-юристы (Lenel, Zitelmann и др.) [2]). Введеніе института „ассистентовъ“ было бы шагомъ къ пониженію

---

[1]) См. выше относительно аналогичныхъ предложеній Бетманнъ-Голльвега.

[2]) См. выше по поводу резолюцій эйзенахской конференціи.

общаго уровня научности всего университетскаго преподаванія права. Дѣйствительно, трудно спорить противъ основательности принципа, что, какъ бы „практически“ ни смотрѣть на „практическія занятія“ для студентовъ-юристовъ, но все-же какія бы то ни было преподавательскія функціи на юридическихъ факультетахъ слѣдуетъ поручать лишь такимъ руководителямъ, которые хотя чѣмъ-либо заявили себя причастными къ наукѣ права и при этомъ не только въ смыслѣ „подаванія надеждъ относительно будущаго“, но и въ настоящемъ, хотя бы только тѣмъ, что пріобрѣли на факультетѣ установленнымъ порядкомъ право преподаванія въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Слѣдуетъ поставить самое преподаваніе въ университетахъ въ такія условія, чтобы къ этому дѣлу оказалось возможнымъ привлекать лучшія силы. Никакія матеріальныя жертвы со стороны государства или общества не окажутся принесенными напрасно, а наоборотъ вознаградятъ за себя сторицею, если научная и учебная дѣятельность университетовъ будетъ нормально и послѣдовательно развиваться. Казалось бы это такая простая истина, что преподаваніе и всякаго рода практическія занятія существуютъ для учащихся и предназначены для того, чтобы сообщать студентамъ извѣстныя знанія, развивать ихъ самодѣятельность, сообщать имъ навыкъ въ извѣстномъ направленіи и т. п. Между тѣмъ, при формальномъ отношеніи къ дѣлу, можетъ получиться какъ разъ обратное впечатлѣніе, а именно, что какъ-будто студенты существуютъ для того, чтобы во что бы то ни стало заполнять ихъ время значительнымъ числомъ часовъ обязательныхъ практическихъ занятій и т. п. Разъ получаетъ преобладаніе именно такая тенденція, то, конечно, у юридическихъ факультетовъ можетъ оказаться недостатокъ въ наличныхъ, научно-подготовленныхъ и педагогически опытныхъ руководителяхъ. Весьма понятно, что веденіе такихъ практическихъ занятій въ глазахъ многихъ профессоровъ и начинающихъ свою научную дѣятельность молодыхъ доцентовъ можетъ получить окраску какой-то казенной повинности, которая не можетъ быть привлекательна ни по тому положенію, которое въ такомъ случаѣ выпадаетъ на долю интересовъ и задачъ дѣйствитель-

наго научнаго просвѣщенія, ни по тому положенію также, въ которое поневолѣ чувствуетъ себя поставленнымъ обязательный руководитель обязательныхъ занятій по отношенію къ своимъ слушателямъ, равнымъ образомъ обязательно упражняемымъ или занимаемымъ.

Такого рода тенденціи до сихъ поръ плохо прививаются на почвѣ нѣмецкихъ университетовъ, хотя иногда изъ неуниверситетскихъ сферъ и дѣлаются попытки внесенія формализма и внѣшняго контроля въ постановку преподаванія права на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ [1]). Весьма интересно указать, напримѣръ, на тотъ фактъ, что въ общую практику университетскаго преподаванія права въ Германіи совершенно не вошло какое-либо раздѣленіе студентовъ на группы съ установленнымъ, обязательнымъ предѣльнымъ числомъ участвующихъ въ упражненіяхъ и занятіяхъ и т. п. Всѣ такого рода раздѣленія и распредѣленія, если они не предоставляются свободному усмотрѣнію самого преподавателя и не служатъ исключительно интересамъ самого изученія извѣстной отрасли знаній (напр., работы въ химическихъ лабораторіяхъ, упражненія надъ трупами и препаратами и т. п.), заключаютъ въ себѣ неизбѣжно одинъ совершенно посторонній духу и цѣлямъ университетскихъ занятій элементъ: формальный распорядокъ. А разъ получаетъ доступъ этотъ формализмъ, то затѣмъ уже возможны всякія случайности и неожиданности. Такъ, напримѣръ, студентъ, опоздавшій почему-либо записью въ группу съ ограниченнымъ числомъ участниковъ или оказавшійся въ концѣ алфавитнаго списка, можетъ, пожалуй, фактически оказаться совершенно устраненнымъ отъ участія въ тѣхъ практическихъ занятіяхъ, которыя для него самого представляютъ наибольшій интересъ. У извѣстнаго преподавателя, положимъ, уже заполнены соотвѣтствующимъ количествомъ участниковъ всѣ тѣ недѣль-

---

[1]) См. о новѣйшемъ предполагаемомъ опытѣ въ этомъ направленіи въ связи съ законопроектомъ объ увеличеніи курса для кандидатовъ-юристовъ на 1 семестръ въ Deutsche Juristen-Zeitung 1902, № 3, статью профессора Зеккеля. См. также ниже, въ отдѣлѣ „Хроника“ настоящей книги статью „Новый прусскій проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ системѣ университетскаго преподаванія права“.

ные часы, которые онъ посвящаетъ веденію практическихъ занятій; можетъ оказаться затѣмъ, что по тому же предмету нѣтъ втораго спеціалиста или что онъ читаетъ только теоретическій курсъ. Въ такомъ случаѣ для многихъ студентовъ практическія занятія по какому-либо изъ важныхъ предметовъ курса являются безусловно недоступными, а такъ какъ въ силу все того же формализма вообще участіе въ какихъ-либо практическихъ занятіяхъ само по себѣ все-таки считается обязательнымъ, то въ результатѣ получается или можетъ получиться такая картина, что студентъ-первокурсникъ, вмѣсто участія въ практическихъ занятіяхъ по политической экономіи, усердно упражняется въ области исторіи римскаго права и т. п. Если такая система проводится послѣдовательно и далѣе, то, при большомъ численномъ составѣ курсовъ [1]) и хоть при малѣйшемъ численномъ несоотвѣтствіи въ составѣ университетскихъ преподавательскихъ силъ, для иного студента такая же незадача можетъ повториться и на второмъ, и на третьемъ курсѣ, гдѣ, положимъ, ему удастся записаться на практическія занятія также лишь по историческимъ наукамъ или по такимъ отдѣламъ курса, которые всего менѣе имѣютъ значенія для подготовки будущаго юриста къ предстоящей ему дѣятельности. Во всякомъ случаѣ при такой системѣ едва ли можно говорить о томъ, что каждому студенту въ университетѣ предоставляется одинаковая возможность воспользоваться всѣми средствами къ пріобрѣтенію знаній и всею помощью, которую только можетъ предложить ему университетъ для этой высокой цѣли. Такая возможность должна представляться тѣмъ болѣе проблематичной, что при системѣ обязательныхъ росписаній и ежегодныхъ переход-

---

[1]) Интересно указать, что въ Германіи, при свободѣ ученія и при отсутствіи принудительныхъ росписаній, совершенно отсутствуетъ наше понятіе „курса“, т. е. извѣстнаго числа студентовъ-однокурсниковъ, слушающихъ опредѣленныя обязательныя лекціи по цѣлому ряду тѣхъ же предметовъ и у тѣхъ же профессоровъ. Съ точки зрѣнія *образованія и ученія*,—т. е. самыхъ университетскихъ занятій, нѣмецкій студентъ, при всемъ развитіи корпоративнаго строя и духа союзности, совершенно самостоятеленъ и независимъ по отношенію къ товарищамъ.

ныхъ экзаменовъ между студентомъ и каждымъ изъ предметовъ ежегодно съ неизмѣнной аккуратностью вставляются очередныя затворы и преграды. По существующимъ у насъ росписаніямъ студенты-юристы имѣютъ возможность слушать, напримѣръ, особенную часть уголовнаго права нерѣдко лишь во второмъ полугодіи третьяго года своего пребыванія въ университетѣ, конечно, если не пришлось остаться на первомъ или на второмъ курсѣ лишній годъ „по неуспѣшности". Много ли у нихъ остается времени для серьезныхъ упражненій по уголовному праву?—Одинъ весенній семестръ! Вѣдь на четвертомъ курсѣ, кромѣ такихъ дисциплинъ, какъ, напр., международное или полицейское право и т. п., надо изучать два предмета первостепенной важности для юриста-практика: уголовный и гражданскій процессъ, гдѣ также необходимы и существенны практическія занятія. А если бы времени оказалось и достаточно для упражненій, такъ сказать, по текущимъ предметамъ третьяго и четвертаго курса, то трудно ожидать, чтобы его оказалось достаточно также и для того, чтобы восполнить пробѣлы за прежніе годы, когда „не удалось" попасть на практическія занятія по политической экономіи, статистикѣ, финансовому праву и т. п. Къ тому же снова возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли студентъ третьяго курса право конкуррировать въ записи на пользующіяся интересомъ практическія занятія со студентами перваго или втораго курса, которымъ полагается по росписанію слушать лекціи по данному предмету? и т. п.

Никакихъ подобныхъ вопросовъ и никакихъ непредвидѣнныхъ неудачъ по чисто внѣшнимъ причинамъ не можетъ, говоря вообще, возникнуть при тѣхъ условіяхъ преподаванія и изученія права, какія существуютъ на юридическихъ факультетахъ въ Германіи. Здѣсь каждый студентъ участвуетъ въ упражненіяхъ тогда, когда самъ пожелаетъ на нихъ записаться, и притомъ у того профессора или доцента, котораго онъ самъ избираетъ безъ всякой формальной зависимости отъ того, гдѣ, когда и у кого онъ записался на общій систематическій курсъ по тому или иному предмету. Если замѣчается иногда со стороны учебнаго начальства желаніе оказать извѣстное

воздѣйствіе съ своей стороны, то руководящей мыслью при этомъ и является привлечь студентовъ какъ можно ранѣе къ болѣе интенсивному участію въ практическихъ занятіяхъ по основнымъ догматическимъ отдѣламъ курса и т. п. Требованія министерскихъ правилъ (для допущенія къ государственнымъ экзаменамъ) относительно представленія „удостовѣреній о прилежномъ посѣщеніи занятій“ или подписи руководителя практическими занятіями на „письменныхъ работахъ“, требованія неустранимыя по своей внѣшней опредѣленности, удовлетворяются обыкновенно такимъ путемъ, что для первой цѣли существуютъ особые печатные бланки, куда затѣмъ только стоитъ внести фамилію студента, наименованіе курса упражненій и подпись профессора или доцента; для второй цѣли профессору достаточно сдѣлать на поляхъ письменной работы (рѣшеніе „казуса“) помѣтку „Besprochen in Gegenwart des Verfassers“; такая надпись по существу можетъ значить, что предложенный для рѣшенія примѣръ изъ жизни или изъ судебной практики былъ разсмотрѣнъ и разъясненъ профессоромъ въ аудиторіи, въ присутствіи подавшихъ предварительно письменныя рѣшенія студентовъ; съ внѣшней стороны эта формальность сводится обыкновенно къ тому, что профессоръ, характеризуя выставленныя несходныя рѣшенія, предлагаетъ авторамъ защищать свою точку зрѣнія и затѣмъ вручаетъ непосредственно каждому представленную имъ работу; если за весь семестръ студентъ подаетъ два, три удовлетворительныхъ рѣшенія, то этого вполнѣ достаточно, чтобы дѣйствительно судить объ успѣшности его занятій, а тѣмъ болѣе, чтобы въ удостовѣреніи, которое требуется не для университета, могло значиться, что такой-то принималъ участіе въ упражненіяхъ съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ. . . .

И дѣйствительно „усердіе и успѣхъ“, т. е. сознательный интересъ и интенсивность въ работѣ, съ одной стороны, и весьма замѣтные положительные результаты въ смыслѣ знанія системы дѣйствующаго права и развитія способности къ самостоятельному мышленію для цѣлей его примѣненія—съ другой, представляютъ собою тѣ особенности, которыя, говоря вообще,

свойственны практическимъ занятіямъ студентовъ-юристовъ на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ. Но причина этого заключается, конечно, не въ какихъ-либо спасительныхъ формальныхъ требованіяхъ разныхъ правилъ и циркуляровъ, а также не въ какомъ-либо особомъ педагогическомъ или методологическомъ секретѣ, которымъ якобы обладаютъ-де нѣмецкіе профессора и т. п., а съ одной стороны и прежде всего въ цѣлесообразности самихъ упражненій по предмету и содержанію, а съ другой—въ тѣхъ условіяхъ пользованія этимъ важнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію знаній, которыя существуютъ въ Германіи благодаря признанію начала академической свободы [1]).

Мы коснулись частнаго вопроса объ „ассистентахъ для практическихъ занятій" и указали на общій характеръ „упражненій" на германскихъ юридическихъ факультетахъ главнымъ образомъ потому, что все сказанное по этому поводу можетъ служить какъ бы иллюстраціей или нагляднымъ доказательствомъ къ выставленному много раньше, уже въ самомъ началѣ нашихъ очерковъ, утвержденію, что реформа университетскаго преподаванія права въ Германіи потому и дала и продолжаетъ давать такіе въ высокой степени удовлетворительные результаты, что она сама въ свою очередь явилась результатомъ цѣлесообразнаго содѣйствія и согласной самодѣятельности всѣхъ заинтересованныхъ въ успѣшномъ изученіи права будущими юристами и причастныхъ къ этому вопросу сторонъ.

Принятіе рейхстагомъ проекта новаго гражданскаго уложенія было, такъ сказать, неустранимымъ внѣшнимъ поводомъ, чтобы вступиться за проведеніе начала цѣлесообразности въ систему университетскаго преподаванія права. И самое значеніе разсматриваемой реформы, намъ кажется, не исчерпывается только тѣмъ, что,

---

[1]) Подробности о положеніи „практическихъ занятій" или, вѣрнѣе, „упражненій" на германскихъ юридическихъ факультетахъ въ настоящее время—см. мою статью въ „Вѣстникѣ Европы" 1901. № 12, стр. 513—518, гдѣ этотъ вопросъ разсматривается въ связи съ анализомъ общаго значенія начала академической свободы ученія нѣмецкаго студента.

начиная съ 1897 года, въ германскихъ университетахъ читается много лекцій по системѣ новаго гражданскаго уложенія. Не менѣе существенно и то, что съ введеніемъ подобныхъ курсовъ въ „учебные планы для юристовъ“ въ самую дѣятельность юридическихъ факультетовъ вообще проникло болѣе интенсивное признаніе учебной стороны и практическихъ цѣлей и задачъ въ преподаваніи и изученіи права. Разстаться съ несомнѣнной, достаточно засвидѣтельствованной авторитетными отзывами самихъ нѣмецкихъ ученыхъ и академическихъ „учителей права“, односторонностью прежней системы университетскаго преподаванія права было тѣмъ легче, что введеніе новаго гражданскаго уложенія давало и непосредственный внѣшній предлогъ, позволяло провести необходимую реформу по существу дѣла, не останавливаясь слишкомъ детально на критикѣ прежняго положенія вещей, гдѣ все-же представлялось слишкомъ много матеріала для совершенно непроизводительнаго самоосужденія.

Не осуждать старое и не упрекать кого бы то ни было слѣдуетъ для успѣха дѣла (критика, по пословицѣ,—дѣло нетрудное!), а надо всецѣло отдаться дѣйствительнымъ и существеннымъ интересамъ этого дѣла согласно съ запросами и потребностями современности. Призывъ къ этому не разъ, какъ мы видѣли, раздавался изъ среды нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ и получилъ столь же авторитетное и компетентное, сколько достойное и чуждое всякой односторонности выраженіе въ резолюціяхъ эйзенахской конференціи. Оффиціальная сторона реформы,—напримѣръ, разсмотрѣнныя распоряженія прусскихъ министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія, находится въ совершенномъ соотвѣтствіи съ взглядами факультетовъ и съ цѣлями преподаванія и изученія права.

Мы совершенно объективно сопоставили обѣ стороны реформы: матеріальную и формальную, внутреннюю и внѣшнюю, академическую и правительственную. Не знаемъ, нужно ли послѣ всего выше изложеннаго еще разъ напоминать, что при такомъ сравненіи и при характеристикѣ по существу намъ совершенно чуждо какое-либо

предвзятое отношеніе къ изучаемому вопросу или какое-либо желаніе идеализировать, если можно такъ выразиться, образъ дѣйствій прусскаго правительства въ лицѣ министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія. Чтобы подтвердить наши выводы аутентическими источниками, сошлемся еще разъ на правительственный „Имперскій Указатель". Въ упомянутой раньше замѣткѣ оффиціальнаго органа (1897 г. № 24 2-te Beilage) указывается между прочимъ, что реформа въ преподаваніи права вызвана новой кодификаціей всего гражданскаго права для Германской имперіи, что изученіе новаго законодательства не должно быть только внѣшнимъ образомъ включено въ учебные планы юридическихъ факультетовъ, а, напротивъ, введено органически въ самую систему образованія будущихъ юристовъ. Прежніе курсы и традиціонныя лекціи должны быть, гдѣ нужно, сокращены или же вовсе устранены („Sichtung"), а самая постановка и условія преподаванія (Unterrichtseinrichtungen) должны получать форму и характеръ наиболѣе цѣлесообразные, чтобы „сдѣлать возможной подготовку, во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающую требованіямъ жизни". Затѣмъ въ оффиціальномъ органѣ указывается, что именно такого рода соображенія (diese Erwägungen) послужили поводомъ къ соглашенію между министромъ юстиціи и министромъ народнаго просвѣщенія и привели къ изданію новыхъ правилъ о государственныхъ экзаменахъ въ юридической испытательной коммисіи. Далѣе приводятся полностью оба министерскихъ распоряженія отъ 18 января 1897 г. и сопровождаются частными разъясненіями по пунктамъ. Такъ, напримѣръ, на столбцахъ „Имперскаго Указателя" мы читаемъ, что изданіемъ новыхъ правилъ вовсе не затрогивается по существу ни академическая свобода преподаванія профессоровъ, ни академическая свобода ученія студентовъ, такъ какъ эти правила имѣютъ значеніе лишь для тѣхъ лицъ, кто желаетъ подвергнуться государственному экзамену по окончаніи университетскаго курса. „Студенты, которые имѣютъ въ виду другія цѣли, въ особенности же цѣли чисто-научныя, нисколько не связаны въ выборѣ и въ распредѣленіи своихъ занятій по отдѣльнымъ курсамъ лекцій и

упражненій"... „На профессоровъ также не возлагается какое-либо ограниченіе въ способахъ преподаванія (Gestaltung der Vorlesung)"... и т. п. Цитируемая оффиціозная замѣтка оффиціальнаго „Имперскаго Указателя" заканчивается пожеланіемъ, чтобы разумное выполненіе цѣлей, которыя имѣетъ въ виду реформа университетскаго преподаванія права, послужила, при посильномъ содѣйствіи всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу, на пользу „надлежащей подготовки будущихъ юристовъ".

Содѣйствіе юридическихъ факультетовъ, разумѣется, прежде всего, должно было выразиться путемъ введенія предусмотрѣнныхъ новыми правилами о государственныхъ экзаменахъ курсовъ въ программу преподаванія, т. е. въ измѣненіи юридическими факультетами своихъ учебныхъ плановъ (Lehrpläne).

Каждый юридическій факультетъ въ Германіи самостоятельно выработалъ свой примѣрный учебный планъ, который и предлагается студентамъ въ качествѣ руководящаго совѣта отъ лица преподавателей, а никакъ не въ видѣ обязательнаго предписанія или принудительнаго росписанія лекцій и занятій. Такой характеръ этихъ факультетскихъ учебныхъ плановъ для нѣмецкихъ студентовъ, конечно, ясенъ по самому существу дѣла. Но иногда онъ expressis verbis указывается и въ самомъ текстѣ этихъ руководящихъ указаній. Такъ, учебный планъ Мюнхенскаго юридическаго факультета (1898 г.) редактированъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „можно посовѣтовать" (es empfiehlt sich), „цѣлесообразно" (zweckmässig) и т. п.; затѣмъ въ томъ же учебномъ планѣ факультетъ обращаетъ вниманіе тѣхъ изъ студентовъ, которые впослѣдствіи имѣютъ въ виду подвергнуться государственному экзамену, на соотвѣтствующія требованія и правила, т. е. главнымъ образомъ на тѣ предметы, которые входятъ въ составъ испытанія, въ томъ предположеніи, что эти требованія „den Gang ihrer Studien und die Auswahl der zu belegenden Vorlesungen ganz besonders zu beeinflussen geeignet scheinen" [1]). Такой тонъ можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько

[1]) Подробности см. Studienplan der juristischen Facultät München 1898.

аффектированнымъ или „дѣланно-корректнымъ". Но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ никакой аффектаціи, а корректность заключается въ томъ прежде всего, что выборъ выраженій отвѣчаетъ и достоинству университета, и самому положенію дѣла въ Германіи.

Выше мы говорили главнымъ образомъ объ условіяхъ проведенія реформы университетскаго преподаванія права спеціально въ Пруссіи. Поэтому, чтобы привести соотвѣтствующій примѣръ ея осуществленія, остановимся на учебномъ планѣ одного изъ прусскихъ юридическихъ факультетовъ—хотя бы того, который гордится именемъ своего основателя—Христіана Томазія [1]).

Вотъ примѣрный учебный планъ юридическаго факультета въ Галле [2]).

1-ый семестръ (одно полугодіе)

Введеніе въ изученіе права (или «юридической науки»—Einführung in die Rechtswissenschaft).

Исторія римскаго права.

Система римскаго гражданскаго права.

Исторія нѣмецкаго права.

Упражненія по римскому праву *для начинающихъ*—(Uebungen im römischen Recht für Anfänger). См. примѣръ относительно характера и постановки такого рода *упражненій для начинающихъ* въ мартовской книгѣ Жур. Мин. Юст.

2-ой семестръ (второе полугодіе перваго года курса)

Гражданское право (B. GB), часть I.

Очеркъ нѣмецкаго (германскаго) гражданскаго права.

Обзоръ исторіи права въ Пруссіи.

Практическія занятія по первой части гражданскаго права *для начинающихъ*.

3-ій семестръ (первое полугодіе втораго курса по нашему счету)

Гражданское право (B. GB), часть II.

Практическія занятія для начинающихъ по второй части гражданскаго права.

Если припомнить все то, на что пришлось обращать вниманіе при анализѣ резолюцій эйзенахской конференціи, то

---

[1]) О дѣятельности Томазія, какъ профессора юриста, и о его воззрѣніяхъ на задачи и цѣли университетскаго преподаванія права см. выше въ мартовской книгѣ Жур. Мин. Юст.

[2]) См. Juristischer Studienplan der Universität Halle—Wittenberg, изд. 1900 г.

нельзя не признать, что этотъ примѣрный планъ юридическаго факультета въ Галле представляется построеннымъ по соображеніямъ цѣлесообразности и является въ то же время достаточно уравновѣшеннымъ и чуждымъ всякой односторонности. Исторія римскаго и исторія нѣмецкаго права ограничены однимъ полугодіемъ; очевидно этимъ курсамъ приписывается вводное, оріентирующее, пропедевтическое значеніе въ общей системѣ университетскаго преподаванія права, что̀, конечно, не лишаетъ желающихъ возможности хотя бы и въ теченіе всего курса спеціально заниматься исторіей права, а профессоровъ читать для желающихъ подробные спеціальные курсы. Система (догма) римскаго гражданскаго права предположена также въ теченіе одного полугодія и отнесена равнымъ образомъ на первый семестръ. Римскому праву такимъ образомъ придано значеніе именно „школьнаго права κατ' ἐξοχήν" и притомъ только гражданскому римскому праву. Съ самаго вступленія студента въ университетъ ему предлагаются упражненія по догматической дисциплинѣ—по римскому праву, при чемъ достаточно опредѣленно указывается и самый характеръ такихъ упражненій—они предназначены „для начинающихъ". О практическихъ занятіяхъ или упражненіяхъ по исторіи римскаго или нѣмецкаго права вовсе не упоминается. Затѣмъ, начиная со втораго семестра, изученіе дѣйствующаго гражданскаго права Германской имперіи рекомендуется будущему юристу, какъ главный и центральный предметъ его университетскихъ занятій на лекціяхъ и въ упражненіяхъ. Для втораго и третьяго семестровъ въ учебномъ планѣ упоминается объ упражненіяхъ по гражданскому праву для начинающихъ. Такія занятія приспособляются къ спеціально изучаемымъ отдѣламъ B. GB. Къ началу четвертаго семестра предполагается уже законченнымъ систематическое изученіе дѣйствующаго гражданскаго права; въ области упражненій студентъ также перестаетъ быть начинающимъ. Но это не значитъ, что студентъ не можетъ еще разъ прослушать любой изъ отдѣловъ гражданскаго права у любаго профессора; въ упражненіяхъ же онъ продолжаетъ участвовать всенепремѣнно по собственному

интересу къ дѣлу; для этой цѣли существуютъ „Uebungen für Vorgerückte“—т. е. для тѣхъ, кто уже прошелъ общій курсъ гражданскаго права и имѣетъ въ виду лишь пріобрѣсти необходимый навыкъ въ примѣненіи своихъ свѣдѣній къ вопросамъ изъ практики гражданскаго оборота и т. п.

Въ разсматриваемомъ учебномъ планѣ примѣрныя указанія даются главнымъ образомъ относительно изученія различныхъ дисциплинъ гражданскаго права, такъ какъ именно этой стороны коснулась реформа 1897 г. Весьма характерно, что, напримѣръ, относительно уголовнаго права факультетъ не нашелъ возможнымъ оказать даже хотя бы косвенное вліяніе на свободу выбора и свободу ученія студентовъ. Для занятій этимъ предметомъ не указано никакого опредѣленнаго семестра. Очевидно, предполагается, что важное значеніе и высокій интересъ науки уголовнаго права являются, при свободѣ ученія, сами по себѣ достаточной гарантіей, что студенты своевременно приступятъ къ изученію уголовнаго права и посвятятъ достаточно времени и вниманія упражненіямъ и въ этой области юриспруденціи. Относительно другихъ публично-правовыхъ дисциплинъ, входящихъ въ курсъ юридическихъ факультетовъ, по большей части признается желательнымъ, чтобы изученіе этихъ предметовъ начиналось лишь послѣ того, какъ студентъ прослушалъ полный курсъ гражданскаго права, т. е. уже дѣйствительно сталъ до извѣстной степени юристомъ; такихъ аномалій, что, напримѣръ, церковное, полицейское, международное или финансовое право рекомендовалось бы для изученія раньше гражданскаго и уголовнаго, въ примѣрныхъ учебныхъ планахъ нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ не встрѣчается.

Нельзя не обратить вниманія, что въ поясненіяхъ къ своему учебному плану юридическій факультетъ въ Галле, какъ и большинство остальныхъ юридическихъ факультетовъ, обращаетъ вниманіе ищущихъ высшаго юридическаго образованія не только на правила, изданныя министромъ юстиціи для государственныхъ экзаменовъ на званіе референдарія, но и вообще на существующія узаконенія и установленія относительно поступленія на государственную службу; факультетъ даетъ

при этомъ даже такія частныя указанія, какъ, напр., ссылка на правила о принятіи на службу по вѣдомству управленія правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Вообще въ брошюрѣ, озаглавленной „учебный планъ для юристовъ университета Галле-Виттенбергъ", самый учебный планъ и поясненія къ нему занимаютъ всего 3 страницы изъ 30; остальная часть не имѣетъ никакого отношенія ни къ наукѣ, ни къ преподаванію, а отведена исключительно перепечаткѣ законовъ, распоряженій, циркуляровъ, правилъ и т. п. относительно государственныхъ экзаменовъ и условій допущенія къ нимъ, относительно условій поступленія на государственную службу и т. п.

Такого рода особенности, конечно, достаточно характерны для руководящихъ указаній юридическаго факультета своимъ питомцамъ... Быть можетъ, однако, найдутся такіе критики, что назовутъ всѣ эти совѣты и указанія тривіальными, не отвѣчающими духу истинной научности, идеальному призванію университетовъ и т. д. На это можно замѣтить, что дѣйствительное идеальное служеніе совершается безъ особыхъ регламентовъ и уставовъ и что истинную науку нѣмецкіе студенты всегда могутъ найти у своихъ профессоровъ безъ всякихъ плановъ и росписаній. Учебные же планы юридическихъ факультетовъ въ Германіи преслѣдуютъ дѣйствительно прежде всего учебныя цѣли, которыя только достигаются въ университетѣ научнымъ путемъ и научными средствами. Разсмотрѣнный выше одинъ изъ такихъ учебныхъ плановъ со всѣми поясненіями и приложеніями служитъ доказательствомъ не воображаемой банальности, буржуазности, практичности современной нѣмецкой академической юриспруденціи, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какое важное значеніе въ настоящее время германскіе юридическіе факультеты придаютъ той сторонѣ своей дѣятельности, которая должна быть направлена на систематическую и цѣлесообразную подготовку образованныхъ и знающихъ юристовъ къ предстоящей имъ спеціальной дѣятельности.

Въ своей исторіи юридической науки въ Германіи Штинцингъ дѣлаетъ между прочимъ интересное сопоставленіе уни-

верситетскаго преподаванія права въ XVI и XVII вѣкѣ и положеніемъ этого преподаванія въ то время, которое авторъ капитальнаго труда, появившагося въ печати въ 1880 г., могъ называть своимъ, настоящимъ. Рѣчь идетъ о продолжительности университетскаго курса. Въ XVI и XVII столѣтіи изученіе права продолжалось,—указываетъ Штинцингъ,—отъ 6 до 8 лѣтъ. „Краткосрочность современнаго университетскаго курса",—читаемъ мы далѣе,—„обусловлена не одними только „преимуществами нашихъ методовъ, которые дѣлаютъ возмож„нымъ такое сокращеніе учебнаго времени; причина заклю„чается также и не въ томъ сравнительно ускоренномъ темпѣ, „которымъ идетъ вся наша современная жизнь" [1])... Въ весьма значительной степени такая краткосрочность обусловлена тѣмъ, что съ университета снята практическая сторона образовательной задачи, которая раньше признавалась, какъ наиболѣе важная и существенная цѣль.

Несомнѣнно, что путемъ такого сравненія Штинцингъ совершенно объективно указываетъ на фактическое положеніе дѣла университетскаго преподаванія права въ Германіи въ серединѣ минувшаго XIX-го вѣка. Но, быть можетъ, слишкомъ далеко идетъ утвержденіе, что съ университетовъ была снята практическая сторона образовательной задачи, если понимать это утвержденіе такъ, что будто юридическіе факультеты были кѣмъ-либо устранены или могли имѣть основаніе сами устранить себя отъ задачи давать изучающимъ право будущимъ юристамъ систематическую и цѣлесообразную подготовку къ предстоящей большинству изъ нихъ дѣятельности „юристовъ-практиковъ". Юридическіе факультеты были въ правѣ отклонить отъ себя вышколиваніе рутинеровъ-чиновниковъ и юристовъ-дѣльцовъ; непосредственная подготовка „предсѣдателей, прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и т. п., разумѣется, пріобрѣтается путемъ служебной практики, равно какъ и хорошимъ защитникомъ можно сдѣлаться, только сдѣлавшись опытнымъ защитникомъ; эта узко-практическая сторона дѣла безспорно была снята съ универ-

---

[1]) См. R. Stinzing, указ. соч. S. 125.

ситетовъ введеніемъ, послѣ перваго государственнаго экзамена (на званіе референдарія), извѣстнаго періода подготовительной службы, а также втораго чисто служебнаго экзамена (на званіе ассессора). Если же въ дѣйствительности практика университетскаго преподаванія права въ Германіи пошла, какъ мы имѣли случай убѣдиться, повидимому, гораздо далѣе въ томъ же направленіи „освобожденія отъ практическихъ цѣлей и задачъ подготовки будущихъ юристовъ", то въ этомъ, сравнительно съ XVI и XVII вѣками, нельзя не видѣть противоположную крайность, т. е. одностороннее подчиненіе всей дѣятельности юридическихъ факультетовъ однѣмъ только цѣлямъ „изслѣдованія", но не ученія,—„познанія", но не сообщенія систематическихъ, положительныхъ знаній, интересамъ не преподаванія права, а одной только „отвлеченной науки" и притомъ такой науки, гдѣ господствующія теченія уже сами по себѣ нерѣдко стояли совершенно далеко отъ интересовъ современной юридической жизни и практики примѣненія права.

Односторонности въ системѣ преподаванія и въ постановкѣ университетскихъ занятій со студентами должны были отвѣчать, пожалуй, еще болѣе односторонніе результаты, достигавшіеся при такомъ положеніи дѣла. Каковы были, говоря вообще, эти результаты въ огромномъ большинствѣ случаевъ, т. е. почти для каждаго кандидата-юриста съ точки зрѣнія цѣлесообразной подготовки къ предстоящей ему дѣятельности,—относительно этого вопроса, думается, мы привели достаточно историческихъ справокъ вплоть до самаго послѣдняго времени [1]).

Будущимъ историкамъ юридической науки въ Германіи за послѣднія десятилѣтія минувшаго XIX вѣка и за то время, которое мы теперь можетъ называть настоящимъ, если они захотятъ, какъ это сдѣлалъ въ свое время Штинцингъ, гово-

---

[1]) См. въ первой главѣ (февральская книга Журнала Минист. Юст.) сопоставленіе отзывовъ о недавнемъ прошломъ въ университетскомъ преподаваніи права въ Германіи съ общей характеристикой современнаго положенія дѣла; см. далѣе приведенные отзывы Тибо, Блюнчли, Іеринга и т. п.

рить также и объ университетскомъ преподаваніи права,— придется безъ всякаго сомнѣнія отмѣтить очевидный фактъ устраненія указанной односторонности. Имъ нельзя будетъ обойти молчаніемъ то характерное и достаточно замѣтное явленіе, что къ концу прошлаго столѣтія и къ началу нашихъ дней среди самихъ представителей нѣмецкой университетской науки усиливается движеніе въ пользу иной, болѣе правильной постановки университетскаго преподаванія права, что именно практическія цѣли основательнаго юридическаго образованія получаютъ все большее и большее признаніе на ряду съ научно-теоретическими и историческими, и наконецъ, что юридическіе факультеты въ Германіи со времени реформы учебныхъ плановъ въ 1897 г.,—если нужна въ этомъ случаѣ какая-либо хронологическая дата,—удѣляютъ своему учебному призванію и своему служенію дѣлу основательной и цѣлесообразной подготовки будущихъ практическихъ юристовъ ничуть не менѣе вниманія и постояннаго, систематическаго труда, чѣмъ своему ученому призванію и чисто-научной дѣятельности.

Не споримъ, что можно встрѣтить, пожалуй, совершенно несходныя мнѣнія относительно того, хорошо или дурно такое положеніе дѣла, заслуживаетъ ли оно сочувствія или порицанія. Здѣсь, какъ и во многихъ иныхъ вопросахъ, сужденіе можетъ зависѣть отъ угла зрѣнія или получить тотъ или иной оттѣнокъ, смотря по личнымъ убѣжденіямъ, симпатіямъ, вкусамъ, привычкамъ и т. п. того, кто его высказываетъ. Но намъ кажется, что нельзя ни устранить самый фактъ, ни сомнѣваться относительно его прямаго и непосредственнаго значенія въ Германіи и для Германіи.

Мы, съ своей стороны, отмѣчаемъ общій характеръ, руководящія идеи и условія проведенія реформы учебныхъ плановъ для юристовъ, послѣдовавшей въ Германіи за принятіемъ рейхстагомъ проекта новаго гражданскаго уложенія, именно какъ такой неустранимый и неоспоримый историческій фактъ. Его главное значеніе, позволяемъ себѣ утверждать, заключается прежде всего именно въ томъ, что представленіе о цѣляхъ и задачахъ университетскаго преподаванія права

было приведено въ несравненно большее соотвѣтствіе съ существенными интересами и серьезными запросами тѣхъ, для кого это преподаваніе предназначается.

И вотъ въ такомъ именно соотвѣтствіи того, что̀ считаютъ своею обязанностью давать и въ дѣйствительности, говоря вообще, даютъ каждому желающему заниматься студенту германскіе юридическіе факультеты, съ тѣмъ, что̀ ожидаютъ найти и пріобрѣсти путемъ нормальнаго университетскаго курса сотни и тысячи нѣмецкихъ юношей, поступающихъ ежегодно на юридическіе факультеты 20-ти германскихъ университетовъ, въ этой гармоніи нельзя, думается, не видѣть втораго главнаго условія успѣшности и плодотворности университетскаго преподаванія права въ Германіи въ настоящее время, если должно считать, какъ мы ранѣе сдѣлали попытку показать, первымъ основнымъ условіемъ исконную академическую свободу сообщенія и пріобрѣтенія знаній [1]).

Наличностью этихъ двухъ условій и ихъ одновременнымъ благотворнымъ вліяніемъ опредѣляются общій строй и характеръ преподаванія на юридическихъ факультетахъ германскихъ университетовъ. Мы позволимъ себѣ особенно настоятельно указывать на это въ прямую противоположность высказываемымъ иногда одностороннимъ мнѣніямъ, что будто главная причина и вѣрнѣйшій залогъ современнаго процвѣтанія германскихъ юридическихъ факультетовъ, какъ научно-учебныхъ установленій, заключается едва ли не исключительно въ какихъ-то особыхъ методахъ или техническихъ пріемахъ преподаванія, составляющихъ, если не профессіо-

---

[1]) Согласно общему плану изслѣдованія оба эти условія, которыя мы позволили себѣ предложить различать въ извѣстномъ смыслѣ какъ формальное (первое) и матеріальное (второе), разсматриваются особо. См. объ этомъ въ началѣ настоящей статьи, въ февральской книгѣ Жур. Мин. Юст. Однако связь между указанными двумя сторонами жизни и дѣятельностью нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ, разумѣется, столь близкая, что для полнаго и правильнаго впечатлѣнія необходимо ознакомленіе какъ съ той, такъ и съ другой. Поэтому въ настоящихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ мы позволили себѣ предполагать знакомство читателя съ первой частью изслѣдованія, посвященнаго спеціально характеристикѣ „академической свободы". См. „Вѣстникъ Европы" 1901 г. № 12.

нальную тайну, то во всякомъ случаѣ особое достояніе нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ.

Намъ думается, что всякій педагогическій пріемъ, всякая, если угодно, техническая подробность въ методѣ занятій со студентами,—будетъ ли то лекція или руководство упражненіями,—только тогда получаетъ цѣну и смыслъ, когда прежде всего выяснена и поставлена внѣ спора та цѣль, которую вообще имѣется въ виду достигнуть. Вѣдь ясно, напримѣръ, что хотя бы „упражненія для начинающихъ", и притомъ исключительно по догматическимъ отдѣламъ курса, не преслѣдуютъ на нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ никакихъ ученыхъ задачъ, а исключительно цѣли педагогическія и пропедевтическія; ясно въ то же время, что такія „упражненія" должны вестись совершенно иначе, чѣмъ тѣ „практическія занятія", гдѣ профессоръ ставитъ себѣ задачей ввести желающихъ и интересующихся, такъ сказать, въ свою научную лабораторію и подготовить будущихъ ученыхъ изслѣдователей. Разумѣется, столь различныя по цѣли и по характеру „упражненія" и „практическія занятія" никоимъ образомъ не могутъ занимать одинаковое мѣсто въ общей системѣ преподаванія права и по самому существу дѣла не могутъ имѣть ни одинаковаго числа участниковъ, ни сколько-нибудь равнаго распространенія въ смыслѣ непосредственной привлекательности для общей массы студентовъ-юристовъ. Безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же преподаватель будетъ слѣдовать совершенно различнымъ пріемамъ, смотря по различію цѣлей предлагаемыхъ имъ слушателямъ занятій и упражненій; при этомъ онъ долженъ будетъ сообразоваться не только съ самымъ предметомъ своей спеціальной науки, но также и съ числомъ, со степенью подготовленности слушателей и наконецъ въ извѣстной мѣрѣ съ тѣми личными свойствами и данными, которыми опредѣляется индивидуальность каждаго преподавателя.

Все это, конечно, азбучныя истины. Но о нихъ приходится напоминать, чтобы показать, какъ мало въ дѣлѣ преподаванія умѣстно желаніе заставить слѣдовать по чьему-либо готовому шаблону. Никакая внѣшняя регламентація,

никакое внѣшнее подражаніе чужому примѣру не могутъ внести въ дѣло университетскаго преподаванія права ту бодрую и непосредственную жизненность, которая даетъ ему ясное сознаніе задачъ и цѣлей и неуклонное, исполненное радостной преданности дѣлу стремленіе къ ихъ осуществленію.

Вотъ почему, послѣ всего выше изложеннаго, намъ представляется ненужнымъ говорить о внѣшней сторонѣ современнаго университетскаго преподаванія права, т. е. разсказывать, напримѣръ, о томъ, какъ нѣмецкіе профессора ведутъ упражненія или читаютъ лекціи и т. п.

Мы принципіально не согласны съ той точкой зрѣнія, по которой представителямъ университетскаго учено-педагогическаго міра другихъ странъ не только предлагается всенепремѣнно поучиться у нѣмцевъ именно въ этомъ отношеніи, но иногда даже высказывается мнѣніе, что извѣстные пріемы и методы преподаванія могутъ имъ быть „предписаны къ исполненію", какъ прямая, формальная обязанность. Но, можетъ быть, за усердной рекомендаціей извѣстныхъ методовъ и пріемовъ слѣдуетъ видѣть главнымъ образомъ указанія или намеки на извѣстныя, представляющіяся желательными цѣли? Но не лучше ли въ такомъ случаѣ прямо назвать эти цѣли, устранить возможность сомнѣній относительно ихъ истиннаго характера [1]) и создать затѣмъ необходимыя условія для успѣшнаго осуществленія тѣхъ изъ нихъ, которыя дѣйствительно заслуживаютъ названія задачъ университетскаго преподаванія права для профессоровъ, съ одной стороны, и цѣлей университетскаго изученія права для студентовъ— съ другой?

Если уже дѣлать указанія на примѣръ нѣмецкихъ университетовъ сравнительно съ русскими, то такое сопоставленіе, намъ кажется, можетъ дать поводъ къ болѣе глубокимъ размышленіямъ и привлечь вниманіе къ болѣе важнымъ вопросамъ, чѣмъ споры о преимуществахъ или недостаткахъ нѣмецкихъ методовъ и пріемовъ сообщенія знаній.

---

[1]) О томъ, какой характеръ иногда могутъ получить эти „виды и цѣли", см. между прочимъ статью проф. Никонова „Русскія университетскія реформы", въ журналѣ „Вѣстникъ Права", Ноябрь 1901 г., стр. 95.

Два такихъ вопроса возникаютъ какъ бы сами собою съ неустранимой настоятельностью:

1. Не представляетъ ли строй и духъ нѣмецкихъ университетовъ, т. е. прежде всего начало „академической свободы“ въ его истинномъ значеніи, одно изъ существенныхъ и необходимыхъ условій для прогресса университетской науки и для успѣшности университетскаго преподаванія?

2. Не представляется ли достиженіе тѣхъ цѣлей и осуществленіе тѣхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ,—т. е. своей научно-учебной дѣятельности въ настоящее время германскіе юридическіе факультеты, желательнымъ для университетскаго преподаванія права и за предѣлами Германіи?

Относительно подобныхъ вопросовъ возможны, конечно, всякаго рода сопоставленія и сравненія въ качествѣ доводовъ pro et contra. На этой принципіальной почвѣ, гдѣ однако всегда возможна и провѣрка по существу, съ фактами въ рукахъ,—здѣсь открывается обширное и благодарное поле для обмѣна мнѣніями....

Мы съ своей стороны имѣли въ виду предложить лишь нѣкоторый матеріалъ для обсужденія и считаемъ свою тему въ извѣстныхъ рамкахъ исчерпанной, если наша попытка указать на тѣ два основныхъ условія, отъ которыхъ зависитъ высокая, говоря вообще, успѣшность современнаго университетскаго преподаванія права въ Германіи, не окажется совершенно неудачной и предпринятой втунѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать убѣжденіе, что, въ отношеніи къ несовершенствамъ въ условіяхъ и практикѣ преподаванія и изученія права въ русскихъ университетахъ, едва ли можно ожидать существеннаго улучшенія отъ какой-либо новой формальной регламентаціи, отъ новыхъ обязательныхъ программъ и росписаній, отъ усиленнаго введенія формально обязательныхъ практическихъ занятій по всѣмъ предметамъ и т. п. Разъ дѣло касается интересовъ знанія и просвѣщенія или ставится вопросъ о наилучшихъ условіяхъ для высшаго образованія, одними „приказами и распоряженіями“—какъ справедливо замѣ-

тилъ Блюнчли [1])—„можно достигнуть лишь очень мало хорошаго!“

Поэтому, быть можетъ, умѣстно и въ наше время повторить слова Лейбница, которыми онъ заканчиваетъ свой трактатъ о новомъ методѣ преподаванія и изученія права:

„Veniet fortasse aliud tempus dignius nostro, quo debellatis odiis, „veritas triumphabit. Hoc mecum opta, Lector, et vale!“

Кто же не пожелаетъ, чтобы наука и преподаваніе права процвѣтали всегда на русскихъ юридическихъ факультетахъ! Кто не присоединится къ пожеланію, чтобы русскіе университеты увидали наконецъ болѣе свѣтлые дни!

Гейдельбергъ. 1902 г.

---

[1]) См. Bluntschli указ. соч. S. 71: „Mit Geboten und Verordnungen lässt sich wenig Erspriessliches ausrichten“. Рѣчь идетъ именно о желательныхъ измѣненіяхъ въ традиціонной системѣ преподаванія права.

ВЫМОРОЧНЫЯ ИМУЩЕСТВА.

В. И. Курдиновскаго.

„Выморочное — на міръ пошло“
(народная поговорка).

Едва ли въ системѣ русскаго гражданскаго права есть вопросъ болѣе простой и болѣе сложный, повидимому, совершенно ясный, но въ существѣ дѣла такъ мало понятный, какъ вопросъ о выморочныхъ имуществахъ. Не только наша теорія, но и наша практика трудилась надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Однако выводы и той, и другой далеки отъ совершенства. Многія стороны ученія о выморочныхъ имуществахъ до сихъ поръ не выяснены, и даже коренной вопросъ о существѣ выморочнаго права остается открытымъ. Между тѣмъ, на западѣ Европы и законодательства, и наука даютъ довольно обстоятельныя ученія по вопросу о выморочныхъ имуществахъ. У насъ въ 1 ч. X т. Свод. зак. имѣется цѣлое „отдѣленіе“ (книга III, раздѣлъ II, глава II, отдѣленіе VI) „о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ выморочныхъ“ — „отдѣленіе“, едва ли не самое полное среди всѣхъ отдѣленій 1 ч. X т. Свода законовъ. Въ немъ можно найти и опредѣленіе выморочныхъ имуществъ, и указаніе на случаи, когда имущество становится выморочнымъ, и цѣлый рядъ правилъ, опредѣляющихъ, кому достается выморочное имущество, а также юридическія послѣдствія принятія онаго

(это, впрочемъ, въ другомъ отдѣленіи той же книги и раздѣла, но иной главы—главы третьей, ст. 1263).

Въ виду этого мы и позволяемъ себѣ предложить вниманію читателей настоящій очеркъ, представляющій собой попытку уяснить наше законодательство по вопросу о выморочныхъ имуществахъ. Такая попытка, можетъ быть, окажется не безполезной и для теоріи нашего гражданскаго права, и для нашей практики.

I. Понятіе выморочнаго имущества.

Содержаніе. § 1. Терминологія. Опредѣленіе выморочнаго имущества въ нѣмецкой юридической литературѣ. § 2. Опредѣленія русскихъ цивилистовъ: г.г. Шершеневича, Мейера, Бруна, Побѣдоносцева. Опредѣленіе итальянца Todaro della Galia. Критическій разборъ этихъ опредѣленій. § 3. Легальная дефиниція нашего Свода. Исторія опредѣленія ст. 1162 ч. 1 т. X Св. зак. Критическій разборъ легальной дефиниціи. § 4. Выморочное имущество и hereditas jacens. Выморочное имущество и res nullius. Выморочное имущество, какъ наслѣдство ab intestato въ пользу казны и другихъ юридическихъ лицъ, указанныхъ въ законѣ. Опредѣленіе выморочнаго имущества въ „Основаніяхъ россійскаго права, извлеченныхъ изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи, изд. 1810 г.“ Опредѣленія Кукольника, Вельяминова-Зернова, Кавелина.

§ 1. Нѣмецкіе ученые не даютъ точнаго и обстоятельнаго опредѣленія тому, что̀ мы называемъ выморочнымъ имуществомъ. Нашему термину „выморочное имущество“ у нихъ „соотвѣтствуютъ термины: „erbloses Gut“, „erblose Hinterlassenschaft“, „der erblose Nachlass“. Если у насъ подъ выморочнымъ имуществомъ, согласно буквальному смыслу слова [1]), слѣдуетъ разумѣть имущество, „оста̀лое послѣ вымершаго рода“, „послѣ владѣльца, умершаго безъ наслѣдниковъ“, нѣмецкіе термины: „erbloses Gut“, „erblose Hinterlassenschaft“, „der erblose Nachlass“,—обозначаютъ то же, т. е. das Gut des erblos erstorbenen [2]), достояніе лица, не оставившаго послѣ себя никакихъ наслѣдниковъ. Такія имущества греки называли

---

[1]) Jacobus Cujacius. Opera, изд. 1758—1783, т. IX, стр. 846. Сравн. Dig. XXX 96 § 1; Cod. X. 10. 4.

[2]) Даль. Толковый словарь живаго русскаго языка, т. I, 1863, стр. 264.

„ἀδέσποτα“ „ἀκληρονόμητα“, а римляне—bona vacantia [1]). Послѣднее названіе перешло къ романскимъ народамъ, напр., къ французамъ (les biens vacants), къ итальянцамъ (i beni vacanti). Оно усвоено и живою русскою рѣчью (вакантное имущество).

Всѣ эти названія появились, вѣроятно, въ ту эпоху, когда государство не сознавало еще себя, какъ юридическую личность, когда весь строй соціальной жизни покоился на родовомъ началѣ. Тогда зарождалась юридическая терминологія, и именемъ heres, наслѣдника, собственно члена рода наслѣдодателя, означалось лицо, связанное съ нимъ узами кровнаго или агнатическаго (какъ въ древнемъ Римѣ) родства, и во всякомъ случаѣ лицо физическое [2]). При отсутствіи наслѣдниковъ, имущество становилось вакантнымъ наслѣдствомъ безъ наслѣдниковъ, erbloses Gut.

Эти воззрѣнія древнѣйшей эпохи легли въ основу извѣстныхъ системъ наслѣдственнаго права. Съ ними мы встрѣчаемся какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ законодательствахъ Западной Европы и даже въ нашемъ русскомъ правѣ. Конечно, всѣ законодательства, по мѣрѣ прогресса соціальной жизни, расширили кругъ наслѣдниковъ. Появляются наслѣдники по завѣщанію либо договору. Среди наслѣдниковъ по закону, кромѣ родственниковъ, фигурируютъ лица, связанныя узами брака съ наслѣдодателемъ. Далѣе, когда возникаетъ идея юридическихъ лицъ, наслѣдство безъ наслѣдниковъ начинаютъ отдавать указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ и государству—этому, по словамъ Корнелія Тацита,—omnium parenti [3]). Во всѣхъ законодательствахъ, затѣмъ, переходъ наслѣдственнаго имущества къ указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ описывается признаками наслѣдственнаго перехода. Но такова уже сила традиціи. Юридическія лица лишь въ рѣдкихъ случаяхъ открыто называются наслѣдниками по закону; они обыкновенно—на-

---

[1]) Gengler. Das deutsche Privat-Recht 1892. S. 704.

[2]) Schröter. Zu den Lehre von der bona vacantia S. 99 въ Zeitschrift für Civ. R. und Pr. B. X 1837. Boecking. Röm. Privat-Recht 1862 § 260; Siegel. Das deutsche Erbrecht 1853. § 4.

[3]) Annales lib. III, cap. 28.

слѣдники безъ имени; къ нимъ только *поступаетъ* наслѣдственное имущество, при отсутствіи всякихъ *наслѣдниковъ*.

Древнія юридическія воззрѣнія сказались и въ изслѣдованіяхъ ученыхъ по занимающему насъ вопросу. Нѣмецкіе пандектисты и цивилисты описываютъ выморочное имущество чертами первобытной эпохи. Они формулируютъ понятіе выморочныхъ имуществъ только съ отрицательной стороны. Согласно ихъ словамъ, erbloses Gut, erblose Hinterlassenschaft есть наслѣдственное имущество, къ которому нѣтъ на лицо ни способныхъ къ наслѣдованію родственниковъ, либо супруга умершаго, ни наслѣдниковъ по завѣщанію либо договору. Erbloses Gut, очевидно, есть не что иное, какъ erbloses Gut. [1]).

§ 2. Наши ученые не отличаются и такой точностью въ опредѣленіи понятія выморочнаго имущества. Проф. Шершеневичъ формулируетъ это понятіе слѣдующимъ образомъ. По его словамъ, „оставшееся наслѣдство“ нужно считать выморочнымъ лишь въ томъ случаѣ, „когда отсутствуютъ кровные родственники, имѣющіе право наслѣдованія“ [2]). Мейеръ ближе стоитъ къ истинѣ, когда называетъ выморочнымъ „такое имущество, по которому нѣтъ наслѣдника, или, по крайней мѣрѣ, все равно—что нѣтъ, напр., когда онъ отказывается отъ наслѣдства“ [3]). Сходно съ опредѣленіемъ Мейера формулируетъ понятіе выморочныхъ имуществъ г. Брунъ. „Выморочное имущество“,—говоритъ онъ,—„имущество, которое

---

[1]) Keller. Pandekten 1861 § 594. Arndts. Lehrbuch der Pandekten 1874 S. 945. Puchta Vorlesungen über das heutige Römische Recht. 1874 § 564. Mühlenbruch Lehrbuch des Pand. R. 1840 § 612 a. Siegel. Das deutsche Erbrecht 1853 § 66. Stobbe. Handbuch des deutschen Priv. R. B. V 1885 § 297. Dernburg. Lehrbuch des Preuss. Privat R. B. III 1880 § 194. Unger. Das österreichische Erbrecht 1864 § 90 Gengler. Das deutsche Privat R. 1892 § 190.

[2]) Учебникъ русскаго гражданскаго права 1894, стр. 573. Такого мнѣнія держался еще Григорій Терлаичъ. „Выморочное имущество, по его словамъ, есть собственность россійскаго гражданина, которое, по его смерти, яко послѣдняго въ своемъ родѣ и потому не имѣющаго никакого законнаго наслѣдника, становится государственнымъ и для того отписывается на Императорское Величество“. См. „Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи“—1810, часть II, стр. 233—234.

[3]) Русское гражданское право 1868, стр. 662.

осталось послѣ умершаго лица и на которое никто не заявляетъ или не можетъ заявить притязаній ни по завѣщанію, ни по праву наслѣдованія по закону" [1]). Подобнымъ же образомъ, но еще общѣе, характеризуетъ выморочное имущество г. Побѣдоносцевъ. По его словамъ, выморочнымъ будетъ „открывшееся наслѣдство", „если наслѣдниковъ не окажется" [2]). Наконецъ, Sign. Todaro della Galia, написавшій по итальянски учебникъ русскаго гражданскаго права, о выморочныхъ имуществахъ говоритъ слѣдующее: „In mancanza di persone chiamate a succedere secondo le regole di legge, o che, esistendo, non si presentano, e non si è presentato nei dieci anni a contare dalla publicazione fatte nei giornali, o nessuno a potuto giustificare la sua qualità ereditaria, allora la successione è dichiarita vacante" [3]).

Такъ опредѣляютъ у насъ выморочное имущество ученые цивилисты. Г. Шершеневичъ считаетъ наслѣдственное имущество выморочнымъ только при отсутствіи кровныхъ родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія. Sign. Todaro della Galia зачисляетъ наслѣдственное имущество въ разрядъ выморочныхъ спустя десять лѣтъ со времени публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ, если *законные* наслѣдники въ этотъ срокъ не явятся или, явившись, правъ своихъ не докажутъ. Г.г. Мейеръ, Брунъ и Побѣдоносцевъ думаютъ, что имущество становится выморочнымъ, при отсутствіи не только наслѣдниковъ по закону, но и наслѣдниковъ по завѣщанію. Если опредѣленія г.г. Шершеневича и Todaro della Galia невѣрны, какъ противорѣчащія дѣйствительности, которая не допускаетъ, чтобы имущество стало выморочнымъ не только при отсутствіи кровныхъ родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія, но и при отсутствіи вообще наслѣдниковъ по закону, разъ на лицо наслѣдники по завѣщанію,—опредѣленія г.г. Мейера, Бруна и Побѣдоносцева—не точны. Дѣйствительно, по ихъ словамъ, имущество становится выморочнымъ, при отсутствіи наслѣдниковъ какъ по закону, такъ и по завѣщанію. Однако, по нашему праву, наслѣдниками по за-

---

[1]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. VII-а, стр. 524.

[2]) Курсъ гражданскаго права III. 1889, стр. 260.

[3]) Istituzione di diritto civile russo, 1894.

кону считаются казна и разныя учрежденія въ извѣстныхъ случаяхъ. Трудно предположить, чтобы эти наслѣдники исчезли. Казна прекращаетъ свое существованіе лишь съ гибелью государства, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Ея „вѣдомства“ существуютъ, пока существуетъ государство. Отсутствовать эти наслѣдники не могутъ. Но разъ эти, признанные закономъ, наслѣдники на лицо, съ точки зрѣнія названныхъ авторовъ, имущество не можетъ быть выморочнымъ, ибо такимъ, по ихъ словамъ, оно можетъ стать лишь тогда, когда наслѣдниковъ не окажется, т. е. не будетъ ни наслѣдниковъ по завѣщанію, ни наслѣдниковъ по закону. Это—съ одной стороны. Съ другой стороны, и Мейеръ, и Брунъ, и Побѣдоносцевъ утверждаютъ, что имущество становится выморочнымъ при отсутствіи наслѣдниковъ. Но такой характеръ пріобрѣтаетъ имущество не въ томъ случаѣ, когда наслѣдниковъ нѣтъ, а въ томъ случаѣ, когда претендентами на оное являются казна и указанныя въ законѣ юридическія лица, въ качествѣ наслѣдниковъ по закону. Мало того. Изъ опредѣленій названныхъ авторовъ не видно, съ какого момента слѣдуетъ считать имущество выморочнымъ. Если въ день смерти наслѣдодателя наслѣдниковъ не будетъ, должно ли въ этотъ моментъ имущество зачислить въ разрядъ выморочныхъ?

§ 3. Неточность въ опредѣленіи понятія выморочныхъ имуществъ у названныхъ авторовъ объясняется неточностью нашей легальной дефиниціи. Нашъ законъ два раза опредѣляетъ понятіе выморочныхъ имуществъ и оба раза одинаково неудачно. По 408 статьѣ первой части десятаго тома Свода законовъ, выморочными называются имущества, „остающіяся послѣ такихъ владѣльцевъ, коихъ весь родъ прекратился“. Очевидно, съ точки зрѣнія 408 статьи, лишь при „отсутствіи кровныхъ родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія“ [1]), имущество становится выморочнымъ. Если же хотя одинъ такой родственникъ на лицо, пусть онъ правъ

---

[1]) Слова г. Шершеневича. Не изъ этой ли статьи позаимствовалъ онъ приведенное выше опредѣленіе выморочныхъ имуществъ?

своихъ на наслѣдство не докажетъ, имущество не можетъ уже считаться выморочнымъ. Это—съ одной стороны. Съ другой, когда „весь родъ владѣльца“ прекратился, пусть на лицо пережившій супругъ, наслѣдники по завѣщанію, разъ стало извѣстно о прекращеніи „рода“ въ день смерти „владѣльца“, имущество слѣдуетъ признать выморочнымъ. Такова точка зрѣнія дефиниціи 408 ст., противорѣчащей всѣмъ извѣстнымъ явленіямъ дѣйствительности.

Едва ли болѣе удачна и дефиниція 1162 ст. 1 ч. X т. Св. зак. „Когда послѣ умершаго владѣльца,—говоритъ эта статья,—„не останется вовсе наслѣдниковъ, или, хотя и останутся, но никто изъ нихъ не явится въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наслѣдства, или же изъ явившихся въ сей срокъ никто не докажетъ своего права, тогда имущество признается выморочнымъ. Опредѣленіе 408 ст. было создано при Сперанскомъ. Съ той поры оно, несмотря на свою несостоятельность, осталось безъ всякихъ измѣненій въ Сводѣ. Надъ опредѣленіемъ 1162 ст. трудились многія поколѣнія нашихъ кодификаторовъ. Впервые оно появилось въ инструкціи канцеляріи конфискаціи 7 августа 1730 года. По этой инструкціи, имущество, оставшееся послѣ умершаго, называется выморочнымъ, если никто изъ наслѣдниковъ не явится или, явившись, права своего не докажетъ [1]). Согласно этому опредѣленію и въ виду послѣдующихъ законодательныхъ актовъ, установившихъ сроки для явки наслѣдниковъ къ представленію доказательствъ права на наслѣдство и къ его принятію [2]), въ первомъ изданіи Свода понятіе выморочныхъ имуществъ было формулировано такимъ образомъ: „когда послѣ умершаго не останется никакихъ наслѣдниковъ или, хотя оные и есть, но не явятся въ установлен-

---

[1]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 5601 п. 7—10. Неволинъ. Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ 1857 т. III стр. 423.

[2]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 4722, указъ 28 мая 1725 года: годовой inter praesentes и двухлѣтній inter absentes; № 12864 указъ 4 апрѣля 1767 года—полугодовой; № 16551 п. 4 законъ 28 іюня 1787 года и Второе Полное Собраніе Законовъ № 1163 указъ отъ 10 іюня 1827 года: десятилѣтній.

ные сроки, или же, явясь, права своего на оставшееся имѣніе не докажутъ, тогда имущество считается выморочнымъ“ [1]).

Редакція Свода, очевидно, была не такъ ясна, какъ редакція инструкціи 7-го августа 1730 года. Съ точки зрѣнія приведенной статьи Свода затруднительно было рѣшить, напр., такой вопросъ, возникшій въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ нашей судебной практикѣ (по дѣлу о выморочномъ имуществѣ послѣ помѣщика Курленева): если не всѣ, а только нѣкоторые наслѣдники изъ тѣхъ, которыхъ правительство въ виду имѣетъ, явятся для принятія наслѣдства, то части отсутствующихъ предоставляются ли прочимъ наслѣдникамъ или обращаются въ казну, какъ имущество выморочное? По инструкціи 7 августа 1730 года (п. 10), имѣнія слѣдуетъ признавать выморочными и обращать въ казну лишь въ томъ случаѣ, если *никто* изъ наслѣдниковъ не явился, или, явившись, не доказалъ, „что тѣ имѣнія, всѣ или часть оныхъ надлежатъ ему подлинно“ [2]). Находя опредѣленіе выморочныхъ имуществъ въ инструкціи 7 августа 1730 года болѣе точнымъ, чѣмъ въ первомъ изданіи Свода, Государственный Совѣтъ 9 ноября 1842 года измѣнилъ редакцію 727 ст. 1 ч. X т. Свода законовъ (изд. 1832 г.), придавъ этой статьѣ такой видъ: „когда послѣ умершаго владѣльца не останется *никакихъ* наслѣдниковъ, или, хотя оные и есть, но никто изъ нихъ не явится въ установленный срокъ или же явясь права своего не докажетъ, тогда его имущество считается выморочнымъ“ [3]). Это опредѣленіе и было помѣщено во второмъ изданіи Свода законовъ [4]).

Въ 1845 году оно подверглось еще разъ передѣлкѣ. Именно, разсуждая о силѣ и дѣйствіи земской давности, Государственный Совѣтъ 23 апрѣля 1845 года повелѣлъ ст. 979 ч. I т. X Свод. зак. (нынѣшняя 1162 ст.) изло-

---

[1]) Сводъ законовъ т. X ч. I изд. 1832 г. ст. 727.

[2]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 5601 п. 10.

[3]) Второе Полное Собраніе Законовъ № 16,189.

[4]) Сводъ законовъ т. X ч. 1 изд. 1842 ст. 979.

жить слѣдующимъ образомъ: „когда послѣ умершаго владѣльца не останется вовсе наслѣдниковъ, или, хотя и останутся, но никто изъ нихъ не явится въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наслѣдства, или же изъ явившихся въ сей срокъ никто не докажетъ своего права, тогда имущество признается выморочнымъ“ [1]).

Съ той поры и по настоящее время опредѣленіе понятія выморочныхъ имуществъ не подвергалось измѣненіямъ. Его мы находимъ и въ послѣднихъ изданіяхъ Свода (т. X ч. 1 ст. 1162).

Легальная дефиниція выморочныхъ имуществъ въ 1162 ст. 1 ч. X т. Свода законовъ, несмотря на то, что надъ формулированіемъ ея трудились наши кодификаторы въ теченіе почти сотни лѣтъ, далека отъ совершенства. По 1162 статьѣ слѣдуетъ считать выморочнымъ: a) имущество владѣльца, послѣ котораго не осталось никакихъ вовсе наслѣдниковъ; b) имущество такого умершаго владѣльца, послѣ котораго остались наслѣдники, но никто изъ нихъ не явился въ установленный въ законѣ срокъ для полученія наслѣдства; c) имущество такого владѣльца, послѣ котораго остались наслѣдники, которые, предъявивъ своевременно права на наслѣдство, не доказали, однако, этихъ правъ. Слѣдовательно, три момента имѣютъ рѣшающее значеніе при признаніи даннаго имущества выморочнымъ: a) отсутствіе наслѣдниковъ въ этомъ имуществѣ; b) несвоевременность явки наслѣдниковъ для полученія наслѣдства; c) несвоевременность представленія явившимися наслѣдниками доказательствъ правамъ ихъ на данное наслѣдство.

Первый моментъ, однако, не имѣетъ существеннаго значенія. Для признанія имущества выморочнымъ одного отсутствія наслѣдниковъ недостаточно. Нужно, чтобы отсутствіе наслѣдниковъ продолжалось десять лѣтъ, ибо государство можетъ узнать, что къ данному имуществу нѣтъ наслѣдни-

---

[1]) Второе Полное Собраніе Законовъ № 18952.

ковъ („которыхъ правительство въ виду имѣетъ", какъ говорится въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 9 ноября 1842 года) [1]), лишь потому, что никто изъ лицъ, могущихъ наслѣдовать въ томъ имуществѣ, не заявилъ въ установленный въ законѣ срокъ правъ на оное. Въ виду этого, фраза статьи 1162 ч. I т. X Св. зак.: „когда послѣ умершаго не останется вовсе наслѣдниковъ"—можетъ быть исключена изъ легальнаго опредѣленія выморочныхъ имуществъ безъ всякаго ущерба для этого опредѣленія. И въ опредѣленіи инструкціи 7 августа 1730 года ея, дѣйствительно, нѣтъ, а между тѣмъ въ 1842 году, мы видѣли, Государственный Совѣтъ призналъ дефиницію инструкціи 7 августа 1730 года болѣе соотвѣтствующей существу дѣла, чѣмъ дефиницію Свода.

Далѣе. Если бы наслѣдники были и явились въ установленный закономъ срокъ за полученіемъ наслѣдства, помѣшаетъ ли это обстоятельство зачисленію наслѣдственнаго имущества въ разрядъ выморочныхъ? Если мы вдумаемся въ смыслъ приведенной статьи, то, конечно, отвѣтимъ: нѣтъ. Согласно закону, недостаточно явиться съ наслѣдственными претензіями на данное имущество, чтобы оно не было признано выморочнымъ. Нужно еще своевременно доказать основательность этихъ притязаній. Кто изъ наслѣдниковъ своевременно явился и основательности своихъ правъ не доказалъ, тотъ нисколько не помѣшаетъ признанію даннаго имущества выморочнымъ.

Отсюда понятно, что только третій моментъ, съ точки зрѣнія легальной дефиниціи, имѣетъ рѣшающее значеніе, при зачисленіи имущества въ разрядъ выморочныхъ. Съ точки зрѣнія ст. 1162, выморочное имущество, поэтому, есть такое имущество умершаго, наслѣдственныхъ правъ на которое никто изъ лицъ, коихъ „правительство въ виду имѣетъ", не доказалъ въ установленный въ законѣ срокъ, или другими словами: такое имущество, которое не перешло въ установленный въ законѣ срокъ къ лицамъ, могущимъ наслѣдовать въ ономъ.

---

[1]) Второе Полное Собраніе Законовъ № 16189.

Но если мы и въ такомъ видѣ примемъ опредѣленіе ст. 1162, оно все-таки не будетъ точнымъ, т. е. не будетъ ясно и опредѣленно указывать случаи, когда имущество становится выморочнымъ. Выморочнымъ мы, по ст. 1162, будемъ считать имущество, которое не перешло въ установленный въ законѣ, т. е. все въ той же 1162 ст., срокъ къ лицамъ, могущимъ наслѣдовать въ ономъ. Но къ наслѣдованію призываются и казна, и разныя юридическія лица (X т. 1 ч. ст. 1162—1183). Эти лица,—наслѣдники по закону. А между тѣмъ имущество считается выморочнымъ именно въ томъ случаѣ, когда оно поступаетъ къ наслѣдникамъ этой категоріи. Очевидно, что при зачисленіи имущества въ разрядъ выморочныхъ, наслѣдники названной группы должны быть исключены изъ числа наслѣдниковъ. Тогда возможно точнѣе опредѣлить случаи, когда имущество становится выморочнымъ. Такимъ должно быть признано имущество, которое не поступило въ установленный въ законѣ срокъ: а) къ наслѣдникамъ по завѣщанію, б) изъ наслѣдниковъ по закону—къ членамъ семьи или рода, либо единоутробнымъ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя (ст. 1121—1161 ч. I т. X Св. зак.), т. е. къ физическимъ лицамъ, призываемымъ закономъ къ наслѣдованію. И, если мы примемъ это обстоятельство во вниманіе, мы получимъ возможность формулировать понятіе выморочныхъ имуществъ точнѣе, мы будемъ считать выморочнымъ лишь такое наслѣдственное имущество, которое въ установленный въ законѣ срокъ не поступило ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ физическимъ лицамъ, призываемымъ къ наслѣдованію по закону.

Но мы думаемъ, что и такое опредѣленіе выморочныхъ имуществъ не лишено дефекта. Правда, оно соотвѣтствуетъ сущности 1162 ст. 1 ч. X т. Св. зак. Правда, далѣе, оно близко къ приведеннымъ выше опредѣленіямъ нѣмецкихъ ученыхъ. Но въ немъ нѣтъ, какъ мы указывали раньше, положительной стороны. Если мы скажемъ, что выморочное имущество есть наслѣдственное имущество, которое не перешло въ установленный въ законѣ срокъ ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ физическимъ лицамъ, имѣющимъ

право наслѣдованія по закону, мы не опредѣлимъ точно характера выморочнаго имущества, мы не укажемъ, что̀ же это за имущество, hereditas ли jacens оно, или res nullius, или имущество sui generis. А между тѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ законодательствахъ выморочное имущество отличается и отъ hereditas jacens, и отъ res nullius, и отличается притомъ не безъ основанія.

§ 4. Дѣйствительно, и выморочное имущество, и hereditas jacens представляютъ собой наслѣдственное имущество, т. е. совокупность имущественныхъ правъ наслѣдодателя [1]) или, какъ выражается нашъ Сенатъ, „совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ", оставшихся послѣ наслѣдодателя [2]). Но hereditas jacens—наслѣдственное имущество въ періодъ времени между открытіемъ и пріобрѣтеніемъ наслѣдства [3]). Выморочное имущество—наслѣдственная масса, право на которую открылось въ пользу государства или признанныхъ имъ юридическихъ лицъ. Конечно, выморочное имущество можетъ быть разсматриваемо и какъ hereditas jacens, но только въ періодъ времени между открытіемъ права на него въ пользу казны или другихъ юридическихъ лицъ (указанныхъ въ законѣ) и осуществленіемъ этого права (принятіемъ имущества).

Отличается выморочное имущество и отъ res nullius, безхозяйныхъ вещей. Выморочное имущество—наслѣдственное имущество, т. е. совокупность имущественныхъ правъ наслѣдодателя, въ моментъ открытія наслѣдства. Res nullius—безхозяйныя вещи, т. е. никому не принадлежащіе предметы (вещи въ тѣсномъ смыслѣ слова). Въ тотъ моментъ, когда вещи—безхозяйны, мы не можемъ указать имъ субъекта, т. е. лицо, имѣющее на нихъ право. Право на данное имущество съ того момента, какъ оно стало выморочнымъ, принадлежитъ государству либо указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ. У него имѣется хозяинъ. И только въ томъ случаѣ,

---

[1]) Баронъ. Система рим. права. пер. Петражицкаго IV. 1888 § 387.

[2]) Рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената за 1875 г. № 520.

[3]) Баронъ ibid. IV § 389.

если указанныя юридическія лица не осуществятъ принадлежащаго имъ права на выморочное имущество, оно, при извѣстныхъ условіяхъ, распадается на отдѣльные предметы, подлежащіе овладѣнію по началамъ occupatio въ res nullius, т. е. становится имуществомъ безхозяйнымъ [1]).

Въ виду этого, намъ кажется, будетъ точнѣе опредѣленіе выморочныхъ имуществъ, если мы внесемъ въ него и положительную сторону, если мы въ немъ укажемъ, кому принадлежитъ на него и какое право. Ниже мы увидимъ, что право на выморочное имущество принадлежитъ казнѣ и другимъ указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ и что это право носитъ характеръ наслѣдственнаго права. Если мы примемъ во вниманіе это обстоятельство, мы можемъ формулировать опредѣленіе выморочныхъ имуществъ такимъ образомъ: выморочнымъ называется такое имущество [2]), право наслѣдованія безъ завѣщанія въ которомъ принадлежитъ указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ.

Такъ опредѣляла существо выморочнаго имущества и коммисія по составленію законовъ. Въ „Основаніяхъ россійскаго права, извлеченныхъ изъ существующихъ законовъ россійской Имперіи", выморочное право прямо называется „правомъ наслѣдованія" по закону обществъ, заведеній и казны [3]). Очевидно, выморочное имущество есть то имущество, право наслѣдованія по закону въ которомъ принадлежитъ указаннымъ юридическимъ лицамъ. Кукольникъ [4]), Вельяминовъ-Зерновъ [5]), Кавелинъ [6])—того же мнѣнія.

---

[1]) У насъ они поступаютъ по общему правилу въ казну—ст. 406 ч. 1 т. X Св. зак.

[2]) Исключая правъ артистической и литературной собственности. См. Reichsges. отъ 11 іюня 1870 г. § 17 и отъ 9 января 1876 года § 15. Сравн. Gengler ibid. S. 707 прим. 9. Это исключеніе должно быть принято и у насъ. См прилож. къ 2 прим. къ ст. 420 п. 11 и 41.

[3]) Изд. 1810 года т. II §§ 124 и 159.

[4]) Россійское частное гражданское право 1815 г. § 220: „Наслѣдованіе государственной казны въ имуществахъ выморочныхъ".

[5]) Опытъ начертанія россійскаго частнаго гражданскаго права 1815 г. часть II § 214; „Право наслѣдованія казны".

[6]) Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ. 1879 г., стр.

II. Условія, при наличности которыхъ имущество становится выморочнымъ.

Содержаніе: Principium. Имущество становится выморочнымъ: если не перейдетъ въ установленный въ законѣ срокъ ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію (либо договору), ни къ физическимъ лицамъ, имѣющимъ право наслѣдованія по закону. Опредѣленіе этихъ условій законодательствами. § 1. Римское право древнѣйшей эпохи. Наслѣдованіе по jus civile и jus honorarium. 118 Новелла. Отсутствіе въ Римскомъ правѣ срока для принятія наслѣдства. Средства ускорить принятіе: dies oretionis и spatium deliberandi. Публикація завѣщанія. Опредѣленіе момента, въ который по римскому праву имущество становилось выморочнымъ: мнѣнія Папиніана и Якова Куяція. Причины, затруднявшія опредѣленіе этого момента въ древнемъ Римѣ. Указъ Императора Ѳеодосія II 424 года и установленный имъ срокъ давности для исковъ о наслѣдствѣ. § 2. Выморочное имущество въ древней Германіи. Общій характеръ древнегерманскаго наслѣдственнаго права. Наслѣдованіе древнѣйшей эпохи. Sippe и Hausgenossen. Время Франковъ; расширеніе понятія sippe. Das System der Parantelen ordnung. Наслѣдованіе лицъ женскаго пола. § 3. Рецепція римскаго права и перемѣны въ системѣ наслѣдственнаго права нѣмцевъ. Новое нѣмецкое право: a) австрійскій кодексъ; b) прусское Landrecht; c) саксонскій кодексъ; d) новое гражданское уложеніе Германіи. Французское и итальянское право. § 4. Русское право. Своеобразный его характеръ въ вопросахъ наслѣдственнаго права. Наслѣдованіе родителей послѣ дѣтей. Наслѣдованіе восходящихъ. Наслѣдованіе внѣбрачныхъ дѣтей. Наслѣдованіе пережившаго супруга. Наслѣдованіе родственниковъ въ имуществѣ благопріобрѣтенномъ и родовомъ. Срокъ принятія наслѣдственнаго имущества: постановленіе инструкціи канцеляріи конфискаціи отъ 30 августа 1730 года; указъ 4 апрѣля 1767 года; манифестъ отъ 28 іюня 1787 года; Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 24 февраля 1819 года; сенатскій указъ отъ 10 іюня 1827 года; редакція постановленій Свода по этому вопросу. Общее правило о моментѣ, въ который наслѣдственное имущество становится выморочнымъ. Исключеніе: ст. 1152, 1153 ч. I т. X Св. зак. и уставъ кредитный, раздѣлъ V ст. 52.

Изъ изложеннаго видны тѣ условія, при наличности которыхъ имущество становится выморочнымъ. Если выморочнымъ можетъ быть лишь такое наслѣдственное имущество, которое не перешло въ установленный въ законѣ срокъ ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію (либо по договору, гдѣ это возможно), ни къ физическимъ лицамъ, имѣющимъ право наслѣдовать по закону, то условія выморочности очевидны.

386—387; „Б. Право наслѣдованія обществъ, учрежденій и корпорацій"; „В. Право наслѣдованія государства".

Чтобы имущество стало выморочнымъ, нужно: a) чтобы наслѣдственное имущество не перешло ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію (либо по договору), ни къ физическимъ лицамъ, имѣющимъ право наслѣдовать по закону, и b) не перешло притомъ въ установленный въ законѣ срокъ. Слѣдовательно при опредѣленіи момента, въ который имущество становится выморочнымъ, нужно знать кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, а равно и періодъ времени, по истеченіи коего можетъ быть приданъ эпитетъ выморочнаго данному наслѣдственному имуществу. Оба эти момента опредѣляются различно въ различныхъ законодательствахъ и въ разное время.

§ 1. Въ древнемъ Римѣ понятіе выморочныхъ имуществъ (въ указанномъ выше видѣ) появилось лишь въ началѣ императорскаго періода. По свидѣтельству римскихъ писателей-юристовъ Гая [1]) и Юліана [2]), впервые лишь lex Julia et Papia Poppaea ввелъ въ римскую жизнь положеніе, что право на bona vacantia принадлежитъ казнѣ (populi aerario), какъ лицу юридическому [3]). До этого времени въ римскомъ государствѣ наслѣдственное имущество, не поступившее ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ наслѣдникамъ по закону, было, судя по словамъ Цицерона, достояніемъ перваго оккупанта [4]). Въ то время, когда былъ изданъ lex Julia et Papia Poppaea, квиритское наслѣдственное право подверглось уже кореннымъ измѣненіямъ. Въ квиритской системѣ только агнатическая связь, какъ извѣстно, служила основаніемъ наслѣдованія. Въ виду этого, jus civile, кромѣ наслѣдованія по завѣщанію, знало три класса наслѣдниковъ по

---

[1]) Instutionum Comment. II. § 150.

[2]) Dig. XXX. 96 § 1.

[3]) Lex Julia et Papia Poppaea говоритъ впрочемъ о bona caduca. Но этотъ терминъ обнималъ и bona vacantia, см. Schröter ibid. S. 91 und ff.

[4]) De legibus. II. 19. Цицеронъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, на комъ лежитъ совершеніе sacrorum по смерти хозяина дома. По его словамъ, эта обязанность переходила или къ наслѣдникамъ по закону, или къ наслѣдникамъ по завѣщанію. Tertio loco,—говоритъ онъ,—Si nemo sit heres, is, qui de bonis quae ejus fuerint cum moritur, usu ceperit plurimum possidendo.

закону: a) членовъ familiae proprio jure (Sui heredes и posthumi); b) членовъ familiae communi iure (proximi agnati и consanguineae) и c) наконецъ, gentiles, т. е. родственниковъ, сохранившихъ сознаніе своей принадлежности къ familia наслѣдодателя въ nomen gentilitium. Къ эпохѣ lex Iulia et Papia Poppaea агнатическія связи уже ослабѣли. Выдвинутъ былъ принципъ кровнаго родства и супружеской связи, какъ принципъ наслѣдованія безъ завѣщанія. Въ преторскомъ эдиктѣ мы имѣемъ, поэтому, уже четыре класса наслѣдниковъ: unde liberi, unde legitimi, unde proximi cognati, unde vir et uxor. Въ императорскій періодъ римской исторіи принципъ кровнаго родства получаетъ все большее и большее признаніе, пока, наконецъ, новелла 543 года, отмѣнивъ всѣ прежніе наслѣдственные законы, не постановила общимъ правиломъ, что когнаты имѣютъ право наслѣдованія безъ различія пола и безъ ограниченія степеней. Съ этой поры римское право знаетъ два основанія наслѣдованія по закону: родство и бракъ. Согласно 118 новеллѣ, наслѣдниками по закону являются: a) нисходящіе; b) восходящіе, полнородные братья и сестры, а также дѣти полнородныхъ братьевъ и сестеръ; c) единокровные и единоутробные братья и сестры и дѣти умершихъ этой группы братьевъ и сестеръ; братья и сестры по усыновленію, а равно и тѣ незаконныя дѣти, у которыхъ общій отецъ и мать; d) всѣ прочіе боковые родственники; e) наконецъ, переживший супругъ [1]). Если наслѣдственное имущество не поступало: ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ наслѣдникамъ по закону, потому ли, что никого изъ нихъ не было, или потому, что они не принимали „delatam hereditatem legatumve“, имущество становилось выморочнымъ—bona vacantia.

---

[1]) Баронъ ibid. IV. §§207—209. Арроги́рованный, послѣ освобожденія путемъ emancipatio отъ patria potestas, имѣетъ *право требованія* на $^1/_4$ имущества, оставшагося послѣ усыновителя. Такое же право принадлежитъ бѣдной вдовѣ, по указу Юстиніана. Впрочемъ, если вдова конкурируетъ съ четырьмя или болѣе дѣтьми, ея право требованія простирается только на поголовную долю. Дѣти конкубины, при Юстиніанѣ, наслѣдуютъ въ одной шестой долѣ ($^1/_6$) имущества ихъ родителя, если онъ не оставилъ ни законной жены, ни законныхъ дѣтей. Ихъ родителю принадлежитъ такое же право на оставшееся послѣ нихъ наслѣдство. Баронъ ibid. IV. § 409.

Но въ какой моментъ времени пріобрѣтало оно подобный характеръ? Римское право не опредѣляло срока для принятія наслѣдства [1]). Поэтому принятіе наслѣдства въ Римѣ могло имѣть мѣсто во всякое время. Существовали только два средства для ускоренія принятія. А) Наслѣдодатель могъ указать въ завѣщаніи срокъ (dies cretionis) [2]), въ теченіе котораго наслѣдство должно было быть принято. Б) Если наслѣдство было обременено долгами, вѣрители могли спросить наслѣдника, принимаетъ ли онъ наслѣдство или отрекается отъ него. Если призванный не давалъ отвѣта, кредиторы могли требовать открытія конкурса надъ наслѣдствомъ. Чтобы отклонить открытіе конкурса, наслѣдникъ могъ испросить себѣ spatium deliberandi, т. е. срокъ размышленія надъ отвѣтомъ. Срокъ этотъ до Юстиніана обыкновенно былъ въ 100 дней. По указу Юстиніана, судья могъ назначить срокъ не свыше 9 мѣсяцевъ, государь—не свыше одного года. Если срокъ истекъ, а изъявленіе призваннаго не послѣдовало, то, по праву до-юстиніанову, это равнялось отреченію, а по указу Юстиніана—принятію [3]). Таковы два средства, извѣстныя римскому праву для опредѣленія момента принятія наслѣдства, либо отреченія отъ него. Но, конечно, эти средства едва ли были достаточны. Не говоря уже о томъ, что cretionum scrupuloso solemnitas была отмѣнена въ 407 году по Рождествѣ Христовѣ [4]), указанный моментъ оставался неопредѣленнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда кредиторовъ не было или они бездѣйствовали, или когда наслѣдниковъ не было на лицо. Думаемъ, что едва ли помогъ въ данномъ случаѣ дѣлу и законъ Юлія (lex Julia vicesimaria) [5]), согласно которому установлена, какъ выражается Dernburg [6]),

---

[1]) Gaji II. 167. Vangerow. Lehrbuch der Pand. B. II § 499; Баронъ—ibid. IV § 419.

[2]) Dig. XXIX 2, 72.

[3]) Gaji II. 167. Dig. XI, I leg. 2, 3, 5, 6. XXVIII, 8, 2; Cod. VI. 30, 9, 22 §§ 13 и 14.

[4]) Cod. VI. 30, 17.

[5]) Pauli Sent. rec. IV. 6 §§ 1—3; Dig. XXIX, 3 leg. 4—7.

[6]) Lehrbuch des preuss. Priv. R. III § 215.

„публикація“ завѣщанія, т. е. предписано вскрытіе завѣщанія въ теченіе пяти дней по смерти наслѣдодателя у мѣстнаго магистрата. Мы говоримъ—едва ли, потому что эта „публикація“ не сопровождалась вызовомъ наслѣдниковъ къ принятію наслѣдства, а была лишь оглашеніемъ завѣщанія. Въ виду сказаннаго довольно затруднительно отвѣтить на вопросъ, съ какого момента имущество зачислялось въ Римѣ въ разрядъ выморочныхъ.

Этотъ вопросъ разрѣшался тамъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Папиніанъ, ex substantia bonorum vacantium [1]), т. е., говоря словами Куяція, non ex die, quo homines existimaverunt ea bona vacare et id scilicet fisco forte denunciaverunt, sed ex eo die, quo in veritate ea bona vacare coeperunt. Слѣдовательно, все здѣсь зависѣло отъ индивидуальныхъ особенностей случая. Какъ только выяснялось, что наслѣдственное имущество не можетъ перейти ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ наслѣдникамъ по закону, оно становилось вакантнымъ. Именно такой характеръ наслѣдственное имущество пріобрѣтало,—говоритъ Куяцій,—post irritum testamentum factum, id est, post repudiatam hereditatem ab herede scripto, vel omissam, id est, non aditam intra constituta tempora, et post repudiatam quoque hereditatem, aut bonorum possessionem ab agnatis, cognatis, patronis, consortibus, viro vel uxore, vel etiam post omissam ab his omnibus intestati successionem, id est, iis omnibus temporibus exclusis, quod singulis praefinitum est ad successionem amplectendam, ab eo die, quo persentitis omnibus gradibus successionis apparuerit, nullum successorem existere [2]).

Такимъ образомъ, въ Римѣ имущество зачислялось въ разрядъ выморочныхъ лишь съ того дня, quo persentitis omnibus gradibus successionis apparuerit, nullum successorem existere, т. е. когда тѣмъ либо другимъ путемъ можно было установить, что данное имущество не перейдетъ ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, ни къ наслѣдникамъ по закону. Нечего и говорить о томъ, какъ трудно было опредѣлить въ древнемъ Римѣ моментъ выморочности имуществъ. Римское право не знало ни давности, погашавшей право наслѣдованія, ни

---

[1]) Dig. XLIV. 3, 10 § 1.
[2]) Opera. IV стр. 1266.

публикацій о вызовѣ наслѣдниковъ къ принятію наслѣдственнаго имущества; ему не былъ извѣстенъ, наконецъ, порядокъ объявленія лица безвѣстно-отсутствующимъ. Какъ было при такихъ условіяхъ опредѣлить, что наслѣдниковъ нѣтъ или что они не желаютъ принять наслѣдство?!

Въ 424 году по Рождествѣ Христовѣ, какъ извѣстно, императоръ Ѳеодосій II подчинилъ искъ о наслѣдствѣ (hereditatis petitio) тридцатилѣтней давности [1]). Съ этого времени, думаемъ, и въ римскомъ государствѣ наслѣдственное имущество становилось выморочнымъ, т. е. право на него принадлежало безусловно казнѣ и указаннымъ въ законѣ юридическимъ лицамъ лишь по истеченіи тридцати лѣтъ съ момента открытія наслѣдства, если въ теченіе этого срока оно не перешло къ наслѣдникамъ по завѣщанію либо закону.

§ **2**. Бо̀льшую опредѣленность внесло въ занимающій насъ вопросъ старое нѣмецкое право. Безъ сомнѣнія, всякому извѣстно, что древнегерманское право не знало ни наслѣдованія по завѣщанію, ни наслѣдованія по договору [2]). Эти два основанія наслѣдованія появились лишь въ позднѣйшую эпоху. Въ старину у нѣмцевъ все наслѣдственное право покоилось на началѣ: Solus deus heredem facere potest, non homo. Въ виду этого, лишь тотъ имѣлъ право наслѣдованія, кто естественно выступалъ въ роли наслѣдника, кто былъ связанъ узами родства съ наслѣдодателемъ, принадлежалъ къ его Familie, Sippe. Осуществленію этого начала въ жизни въ значительной мѣрѣ содѣйствовала, быть можетъ, Vermögensgemeinschaft, имѣвшая мѣсто между членами дома (Hausgenossen) [3]). Въ виду этого, по свидѣтельству Корнелія Тацита [4]), въ древней Германіи „heredes successoresque“ были „sui cuique liberi; si liberi non sunt, proximus gradus in possessione, fratres, patrui, avunculi“. Весьма возможно, что это описаніе круга наслѣдниковъ не совсѣмъ полно. Тацитъ не упоминаетъ среди на-

---

[1]) Cod. VII, 39, lex 1 §§ 1 и 2.

[2]) Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechts Geschichte 1889 S. 70. Gengler ibid. §§ 193, 198; Stobbe ibid. V § 298.

[3]) Schröder ibid. § 11.

[4]) Germania. 20.

слѣдниковъ ни о родителяхъ, ни о сестрахъ, т. е. о ближайшихъ членахъ der Sippe наслѣдодателя. Но если принадлежность къ Sippe наслѣдодателя служила основаніемъ наслѣдованія, нѣтъ рѣшительно никакой причины исключать родителей и сестеръ изъ числа наслѣдниковъ. Весьма вѣроятно, поэтому, что въ древней Германіи кругъ наслѣдниковъ былъ нѣсколько шире, обнималъ всѣхъ Hausgenossen, т. е. дѣтей, родителей, братьевъ и сестеръ, родныхъ и двоюродныхъ братьевъ отца (avunculi, patrui) [1].

Въ позднѣйшую эпоху (время Франковъ) нѣмецкое наслѣдственное право вышло изъ границъ Hausgenossenschaft въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. изъ круга лицъ, указанныхъ въ общихъ чертахъ Тацитомъ. Понятіе Sippe расширилось. Съ одной стороны, въ Sippe вошли адоптированныя лица. Съ другой стороны, подъ Sippe стали разумѣть не только узкій кругъ Hausgenossen, но и вообще всѣхъ лицъ, связанныхъ узами крови съ наслѣдодателемъ [2]. Всѣ члены Sippe призывались къ наслѣдованію [3]) по линіямъ и степенямъ (das System der Parantelenordnung [4]). Сперва призывалась нисходящая линія (дѣти, внуки, правнуки и т. д.). Вторую линію составляли родители наслѣдодателя и всѣ происходящія отъ нихъ лица. Третью—дѣдъ и бабка наслѣдодателя и всѣ, отъ нихъ происходящіе и т. д. Sippe заключала въ себѣ семь линій. Въ каждой линіи ближайшая степень исключала дальнѣйшую. Впрочемъ по древнегерманскому воззрѣнью, кругъ наслѣдниковъ въ каждой линіи ограничивался лишь семью степенями. Слѣдовательно, родственники восьмой степени лишены были права наслѣдованія [5]).

---

[1]) Schröder, ibid. S. 70.

[2]) Gengler, ibid § 174.

[3]) Исключая лицъ, отдѣлившихся отъ семьи черезъ эманципацію, либо бракъ. Впрочемъ, если замужняя дочь возвращалась въ семью отца, оживало и ея наслѣдственное право—Schröder, ibid. S § 317—318.

[4]) Нужно помнить, что вопросъ о порядкѣ наслѣдованія въ старомъ нѣмецкомъ правѣ вопросъ очень спорный. По словамъ Stobbe, едва ли возможно даже говорить объ единомъ нѣмецкомъ наслѣдственномъ правѣ въ эту эпоху. Разныя Particularrechte допускали отступленья отъ Parantelenordnung'a Stobbe. V. §§ 288—291.

[5]) Gengler, ibid § 174.

Особенность стараго нѣмецкаго права составляло его своеобразное отношеніе къ наслѣдованію лицъ женскаго пола. По отношенію къ движимости оно уравнивало права мужчинъ и женщинъ по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ времени. Но, что касается наслѣдованія въ недвижимости, всюду, гдѣ не сказалось вліяніе римскаго права (какъ въ lex Wisigothorum), мы встрѣчаемся съ ограниченіями женщинъ. Такъ, у салическихъ франковъ существовало правило, по которому „de terra vero (Salica) nulla in muliere hereditas non pertinebit sed ad virilem sexum qui fratres fuerint tota terra perteat“ (lex salica 59 § 4). Лишь по эдикту короля Chilperich'a (573—575), женщинамъ, входившимъ въ Hausgenossenschaft, предоставлено было право наслѣдованія въ Mark Huxen. Въ Тюрингіи, по общему правилу, недвижимыя имущества поступали къ мужчинамъ, исключая женщинъ, лишь „usque ad quintam generationem“, т. е. до пятой степени второй линіи; при недостаткѣ мужчинъ въ этой степени, призывались къ наслѣдованію женщины, дочери, сестры, мать, а за отсутствіемъ ихъ,—снова дальнѣйшіе наслѣдники мужскаго пола. У рипуарскихъ франковъ преимущественное право наслѣдованія мужчинъ передъ женщинами имѣло мѣсто лишь въ отношеніи hereditas aviatica, подъ которымъ разумѣлось „des angesammte Hoxgut“, т. е. общій дворовый участокъ. Другія недвижимыя имущества (Liegenschaften) переходили въ порядкѣ наслѣдованія одинаково къ сыновьямъ и дочерямъ. Впрочемъ, и въ отношеніи Hoxgut не было различія между женскими и мужскими наслѣдниками въ четвертой линіи. У саксонцевъ мужчины призывались къ наслѣдованію преимущественно передъ женщинами лишь въ линіи нисходящей. При отсутствіи нисходящихъ мужскаго пола, ad filias omnis hereditas pertineat. У аллемановъ и баварцевъ преимущественное право наслѣдованія сыновей имѣло мѣсто лишь въ отношеніи отцовскаго наслѣдства (hereditas paternica, res paternae). Уже во второй степени нисходящей линіи оно не имѣло мѣста.

Съ теченіемъ времени въ сѣверной Германіи развилась мысль о преимущественномъ правѣ наслѣдованія мужчинъ

безъ различія какъ въ недвижимомъ, такъ и въ движимомъ имуществѣ. Въ Саксонскомъ Зерцалѣ она выступаетъ довольно опредѣленно. Этотъ законодательный памятникъ отдаетъ преимущество: сыну передъ дочерью, отцу передъ матерью, брату передъ сестрой—при наслѣдованіи во всякомъ имуществѣ (исключая только Heersgeräthe и Gerade). Въ южной Германіи установилось, напротивъ того, совершенно обратное отношеніе къ преимущественному праву наслѣдованія мужчинъ. Такъ, Швабское Зерцало даетъ равную долю сыновьямъ и дочерямъ въ отцовскомъ наслѣдствѣ, исключая „ansedel da der Vater uxe saz".

Съ XIV вѣка въ статутарномъ правѣ городовъ (in den Stadtrechtsbüchern) устанавливается правило, что „son unde tochter glich sin an Erbe zen nehmen", т. е, что къ наслѣдованію призываются въ нисходящей линіи лица обоего пола, при чемъ въ наслѣдствѣ не отличаются движимыя имущества отъ недвижимыхъ. Въ томъ же столѣтіи потеряли преимущественное право наслѣдованія и остальные наслѣдники мужскаго пола [1]).

Такъ опредѣлялся кругъ наслѣдниковъ въ старомъ нѣмецкомъ правѣ. Наслѣдниками были члены Sippe наслѣдодателя. Но члены Sippe не только призывались къ наслѣдованію. Они были sui et necessarii heredes. Къ нимъ въ порядкѣ линій и степеней *поступало* наслѣдство въ моментъ смерти наслѣдодателя. Gewere наслѣдодателя продолжалось въ личности наслѣдника. „Die vader, говоритъ Саксонское Зерцало (Sachsenspiegel. Lehnr. cap. 6 § 1) erft uppen sone die gewere des Gudes mit sament deme Gude", т. е., по французской поговоркѣ: le mort saisit le vif мертвый дѣлаетъ живаго своимъ преемникомъ. Но въ какомъ смыслѣ? Переходило ли къ наслѣднику владѣніе наслѣдствомъ, или онъ пріобрѣталъ лишь право овладѣть имъ? Вѣроятно, Gewere не обозначало владѣнія. Подъ нимъ скорѣе всего слѣдуетъ понимать право быть хозяиномъ наслѣдственнаго имущества (ohne weiteres den Besitz ergreifen [2]). По словамъ Baldi,

---

[1]) Gengler ibid. §§ 174, 177; Siegel ibid. §§ 15—24; Schröder ibid. §§ 35—61; Stobbe ibid. V §§ 289—291.

[2]) Stobbe, ibid. V. S. 22.

mortuus aperit oculos viventis [1]). Дѣйствительно, нѣмецкое право предоставляло наслѣднику свободу вступить или не вступить въ наслѣдство въ теченіе первыхъ тридцати дней по смерти наслѣдодателя [2]). Если тридцать дней протекали и наслѣдство не поступало ни къ кому изъ наслѣдниковъ, „tunc illas res fiscus adquirat“, но до поры до времени только въ custodia. И лишь по истеченіи одного года и одного дня, если наслѣдство состояло изъ движимости, и тридцати одного года и одного дня, если оно заключалось въ недвижимости, считая со времени установленія custodia, наслѣдственная масса становилась выморочнымъ имуществомъ [3]).

§ 3. По рецепціи римскаго права, національную нѣмецкую систему наслѣдованія смѣнило successio ordinum et graduum 118 и 127 новеллъ, хотя на практикѣ долго еще держались началъ національнаго наслѣдственнаго права [4]). Подъ вліяніемъ римскаго же права создается въ Германіи наслѣдованіе по завѣщанію, и вырабатывается институтъ наслѣдованія по договору, зародившійся у нѣмцевъ еще въ ту эпоху, когда дали право наслѣдованія адоптированнымъ дѣтямъ [5]). Съ рецепціей римскаго права, далѣе, были приняты въ Германіи и постановленія corpus juris civilis о принятіи наслѣдства. Эти постановленія примѣнялись, впрочемъ, лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не было на этотъ счетъ своихъ особенныхъ опредѣленій [6]). Въ виду этого, въ Германіи разсматриваемой эпохи вопросъ о моментѣ выморочности наслѣдственнаго имущества разрѣшался или по началамъ римскаго права, или примѣнительно къ системѣ національнаго нѣмецкаго права, при чемъ, конечно, принимался во вниманіе болѣе широкій кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію.

---

[1]) Gengler, ibid S. 665.

[2]) Trauermonat—мѣсяцъ, по истеченіи коего совершались поминки по душѣ умершаго—Todtenfeier.

[3]) Gengler, ibid. §§ 174, 177; 180, 182, 190; Stobbe, ibid. V §§ 281, 288—291, 297; Siegel ibid. §§ 4, 16—24, 64; Schröder ibid. §§ 11, 35, 61.

[4]) Gengler ibid. § 178. 127 новелла дополнила постановленія 118.

[5]) Gengler ibid. §§ 193, 198; Schröder § 35 S. 317.

[6]) Stobbe ibid. V. § 282.

Новыя законодательства отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ внесли мало измѣненій въ вопросъ о выморочности имуществъ. Они стоятъ или на почвѣ національнаго нѣмецкаго права, или проникнуты всецѣло началами римскаго права.

Ближе всего къ старому нѣмецкому праву стоитъ австрійскій кодексъ. Среди наслѣдниковъ онъ называетъ: 1) наслѣдниковъ по завѣщанію, 2) наслѣдниковъ по договору и 3) наслѣдниковъ по закону. Очерчивая группу наслѣдниковъ послѣдней категоріи, австрійскій кодексъ, по словамъ Генглера [1]), не только возстановилъ образъ (das frische Bild) стараго нѣмецкаго наслѣдственнаго права, но и облагородилъ его. Австрійскій кодексъ, построенный въ вопросахъ наслѣдственнаго права на законѣ 11 іюня 1786 года, дѣйствительно, воскрешаетъ Parantelenordnung. Онъ ограничиваетъ кругъ наслѣдниковъ шестью линіями законнаго родства, зачисляя въ этотъ кругъ лишь лицъ, имѣющихъ общаго съ наслѣдодателемъ родоначальника [2]). Кромѣ того, австрійское право призываетъ къ наслѣдованію внѣбрачныхъ дѣтей, впрочемъ, только въ имуществѣ ихъ матери и бабки [3]), а также въ опредѣленной долѣ пережившаго супруга, къ которому при отсутствіи способныхъ къ наслѣдованію родныхъ, поступаетъ все наслѣдственное имущество [4]).

Австрійское право не указываетъ срока для принятія наслѣдства. Но оно устанавливаетъ тридцатилѣтнюю погасительную давность для права наслѣдованія [5]). Если въ теченіе тридцати лѣтъ, съ момента открытія наслѣдства, оно не перешло ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, либо договору, ни къ наслѣдникамъ по закону, имущество зачисляется въ разрядъ выморочныхъ [6]).

---

[1]) Ibid. S. 659.

[2]) Oest. GB. §§ 730, 731, 751.

[3]) Oest. GB. § 754, 756.

[4]) Oest. GB. § 759.

[5]) Oest. GB. §§ 1478, 1479.

[6]) Unger ibid. §§ 8, 26, 29—35, 90; Gengler ibid. § 179; Stobbe ibid. § 292.

Прусское право знаетъ также три группы наслѣдниковъ: по завѣщанію, договору и закону. Послѣдняя группа построена на соединеніи началъ римскаго и національнаго нѣмецкаго права. Въ ней, по словамъ Генглера, родъ компромисса между римскимъ и нѣмецкимъ правомъ. Прусское право называетъ пять классовъ наслѣдниковъ по закону. Къ первому классу оно относитъ: нисходящихъ (римское и національное нѣмецкое право); ко второму—родителей (національное право); къ третьему—полнородныхъ братьевъ и сестеръ и ихъ нисходящихъ (національное право); къ четвертому—единоутробныхъ братьевъ и сестеръ (и ихъ потомство) вмѣстѣ съ восходящими высшихъ степеней (національное право, видоизмѣненное подъ вліяніемъ римскаго); къ пятому, наконецъ, всѣхъ прочихъ родственниковъ (римское право) [1]). Кромѣ того, прусское право призываетъ къ наслѣдованію: пережившаго супруга (въ опредѣленной долѣ), имѣющаго право даже на все наслѣдственное имущество, если нѣтъ на лицо родственниковъ до шестой степени включительно [2]); даетъ признаннымъ внѣбрачнымъ дѣтямъ право на $^1/_6$ наслѣдства [3]), и, наконецъ, выдвигаетъ въ роли наслѣдника, при извѣстныхъ условіяхъ, Verpfleger'a, т. е. лицо, принявшее на себя заботу о покинутомъ родными безумномъ [4]).

Право на наслѣдственное имущество погашается въ Пруссіи по истеченіи срока обыкновенной давности, т. е. 10 лѣтъ inter praesentes и 20 лѣтъ inter absentes, считая съ момента открытія наслѣдства. Если въ этотъ срокъ наслѣдственное имущество не перейдетъ къ надлежащему наслѣднику, оно считается выморочнымъ [5]).

---

[1]) L. R. II. 2. §§ 300 ff., 348 ff; 489 ff; 492 ff; II. 3. §§ 46 ff.

[2]) L. R. II. 1. §§ 625, 626.

[3]) L. R. II. 2. § 652.

[4]) L. R. II 3. §§ 23 und ff. Это положеніе Landrecht заимствовало изъ римскаго права. Nov. 112 cap. 3 § 12. Въ Римѣ, однако, указанное право было повинностью, лежавшей на наслѣдствѣ, которую долженъ былъ выполнить фискъ, если къ нему переходило выморочное имущество.

[5]) L. R. II. 16 §§ 16, 17, 27; I, 9. §§ 620, 621. Gengler, ibid. § 179; Stobbe ibid. V § 292 Dernburg ibid. III §§ 102, 175, 186—194.

Въ Саксоніи право наслѣдованія принадлежитъ: a) наслѣдникамъ по завѣщанію, b) либо по договору и c) наслѣдникамъ по закону. Опредѣляя кругъ наслѣдниковъ по закону, саксонскій кодексъ держится началъ римскаго права, видоизмѣненныхъ подъ вліяніемъ ordo parantellaris стараго нѣмецкаго права. Наслѣдниками по закону являются: a) нисходящіе; b) восходящіе; c) братья и сестры и ихъ потомство; d) прочіе боковые родственники наслѣдодателя (lineal-gradual system) [1]). Внѣбрачныя не признанныя дѣти наслѣдуютъ лишь послѣ матери и ея родныхъ (признанныя наравнѣ съ законнорожденными) [2]). Призывается къ наслѣдованію въ опредѣленной долѣ и переживший супругъ, который, при отсутствіи наслѣдниковъ первыхъ трехъ классовъ, получаетъ все наслѣдство [3]). Наконецъ, въ опредѣленной долѣ ($^1/_2$—$^1/_3$), при отсутствіи наслѣдниковъ первыхъ трехъ классовъ, наслѣдуютъ: Landesversorgungs- oder Landesheilanstalt, die Ortsarmenkrankenund Waisenhäuser [4]).

Если наслѣдство не перейдетъ ни къ наслѣдникамъ по закону, ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію, либо договору, оно становится выморочнымъ [5]). Въ Саксоніи наслѣдственное право подлежитъ общей тридцатилѣтней давности [6]) слѣдовательно, наслѣдственное имущество поступаетъ въ разрядъ выморочныхъ лишь по истеченіи этого срока [7]).

Новое гражданское уложеніе Германіи, при опредѣленіи круга наслѣдниковъ, держится началъ стараго нѣмецкаго права. Имъ принята Parantelen System, какъ основное начало наслѣдованія ab intestato. Новое гражданское уложеніе Германіи призываетъ къ наслѣдованію ab intestato пять классовъ родственниковъ: a) нисходящихъ; b) родителей и лицъ, отъ

---

[1]) B. GB. für das Königreich Sachsen § 2026

[2]) B. GB. §§ 2013—2020, 2022, 2031.

[3]) B. GB. §§ 2048—2053.

[4]) B. GB. §§ 2057—2060.

[5]) B. GB. § 2618.

[6]) Siebenhaar Lehrbuch des Sächs. bürgerlich. Rechts. 1872 § 86.

[7]) Siben haar ibid. §§ 468—477, 478, 550, 557 Stobbe ibid. V § 292. Gengler ibid. § 179.

нихъ происходящихъ; c) Grosseltern и ихъ потомство; d) Urgrosseltern и ихъ потомство; e) наконецъ, die entfernteren Voreltern des Erblassers и ихъ потомство. Переживший супругъ также имѣетъ право наслѣдованія (въ опредѣленной долѣ). Если наслѣдодатель не оставилъ наслѣдниковъ перваго и втораго класса, ни Grosseltern, переживший супругъ получаетъ все наслѣдство [1]).

Кромѣ наслѣдниковъ по закону, призываются, само собой разумѣется, къ наслѣдованію и наслѣдники по завѣщанію, либо договору [2]). Когда нѣтъ на лицо ни наслѣдниковъ по завѣщанію, либо договору, ни наслѣдниковъ по закону, наслѣдственное имущество достается фиску [3]). Но, въ виду того, что наслѣдственное право погашается лишь тридцатилѣтней давностью [4]), право фиска пріобрѣтаетъ безусловный характеръ только по истеченіи этого срока [5]).

Французское право знаетъ четыре класса наслѣдниковъ по закону. Къ первому классу относятся нисходящіе. Ко второму—полнородные, единокровные и единоутробные братья и сестры; если живы оба родителя наслѣдодателя, боковые родственники этого класса получаютъ половину наслѣдства; если только одинъ parens остался въ живыхъ,—$^3/_4$. Къ третьему классу принадлежатъ восходящіе наслѣдодателя и къ четвертому, наконецъ, прочіе боковые родственники наслѣдодателя до двѣнадцатой степени включительно [6]). Кромѣ того французскій кодексъ устанавливаетъ взаимное право наслѣдованія между внѣбрачными дѣтьми (исключая les enfants adulterins ou incestueux) и ихъ отцомъ и матерью [7]). При отсутствіи указанныхъ наслѣдниковъ, наслѣдственное имущество поступаетъ къ пережившему супругу [8]).

---

[1]) B. GB. §§ 1924—1931.
[2]) B. GB. §§ 2064 и сл. 2274 и сл.
[3]) B. GB. § 1936.
[4]) B. BG. § 195.
[5]) См. Planck. Bürgerliches Gesetzbuch. Lieferung 7 1899 стр. 63 п. 6.
[6]) Cod. civ. §§ 731—755.
[7]) Cod. civ. §§ 756—766.
[8]) Cod. civ. § 767.

Знаетъ французскій кодексъ, конечно, и наслѣдованіе по завѣщанію [1]). Извѣстно ему и наслѣдованіе по договору [2]).

Право наслѣдованія подлежитъ общей тридцатилѣтней давности [3]). Лишь по истеченіи этого срока имущество становится вакантнымъ [4]).

Аналогичныя постановленія даетъ и итальянскій кодексъ. Онъ знаетъ наслѣдниковъ по закону и наслѣдниковъ по завѣщанію [5]). Къ наслѣдникамъ по закону принадлежатъ: законные нисходящіе умершаго (включая узаконенныхъ и адоптированныхъ и потомство отъ нихъ), восходящіе, боковые родственники до десятой степени включительно, внѣбрачныя дѣти (происхожденіе которыхъ отъ наслѣдодателя установлено надлежащимъ образомъ), наконецъ, переживший супругъ [6]). При отсутствіи поименованныхъ наслѣдниковъ, имущество обращается al patrimonio dello stato [7]). Однако, право государства на bona vacantia пріобрѣтаетъ безусловный характеръ только по минованіи срока давности, погашающей право на наслѣдство, т. е. по истеченіи тридцати лѣтъ, съ момента открытія наслѣдства [8]).

§ 4. Русское наслѣдственное право носитъ своеобразный характеръ. На иностранныя законодательства оказало сильное вліяніе римское право. Наше законодательство подверглось лишь незначительному вліянію римскаго права (въ вопросѣ, напр., о наслѣдованіи пережившаго супруга). Выросло оно, какъ говорятъ, самобытно, внѣ воздѣйствія чуждыхъ юридическихъ понятій. Многое въ немъ, поэтому, „національно“, не похоже на порядки Западной Европы.

Такъ, наши законы провозглашаютъ въ качествѣ общаго правила, что родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей въ пріобрѣ-

---

[1]) Cod. civ. §§ 1082, 1083, 1093.
[2]) Cod. civ. §§ 967—1048.
[3]) Cod. civ. § 2262.
[4]) Aubry et Rau Cours de droit civil T. V 1857. §§ 641, 642.
[5]) Codice civile des regno d'Italia § 720.
[6]) Codice civile §§ 721—757.
[7]) Codice civile § 758.
[8]) Codice civile §§ 950, 2135.

тенномъ сими послѣдними имуществѣ [1]). Лишь имущество, уступленное сыну или дочери родителями въ видѣ дара, возвращается къ родителямъ, каждому то, что̀ отъ кого было получено, если послѣ умершаго сына или дочери не осталось дѣтей, но токмо наслѣдники въ побочныхъ линіяхъ, возвращается, впрочемъ, „не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ“ [2]). Только въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ родители наслѣдуютъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ дѣтей своихъ, однако, въ томъ только случаѣ, когда сынъ или дочь умрутъ бездѣтно и не оставятъ по себѣ родныхъ, или единоутробныхъ либо единокровныхъ братьевъ и сестеръ, или потомство отъ нихъ [3]).

За восходящими родственниками умершаго принципіально признано право наслѣдованія по закону [4]). Но—только „принципіально“. Наши гражданскіе законы въ „отдѣленіи“—„о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей“—говорятъ только о родителяхъ наслѣдодателя (а не о прочихъ восходящихъ), лишая ихъ, по общему правилу, наслѣдства [5]).

Внѣбрачныя дѣти, сопричтенныя къ законнымъ дѣтямъ путемъ legitimatio per subsequens matrimonium, наслѣдуютъ у насъ наравнѣ съ законными дѣтьми [6]). Усыновленные пріобрѣтаютъ право наслѣдованія лишь въ благопріобрѣтенномъ имѣніи усыновителя, но не его родственниковъ [7]). Внѣбрачныя непризнанныя дѣти вовсе не имѣютъ права на „законное“ послѣ отца или матери „въ имуществѣ наслѣдство“ [8]), а равно и послѣ родныхъ отца или матери [9]).

Переживший супругъ призывается у насъ къ наслѣдованію только въ опредѣленной долѣ ($^1/_4$ изъ движимаго и $^1/_7$

---

[1]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 1141.
[2]) Сводъ законовъ, т. X ч. I ст. 1142, 1144.
[3]) Сводъ законовъ, т. X ч. I ст. 1143.
[4]) Сводъ законовъ, т. X ч. I ст. 1121.
[5]) Сводъ законовъ, т. X ч. I ст. 1141—1147.
[6]) Сводъ законовъ, X т. I ч. Законъ 12 марта 1891 г. ст. 3.
[7]) Сводъ законовъ, X т. I ч. Законъ 12 марта 1891 г. ст. 13, 15.
[8]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 136.
[9]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 1111 и 1113.

изъ недвижимаго) [1]). Право на эту лишь долю дается ему и при отсутствіи всякихъ наслѣдниковъ. Только въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа, „когда дѣтей въ бракѣ прижито не было", наслѣдуютъ во всемъ имуществѣ умершаго, пріобрѣтенномъ „общими трудами" по заключеніи брака. Въ остальныхъ случаяхъ и въ этихъ губерніяхъ переживший супругъ наслѣдуетъ лишь въ опредѣленной долѣ [2]).

Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ сказались уже „національныя" особенности нашихъ законовъ. Въ Западной Европѣ, мы видѣли, все на этотъ счетъ иначе.

Далѣе. У насъ до послѣдняго времени сохранилось дѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя. Особыя свойства этихъ имуществъ сказываются и въ наслѣдственномъ правѣ.

Наслѣдниками въ имуществѣ благопріобрѣтенномъ законъ называетъ: a) наслѣдниковъ по завѣщанію [3]) и b) наслѣдниковъ по закону. Послѣдніе—члены „того рода, къ которому умершій принадлежалъ по отцу", т. е., его родственники въ нисходящей и побочныхъ линіяхъ, а равно и единоутробные братья и сестры умершаго владѣльца или потомство отъ нихъ [4]). Наслѣдованіе идетъ по линіямъ и степенямъ. Ближайшее право наслѣдованія принадлежитъ линіи нисходящей. При недостаткѣ оной, наслѣдство обращается въ побочныя линіи [5]). Здѣсь ближайшее право наслѣдованія принадлежитъ роднымъ братьямъ и ихъ нисходящимъ; при недостаткѣ же оныхъ, наслѣдуютъ родныя сестры съ ихъ нисходящими [6]). Если наслѣдодатель не оставилъ родныхъ

---

[1]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 1148, 1153.

[2]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 1157.

[3]) Сводъ законовъ, X т. I ч. ст. 1011, 1067.

[4]) Сводъ законовъ X т. I ч. ст. 1163. Этотъ диссонансъ въ понятіи о родѣ появился сравнительно недавно. Единоутробные и потомство ихъ сопричислены къ роду наслѣдодателя лишь закономъ 25 ноября 1818 года. Первое Полное Собраніе Законовъ № 27579.

[5]) Сводъ законовъ X т. I ч. ст. 1121.

[6]) Сводъ законовъ X т. I ч. ст. 1137.

братьевъ и сестеръ, или потомства отъ нихъ, призываются къ наслѣдованію: а) сперва единокровные и единоутробные братья и ихъ потомство; в) затѣмъ, единокровныя и единоутробныя сестры и ихъ потомство [1]). При отсутствіи всѣхъ этихъ наслѣдниковъ, имущество умершаго обращается къ роднымъ его дядямъ и теткамъ съ ихъ нисходящими, „и такъ далѣе", т. е. въ слѣдующія боковыя линіи [2]). Въ боковыхъ линіяхъ, сестры, при полнородныхъ и неполнородныхъ братьяхъ и ихъ потомкахъ обоего пола, не имѣютъ права на наслѣдство [3]). Въ линіи же нисходящей дочери при сыновьяхъ получаютъ указную часть [4]). При отсутствіи наслѣдниковъ мужскаго пола, въ наслѣдство вступаютъ лица женскаго пола [5]). Въ каждой линіи ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую [6]).

Таковъ кругъ наслѣдниковъ въ имуществѣ благопріобрѣтенномъ. Если ни къ кому изъ указанныхъ наслѣдниковъ не перейдетъ наслѣдственное имущество въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наслѣдства, оно признается выморочнымъ [7]).

Кругъ наслѣдниковъ въ родовомъ имуществѣ уже. Родовое имущество есть имущество, принадлежащее въ собственность членамъ даннаго рода, какъ выражается законъ 13 апрѣля 1810 года [8]). Такое свойство пріобрѣтаетъ данное имущество, благодаря тому, что первый его пріобрѣтатель рѣшилъ сохранить его для членовъ своего рода и осуществилъ свое намѣреніе внѣшнимъ образомъ: а) или передалъ его по духовному завѣщанію такому родственнику, который имѣлъ бы право наслѣдованія въ этомъ имуществѣ по за-

---

[1]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1140.
[2]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1137.
[3]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1135, 1140.
[4]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1128, 1130, 1131.
[5]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1132, 1137, 1140.
[6]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1122.
[7]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1162.
[8]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 24192 п. 3.

кону; или b) допустилъ возможность перехода такого имущества къ наслѣдникамъ по закону, воздержавшись отъ совершенія о немъ завѣщанія въ пользу другихъ лицъ [1]), т. е. сознавая связь съ членами своего рода, думалъ о матеріальномъ ихъ обезпеченіи и *даромъ* отдалъ имъ свое имущество. Съ этого момента имущество перваго пріобрѣтателя становится родовымъ и должно обращаться между членами его рода, т. е., лицами, происходящими отъ одного общаго съ нимъ родоначальника [2]). Только эти лица могутъ имѣть претензію на имущество, которому первый пріобрѣтатель сообщилъ характеръ родоваго, только они могутъ быть и наслѣдниками въ ономъ. Поэтому: a) не могутъ явиться въ роли претедентовъ на такое имущество наслѣдники по завѣщанію, разъ они не могутъ быть наслѣдниками въ немъ по закону [3]). Поэтому же: b) не наслѣдуютъ въ родовомъ имуществѣ единоутробные братья и сестры, ибо они не связаны съ родомъ, которому принадлежитъ имущество [4]). Такимъ образомъ, только члены рода перваго пріобрѣтателя имущества, ставшаго родовымъ, могутъ въ немъ наслѣдовать. Но они могутъ наслѣдовать лишь до тѣхъ поръ, пока это имущество сохраняетъ характеръ родоваго. Разъ данное имущество потеряло характеръ родоваго (продано, напр., въ чужой родъ и своевременно не выкуплено [5]), оно становится благопріобрѣтеннымъ [6]), и кругъ лицъ, имѣющихъ право наслѣдовать въ немъ, опредѣляется другими началами (они указаны выше).

Далѣе, если наслѣдниками въ имуществѣ, ставшемъ родовымъ, могутъ быть лишь члены рода перваго его пріобрѣтателя, т. е., лица, связанныя съ нимъ происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника, то кругъ наслѣдниковъ въ родовомъ имуществѣ опредѣляется моментомъ пріобрѣтенія

---

[1]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 399 п. 1 и 2.
[2]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1112.
[3]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1068.
[4]) Сводъ законовъ X т. 1 ч. ст. 1129, 1138.
[5]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1346—1373.
[6]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 397.

даннымъ имуществомъ характера родоваго, т. е. моментомъ перваго его перехода въ порядкѣ законнаго наслѣдованія (безъ завѣщанія или по завѣщанію—все равно). За кѣмъ въ этотъ моментъ признаетъ законъ право, только тотъ вмѣстѣ со своимъ потомствомъ имѣетъ право на это имущество и можетъ выступить въ роли наслѣдника. Въ указанный моментъ могутъ быть наслѣдниками лишь члены того рода, къ которому умершій владѣлецъ принадлежалъ по отцу, въ нисходящей и боковыхъ линіяхъ, а также его единоутробные братья и сестры и потомство отъ нихъ, т. е. всякій, кто можетъ наслѣдовать въ имуществѣ благопріобрѣтенномъ (ст. 1163). Такимъ образомъ, претендентами на родовое имущество могутъ быть: a) члены того рода, къ которому принадлежалъ по отцу пріобрѣтатель имущества, ставшаго родовымъ; b) потомки единоутробныхъ братьевъ и сестеръ. Конечно, право наслѣдованія второй группы лицъ не мирится съ кореннымъ воззрѣніемъ нашего Свода на характеръ родоваго имущества, какъ такого имущества, которое должно обращаться въ одномъ родѣ. Но 25 ноября 1898 года [1]) законодатель нашъ допустилъ это отступленіе, и съ нимъ приходится считаться [2]). Впрочемъ, потомки единоутробныхъ братьевъ и сестеръ лишь въ томъ случаѣ могутъ выступить съ наслѣдственными претензіями на родовое имущество, попавшее въ ихъ родъ изъ чужаго рода, въ качествѣ благопріобрѣтеннаго, когда въ пользу ихъ предковъ (единоутробныхъ братьевъ и сестеръ) открылось право наслѣдованія въ моментъ перваго наслѣдственнаго перехода имущества и они приняли наслѣдство [3]). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ потомство единоутробныхъ братьевъ и сестеръ не имѣетъ права наслѣдованія въ имуществѣ, первый пріобрѣтатель котораго принадлежалъ къ иному роду [4]).

Родственники въ восходящей линіи не наслѣдуютъ въ имуществѣ родовомъ, какъ не наслѣдуютъ они и въ имуще-

---

[1]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 27579.

[2]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1138, 1140, 1163.

[3]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 399 п. 1 и 2, ст. 1140.

[4]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1138, 1163.

ствѣ благопріобрѣтенномъ [1]). Но пережившій супругъ призывается къ наслѣдованію въ одной седьмой долѣ родоваго имущества умершаго, несмотря на то, что онъ, конечно, не можетъ принадлежать къ роду наслѣдодателя. Кромѣ того, пережившій супругъ наслѣдуетъ *только* въ одной седьмой долѣ, т. е. получаетъ лишь эту долю, хотя бы другихъ наслѣдниковъ не было [2]).

Если къ указаннымъ наслѣдникамъ не перейдетъ родовое имущество въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наслѣдства, оно признается выморочнымъ [3]).

Такимъ образомъ, выморочнымъ у насъ признается наслѣдственное имущество лишь въ томъ случаѣ, если оно не перейдетъ ни къ наслѣдникамъ по завѣщанію (благопріобрѣтенное), ни къ наслѣдникамъ по закону (благопріобрѣтенное, либо родовое) въ установленный въ законѣ срокъ.

Срокъ этотъ, мы видѣли, опредѣляется въ 1162 ст. 1 ч. X т. Свода законовъ. Теперь этотъ срокъ десятилѣтній. Но десятилѣтній срокъ для заявленія правъ наслѣдственныхъ установленъ у насъ сравнительно недавно.

До половины XVIII ст. наше право не знало вовсе давности въ примѣненіи къ праву наслѣдованія. Даже въ инструкціи канцеляріи конфискаціи 7 августа 1730 года она неизвѣстна. Инструкція 7 августа 1730 года вводитъ публикацію. Она обязываетъ канцелярію „прибитыми указами“ „трижды публиковать“ о наслѣдственныхъ имуществахъ, разъ наслѣдниковъ нѣтъ на лицо, „дабы отсутствующему, который, по семейству, или по другому какому-либо случаю, до тѣхъ имѣній какое дѣло имѣетъ, тѣ жъ немедленно явились и доказывали о томъ письменно“. Но, установивъ вызовъ наслѣдниковъ къ принятію наслѣдства посредствомъ публикаціи,

---

[1]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1141—1147.

[2]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 396, 398, 1148, 1149, 1151, 1153, 1154. Рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената 1870 г. № 1599, 1871 г. № 1224.

[3]) Сводъ законовъ, X т. 1 ч. ст. 1162.

инструкція 7 августа 1730 года не установила срока для предъявленія и удостовѣренія правъ на наслѣдство. „Буде кто“,—говорится въ инструкціи,—„по вышеписанной публикаціи не явится, или хотя и явится, но подлинно не докажетъ, то такія имѣнія отписывать на Ея Императорское Величество“ [1]). Очевидно, и въ это время у насъ, какъ и въ предшествовавшее, вопросъ о томъ, съ какого момента считать наслѣдственное имущество выморочнымъ, разрѣшался, какъ въ Римѣ, ex substantia bonorum vacantium, т. е. имущество зачислялось въ разрядъ выморочныхъ, разъ возникало болѣе или менѣе твердое убѣжденіе въ томъ, что оно не перейдетъ къ наслѣдникамъ.

Впервые указомъ 4 апрѣля 1767 года былъ установленъ для права наслѣдованія полугодичный срокъ давности. Этимъ указомъ (сенатскимъ) предписано зачислять въ разрядъ выморочныхъ наслѣдственныя имущества, не перешедшія къ наслѣдникамъ въ теченіи полугода, считая со времени „обнародованія „объ этихъ имуществахъ“ отъ академіи наукъ газетами [2]). Въ манифестѣ отъ 28 іюня 1787 года [3]) установленъ былъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ общій десятилѣтній срокъ давности. Этотъ манифестъ, само собой разумѣется, внесъ измѣненіе въ указъ 4 апрѣля 1767 года. Съ 1787 года у насъ можно было, слѣдовательно, зачислить имущество въ разрядъ выморочныхъ по истеченіи не шести мѣсяцевъ со времени публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ, а лишь десяти лѣтъ.

Однако, на практикѣ долго еще придерживались указа 4 апрѣля 1767 года, несмотря на манифестъ 28 іюня 1787 года и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 24 февраля 1819 года, изъяснившее, что пропускъ положеннаго означеннымъ (1767 года) указомъ срока на вызовъ наслѣдниковъ не лишаетъ права къ оставшемуся послѣ умершаго имѣнію, буде они, со времени припечатанія

---

[1]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 5061 п. 7—10.

[2]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 12864.

[3]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 16551.

въ газетахъ о томъ, не пропустили десятилѣтней давности. Только въ 1827 году 10 іюня Сенатъ [1]) предписываетъ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ держаться при зачисленіи имуществъ въ разрядъ выморочныхъ, манифеста 1787 года 28 іюня въ виду того, что этимъ манифестомъ установленъ общій срокъ давности [2]).

Несмотря, однако, на ясное и точное разъясненіе Государственнаго Совѣта, вопросъ о времени зачисленія имуществъ въ разрядъ выморочныхъ еще нѣкоторое время оставался у насъ сомнительнымъ. Въ первомъ изданіи Свода было по этому поводу сказано: „когда послѣ умершаго не останется никакихъ наслѣдниковъ, или хотя оные и есть, но не явятся *въ установленные сроки*, или же, явясь, права своего не докажутъ на оставшееся имѣніе, тогда имущество становится выморочнымъ“ [3]). Въ изданіи 1842 года выраженіе—„въ установленные сроки“—замѣнено выраженіемъ—„въ установленный срокъ“ [4]), подъ которымъ разумѣлся, конечно, об-

---

[1]) Второе Полное Собраніе Законовъ № 1163.

[2]) Въ сенатскомъ указѣ приведено и другое соображеніе. По мнѣнію Сената, наслѣдственное право подлежитъ дѣйствію общей давности и потому, что, хотя въ указѣ 4 апрѣля 1767 года и „велѣно наслѣдниковъ вызывать черезъ газеты, а, въ случаѣ неявки ихъ, брать имѣнія на корону, но чтобъ тѣ имѣнія всегда оставались въ казнѣ, того въ семъ указѣ не изображено“ (Второе Полное Собраніе Законовъ № 1163). Послѣднее соображеніе едва ли оправдываетъ распоряженіе Сената отъ 10 іюня 1827 года. Дѣйствительно, въ указѣ 4 апрѣля 1767 года не сказано, чтобы имѣнія, взятыя на корону по истеченіи шестимѣсячнаго срока со времени публикаціи, „всегда оставались въ казнѣ“. Но въ этомъ указѣ не сказано также, чтобы тѣ имѣнія въ казнѣ не оставались, т. е. чтобы они подлежали возвращенію отыскавшимся наслѣдникамъ. Въ указѣ 4 апрѣля 1767 года сказано, что наслѣдственныя имущества, „какъ выморочныя, взяты будутъ на корону“, если въ шестимѣсячный срокъ со времени публикаціи, наслѣдники не явятся и своего права на нихъ не докажутъ (Первое Полное Собраніе Законовъ № 12864). Эти же слова почти пятьдесятъ лѣтъ понимались въ томъ смыслѣ, что наслѣдственное имущество признается выморочнымъ по истеченіи шести мѣсяцевъ со времени публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ, если въ сей срокъ оно не перешло ни къ кому изъ наслѣдниковъ. Такого мнѣнія держались (и совершенно основательно) какъ губернскія присутственныя мѣста, такъ и Государственный Совѣтъ, который лишь 24 февраля 1819 года высказалъ, мы видѣли, иныя соображенія (Второе Полное Собраніе Законовъ № 1163).

[3]) Сводъ законовъ изд. 1832 года т. X ч. 1 ст. 727.

[4]) Сводъ законовъ изд. 1842 г. т. X ч. 1, ст. 979.

щій десятилѣтній срокъ давности, что̀ опредѣленно уже указано въ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 23 апрѣля 1845 года [1]). И только съ этого времени наши гражданскіе законы повелѣваютъ зачислять наслѣдственное имущество въ разрядъ выморочныхъ лишь по истеченіи десяти лѣтъ со дня послѣдней публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ, если въ теченіе указаннаго срока наслѣдство не перешло къ наслѣдникамъ [2]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время моментъ, въ который наслѣдственное имущество становится выморочнымъ, опредѣляется довольно точно. Это—не моментъ открытія наслѣдованія въ пользу наслѣдниковъ по завѣщанію, либо физическихъ лицъ, указанныхъ въ законѣ, моментъ выморочности опредѣляется моментомъ истеченія десятилѣтняго срока со дня послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наслѣдства [3]). Но таково только общее правило. Оно терпитъ нѣкоторыя исключенія.

Такъ, переживший супругъ можетъ требовать указную часть изъ наслѣдства умершаго „при жизни своей", т. е. внѣ срока какой-либо давности [4]). На его право, слѣдовательно, истеченіе десятилѣтняго срока со времени послѣдней публикаціи о вызовѣ для полученія наслѣдства [5]) не оказываетъ никакого вліянія. Указная часть пережившаго супруга становится выморочной лишь въ томъ случаѣ, если остальное наслѣдственное имущество станетъ выморочнымъ и переживший супругъ умретъ, „не просивъ при жизни своей о выдѣлѣ указной части" [6]).

Другое (кажущееся, впрочемъ) исключеніе заключается въ

---

[1]) Второе Полное Собраніе Законовъ № 18952.

[2]) Сводъ законовъ X т. 1 ч. послѣдующія изданія ст. 1162.

[3]) Сводъ законовъ т. X ч. 1 ст. 1162. Сравн. рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената за 1891 годъ № 2.

[4]) Сводъ законовъ т. X ч. 1 ст. 1152, 1153.

[5]) Сводъ законовъ т. X ч. 1 ст. 1162.

[6]) Сводъ законовъ т. X ч. 1 ст. 1152, 1153. То же послѣдствіе наступаетъ и въ томъ случаѣ, если переживший супругъ отречется отъ своей доли въ наслѣдствѣ.

слѣдующемъ. Вкладъ, внесенный въ Государственную сберегательную кассу, обращается въ прибыли Государственныхъ сберегательныхъ кассъ лишь по истеченіи тридцати лѣтъ съ того момента, когда прекратилось производство операцій по той книжкѣ, по которой внесенъ былъ вкладъ [1]). Можно подумать, что и здѣсь исключеніе изъ общаго правила о выморочности имуществъ. Но едва ли имѣются для этого основанія. Согласно буквальному смыслу закона, вкладъ обращается въ прибыли Государственныхъ сберегательныхъ кассъ по истеченіи тридцати лѣтъ, считая съ момента, когда прекратилось производство операцій по книжкѣ, по которой былъ внесенъ вкладъ, но обращается, конечно, какъ имущество безхозяйное, а не выморочное. Мы думаемъ, что указанный тридцатилѣтній срокъ опредѣляетъ лишь отношеніе между вкладчикомъ (или его правопреемниками) и сберегательной кассой, а не между государствомъ либо другими юридическими лицами и наслѣдниками по закону или завѣщанію. Наслѣдственное имущество, въ составѣ котораго находится такой „вкладъ", должно быть признано выморочнымъ по истеченіи обычнаго срока. По истеченіи этого срока вкладъ станетъ также выморочнымъ имуществомъ и долженъ быть выданъ сберегательной кассой въ теченіе установленнаго для нея спеціальнаго тридцатилѣтняго срока [2]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Уставъ кредитный, раздѣлъ V, ст. 52.

[2]) Уставъ кредитный, разд. V, ст. 52.

ХРОНИКА.

I.

ОБРЕМЕНЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА ВЪ 1900 ГОДУ ПО СВѢДѢНІЯМЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Статистическое Отдѣленіе Министерства Юстиціи печатаетъ свои труды въ двухъ ежегодно выходящихъ въ свѣтъ изданіяхъ: „Сводѣ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“ и въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи“; въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщаются свѣдѣнія о производствѣ уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и о подсудимыхъ какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, а также въ судебныхъ установленіяхъ, образованныхъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 года, во второмъ—свѣдѣнія о личномъ составѣ и дѣятельности всѣхъ вообще судебныхъ установленій Европейской и Азіатской Россіи. Кромѣ того Статистическое Отдѣленіе, въ видѣ „Приложенія“ къ „Сборнику“, издаетъ свѣдѣнія о степени обремененности Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ, прокурорскаго надзора, судебныхъ слѣдователей, судебно-мировыхъ учрежденій и судебныхъ установленій, образованныхъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 года. Въ изданномъ недавно „Приложеніи“ помѣщены свѣдѣнія объ обремененности чиновъ судебнаго вѣдомства за 1900 годъ и среднія цифры обремененности за трехлѣтіе съ 1897 по 1899 г., на-

глядно указывающія количество труда, которое выпадаетъ на долю судебныхъ дѣятелей.

Обращаясь къ обозрѣнію этихъ данныхъ и останавливаясь прежде всего на Кассаціонныхъ Департаментахъ Правительствующаго Сената, мы видимъ, что въ нихъ крайне сложный самъ по себѣ трудъ толкованія законовъ увеличивается еще чрезмѣрнымъ количествомъ поступающихъ дѣлъ; такъ, въ 1900 году на одного сенатора приходилось въ среднемъ вступившихъ дѣлъ: 434—въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ и 398—въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ, на одного же товарища оберъ-прокурора приходилось 911 вступившихъ дѣлъ въ Уголовномъ Департаментѣ и 1062 дѣла—въ Гражданскомъ. Эти среднія цифры въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ остались безъ измѣненія сравнительно съ такими же цифрами за трехлѣтіе съ 1897 по 1899 г., когда на каждаго сенатора пришлось по 434 вступившихъ дѣла, а на одного товарища оберъ-прокурора по 912 такихъ же дѣлъ, но значительно увеличились для Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, въ которомъ въ періодъ указаннаго трехлѣтія на каждаго сенатора приходилось въ среднемъ по 367 дѣлъ, а на каждаго товарища оберъ-прокурора по 977 дѣлъ. Соотвѣтственно съ количествомъ вступившихъ дѣлъ и продуктивность труда въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ въ 1900 году осталась почти безъ измѣненія сравнительно съ предъидущимъ трехлѣтіемъ и выразилась въ 441 оконченныхъ дѣлахъ, пришедшихся на каждаго сенатора, и 926 дѣлахъ—на каждаго товарища оберъ-прокурора, или, иными словами, отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ составляло 102%, тогда какъ въ трехлѣтіе 1897—1899 г.г. это отношеніе равнялось 103%; въ Гражданскомъ же Кассаціонномъ Департаментѣ въ 1900 году процентное отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ общему числу вступившихъ упало съ 84 до 78, несмотря на то, что въ абсолютныхъ цифрахъ напряженность труда сенаторовъ и оберъ-прокурорскаго надзора еще болѣе увеличилась въ 1900 г., когда на каждаго сенатора пришлось оконченныхъ дѣлъ по 311, а на каждаго товарища оберъ-прокурора по 829, между тѣмъ какъ въ предъидущемъ трехлѣтіи на каждаго сенатора приходилось въ среднемъ по 307 оконченныхъ дѣлъ, а на каждаго товарища оберъ-прокурора по 819. Такая чрезмѣрная обремененность Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента въ будущемъ могла бы повлечь разстройство въ его дѣлопроизводствѣ, если бы Министерство Юстиціи не обратило своевременно вниманіе на уве-

личивающееся съ каждымъ годомъ вступленіе дѣлъ въ этотъ Департаментъ и не выработало въ 1900 году проектъ объ увеличеніи штатовъ его 8-ю должностями сенаторовъ и 6-ю товарищей оберъ-прокурора. Предположенные штаты, въ виду воспослѣдовавшаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, введены въ дѣйствіе 1 января 1901 года, такъ что въ настоящее время можно разсчитывать на болѣе нормальное теченіе дѣлъ въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ.

Переходя, затѣмъ, къ дѣятельности членовъ судебныхъ палатъ, мы видимъ, что въ 1900 году въ уголовныхъ департаментахъ судебныхъ палатъ Европейской Россіи и Иркутскаго округа обремененность членовъ выразилась въ среднемъ въ 511 вступившихъ на каждаго изъ нихъ дѣлахъ и въ 496 оконченныхъ, въ одной же Европейской Россіи на каждаго члена палаты приходилось по 521 вступившему дѣлу и по 505 оконченныхъ; изъ сравненія этихъ послѣднихъ цифръ съ соотвѣтствующими цифрами за трехлѣтіе 1897—1899 г.г., когда на каждаго члена палаты Европейской Россіи [1]) пришлось по 512 вступившихъ дѣлъ и по 501 оконченному дѣлу, видно, что въ 1900 году обремененность членовъ палатъ въ предѣлахъ Европейской Россіи нѣсколько увеличилась, равнымъ образомъ увеличилась и обремененность членовъ Иркутской судебной палаты сравнительно со среднею цифрою обремененности ихъ за періодъ 1898—1899 г.г., когда на одного члена палаты приходилось по 198 вступившихъ и по 178 оконченныхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ въ 1900 году на каждаго изъ нихъ приходилось по 218 вступившихъ и по 220 оконченныхъ дѣлъ.

Останавливаясь на средней цифрѣ вступившихъ дѣлъ, приходившихся въ 1900 году на одного члена палаты, нельзя не признать эту цифру, хотя и высокою, однако не чрезмѣрно обременительною, ибо около $^4/_5$ дѣлъ, составляющихъ ее, относятся къ категоріи дѣлъ по обвинительной камерѣ, т. е. дѣлъ не особенно тяжелыхъ, такъ что на долю дѣлъ важнѣйшихъ категорій [2]), т. е. болѣе сложныхъ, приходится сравнительно не очень большое количество; принимая въ виду этого 512 дѣлъ за приблизительную норму для дѣятельности члена уголовнаго департамента палаты,

---

[1]) Для трехлѣтія 1897—1899 г.г. въ „Приложеніи" вычислена средняя цифра обремененности членовъ судебныхъ палатъ безъ Иркутскаго округа.

[2]) Уголовными дѣлами важнѣйшихъ категорій называются дѣла, разсматриваемыя въ судебныхъ засѣданіяхъ, и апелляціонныя.

мы увидимъ, что въ 1900 году сверхъ нормы обременены были члены Московской, Одесской, Харьковской и Петербургской палатъ, въ которыхъ на одного члена приходилось въ среднемъ вступившихъ дѣлъ: въ Московской палатѣ 771, въ Одесской—700, въ Харьковской—637, въ Виленской—570 и въ Петербургской—536. Приближались къ нормѣ палаты Кіевская и Варшавская, изъ коихъ въ первой на каждаго члена пришлось 518 дѣлъ, а во второй 502, и ниже нормы стояли палаты: Казанская — 415 дѣлъ, Саратовская—351 дѣло, Тифлисская 338 и Иркутская 218 дѣлъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что члены двухъ послѣднихъ палатъ были значительно обременены работою, такъ какъ изъ числа приходившихся на ихъ долю дѣлъ весьма большое количество относилось къ категоріи дѣлъ важнѣйшихъ (апелляціонныхъ и кассаціонныхъ), а именно въ Тифлисской палатѣ—287 дѣлъ и въ Иркутской—181 дѣло, тогда какъ въ остальныхъ палатахъ на каждаго члена приходилось слѣдующее количество вступившихъ апелляціонныхъ дѣлъ: въ Московской палатѣ—59, въ Одесской—95, въ Харьковской—78, въ Виленской—65, въ Петербургской—88, въ Кіевской—64, въ Варшавской—155, въ Казанской—25 и въ Саратовской—37.

Что касается оконченныхъ дѣлъ, то по количеству такихъ дѣлъ, приходившихся въ 1900 году на каждаго члена судебной палаты, округа палатъ расположились въ убывающемъ порядкѣ такимъ образомъ:

Наименованіе палатъ:	Количество дѣлъ:	Отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ:
Московская . . .	760	99%
Одесская . . .	667	95%
Харьковская . . .	628	99%
Виленская . . .	569	100%
Петербургская . . .	540	101%
Кіевская . . .	513	99%
Варшавская . . .	440	88%
Казанская . . .	410	99%
Саратовская . . .	351	100%
Тифлисская . . .	319	94%
Иркутская . . .	220	101%

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что въ общемъ дѣятельность членовъ уголовныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ отличалась полною успѣшностью, если же въ Одесской, Варшав-

ской и Тифлисской палатахъ и образовался въ разсматриваемомъ году нѣкоторый остатокъ отъ вступившихъ дѣлъ, то, несомнѣнно, это явленіе находится въ прямой зависимости или отъ абсолютно высокой цифры вступившихъ на члена палаты дѣлъ, какъ напр. въ Одесской палатѣ, или отъ значительнаго числа болѣе сложныхъ дѣлъ, что̀ наблюдается въ палатахъ Варшавской и Тифлисской. Въ гражданскихъ департаментахъ судебныхъ палатъ въ 1900 году на каждаго члена палаты приходилось по 186 вступившихъ и 179 оконченныхъ дѣлъ, а отдѣльно по Европейской Россіи—187 вступившихъ и 180 оконченныхъ дѣлъ; при сравненіи этихъ послѣднихъ цифръ съ соотвѣтствующими цифрами за трехлѣтіе съ 1897 по 1899 г., когда средняя цифра обремененности членовъ палатъ была вычислена только по Европейской Россіи, оказывается, что трудъ членовъ палатъ въ 1900 г. нѣсколько увеличился, такъ какъ въ указанное трехлѣтіе на одного члена палаты въ предѣлахъ Европейской Россіи приходилось 178 вступившихъ и 170 оконченныхъ дѣлъ; точно также увеличилась въ 1900 году обремененность и членовъ Иркутской палаты, въ которой въ указанномъ году на каждаго члена палаты пришлось по 153 вступившихъ и по 150 оконченныхъ дѣлъ, тогда какъ въ двухлѣтній періодъ 1898 — 1899 г.г. на одного члена палаты приходилось 118 вступившихъ и 108 оконченныхъ дѣлъ.

При обозрѣніи обремененности по палатамъ съ точки зрѣнія количества вступившихъ на каждаго изъ членовъ палаты дѣлъ, оказывается, что въ 1900 г. на одного члена палаты приходилось слѣдующее количество дѣлъ:

Наименованіе палатъ:	Количество дѣлъ:	Въ томъ числѣ апелляціонныхъ:
Въ Варшавской . .	243	176
— Одесской . . .	231	176
— Кіевской . . .	219	156
— Петербургской . .	197	134
— Московской . .	184	115
— Тифлисской . .	163	133 [1])
— Саратовской . .	162	119
— Казанской . .	159	107
— Иркутской . .	153	109 [1])
— Харьковской . .	151	106
— Виленской . .	149	100

[1]) Вмѣстѣ съ кассаціонными.

Такимъ образомъ minimum обремененности членовъ гражданскихъ департаментовъ палатъ былъ 149 дѣлъ; это число можетъ быть принято въ качествѣ предѣльной нормы для дѣятельности членовъ палатъ означенныхъ департаментовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы окончить упомянутое количество дѣлъ въ теченіе года, членъ палаты, работая изо дня въ день, за исключеніемъ лѣтняго ваканта и праздниковъ Рождества и Пасхи, долженъ оканчивать въ среднемъ одно дѣло въ два дня, но такъ какъ значительное количество дѣлъ, приходящихся на члена палаты, относится къ категоріи дѣлъ важнѣйшихъ [1]) (въ разсматриваемомъ году такихъ дѣлъ было 62% средняго числа дѣлъ, приходившихся на одного члена палаты), т. е. дѣлъ болѣе или менѣе, а иногда и чрезвычайно сложныхъ, и такъ какъ дѣятельность члена палаты заключается въ изученіи дѣла, докладѣ его, участіи въ засѣданіи по этому дѣлу и, наконецъ, изготовленіи рѣшенія въ окончательной формѣ, то, несомнѣнно, двухдневный срокъ для одного дѣла не можетъ считаться преувеличеннымъ.

Установивъ такимъ образомъ критерій для обремененности членовъ гражданскихъ департаментовъ палатъ, нельзя не признать, что только дѣятельность членовъ Виленской, Харьковской и Иркутской палатъ совершалась въ нормальныхъ условіяхъ, члены же прочихъ палатъ были обременены чрезмѣрнымъ трудомъ. Однако, несмотря на количество работы, дѣятельность ихъ въ общемъ носила весьма успѣшный характеръ, въ чемъ убѣждаютъ слѣдующія цифры оконченныхъ дѣлъ, приходившихся на одного члена палаты:

Наименованіе палатъ:	Количество дѣлъ:	Въ томъ числѣ апелляціонныхъ:	Отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ:
Въ Одесской . . .	246	171	106%
— Варшавской . .	228	173	94%
— Кіевской . .	222	159	101%
— Тифлисской . .	183	152	112%
— Петербургской . .	183	121	93%
— Московской . .	156	89	85%
— Иркутской . .	150	105	98%
— Казанской . .	150	100	100%
— Виленской . .	150	99	101%
— Харьковской . .	138	95	91%
— Саратовской . .	135	88	83%

[1]) Важнѣйшими гражданскими дѣлами считаются исковыя, производящіяся въ общемъ и сокращенномъ порядкѣ, судебно-мировыя и апелляціонныя.

Обратимся теперь къ обремененности членовъ окружныхъ судовъ. Въ 1900 году количество труда, упадавшаго на долю членовъ судовъ уголовныхъ отдѣленій, выразилась въ среднемъ въ предѣлахъ Европейской Россіи въ 607 вступившихъ на каждаго изъ нихъ дѣлахъ и 602 оконченныхъ; въ Сибири же, въ окружныхъ судахъ Иркутскомъ, Якутскомъ, Красноярскомъ, Читинскомъ, Благовѣщенскомъ, Владивостокскомъ, Тобольскомъ и Томскомъ, на каждаго члена суда въ среднемъ пришлось 589 вступившихъ дѣлъ и 560 оконченныхъ. Приведенныя цифры для членовъ окружныхъ судовъ Европейской Россіи нѣсколько повысились сравнительно со средними цифрами за трехлѣтіе съ 1897 по 1899 г., когда на каждаго члена уголовнаго отдѣленія приходилось 599 вступившихъ дѣлъ и 590 оконченныхъ, въ Сибири же, въ сравненіи со средними цифрами за двухлѣтній періодъ съ 1898 по 1899 г., когда на каждаго члена суда приходилось по 1191 вступившему дѣлу и по 1093 оконченныхъ дѣлъ, значительно понизились, очевидно,—подъ вліяніемъ значительнаго увеличенія штатовъ въ Сибирскихъ судахъ, состоявшагося въ 1900 г. Разсматривая обремененность членовъ уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ по округамъ судебныхъ палатъ, мы видимъ, что въ 1900 г. она выразилась по количеству вступившихъ на члена окружнаго суда дѣлъ, слѣдующимъ образомъ: въ округѣ Одесской палаты на каждаго члена окружнаго суда въ среднемъ пришлось 802 дѣла, изъ нихъ 265 дѣлъ важнѣйшихъ категорій, въ Виленскомъ округѣ—772 дѣла, изъ нихъ 242 важнѣйшихъ категорій, въ Кіевскомъ—721, изъ нихъ 226 важнѣйшихъ категорій, въ Харьковскомъ—612, изъ нихъ 202 важнѣйшихъ категорій, въ Варшавскомъ—595, изъ нихъ 253 важнѣйшихъ категорій, въ Иркутскомъ (безъ Портъ-Артурскаго окружнаго суда и со включеніемъ Тобольскаго и Томскаго окружныхъ судовъ)—589, изъ нихъ 227 важнѣйшихъ категорій, въ Саратовскомъ—575, изъ нихъ 184 важнѣйшихъ категорій, въ Московскомъ—567, изъ нихъ 183 важнѣйшихъ категорій, въ Тифлисскомъ—543, изъ нихъ 186 важнѣйшихъ категорій, въ Казанскомъ—539, изъ нихъ 171 важнѣйшихъ категорій и въ Петербургскомъ—525, изъ нихъ 183 важнѣйшихъ категорій.

При установленіи критерія для обремененности членовъ уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣятельность ихъ по свойству вступающихъ къ нимъ дѣлъ поставлена приблизительно въ тѣ же условія, что и дѣятельность членовъ уголовныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ, такъ какъ, изъ числа вступающихъ къ производству тѣхъ и другихъ должно-

стныхъ лицъ дѣлъ, значительная часть ихъ, а именно: дѣла по обвинительной камерѣ, вступающія въ судебныя палаты, и дѣла по 277 и 253 ст. уст. угол. суд., представляемыя въ окружные суды, не являются особенно обременительными, и только меньшая часть, къ которой относятся дѣла важнѣйшихъ категорій, представляются болѣе сложными. Въ виду этого количество дѣлъ, признаваемое нормою обремененности членовъ палатъ, должно служить нормою и для обремененности членовъ окружныхъ судовъ, при условіи приблизительно одинаковаго количества дѣлъ важнѣйшихъ категорій, а потому нельзя не признать, что члены окружныхъ судовъ по округамъ всѣхъ палатъ въ 1900 г. были чрезмѣрно обременены, такъ какъ минимальное количество дѣлъ, приходившееся въ среднемъ на члена суда, превышало количество дѣлъ, принятое за норму для дѣятельности члена уголовнаго департамента палаты. Однако, несмотря на это, дѣятельность членовъ уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ отличалась полною успѣшностью, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго количества оконченныхъ дѣлъ, приходившихся на одного члена окружнаго суда, по округамъ палатъ:

Наименованіе округовъ судебныхъ палатъ:	Количество дѣлъ:	Въ томъ числѣ дѣлъ важнѣйшихъ категорій:	Отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ:
Въ Одесскомъ . . .	795	237	99%
— Виленскомъ . . .	745	208	97%
— Кіевскомъ . . .	720	226	100%
— Харьковскомъ . . .	610	197	100%
— Варшавскомъ . . .	575	236	97%
— Саратовскомъ . . .	575	182	100%
— Московскомъ . . .	563	181	99%
— Тифлисскомъ . . .	556	198	102%
— Казанскомъ . . .	540	174	100%
— Петербургскомъ . .	514	172	98%

Въ Сибири на члена окружнаго суда пришлось 560 оконченныхъ дѣлъ (въ томъ числѣ 193 важнѣйшихъ категорій) или 95% поступленія.

Въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ Европейской Россіи въ 1900 г. на каждаго члена суда приходилось въ среднемъ 495 вступившихъ дѣлъ и 470 оконченныхъ,—болѣе чѣмъ въ періодъ трехлѣтія 1897—1899 г.г. на 34 вступившихъ дѣла и на 27 оконченныхъ дѣлъ, въ Сибири же, по Иркутскому, Красноярскому, Читинскому, Благовѣщенскому, Владивостокскому, Том-

скому и Тобольскому окружнымъ судамъ, въ 1900 году обремененность членовъ гражданскихъ отдѣленій выразилась въ среднемъ въ 303 вступившихъ на каждаго изъ нихъ дѣлахъ и 283 оконченныхъ, тогда какъ въ періодъ 1898—1899 г.г. на каждаго члена пришлось 334 вступившихъ и 309 оконченныхъ дѣлъ; эти данныя могли бы свидѣтельствовать о нѣкоторомъ уменьшеніи обремененности членовъ гражданскихъ отдѣленій Сибирскихъ судовъ, если бы не значительное увеличеніе дѣлъ важнѣйшихъ категорій, достигшихъ 154 вступившихъ на каждаго члена дѣлъ и 137 оконченныхъ и превысившихъ соотвѣтствующую рубрику дѣлъ за предъидущій двухлѣтній періодъ на 28 вступившихъ и столько же оконченныхъ дѣлъ, приходившихся на члена суда. Если разсматривать обремененность членовъ гражданскихъ отдѣленій окружныхъ судовъ въ 1900 году по округамъ судебныхъ палатъ, то она выразится въ слѣдующихъ цифрахъ вступившихъ дѣлъ, приходившихся на одного члена суда:

Наименованіе округовъ судебныхъ палатъ:	Количество дѣлъ:	Въ томъ числѣ дѣлъ важнѣйшихъ категорій:
Въ Одесскомъ . . .	612	251
— Кіевскомъ . . .	557	279
— Харьковскомъ . .	537	199
— Варшавскомъ . .	535	322
— Виленскомъ . .	529	201
— Московскомъ . .	509	161
— Петербургскомъ . .	486	172
— Саратовскомъ . .	422	183
— Казанскомъ . .	379	136
— Тифлисскомъ . .	364	171

Въ Сибири на одного члена суда пришлось 303 дѣла, въ томъ числѣ 154 важнѣйшихъ категорій.

Переходя къ опредѣленію нормы дѣятельности членовъ гражданскихъ отдѣленій окружныхъ судовъ, слѣдуетъ за таковую принять норму дѣятельности членовъ гражданскихъ департаментовъ судебныхъ палатъ, такъ какъ въ судебныя палаты, какъ во вторую инстанцію, вступаютъ дѣла того же свойства, что и въ окружные суды, за исключеніемъ незначительнаго количества дѣлъ, для коихъ палата является первою инстанціею суда; при этомъ, однако, надо замѣтить, что при опредѣленіи нормы дѣятельности членовъ судовъ слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно дѣла важнѣйшихъ категорій, такъ какъ ими главнымъ образомъ характе-

ризуется тяжесть упадающаго на членовъ судовъ труда; прочія же дѣла, какъ не отличающіяся сложностью, могутъ быть допущены въ значительно большемъ количествѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, нельзя не признать, что въ 1900 г. только члены окружныхъ судовъ въ округѣ Казанской судебной палаты и въ Сибири были поставлены въ благопріятныя въ отношеніи количества труда условія, во всѣхъ же прочихъ округахъ члены судовъ работали съ значительно большею, а иногда и чрезмѣрною, противъ нормы напряженностью. Что касается количества оконченныхъ въ 1900 г. дѣлъ, приходившихся на одного члена окружнаго суда, то съ этой точки зрѣнія округа палатъ расположились въ убывающемъ порядкѣ такимъ образомъ:

Наименованіе округовъ судебныхъ палатъ:	Количество дѣлъ:	Въ томъ числѣ дѣлъ важнѣйшихъ категорій:	Отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ:
Одесскій	558	207	91%
Кіевскій	533	260	96%
Харьковскій	510	176	95%
Виленскій	508	183	96%
Московскій	485	142	95%
Варшавскій	472	269	88%
Петербургскій	459	139	94%
Саратовскій	417	177	99%
Казанскій	368	129	97%
Тифлисскій	353	162	97%

Въ Сибири на одного члена суда пришлось 287 дѣлъ, въ томъ числѣ 137 важнѣйшихъ категорій.

Такимъ образомъ оказывается, что только въ окружныхъ судахъ округовъ Варшавской и Одесской судебныхъ палатъ, очевидно, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго количества вступившихъ въ эти суды дѣлъ, образовался значительный остатокъ; однако, на будущее время для округа Одесской палаты это явленіе можно считать устраненнымъ, въ виду значительнаго увеличенія въ этомъ округѣ въ текущемъ году, согласно Высочайшему повелѣнію 25 декабря 1901 года, штатовъ окружныхъ судовъ, въ томъ числѣ и должностей членовъ судовъ.

Чрезвычайно успѣшною въ 1900 г. оказалась дѣятельность товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, которые къ концу года окончили всѣ безъ исключенія дѣла, бывшія въ ихъ производствѣ; такой блестящій результатъ, по крайней мѣрѣ въ Европейской Россіи, находится въ зависимости отъ чрезмѣрной напряженности

труда товарищей прокуроровъ, такъ какъ на каждаго изъ нихъ пришлось въ среднемъ по 439 дѣлъ,—на 40 дѣлъ болѣе сравнительно съ трехлѣтнимъ періодомъ 1897—1899 г.г. Что касается обремененности товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ по округамъ судебныхъ палатъ Европейской Россіи, то первое въ этомъ отношеніи мѣсто занималъ въ 1900 г. Одесскій округъ, въ которомъ на товарища прокурора приходилось 677 дѣлъ, слѣдующее мѣсто пришлось на долю Кіевскаго округа, гдѣ на каждаго товарища прокурора упадало 550 дѣлъ, далѣе шли: Варшавскій округъ—519 дѣлъ, Виленскій—513, Харьковскій—441, Тифлисскій—431, Саратовскій—418, Казанскій—388, Петербургскій—354 и Московскій—322. Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ году наименѣе обременены были товарищи прокуроровъ округа Московской судебной палаты. Однако, и то количество дѣлъ, которое приходилось въ среднемъ на каждаго изъ нихъ, нельзя не признать чрезвычайно высокимъ, если принять во вниманіе, что дѣятельность товарищей прокуроровъ, помимо направленія дѣлъ, заключается въ исполненіи весьма многихъ другихъ обязанностей, а именно: въ поддержаніи обвиненія на судѣ, въ предъявленіи заключеній въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, а также въ мировыхъ и уѣздныхъ съѣздахъ, въ участіи въ различныхъ административныхъ коммисіяхъ и комитетахъ, въ наблюденіи за производствомъ слѣдствій и, наконецъ, въ участіи въ производствѣ дознаній по государственнымъ преступленіямъ. Независимо отъ этого, нерѣдко много времени поглощается и разъѣздами, благодаря значительности разстояній въ нѣкоторыхъ округахъ и не вездѣ удобнымъ путямъ сообщенія. Эти неблагопріятныя условія въ особенности рѣзко проявляются въ Сибири, гдѣ поэтому и норма для дѣятельности товарищей прокуроровъ должна быть меньшая, чѣмъ въ Европейской Россіи, такъ что 280 дѣлъ, пришедшихся въ 1900 г. на одного товарища прокурора, не могутъ разсматриваться, какъ количество незначительное.

Обратимся, наконецъ, къ обремененности судебныхъ слѣдователей въ 1900 г. По количеству вступившихъ въ 1900 г. дѣлъ, приходившихся на одного судебнаго слѣдователя, округа судебныхъ палатъ расположились такимъ образомъ:

Наименованіе округовъ судебныхъ палатъ:	Количество дѣлъ:
Одесскій	239
Варшавскій	236

Кіевскій	198
Виленскій	194
Харьковскій	173
Петербургскій	159
Тифлисскій	148
Казанскій	139
Московскій	121
Саратовскій	110

Въ среднемъ въ указанномъ году на одного судебнаго слѣдователя пришлось по 162 вступившихъ дѣла и по 161 оконченному,—нѣсколько болѣе, чѣмъ въ предъидущее трехлѣтіе, когда на каждаго изъ нихъ приходилось по 151 вступившему дѣлу и по 150 оконченныхъ дѣлъ.

Останавливаясь на указанной средней цифрѣ обремененности судебныхъ слѣдователей, нельзя не признать ея весьма высокою, такъ какъ, если исключить 90 праздничныхъ и табельныхъ дней, въ которые судебный слѣдователь можетъ производить слѣдственныя дѣйствія лишь въ крайнихъ, не терпящихъ отлагательства, случаяхъ, а также время, которое онъ проводитъ въ разъѣздахъ по участку, и которое въ 1900 г. составляло въ среднемъ по Европейской Россіи 70 дней на слѣдователя, какъ это видно изъ вышедшаго недавно XVI выпуска „Сборника статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи", то оказывается, что слѣдователь долженъ былъ бы закончить указанное количество дѣлъ въ теченіе всего 205 дней, а это едва ли возможно, если принять во вниманіе, что, наряду съ дѣлами несложными, у слѣдователя имѣются дѣла такого рода, что для окончанія ихъ требуются цѣлыя недѣли, какъ напр. дѣла о нѣкоторыхъ убійствахъ и, въ особенности, дѣла о растратахъ, подлогахъ и сложныхъ мошенничествахъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, слѣдуетъ признать, что судебные слѣдователи округовъ Одесской, Варшавской, Кіевской, Виленской, Харьковской и Петербургской судебныхъ палатъ были чрезмѣрно обременены дѣлами; въ такомъ же положеніи находились и слѣдователи округа Тифлисской палаты, гдѣ дѣятельность ихъ осложняется вслѣдствіе разноплеменности населенія и необходимости во многихъ случаяхъ производить допросы при посредствѣ переводчиковъ, и только въ округахъ Саратовской и Московской, да, пожалуй, еще Казанской палатъ дѣятельность слѣдователей, по количеству вступившихъ на каждаго изъ нихъ дѣлъ, можно считать находившеюся въ нормальныхъ условіяхъ.

По количеству оконченныхъ дѣлъ, приходившихся на одного судебнаго слѣдователя, округа судебныхъ палатъ расположились такимъ образомъ:

Наименованіе округовъ судебныхъ палатъ:	Количество дѣлъ:	Отношеніе окончен. дѣлъ къ числу вступившихъ:
Одесскій.	237	99%
Варшавскій : . . .	236	100%
Кіевскій.	197	99%
Виленскій	190	98%
Харьковскій	168	97%
Петербургскій . . .	157	99%
Тифлисскій.	147	99%
Казанскій	140	99%
Московскій.	121	100%
Саратовскій	110	100%

Приведенныя цифры указываютъ на вполнѣ успѣшную дѣятельность судебныхъ слѣдователей, окончившихъ всѣ или почти всѣ дѣла, вступившія къ ихъ производству въ теченіе года; что касается до Сибири, то помѣщенныя въ „Приложеніи" данныя объ обремененности судебныхъ слѣдователей не могутъ разсматриваться, какъ вполнѣ точныя, такъ какъ въ Сибири слѣдствія производятся не только органами Министерства Юстиціи, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Енисейской губ., Якутской и Приморской областей и полицейскими чинами, при отсутствіи же свѣдѣній о слѣдственной дѣятельности послѣднихъ нельзя установить съ точностью и обремененность судебныхъ слѣдственныхъ властей.

При обозрѣніи обремененности членовъ окружныхъ судовъ, товарищей прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей по округамъ судебныхъ палатъ нельзя не признать, что наиболѣе обремененными являются должностныя лица тѣхъ палатъ, въ раіонъ коихъ входятъ губерніи Привислинскія, Западныя и Южныя. Въ ряду причинъ, вызывающихъ это явленіе, поскольку оно зависитъ отъ чрезмѣрнаго поступленія дѣлъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ усиленное развитіе экономической жизни въ указанныхъ мѣстностяхъ. За послѣднее время фабричная и заводская промышленность получила чрезвычайное развитіе въ губерніяхъ Привислинскихъ, гдѣ сосредоточилась, главнымъ образомъ, ткацкая промышленность, и въ губерніяхъ южныхъ съ ихъ горнозаводскою дѣятельностью, а также машиннымъ производствомъ и свекло-сахарными заводами; параллельно съ усиленіемъ фабрично-заводской дѣятельности идетъ усиленный наплывъ пришлаго населенія, которое является повсюду элементомъ, наи-

болѣе склоннымъ къ совершенію преступленій. Съ другой стороны, развитіе фабрично-заводской промышленности влечетъ за собою усиленіе торговой дѣятельности, чему въ указанныхъ мѣстностяхъ способствуетъ еще и характеръ населенія, наиболѣе склоннаго къ торговлѣ,—а развитіе послѣдней имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе споровъ въ области гражданскихъ правоотношеній и соотвѣтственно съ этимъ необходимость обращаться для защиты своихъ интересовъ къ суду. Эти же причины оказываютъ косвенное вліяніе и на обремененность членовъ судебныхъ палатъ, насколько она основана на значительномъ количествѣ вступающихъ въ палату дѣлъ.

Перейдемъ, затѣмъ, къ обзору обремененности въ 1900 г. судебно-мировыхъ установленій и судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи законоположеній 12 іюля 1889 г. По силѣ этихъ законоположеній органами, несущими судейскія функціи, являются: подвѣдомственные Министерству Внутреннихъ Дѣлъ земскіе начальники—въ уѣздахъ, и подчиненные Министерству Юстиціи городскіе судьи—въ городахъ; кромѣ того, нѣкоторыя дѣла изъяты изъ вѣдѣнія городскихъ судей и земскихъ начальниковъ и подсудны уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ; въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи сохранены отъ прежняго времени мировые судьи, какъ выборные, такъ и правительственные.

Въ 1900 г. выборные мировые судьи имѣлись въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Казани, Нижнемъ Новгородѣ и Кишиневѣ, а также въ области войска Донскаго и въ Петербургскомъ уѣздѣ, правительственные же—въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, девяти западныхъ, Привислинскихъ, въ Архангельской губерніи, въ городѣ Астрахани, въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, въ Кубанской и Терской областяхъ, въ губерніяхъ Закавказскаго края и въ Сибири. Въ разсматриваемомъ году на каждаго изъ выборныхъ мировыхъ судей въ столичныхъ и главнѣйшихъ городахъ въ среднемъ пришлось вступившихъ дѣлъ: 1680 уголовныхъ и 1958 гражданскихъ, а всего 3638, и оконченныхъ: 1637 уголовныхъ и 1942 гражданскихъ, всего же 3579, такъ что процентное отношеніе числа оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ равнялось 98. Что касается прочихъ мѣстностей, гдѣ существуютъ выборные мировые судьи,—Петербургскаго уѣзда и области войска Донскаго, то въ нихъ въ 1900 г. на каждаго мироваго судью приходилось въ среднемъ 1896 вступившихъ

дѣлъ, въ томъ числѣ 875 уголовныхъ и 1021 гражданскихъ, и 1783 оконченныхъ дѣлъ, изъ нихъ 774 уголовныхъ и 1009 гражданскихъ, т. е. процентъ оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ равнялся 94. Въ среднемъ на каждаго выборнаго мироваго судью въ 1900 г. пришлось: вступившихъ дѣлъ 3066, въ томъ числѣ 1402 уголовныхъ и 1664 гражданскихъ, и оконченныхъ 3014, въ числѣ коихъ 1366 уголовныхъ и 1648 гражданскихъ, такъ что процентное отношеніе числа оконченныхъ дѣлъ къ общему числу вступившихъ равнялось 98, въ трехлѣтіе же 1897—1899 г.г. это отношеніе составляло 100%, но за то абсолютное количество приходившихся на одного выборнаго мироваго судью дѣлъ было значительно ниже, составляя 2816 вступившихъ и 2796 оконченныхъ дѣлъ, при чемъ въ числѣ вступившихъ дѣлъ было: уголовныхъ 1248 и гражданскихъ 1568, а въ числѣ оконченныхъ—уголовныхъ дѣлъ было 1229, а гражданскихъ 1567.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ мировые судьи назначаются правительствомъ, обремененность ихъ значительно меньшая, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ мѣстностяхъ, очевидно, потому, что выборные мировые судьи сохранены только въ крупнѣйшихъ центрахъ (за исключеніемъ области войска Донскаго), гдѣ правонарушеній и нарушеній гражданскихъ интересовъ населенія всегда больше.

Изъ числа губерній съ правительственными мировыми судьями остановимся прежде всего на губерніяхъ Прибалтійскихъ; въ нихъ на каждаго мироваго судью приходилось въ среднемъ вступившихъ дѣлъ: 629 уголовныхъ и 728 гражданскихъ, а всего 1357, и оконченныхъ: 609 уголовныхъ и 721 гражданскихъ, всего 1330 дѣлъ, такъ что отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ составляло 98%. Болѣе, чѣмъ судьи Прибалтійскихъ губерній, были обременены мировые судьи девяти западныхъ губерній, въ которыхъ въ 1900 г. къ каждому мировому судьѣ поступило въ среднемъ 885 уголовныхъ дѣлъ и 890 гражданскихъ, а всего 1775 дѣлъ, и каждымъ изъ нихъ было окончено въ среднемъ 863 уголовныхъ дѣла и 876 гражданскихъ дѣлъ, а всего 1739 дѣлъ, или 98% поступленія. Еще болѣе, чѣмъ въ губерніяхъ западныхъ, были обременены мировые судьи Привислинскихъ губерній, гдѣ на каждаго изъ нихъ приходилось вступившихъ дѣлъ: 852 уголовныхъ и 799 гражданскихъ, а всего 2651, и оконченныхъ: 817 уголовныхъ и 1735 гражданскихъ, всего же 2552 дѣла или 96% поступленія. Далѣе, въ губерніяхъ Закавказскаго края среднее количество дѣлъ, приходившихся въ 1900 г. на одного мироваго

судью, было: вступившихъ 1783 и оконченныхъ 1689, или 99% поступленія, при чемъ въ числѣ вступившихъ дѣлъ было 785 уголовныхъ и 998 гражданскихъ, а въ числѣ оконченныхъ—720 уголовныхъ и 969 гражданскихъ. Наконецъ, въ прочихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи—въ губерніи Архангельской, въ г. Астрахани, въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи и въ областяхъ Кубанской и Терской—среднее количество дѣлъ, приходившихся на одного мироваго судью, было: вступившихъ 1838, въ томъ числѣ 1020 уголовныхъ и 1818 гражданскихъ, и оконченныхъ—1717, въ томъ числѣ 994 уголовныхъ и 773 гражданскихъ, т. е. отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ равнялось 93%. При обозрѣніи обремененности мировыхъ судей въ означенныхъ мѣстностяхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе губернія Архангельская—по чрезвычайной незначительности числа дѣлъ, вступившихъ къ мировымъ судьямъ, и Измаильскій уѣздъ—по громадному количеству этихъ дѣлъ; въ самомъ дѣлѣ, на одного мироваго судью Архангельской губерніи вступило въ 1900 г. 287 дѣлъ, въ томъ числѣ 180 уголовныхъ и 107 гражданскихъ, и окончено каждымъ изъ нихъ 288 дѣлъ, или 100% поступленія, при чемъ въ числѣ оконченныхъ дѣлъ было 180 уголовныхъ и 108 гражданскихъ. Причинами, вызывающими это явленіе, слѣдуетъ признать территоріальную величину мировыхъ участковъ Архангельской губерніи и несовершенство путей сообщенія, которыми приходится пользоваться мѣстнымъ жителямъ; очевидно, живущему вдали отъ мѣстонахожденія камеры мироваго судьи населенію представляется нерѣдко болѣе выгоднымъ кончать свои споры и столкновенія какимъ либо домашнимъ способомъ, чѣмъ обращаться къ мировому судьѣ, что̀ сопряжено съ потерею времени на поѣздки въ камеру; къ этому присоединяется и слабое развитіе въ Архангельской губерніи гражданскихъ отношеній, вызываемыхъ большею частью торговою и промышленною дѣятельностью, почти отсутствующею въ губерніи, за исключеніемъ г. Архангельска. Въ Измаильскомъ уѣздѣ въ 1900 г. къ каждому изъ мировыхъ судей вступило въ среднемъ 4017 дѣлъ, въ томъ числѣ 1134 дѣлъ уголовныхъ и 2883 гражданскихъ; однако, несмотря на такое чрезмѣрное поступленіе, количество оконченныхъ мировыми судьями дѣлъ составляло 103 % поступленія, т. е. на каждаго изъ нихъ пришлось 1143 уголовныхъ дѣлъ и 2979 гражданскихъ дѣлъ. Что касается до средней цифры дѣлъ, приходившихся въ 1900 г. на одного правительственнаго мироваго судью, то она выразилась въ 1858

вступившихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ 826 уголовныхъ и 1032 гражданскихъ, и 1804 оконченныхъ, въ томъ числѣ 796 уголовныхъ и 1008 гражданскихъ, такъ что отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ равнялось 97%,—на 2% менѣе сравнительно съ процентомъ оконченныхъ дѣлъ въ періодъ трехлѣтія 1897—1899 г.г.; такое увеличеніе остатка въ 1900 г. находитъ себѣ объясненіе въ значительно большемъ количествѣ дѣлъ, пришедшихся на каждаго правительственнаго мироваго судью сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ, когда на каждаго судью пришлось въ среднемъ по 1698 вступившихъ дѣлъ. Въ Сибири—въ Иркутскомъ, Якутскомъ, Красноярскомъ, Читинскомъ, Благовѣщенскомъ, Владивостокскомъ, Тобольскомъ и Томскомъ окружныхъ судахъ—на каждаго мироваго судью въ 1900 г. пришлось въ среднемъ вступившихъ дѣлъ: 394 уголовныхъ и 204 гражданскихъ, а всего 598 дѣлъ, и оконченныхъ: 401 уголовное и 207 гражданскихъ, а всего 608 дѣлъ; такимъ образомъ отношеніе числа оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ—102% въ 1900 г. превысило соотвѣтственное отношеніе въ періодъ 1898—1899 г.г., когда оно равнялось 99%, что произошло вслѣдствіе нѣкотораго пониженія количества вступившихъ и повышенія количества оконченныхъ дѣлъ, ибо въ предшествующее трехлѣтіе на одного мироваго судью Сибири приходилось 611 вступившихъ дѣлъ и 605 оконченныхъ.

При обозрѣніи обремененности мировыхъ судей необходимо имѣть въ виду, съ одной стороны, то, что, за вычетомъ приблизительно 90 праздничныхъ дней, въ которые мировой судья не производитъ разбора дѣлъ, а также нѣсколькихъ дней, ежемѣсячно проводимыхъ имъ въ засѣданіяхъ съѣзда мировыхъ судей, количество времени, посвящаемаго засѣданіямъ въ участкѣ, значительно сокращается, а съ другой стороны—то, что количество дѣлъ, показываемое въ отчетныхъ вѣдомостяхъ, значительно менѣе дѣйствительнаго, такъ какъ весьма большое число дѣлъ разсматривается мировымъ судьею 2 раза,—одинъ разъ, въ виду неявки обвиняемаго или отвѣтчика, заочно, а другой разъ по отзыву указанныхъ лицъ, между тѣмъ какъ такія дѣла считаются вступившими и оконченными одинъ разъ, ибо принятіе судьею отзыва дѣлаетъ заочное рѣшеніе или заочный приговоръ недѣйствительными. Исходя изъ этихъ соображеній нельзя не признать количество дѣлъ, приходившихся въ 1900 году на одного мироваго судью Европейской Россіи, болѣе или менѣе значительнымъ повсюду, кромѣ Архангельской губерніи и Сибири; однако, въ этихъ мѣстностяхъ незна-

чительность труда, упадавшаго на мировыхъ судей, какъ таковыхъ, увеличивается трудомъ, приходящимся на долю ихъ въ качествѣ лицъ, производящихъ слѣдствія.

Дѣятельность уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ въ 1900 г. выразилась въ среднемъ въ 317 вступившихъ на каждаго изъ нихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ 175 уголовныхъ и 142 гражданскихъ, и 318 оконченныхъ, въ томъ числѣ 177 уголовныхъ и 141 гражданскихъ, т. е. количество оконченныхъ дѣлъ составляло 100% поступленія; это отношеніе оконченныхъ въ указанномъ году дѣлъ къ числу вступившихъ превысило соотвѣтствующее отношеніе въ предъидущее трехлѣтіе, равнявшееся 98%, несмотря на то, что количество вступившихъ на каждаго уѣзднаго члена дѣлъ въ 1900 г. было больше, чѣмъ соотвѣтствующее количество дѣлъ за трехлѣтній періодъ 1897—1899 г.г., когда на каждаго уѣзднаго члена пришлось 295 вступившихъ и 290 оконченныхъ дѣлъ.

Дѣятельность уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, протекая въ условіяхъ, одинаковыхъ съ условіями, въ коихъ находится дѣятельность мировыхъ судей Европейской Россіи (кромѣ Закавказья и Архангельской губерніи, гдѣ мировые судьи являются и органами слѣдственной власти) осложняется тѣмъ весьма значительнымъ трудомъ, который несутъ они по уѣздному съѣзду, и, до нѣкоторой степени, участіемъ ихъ въ присутствіяхъ окружнаго суда, а потому количество дѣлъ, которое они могутъ разбирать съ успѣхомъ, значительно ниже того количества, съ которымъ справляются мировые судьи; въ виду этого, если дѣятельность уѣздныхъ членовъ, какъ единоличной власти, въ губерніяхъ Олонецкой (гдѣ на одного уѣзднаго члена пришлось 68 дѣлъ, въ томъ числѣ 48 уголовныхъ и 20 гражданскихъ), Астраханской (129 дѣлъ, изъ нихъ 83 уголовныхъ и 46 гражданскихъ) и нѣкоторыхъ другихъ и не отличалась большою напряженностью, то съ другой стороны трудъ уѣздныхъ членовъ въ губерніяхъ Екатеринославской (844 дѣла на каждаго уѣзднаго члена, въ томъ числѣ 455 уголовныхъ и 389 гражданскихъ), Херсонской (838 дѣлъ, въ числѣ ихъ 432 уголовныхъ и 406 гражданскихъ) и многихъ другихъ слѣдуетъ признать достаточно тяжелымъ. Что касается до оконченныхъ дѣлъ, то только въ одной губерніи Херсонской, уѣздные члены которой наиболѣе обременены дѣлами, отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ составляло 93%, во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ количество оконченныхъ дѣлъ или равнялось количеству вступившихъ или весьма приближалось къ нему, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже значительно

превышало поступленіе, какъ напр. въ губ. Самарской и Вятской, гдѣ означенный процентъ достигалъ 109.

Обратимся, наконецъ, къ обзору дѣятельности городскихъ судей. Въ 1900 г. на одного городского судью пришлось въ среднемъ 978 вступившихъ дѣлъ, въ томъ числѣ 486 уголовныхъ и 492 гражданскихъ, и 980 оконченныхъ, въ числѣ ихъ 488 уголовныхъ и 492 гражданскихъ, такъ что отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ составляло 100%, въ трехлѣтіе же 1897—1899 г.г. это отношеніе составляло 99%, несмотря на то, что обремененность городскихъ судей была нѣсколько ниже, выразившись въ 948 вступившихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ 474 уголовныхъ и 474 гражданскихъ.

При опредѣленіи степени напряженности труда, упадающаго на городскихъ судей, слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣятельность ихъ совершается, въ предѣлахъ подлежащей имъ подсудности, при тѣхъ же условіяхъ, что и дѣятельность мировыхъ судей въ Европейской Россіи, кромѣ Закавказья и Архангельской губерніи, осложняясь, однако, тѣмъ трудомъ, который они несутъ въ присутствіи окружнаго суда, куда приглашаются на правахъ членовъ суда. Исходя изъ этого соображенія, нельзя не признать, что въ 1900 г., наряду съ мало обремененными судьями Астраханской губерніи (гдѣ на каждаго изъ нихъ приходилось 192 уголовныхъ дѣла и 139 гражданскихъ, а всего 331 дѣло), и нѣсколькихъ другихъ, городскіе судьи во многихъ мѣстностяхъ были обременены весьма значительно (какъ напр. въ губерніи Екатеринославской, въ которой на одного городского судью пришлось 1916 дѣлъ, въ томъ числѣ 761 уголовное дѣло и 1155 гражданскихъ, и во многихъ другихъ губерніяхъ); однако, это обстоятельство не отразилось на успѣшности дѣятельности городскихъ судей, какъ это видно изъ того, что наименьшее отношеніе оконченныхъ дѣлъ къ числу вступившихъ составляло 96% (въ Псков. губ.), наивысшее же—108% (въ губерніи Астраханской).

Итакъ изъ обзора дѣятельности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства съ очевидностью слѣдуетъ, что большинство ихъ въ 1900 году было чрезмѣрно обременено работою, но тѣмъ болѣе чести судебному вѣдомству, которое и при этомъ неблагопріятномъ условіи вполнѣ успѣшно справилось съ выпавшею на его долю задачею.

Н. Езерскій.

II.

ИЗЪ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Наслѣдникъ, на долю котораго по раздѣлу причитается денежная сумма, взамѣнъ части изъ наслѣдственнаго недвижимаго имущества, имѣетъ ли право требовать выдѣла своей денежной доли изъ вошедшихъ въ конкурсную массу наслѣдственныхъ имѣній преимущественно предъ личными кредиторами несостоятельнаго сонаслѣдника, коему достались эти недвижимости (1324, 1328 и 1332 ст. I ч. X т. и 591 ст. уст. суд. торг.).

6 марта сего года въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ слушалось дѣло княгини Любомірской, возбудившее цѣлый рядъ сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Обстоятельства этого дѣла таковы.

Недвижимыя имѣнія умершаго графа Маврикія Потоцкаго и вдовы его Людовики Потоцкой, еще при жизни послѣдней, были соединены въ общую массу и подлежали раздѣлу между ихъ наслѣдниками: сыновьями Августомъ и Евстафіемъ Потоцкими, и дочерьми Наталіею Потоцкою и Маріею Замойскою, по второму мужу кн. Любомірскою.

Вслѣдствіе несогласія наслѣдниковъ и возникшихъ между ними споровъ, дѣло о раздѣлѣ наслѣдства, согласно третейской записи, было передано на рѣшеніе третейскаго суда, который, подраздѣливъ всю массу недвижимыхъ имуществъ на двѣ части, присудилъ таковыя Августу и Евстафію Потоцкимъ, обязавъ послѣднихъ выдѣлить сестрамъ слѣдовавшія имъ доли деньгами и уплачивать ихъ матери пожизненную ренту.

Рѣшеніе третейскаго суда, поскольку оно касается даннаго дѣла, изложено въ слѣдующихъ словахъ: „ . . . 2) выдѣлить въ полную и исключительную собственность графа Евстафія Потоцкаго имѣнія (такія-то) Волынской губерніи со всѣми ихъ принадлежностями; . . . 5) обязать гр. Евстафія Потоцкаго подъ отвѣтственностью со всего его имущества: а) обезпечить всѣмъ своимъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ въ полную матери своей пожизненную ренту по 10000 р. . . . 6) обезпечить всѣмъ своимъ имуществомъ . . . . оставшуюся къ уплатѣ часть доли графини Маріи Замойской (нынѣ Любомірская), т. е. сумму 150000 р., на

условіяхъ платежа, ниже подробно изложенныхъ, ... 7) признать на долю гр. Маріи Замойской (что нынѣ кн. Любомірская) сумму 300000 р., а такъ какъ она получила уже въ зачетъ своей наслѣдственной доли при выходѣ замужъ половину всей оной доли, т. е. сумму 150000 р., то въ настоящее время выдѣлить въ ея собственность остальную сумму 150000 р., обезпечивъ оную сумму 150000 р. въ пользу той же гр. Замойской (Любомірская) на имѣніяхъ гр. Евстафія Потоцкаго . . . . . Изъ этого капитала , . . сумма 100000 р. будетъ состоять въ пожизненномъ пользованіи графини Людовики Потоцкой, т. е. проценты съ этой суммы должны быть уплачиваемы Людовикѣ Потоцкой до послѣднихъ дней ея жизни, самый же капиталъ 100000 р. будетъ подлежать востребованію лишь по истеченіи года, считая со дня смерти пожизненной пользовладѣлицы, вмѣстѣ съ 5%, считая со дня смерти той же пожизненной владѣлицы. Отъ суммы 50000 р., свободной отъ пожизненнаго пользованія, гр. Евстафій Потоцкій будетъ уплачивать гр. Маріи Замойской (Любомірская) проценты по 5% въ годъ . . . Самый же капиталъ 50000 р. будетъ подлежать востребованію въ два срока, именно: 25000 р. по истеченіи трехъ лѣтъ и 25000 р. по истеченіи четырехъ лѣтъ, считая съ сегодняшняго числа" (т. е. съ 3/15 марта 1882 года—дня постановленія рѣшенія третейскаго суда).

Однако, прежде исполненія по сему рѣшенію, графъ Евстафій Потоцкій былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, и конкурсное по его дѣламъ управленіе приняло претензію кн. Любомірской къ удовлетворенію по соразмѣрности, отнеся ее къ первому роду и второму разряду долговъ несостоятельнаго.

Жалобу княгини Любомірской, полагавшей, что ея претензія, какъ требованіе о выдѣлѣ эквивалента ея собственной наслѣдственной доли, поступившей въ конкурсную массу, подлежитъ удовлетворенію полнымъ рублемъ, судебная палата оставила безъ послѣдствій по соображеніямъ, которыя сводятся къ слѣдующему: предоставляя споръ на рѣшеніе третейскаго суда и участвуя въ составленіи третейской записи, княгиня Любомірская напередъ согласилась подчиниться рѣшенію третейскихъ судей и принять выдѣлъ своей доли деньгами, вмѣсто выдѣла имѣній натурою. Съ другой стороны, обязанность гр. Евстафія Потоцкаго заплатить сестрѣ 150000 р. вытекаетъ изъ содержанія рѣшенія третейскаго суда и потому, какой бы характеръ ни носило согласіе Любомірской принять деньги, вмѣсто имѣнія, въ качествѣ ли наслѣдницы отца, или

въ качествѣ кредиторши брата, во всякомъ случаѣ ея претензія составляетъ личный долгъ гр. Евстафія Потоцкаго, какъ наслѣдника своего отца гр. Маврикія Потоцкаго, а не долгъ сего послѣдняго; слѣдовательно рѣшеніе Правительствующаго Сената 1886 г. № 63 (на аналогію съ которымъ Любомірская указывала) къ данному случаю не примѣнимо. Рѣшеніемъ третейскаго суда въ сущности подтверждено согласіе сторонъ и, въ томъ числѣ, княгини Любомірской на подобный раздѣлъ, выразившееся въ третейской записи, и если третейскій судъ обезпечилъ ея претензію наложеніемъ запрещенія на имѣнія Евстафія Потоцкаго, то этимъ не устанавливается ея вещное право. При такомъ положеніи падаетъ право кн. Любомірской, въ качествѣ наслѣдницы отца, а не въ качествѣ кредиторши брата, требовать исключенія изъ конкурсной массы присужденной ей суммы, какъ долга наслѣдодателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и доводъ, что въ составъ имуществъ должника вошли принадлежащіе княгинѣ Любомірской 150000 р., ибо, въ противномъ случаѣ, всякій кредиторъ, давшій деньги на покупку имѣнія, могъ бы впослѣдствіи доказывать, что въ составъ того имѣнія вошли его деньги. И такъ какъ претензія княгини Любомірской обезпечена запрещеніемъ, а не залогомъ, то она не можетъ пользоваться правомъ преимущественнаго передъ другими кредиторами удовлетворенія.

Указывая въ кассаціонной жалобѣ, что судебная палата извратила смыслъ рѣшенія третейскаго суда и обстоятельства дѣла, повѣренный кн. Любомірской привелъ слѣдующіе поводы къ отмѣнѣ рѣшенія.

1) Судебная палата придала третейской записи, а затѣмъ и рѣшенію третейскаго суда, значеніе соглашенія сторонъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ. Хотя наслѣдники Маврикія и Людовики Потоцкихъ думали-было окончить раздѣлъ полюбовно, о чемъ упомянуто въ началѣ третейской записи, но палата упустила изъ вида, что, какъ сказано далѣе въ записи, между ними возникли споры, вынудившіе прибѣгнуть къ суду. Третейская запись есть актъ процессуальный, дающій третейскимъ судьямъ право приступить къ рѣшенію спора, но она не обязываетъ ихъ рѣшить споръ въ извѣстномъ смыслѣ, и никто не можетъ предвидѣть, чѣмъ онъ разрѣшится. Такая запись не устанавливаетъ между сторонами договорныхъ отношеній о спорномъ имуществѣ.

Предполагавшееся между наслѣдниками соглашеніе не осуществилось, и взаимныя ихъ правоотношенія не облечены ни въ форму договора, ни въ форму мировой сдѣлки, а споры ихъ завершились

судебнымъ рѣшеніемъ, которому палата не могла придавать значеніе договорнаго соглашенія и не видѣть въ немъ акта самостоятельнаго потому только, что стороны изъявили согласіе подчиниться рѣшенію избранныхъ ими судей. Поэтому, неправильно опредѣливъ значеніе третейской записи и рѣшенія третейскаго суда, палата пришла къ неправильному выводу о характерѣ претензіи кн. Любомірской и неправильно сопричислила ее къ числу личныхъ долговъ гр. Евстафія Потоцкаго.

2) Варшавскій окружный судъ, признавшій рѣшеніе третейскаго суда законнымъ, а затѣмъ и Кіевская судебная палата установили, что третейскій судъ, разрѣшивъ споры о раздѣлѣ наслѣдства, присудилъ кн. Любомірской, взамѣнъ ея доли, денежную выдачу; поэтому заключеніе палаты, что претензія кн. Любомірской есть личное обязательство Евстафія Потоцкаго, вытекающее изъ договорнаго соглашенія, противорѣчитъ факту, установленному самою же палатою.

3) Палата установила, что, подписывая третейскую запись, стороны изъявили согласіе подчиниться рѣшенію третейскаго суда, а это значитъ, что между ними объ имущественныхъ правоотношеніяхъ тогда соглашенія еще не было и что таковыя отношенія возникли позднѣе въ силу рѣшенія суда; поэтому противорѣчащее тому заключеніе палаты о наличности соглашенія и о возникновеніи изъ онаго, а не изъ судебнаго постановленія, претензіи Любомірской, какъ обязательства личнаго, ни на чемъ не основано и нарушаетъ ст. 711 уст. гражд. суд.

4) Если при полюбовномъ раздѣлѣ одинъ изъ наслѣдниковъ, взамѣнъ слѣдующей ему доли, получаетъ денежную выдачу, то такая договорная сдѣлка завершается или немедленнымъ платежомъ, или выдачею долговаго обязательства. Здѣсь все основано на взаимномъ довѣріи, и наслѣдникъ, получающій обязательство того, кому вѣритъ, дѣйствуетъ на свой рискъ.

Иное бываетъ при судебномъ раздѣлѣ. Здѣсь нѣтъ взаимнаго довѣрія, и денежная выдача обезпечивается дѣлимымъ имѣніемъ. Выдѣляя наслѣдника деньгами, взамѣнъ его доли въ имѣніи, судъ присуждаетъ ему эквивалентъ его доли, самый же выдѣлъ совершается въ моментъ платежа; до уплаты же этого эквивалента, присужденная сумма составляетъ часть подлежавшаго раздѣлу имѣнія и заключается въ самомъ имѣніи, въ его цѣнности. Тутъ нѣтъ риска, присущаго полюбовному раздѣлу, ибо наслѣдникъ, получающій эквивалентъ своей доли деньгами, получаетъ удовлетвореніе не отъ сона-

слѣдника, а изъ самаго имѣнія; такъ что источникомъ удовлетворенія выдѣляемаго наслѣдника служитъ само имѣніе, въ составѣ котораго находится его доля. Отсюда право наслѣдника требовать полнаго выдѣла его доли, полнаго и преимущественнаго удовлетворенія, ибо это право заключается въ существѣ института наслѣдованія и не имѣетъ ничего общаго съ требованіями, основанными на обязательствахъ, вытекающихъ изъ договоровъ и правонарушеній. Оно не есть долговое требованіе въ обычномъ смыслѣ, и при несостоятельности сонаслѣдника, получившаго по судебному раздѣлу имѣніе, не можетъ быть подводимо подъ одну изъ категорій его долговъ; это не есть требованіе удовлетворенія изъ актива конкурсной массы, но это есть требованіе выдѣла цѣнности, принадлежащей претенденту и неправильно вошедшей въ активъ этой массы. Такое право при раздѣлахъ наслѣдства судомъ коронным обезпечивается наложеніемъ запрещенія на предметъ раздѣла, и до его окончанія, до полной уплаты денежныхъ выдачъ, имѣніе не можетъ быть укрѣплено и введено во владѣніе сонаслѣднику (рѣш. 1890 г. №№ 12 и 90). То обстоятельство, что рѣшеніе о раздѣлѣ постановлено судомъ третейскимъ, значенія не имѣетъ, а при такихъ условіяхъ палата не имѣла основанія относить данную претензію къ личнымъ долгамъ гр. Потоцкаго.

5) Сравненіе претензіи кн. Любомірской съ претензіею кредитора, давшаго деньги на покупку имѣнія, безусловно неправильно, ибо послѣдняя вытекаетъ изъ простаго договора займа. Ссылка же палаты въ подтвержденіе того, что претензія кн. Любомірской вытекаетъ изъ личнаго обязательства гр. Потоцкаго, на рѣшеніе третейскаго суда, постановившаго обезпечить ту претензію наложеніемъ запрещенія на имѣнія Потоцкаго, есть извращеніе буквальнаго смысла третейскаго рѣшенія. Третейскій судъ вовсе не упоминаетъ о наложеніи запрещенія, а говоритъ: „выдѣлить гр. Замойской (Любомірской)... 150000 р...., обезпечивъ таковую (сумму) на имѣніяхъ гр. Потоцкаго“. Выраженіе „обезпечить на имѣніяхъ“ означаетъ, что эти имѣнія, переходящія по раздѣлу, а не личность гр. Потоцкаго, служатъ тѣмъ обезпеченіемъ, тѣмъ источникомъ, изъ котораго кн. Любомірская имѣетъ получить присужденную ей сумму; поэтому, извративъ смыслъ рѣшенія, палата обосновала на немъ невѣрные выводы и нарушила ст. 339 и 711 уст. гражд. суд.

Обстоятельствами настоящаго дѣла и кассаціонною жалобою возбуждаются два главные вопроса. 1-ый вопросъ заключается въ томъ, составляетъ ли денежная претензія княгини Любомірской къ графу

Евстафію Потоцкому простой личный долгъ послѣдняго, или же это наслѣдственная доля княгини, превращенная по раздѣлу въ денежный эквивалентъ.

Затѣмъ 2-ой вопросъ состоитъ въ томъ, имѣла ли право княгиня Любомірская домогаться въ порядкѣ конкурснаго производства выдѣленія изъ конкурсной массы причитающейся ей денежной суммы, взамѣнъ наслѣдственной доли изъ недвижимостей.

Разрѣшая эти два вопроса, Правительствующій Сенатъ призналъ, во-первыхъ, что денежная претензія княгини Любомірской есть наслѣдственная сумма, а не личный долгъ несостоятельнаго графа Евстафія Потоцкаго, а во-вторыхъ, что княгиня Любомірская имѣла право заявить свою претензію конкурсному управленію и обжаловать постановленіе послѣдняго, отнесшее ея претензію къ первому роду втораго разряда, какъ неправильное.

Такое рѣшеніе Правительствующаго Сената представляется съ нашей точки зрѣнія совершенно правильнымъ.

Въ пользу противоположнаго разрѣшенія двухъ главныхъ вытекающихъ изъ дѣла вопросовъ приводились, между прочимъ, слѣдующія соображенія.

Прежде всего утверждали, что княгиня Любомірская не имѣла даже права обжаловать постановленіе конкурснаго управленія объ отнесеніи ея претензіи къ первому роду втораго разряда, если она добивалась выдѣла своей претензіи изъ конкурсной массы. По 531 ст. уст. суд. торг., конкурсное управленіе есть присутственное мѣсто, составляющее по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, нижнюю степень коммерческаго суда. Къ обязанностямъ его относится раздѣленіе долговъ несостоятельнаго на роды и разряды; состоявшіяся по сему предмету опредѣленія подлежатъ обжалованію (594 ст.) въ порядкѣ конкурснаго производства.

Но конкурсное управленіе является и хозяиномъ конкурсной массы и представителемъ имущественныхъ интересовъ кредиторовъ (ст. 552), а потому можетъ защитить массу закономъ дозволенными способами противъ всѣхъ претензій, признаваемыхъ имъ лишенными основанія.

Если къ конкурсу предъявлено требованіе о возвратѣ чужаго имущества, ошибочно включеннаго въ конкурсную массу, или о выдѣленіи изъ актива массы цѣнностей для удовлетворенія одного лица преимущественно передъ всѣми другими кредиторами,—и если конкурсное управленіе признаетъ такое требованіе правильнымъ, то оно не можетъ быть лишено права,—не доводя дѣла до суда,

удовлетворить оное; самое удовлетвореніе сего требованія, какъ не подходящаго подъ понятіе конкурсной долговой претензіи, должно произойти не по соразмѣрности, внѣ конкурса (см. рѣш. 4 Деп. Правительствующаго Сената, приведенныя въ сборникѣ Носенко „Уставъ о несостоятельности“ 2-ое изд. подъ 580 ст., стр. 129; рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1878 г. № 265; 1887 № 76).

Но если конкурсное управленіе отказало въ требованіи объ удовлетвореніи претензіи изъ массы преимущественно предъ всѣми кредиторами несостоятельнаго, признавъ это требованіе неосновательнымъ, то оно дѣйствуетъ не въ качествѣ конкурснаго присутственнаго мѣста, а какъ законный представитель и защитникъ массы; посему такой отказъ не можетъ быть отмѣненъ, въ порядкѣ частнаго, конкурснаго производства, высшею инстанціею, а лицу, недовольному отказомъ, остается только предъявить по сему предмету къ конкурсу искъ въ установленномъ порядкѣ. Лишь судебнымъ рѣшеніемъ по такому иску конкурсъ можетъ быть принужденъ къ выдѣлу изъ массы опредѣленнаго имущества или къ выдачѣ денегъ одному лицу преимущественно предъ всѣми кредиторами несостоятельнаго.

Въ виду такихъ соображеній находили, что княгиня Любомірская, послѣ отнесенія ея претензіи конкурсомъ къ первому роду втораго разряда, должна была предъявить искъ къ конкурсу.

Затѣмъ утверждали, что, по своему свойству, претензія кн. Любомірской правильно отнесена была конкурснымъ управленіемъ, окружнымъ судомъ и судебною палатою къ первому роду и второму разряду, а не къ первому разряду. Претензія эта ни прямо, ни по аналогіи не подходитъ къ тѣмъ долгамъ, которые 599 статьею уст. суд. торг. причисляются къ долгамъ перваго разряда. Требованіе Любомірской основано на рѣшеніи третейскаго суда, состоявшагося въ 1882 г., для раздѣла между наслѣдниками умершаго графа Маврикія Потоцкаго какъ оставшихся послѣ него недвижимыхъ имѣній, такъ и имѣній вдовы его, Людовики Потоцкой, пожелавшей при жизни уступить оныя дѣтямъ, подъ условіемъ полученія отъ нихъ пожизненной ренты. Третейскій судъ опредѣлилъ: выдѣлить въ собственность графа Евстафія Потоцкаго материнскія имѣнія въ Волынской губерніи; выдѣлить въ собственность графини Маріи Замойской (по второму мужу кн. Любомірской) 150,000 р., обезпечивъ эту сумму на имѣніяхъ Евстафія Потоцкаго; изъ этой суммы 100,000 р. должны состоять въ пожизненномъ пользованіи гр. Людовики Потоцкой, а капиталъ этотъ можетъ подлежать вос-

требованію лишь по истеченіи года со дня смерти пожизненной владѣлицы. Въ обезпеченіе претензіи кн. Маріи Любомірской впослѣдствіи было наложено запрещеніе на имѣнія гр. Евстафія Потоцкаго.

Такимъ образомъ денежная претензія кн. Любомірской къ несостоятельному брату ея, гр. Евстафію Потоцкому, основана на томъ, что по приведенному третейскому рѣшенію, на основаніи котораго онъ получилъ въ исключительную собственность имѣнія живой матери, на него была возложена обязанность уплатить сестрѣ 150.000 руб. и обезпечить эту сумму на его имѣніяхъ. Это обезпеченіе осуществилось только наложеніемъ запрещенія, но не выдачею Любомірской закладной на имѣнія Евстафія Потоцкаго. Только въ случаѣ обезпеченія закладною, долгъ Любомірской могъ быть причисленъ къ первому разряду, на основаніи 3 п. 599 ст. уст. торг. суд. Хотя третейскимъ рѣшеніемъ Любомірской и присужденъ эквивалентъ ея доли въ недвижимыхъ имѣніяхъ родителей, въ видѣ денежной суммы, которую братъ ей обязанъ уплатить (25.000 по истеченіи трехъ лѣтъ, 25.000 по истеченіи четырехъ лѣтъ со дня рѣшенія, а 100.000 р. по истеченіи года со дня смерти матери),—но это обязательство брата, не выраженное въ видѣ закладной, не получило вещнаго обезпеченія, а потому правильно отнесено было къ долгамъ втораго, а не перваго разряда.

Главныя соображенія палаты о томъ, что претензія кн. Любомірской составляетъ личный долгъ самого графа Евстафія Потоцкаго, а не долгъ отца его, что обезпеченіе претензіи запрещеніемъ не устанавливаетъ вещныхъ правъ на имѣнія несостоятельнаго и что означенная претензія, не обезпеченная залогомъ, никакимъ преимуществомъ не пользуется,—представляются правильными.

Таковы соображенія, на основаніи которыхъ признаютъ, что претензія княгини Любомірской есть личный долгъ несостоятельнаго графа Потоцкаго и что съ самимъ ходатайствомъ о выдѣленіи слѣдуемой ей денежной суммы изъ конкурской массы княгиня должна была обратиться съ искомъ къ конкурсному управленію.

Остановимся сперва на соображеніяхъ, въ силу которыхъ претензія кн. Любомірской считается личнымъ долгомъ несостоятельнаго графа Потоцкаго.

Прежде всего утверждаютъ, что княгиня Любомірская сама согласилась на разрѣшеніе спора ея съ братьями о наслѣдствѣ третейскимъ судомъ, а потому права ея на денежную сумму, какъ

и обязанность графа Евстафія Потоцкаго уплатить эту сумму, вытекаютъ изъ судебнаго рѣшенія, которое установило чисто личное отношеніе между княгинею Любомірскою и ея братомъ. Подобное утвержденіе едва ли можно признать правильнымъ.

Какъ извѣстно, никакой судъ, а слѣдовательно и третейскій, не создаетъ правъ для частныхъ лицъ, а лишь охраняетъ уже существующія права и возстановляетъ ихъ, если они нарушены, что явствуетъ какъ изъ 1 ст. уст. гражд. суд., такъ изъ всей 4-й книги того же устава „объ охранительномъ судопроизводствѣ". Затѣмъ въ дѣлахъ о судебномъ раздѣлѣ наслѣдствъ (1409—1423 ст. уст. гражд. суд.), судъ является органомъ, содѣйствующимъ правильному распредѣленію наслѣдственнаго имущества между сонаслѣдниками, которые, вслѣдствіе споровъ и недоразумѣній, не могли произвести раздѣлъ добровольно. Такимъ образомъ на обязанности суда, въ томъ числѣ и третейскаго, производящаго раздѣлъ, лежитъ принять мѣры къ тому, чтобы разверстать наслѣдственную массу равномѣрно между всѣми наслѣдниками, уравнивъ ихъ права и выгоды и выдѣливъ каждому изъ нихъ точно опредѣленную долю наслѣдства. Если однако по опредѣленіи цѣнности наслѣдственнаго имѣнія окажется неудобнымъ или невозможнымъ раздробить его на равныя доли, то уравненіе производится посредствомъ денежныхъ приплатъ, при чемъ на однихъ наслѣдниковъ можетъ быть возложена обязанность уплатить другимъ извѣстную денежную сумму вмѣсто всей доли изъ наличнаго наслѣдственнаго имущества. Все это вытекаетъ какъ изъ 1409, 1412, 1416 и 1420 ст. уст. гражд. суд., такъ и изъ 1315, 1317, 1322 и 1324 ст. 1 ч. X т. (Сбор. рѣш. Гражд. Касс. Деп. за 1879 г. № 344, за 1885 г. № 124 и др.), а потому изъ факта раздѣла наслѣдственнаго имущества третейскимъ судомъ нельзя выводить, что денежная сумма, присужденная этимъ судомъ княгинѣ Любомірской, взамѣнъ наслѣдственнаго имущества, составляетъ личный долгъ графа Евстафія Потоцкаго.

Далѣе указываютъ на то, что рѣшеніемъ третейскаго суда въ сущности подтверждено согласіе княгини Любомірской, вмѣсто выдѣла ей наслѣдственной доли въ натурѣ, сдѣлаться кредиторшею своего брата графа Потоцкаго, при чемъ ея претензія обезпечена лишь наложеніемъ запрещенія, которое не устанавливаетъ никакихъ вещныхъ правъ.

Такое указаніе точно также не можетъ быть признано правильнымъ и является результатомъ упущенія изъ вида существа ин-

ститута раздѣла наслѣдственныхъ имуществъ. Въ силу юридической природы этого института, при раздѣлѣ никакого отчужденія и никакого перехода наслѣдственнаго имущества отъ одного наслѣдника къ другому не производится, а каждый наслѣдникъ является лишь преемникомъ правъ наслѣдодателя во всѣхъ его имуществахъ, соразмѣрно своей наслѣдственной долѣ. Вслѣдствіе этого основнаго положенія, признаваемаго безспорнымъ въ наукѣ права, несмотря на полученіе по раздѣлу однимъ изъ сонаслѣдниковъ долей другихъ наслѣдниковъ, съ уплатою имъ за уступку долей деньгами, признается не возмездный переходъ къ наслѣднику этихъ долей отъ сонаслѣдниковъ, а полученіе своего выдѣла какъ бы отъ самого наслѣдодателя. Точно такъ же и наслѣдники, получившіе денежныя суммы, взамѣнъ наслѣдственныхъ долей, считаются получившими наслѣдственную сумму какъ бы отъ самого наслѣдодателя. Безспорность этого положенія подтверждается и тѣмъ, что всѣ нынѣ дѣйствующіе европейскіе гражданскіе кодексы, несмотря на существенныя во многихъ отношеніяхъ различія между ними, установили въ существѣ своемъ одинаковыя правила относительно раздѣла наслѣдствъ и признали, что уплата наслѣднику извѣстной денежной суммы, взамѣнъ наслѣдственной доли въ натурѣ, считается выдѣломъ наслѣдственной части. Затѣмъ и дѣйствующій у насъ на окраинахъ гражданскій кодексъ Царства Польскаго (883 и 819 ст.) и Сводъ прибалтійскихъ узаконеній (2703—2705 ст.) ясно выразили то же положеніе, при чемъ въ 2705 ст. этихъ послѣднихъ узаконеній деньги, назначаемыя взамѣнъ наслѣдственной доли, если онѣ не уплачиваются немедленно, а обезпечиваются на наслѣдственной недвижимости, называются *Erbegeld*, т. е. наслѣдственною суммою. Тотъ же взглядъ въ сущности проводится и въ 1324 ст. 1 ч. X т., которая денежныя выдачи наслѣдниковъ считаетъ наслѣдственными жеребіями. Наконецъ сущность наслѣдственнаго раздѣла въ такомъ же смыслѣ изъяснена и Правительствующимъ Сенатомъ, какъ при толкованіи правилъ о раздѣлѣ, содержащихся въ 1 ч. X т. (Сбор. рѣш. за 1875 г. № 209, за 1879 г. № 344 и др.), такъ и тѣхъ, которыя изложены въ гражданскомъ кодексѣ (Сбор. рѣш. за 1890 г. № 54). Въ виду всего этого, денежную претензію княгини Любомірской не представляется основанія считать личнымъ долгомъ графа Евстафія Потоцкаго.

Затѣмъ ходатайство княгини Любомірской о выдѣлѣ причитающейся ей по раздѣлу денежной суммы изъ конкурсной массы находятъ неподлежащимъ удовлетворенію и потому, что третейскій

судъ произвелъ не раздѣлъ наслѣдства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ распредѣленіи между наслѣдниками было принято не только наслѣдственное имущество, оставшееся послѣ смерти графа Маврикія Потоцкаго, но и имущество его жены, при жизни послѣдней. Такого рода возраженія, впервые возбужденныя въ кассаціонной инстанціи, не подлежа обсужденію Правительствующаго Сената, представляются и по своему существу неуважительными. Хотя, въ силу 1320 ст. 1 ч. X т., въ общій составъ наслѣдства, при раздѣлѣ послѣдняго между сонаслѣдниками, полагаются только тѣ имущества, которыя принадлежали умершему наслѣдодателю, но неисполненіе этого требованія давало лишь основаніе домогаться уничтоженія раздѣла наслѣдства, произведеннаго третейскимъ судомъ, а не признаніе того наслѣдственнаго имущества, которое осталось послѣ смерти графа Маврикія Потоцкаго и которое причиталось по наслѣдству въ извѣстной части княгинѣ Любомірской, исключительною собственностью несостоятельнаго графа Евстафія Потоцкаго.

Наконецъ нельзя согласиться и съ тѣмъ, что претензія княгини Потоцкой, какъ не подходящая ни прямо, ни по аналогіи къ долгамъ, которые по 599 ст. уст. суд. торг. причисляются къ первому роду и первому разряду, не могла, будто бы, быть удовлетворена преимущественно предъ личными кредиторами несостоятельнаго должника. Во-первыхъ, изъ того, что въ числѣ долговъ перваго рода и перваго разряда не упоминается о претензіяхъ, вытекающихъ изъ раздѣла наслѣдства, нельзя умозаключать, что претензіи подобнаго рода не подлежатъ преимущественному удовлетворенію предъ личными долгами наслѣдодателя, тѣмъ болѣе, что, въ силу 601, 602 и 603 ст. уст. суд. торг., они также не могутъ быть отнесены и къ долгамъ втораго, третьяго и четвертаго разрядовъ. Во-вторыхъ, согласно 559 и 560 ст. того же устава, всякое чужое имущество, какъ недвижимое, такъ и движимое (а слѣдовательно, и деньги), которое почему-либо находится у несостоятельнаго, должно быть выдѣлено конкурснымъ управленіемъ изъ состава его имущества и возвращено по принадлежности. Исключеніе изъ этого правила, въ силу 557 ст., составляютъ капиталы жены и неотдѣленныхъ совершеннолѣтнихъ дѣтей несостоятельнаго, данные ему въ распоряженіе: капиталы эти поступаютъ въ конкурсную массу, наравнѣ съ другимъ имуществомъ несостоятельнаго, жена же и дѣти получаютъ удовлетвореніе въ конкурсномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, такъ какъ наслѣдственная денежная сумма княгини Любомірской составляетъ по отношенію

къ несостоятельному графу Потоцкому чужое имущество и такъ какъ княгиня ни женою, ни дочерью несостоятельнаго не состоитъ, то эта сумма и подлежала выдѣленію изъ конкурсной массы.

Что касается права княгини Любомірской предъявить свою претензію въ конкурсное управленіе и затѣмъ права ея обжаловать постановленія сего управленія объ отнесеніи ея претензіи къ первому роду и второму разряду, то для насъ представляется несомнѣннымъ существованіе у нея такихъ правъ.

Какъ извѣстно, почти всѣ европейскіе конкурсные уставы (какъ, напр., германскій—статья 1, 43, 44, венгерскій—1, 42, 43 и 51) строго отдѣляютъ конкурсныя претензіи отъ тѣхъ, которыя подлежатъ удовлетворенію внѣ конкурснаго порядка, и не допускаютъ предъявленіе претензій послѣдняго рода въ конкурсномъ процессѣ. Но нашъ уставъ судопроизводства торговаго не знаетъ такого строгаго раздѣленія претензій на конкурсныя и внѣконкурсныя. Въ этомъ наглядно убѣждаетъ 599 ст. сего устава, которая къ долгамъ перваго рода и перваго разряда относитъ какъ казенныя недоимки и казенные сборы и пошлины, такъ и долги, на залогахъ и закладахъ утвержденные; между тѣмъ и тѣ, и другіе долги удовлетворяются не по соразмѣрности, а преимущественно предъ другими личными долгами несостоятельнаго. Но, помимо того, въ число долговъ перваго рода и перваго разряда 599 ст. относитъ и чужое имущество, какъ-то церковныя деньги (1 п. 599 ст.) и капиталы малолѣтняго, бывшіе въ завѣдываніи несостоятельнаго (4 п. 599 ст.), хотя въ сущности тутъ имѣется не долгъ несостоятельнаго, а чужое имущество.

Такимъ образомъ нашъ уставъ о несостоятельности допускаетъ даже возможность удовлетворенія чрезъ конкурсное управленіе, въ порядкѣ конкурснаго производства, и такихъ претензій, которыя подлежатъ преимущественному удовлетворенію предъ всѣми личными долгами несостоятельнаго должника. Конечно, конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго графа Потоцкаго могло отказать княгинѣ Любомірской въ преимущественномъ удовлетвореніи ея претензіи, такъ какъ подобнаго рода претензіи не предусмотрѣны ни 599, ни 601—604 ст. уст. судопр. торг., и тогда для нея оставалось предъявить искъ къ конкурсу о выдѣленіи ея претензіи изъ конкурсной массы. Но коль скоро конкурсное управленіе неправильно отнесло ея претензію къ числу личныхъ долговъ несостоятельнаго перваго рода втораго разряда, то княгиня Любомірская не только имѣла право, но и была обязана обжаловать такое постановленіе, если не желала встать въ число другихъ кредиторовъ своего брата,

претензіи коихъ также отнесены къ первому роду и второму разряду. На основаніи 17 ст. приложенія VI къ статьѣ 1400 (примѣч.) уст. гражд. суд., дѣла по жалобамъ на опредѣленія конкурснаго управленія производятся по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 784—791 сего устава, а по 891 ст. частныя опредѣленія, не обжалованныя въ установленный срокъ, могутъ быть измѣнены только при измѣнившихся обстоятельствахъ. А такъ какъ, въ силу 531 ст. уст. судопр. торг., конкурсное управленіе считается присутственнымъ мѣстомъ или низшею инстанціею суда, то, очевидно, и его опредѣленія объ отнесеніи претензій къ несостоятельному къ извѣстному роду и разряду вступаютъ въ силу и не подлежатъ отмѣнѣ, пока не измѣнятся обстоятельства, при коихъ такія опредѣленія постановлены.

Наконецъ, хотя конкурсное управленіе, какъ хозяинъ конкурсной массы, имѣетъ право отказать въ требованіи объ удовлетвореніи претензіи преимущественно предъ всѣми другими кредиторами, тѣмъ не менѣе и такой его отказъ можетъ быть обжалованъ высшей инстанціи. Какъ извѣстно, всѣ дѣйствія и распоряженія конкурса облекаются въ форму опредѣленія, а на всѣ опредѣленія конкурснаго управленія, согласно 17 ст. приложенія VI къ статьѣ 1400 (примѣч.) уст. гражд. суд., допускаются жалобы въ окружный судъ. Коль скоро въ конкурсномъ процессѣ учреждается не одна инстанція—конкурсное управленіе—а нѣсколько, въ порядкѣ постепенности, и коль скоро законъ нигдѣ не указываетъ, чтобы какія-либо дѣйствія конкурснаго управленія не подлежали контролю высшихъ инстанцій, то отсюда очевидно, что всѣ дѣйствія и распоряженія конкурснаго управленія, по отношенію къ конкурсной массѣ, могутъ подлежать обжалованію. Это подтверждается и 538 ст. уст. судопр. торг., въ силу которой конкурсное управленіе въ отношеніи исполненія всѣхъ возложенныхъ на него по закону обязанностей подчинено непосредственному наблюденію коммерческаго суда, а тамъ, гдѣ его нѣтъ,—гражданскимъ судамъ. Если по 539 ст. того же устава судебное мѣсто, при которомъ состоитъ конкурсное управленіе, можетъ во всякое время произвести ревизію всего конкурснаго дѣлопроизводства, то, само собою понятно, оно не только можетъ, но и обязано разсмотрѣть всякую жалобу, поданную на то или другое опредѣленіе конкурса, по управленію имъ конкурсною массою.

К. П. Змирловъ.

III.

КЪ ВОПРОСУ О ВВОДѢ ВО ВЛАДѢНІЕ НЕОЧЕРЕДНЫХЪ НАСЛѢДНИКОВЪ ПРИ ИПОТЕЧНОМЪ НАСЛѢДСТВЕННОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ВАРШАВСКОМЪ СУДЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

Законодательства всѣхъ странъ, а въ томъ числѣ и гражданскій кодексъ Царства Польскаго, установили извѣстные принципы наслѣдованія по закону, исходя изъ того предположенія, что наслѣдодатель трудился для лицъ, наиболѣе связанныхъ съ нимъ узами родства. Такими лицами гражданскій кодексъ признаетъ родственниковъ до 12-ой степени включительно. Но независимо этой категоріи наслѣдниковъ, называемыхъ законными или очередными, гражд. кодексъ признаетъ еще другую категорію наслѣдниковъ—неочередныхъ, не связанныхъ съ наслѣдодателемъ узами законнаго родства. Таковыми являются пережившій супругъ, внѣбрачное дитя и государство.

Законные наслѣдники, согласно 724 ст. гражд. код., вступаютъ, по силѣ самаго закона, въ обладаніе имуществами, правами и исками умершаго, принимая на себя и всѣ обремененія наслѣдства; дѣти же, рожденныя внѣ брака, пережившій супругъ и государство должны требовать судебнаго ввода ихъ во владѣніе, въ порядкѣ для сего опредѣленномъ.

Первыхъ законъ признаетъ ipso jure представителями личности наслѣдодателя, для первыхъ установлена фикція закона: le mort saisit le vive, вторые же являются въ качествѣ наслѣдниковъ лишь послѣ исполненія процедуры, называемой вводомъ во владѣніе и имѣющей цѣлью удостовѣриться въ физическомъ или юридическомъ (путемъ отреченія отъ наслѣдства или признанія недостоинства къ наслѣдованію) отсутствіи лицъ, на коихъ законъ перенесъ юридическое „я“ наслѣдодателя. Они наслѣдники вспомогательные, но съ момента признанія ихъ въ качествѣ наслѣдниковъ путемъ ввода во владѣніе они пріобрѣтаютъ всѣ качества законныхъ наслѣдниковъ. Съ этого момента неочередные наслѣдники вступаютъ въ обладаніе наслѣдственнымъ имуществомъ, пріобрѣтаютъ права на иски отъ имени наслѣдодателя, могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности, могутъ передавать свои права по наслѣдству и пользоваться благодѣяніями инвентаря, ибо они доказали свою легитимацію; между тѣмъ источникомъ легитимаціи для очеред-

ныхъ наслѣдниковъ—самъ законъ, самый фактъ наслѣдоспособности родства.

Обратимся теперь къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: 1) въ чемъ состоитъ процедура ввода во владѣніе неочередныхъ наслѣдниковъ; 2) при какихъ обстоятельствахъ неочередные наслѣдники должны требовать ввода во владѣніе и не съузило ли послѣдующее законодательство кругъ неочередныхъ наслѣдниковъ, указанныхъ въ 724 ст. гражд. код.; 3) на чемъ основана существующая практика ип. отдѣленій требовать ввода во владѣніе неочередныхъ наслѣдниковъ независимо порядка ип. наслѣдственнаго производства; 4) согласуется ли эта практика съ духомъ ипотечнаго устава и представляется ли она цѣлесообразной вообще.

Согласно 769, 770 и 773 ст. гражд. код. пережившій супругъ, рожденныя внѣ брака дѣти и государство должны просить о вводѣ ихъ во владѣніе въ окр. судѣ, въ округѣ коего открылось наслѣдство. Но для сего супругъ и внѣбрачное дитя должны доказать качества неочередныхъ наслѣдниковъ, какъ то: супругъ представить свидѣтельство о бракосочетаніи, а внѣбрачное дитя офиціальный актъ признанія, безъ чего просьба о вводѣ во владѣніе не можетъ получить дальнѣйшаго хода. На основаніи этихъ доказательствъ окружный судъ дѣлаетъ троекратныя публикаціи по установленной формѣ; относящіяся къ этой формѣ постановленія содержатся въ постановленіи Совѣта Управленія 30 января (11 февраля) 1842 года Деп. Зак. т. XXIX стр. 23, изданномъ для руководства органовъ государственной казны, какъ неочереднаго наслѣдника.

Согласно 14 и 15 ст. помянутаго постановленія требованіе о вводѣ во владѣніе представляется въ формѣ односторонняго требованія; объявленія же о вызовѣ наслѣдниковъ дѣлаются въ теченіе 6 мѣсяцевъ, троекратно каждые 2 мѣсяца, въ Сенатскихъ и мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. По истеченіи публикаціоннаго срока окружный судъ по выслушаніи заключенія прокурора составляетъ опредѣленіе о вводѣ неочередныхъ наслѣдниковъ во владѣніе, констатирующее неявку законныхъ наслѣдниковъ. Уже изъ цѣли публикаціи видно, что таковая, какъ равно и вся процедура ввода во владѣніе, имѣетъ цѣлью оповѣстить всѣхъ очередныхъ наслѣдниковъ, что къ наслѣдству заявилъ права неочередной наслѣдникъ. Значитъ, когда неочередные наслѣдники являются къ полученію наслѣдства съ очередными, нѣтъ цѣли для производства по вводу во владѣніе. Законъ предоставляетъ неочереднымъ наслѣдникамъ право на выдѣлъ; въ 757 ст. гр. код. законъ говоритъ

не о правѣ наслѣдованія внѣбрачнаго дитяти, а о правѣ его на имущество умершаго отца или матери, и это право подлежитъ осуществленію путемъ выдачи узаконенныхъ долей неочередному наслѣднику со стороны очереднаго.

Взглядъ 724 ст. гр. код. на государство и внѣбрачное дитя, какъ неочередныхъ наслѣдниковъ, составляетъ прямое послѣдствіе усвоеннаго кодексомъ принципа кровнаго родства, какъ основнаго источника права наслѣдованія. Государство ни съ кѣмъ не находится въ кровномъ родствѣ, внѣбрачное дитя связано узами крови съ признавшимъ его родителемъ, но съ точки зрѣнія остальныхъ наслѣдниковъ, да и съ точки зрѣнія гр. код. оно пришелецъ въ чужую семью. Тотъ же взглядъ и на пережившаго супруга имѣлъ полное основаніе только подъ дѣйствіемъ началъ фр. кодекса. По началамъ послѣдняго (ст. 1387—1584) бракъ былъ договоръ, а изъ договора не возникалъ союзъ, напоминавшій кровный родственный союзъ самой близкой степени. Французскій кодексъ нигдѣ не далъ точнаго опредѣленія существа брака; онъ какъ бы уклонялся отъ этого; но изъ существа его положеній взглядъ на бракъ, какъ на договоръ, красной нитью проходитъ по всей системѣ не только общаго французскаго кодекса, но и по всей его ипотечной системѣ. „Бракъ есть источникъ двухъ договоровъ,—говоритъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ комментаровъ французскаго кодекса Дельсонъ—первый придаетъ супругамъ качества мужа и жены, второй опредѣляетъ ихъ чисто имущественныя отношенія. Первый—заключается предъ чиновникомъ гражд. состоянія, второй же—предъ нотаріусомъ, и этотъ договоръ по причинѣ своей важности помѣщенъ законодателемъ во главѣ разныхъ договоровъ, касающихся имуществъ частныхъ лицъ“. Дельсонъ Т. III см. комментарій подъ ст. 1387 фр. код. Explication élémentaire du Code Napoléon, mise en rapport avec la jurisprudence. Paris, 1867. Гражданское уложеніе 1825 г. отрѣшилось отъ французскаго взгляда на бракъ, не соотвѣтствовавшаго ни религіознымъ, ни бытовымъ понятіямъ польскаго общества, и возвратилось къ исконному взгляду, что бракъ есть союзъ, освящаемый церковью для достиженія двумя существами разнаго пола высшихъ задачъ человѣчества. По религіознымъ же понятіямъ бракъ—это столь тѣсный союзъ, что два существа образуютъ одну душу и одно тѣло. При такой плотности и неразрывности брачнаго союза, возведеннаго на степень таинства, было ли бы послѣдовательно ставить пережившаго супруга по способу осуществленія правъ на наслѣдованіе въ положеніе

несравненно менѣе благопріятное сравнительно съ отдаленнымъ родственникомъ 12-ой степени?

Поэтому весьма естественно, что гражданское уложеніе 1825 г. признало пережившаго супруга законнымъ наслѣдникомъ и вмѣсто предоставленія ему роли привилегированнаго кредитора по французскому кодексу прямо ввело его супруга въ кругъ законныхъ наслѣдниковъ, предоставивъ ему при наслѣдованіи съ прямыми нисходящими долю, равную дитяти, въ пожизненное владѣніе, при наслѣдованіи съ родственниками до IV степени $^1/_4$ часть въ собственность и ниже IV—$^1/_2$. Въ качествѣ законнаго наслѣдника призналъ пережившаго супруга и Правительствующій Сенатъ. „Хотя по 723 ст. гражд. код. переживший супругъ не отнесенъ къ числу законныхъ наслѣдниковъ умершаго супруга,—говоритъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи своемъ 1880 г. № 108,—но въ этомъ отношеніи гражданскій кодексъ подвергся измѣненію закономъ позднѣйшимъ, именно статьей 233 гражд. улож. 1825 г., въ томъ смыслѣ, что переживший супругъ принадлежитъ къ числу законныхъ наслѣдниковъ умершаго супруга, если послѣдній не оставилъ послѣ себя дѣтей, въ каковомъ случаѣ оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ означенныя въ этой статьѣ части наслѣдства въ собственность“. Слѣдовательно, фактически нѣтъ такого положенія, когда переживший супругъ нуждался бы въ вводѣ во владѣніе, ибо при наслѣдованіи его съ наслѣдниками I класса онъ имѣетъ право выбора части, при наслѣдованіи въ остальныхъ линіяхъ онъ самостоятельный законный наслѣдникъ, и вообще вводъ во владѣніе пережившаго супруга даже въ общемъ порядкѣ наслѣдованія представляется излишнимъ. Существующая, однако, въ ипотечныхъ отдѣленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа практика требуетъ по окончаніи ипотечнаго наслѣдственнаго производства для всѣхъ неочередныхъ наслѣдниковъ, къ числу коихъ причисляетъ и пережившаго супруга, еще особаго производства о вводѣ во владѣніе, и лишь по окончаніи этого производства на неочередныхъ наслѣдниковъ можетъ быть переписано право собственности.

Въ основу этой практики легло послѣдовавшее въ 1853 г. разъясненіе IX Департамента Сената слѣдующаго содержанія: „Предъявлено было требованіе, въ порядкѣ жалобы на опредѣленіе ипотечнаго отдѣленія о выдачѣ распоряженія о непосредственномъ переписаніи титула собственности на имя жены за отсутствіемъ родственниковъ, легитимирующихся къ наслѣдству послѣ мужа, на основаніи оконченнаго наслѣдственнаго производства. Сенатъ согласно

съ заключеніемъ призналъ, что окончаніе наслѣдственнаго производства не было достаточнымъ для пережившей супруги для переписанія на нее титула собственности на недвижимость, оставшуюся послѣ мужа; напротивъ того, 770 ст. гражд. код. не отмѣнена ни ипотечнымъ уставомъ, ни закономъ 1825 г., а поэтому пережившій супругъ долженъ исполнить формальности, указанныя въ этой статьѣ, и исходатайствовать рѣшеніе подлежащаго трибунала о вводѣ его во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ въ виду отсутствія родственниковъ въ наслѣдоспособныхъ степеняхъ". Сборникъ рѣш. IX Деп. Сената Капустинскаго № 248—9, стр. 304.

Несомнѣнно, практика ипотечныхъ отдѣленій впредь до новыхъ разъясненій Сената, быть можетъ, долго еще будетъ слѣдовать порядку, несогласному ни съ цѣлями ипотечнаго устава, ни съ послѣдующимъ разъясненіемъ Правительствующаго Сената № 108, 1880 г., пробившемъ брешь въ цитированномъ нами рѣшеніи IX Департамента, ни, наконецъ, съ началами ипотечной цѣлесообразности.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что IX Департаментъ не принадлежалъ къ числу такихъ государственныхъ учрежденій, которыя проявляли склонность въ угоду авторитетности разъ высказаннаго, хотя бы и ошибочнаго, мнѣнія, во что бы то ни стало проводить эту ошибку въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ. Напротивъ того, въ трудахъ этого учрежденія, собранныхъ въ сборникѣ Капустинскаго „Iurisprudencia Senatu za lat 26 съ 1842—1868 г.г. „въ Судебныхъ Ежегодникахъ" (Roczniki Sądowe съ 1868—1876 г.) мы находимъ цѣлый отдѣлъ т. н. Ustalenie jurisprudencyi, когда IX Департам. періодически провѣрялъ свои рѣшенія въ связи съ однородными и охотно отказывался отъ своихъ ошибокъ, объявляя, какое изъ несогласныхъ или разнорѣчивыхъ мнѣній должно имѣть руководственное значеніе. Если IX Деп. и въ этомъ случаѣ не исправилъ своей ошибки, то это можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь не натолкнула его еще разъ на вторичное разрѣшеніе того же вопроса, ибо приведенное нами рѣшеніе его единственное по тому же предмету.

Но обратимся къ критикѣ внутренняго содержанія этого рѣшенія. Въ немъ IX Деп. говоритъ, что 770 ст. гр. код., причисляющая, какъ извѣстно, къ числу неочередныхъ наслѣдниковъ пережившаго супруга, внѣбрачное дитя и государство, не подвергалась измѣненію гр. уложеніемъ 1825 г.; но мы уже, кажется, достаточно доказали, что напротивъ того она подвергалась существенному из-

мѣненію 233 ст. гр. ул., возведшей пережившаго супруга на степень законнаго наслѣдника, вступающаго, согласно 724 ст. гр. код., по силѣ самаго закона въ обладаніе имуществомъ умершаго супруга. Нельзя ставить въ серьезную вину IX Департаменту Сената его ошибку въ признаніи и послѣ изданія гражданскаго уложенія 1825 г. пережившаго супруга неочереднымъ наслѣдникомъ. Новыя юридическія понятія не легко входятъ въ сознаніе доктрины и судебной практики, а особенно у людей, воспитавшихся на началахъ фр. кодекса. Они не сразу могутъ отрѣшиться отъ юридическихъ нормъ, поражавшихъ ихъ и геніальностью идеи, и стройностью изложенія. Валентій Дуткевичъ, классическій трудъ коего „Hypoteczne prawo polske“ имѣлъ значительное вліяніе на практику IX департамента, въ другомъ сочиненіи своемъ, писанномъ въ 1862 г. „O prawach wierzycieli do spadku po dluzniku pozostalego“ (о правахъ кредиторовъ къ наслѣдству, оставшемуся послѣ должника), никакъ не могъ отрѣшиться отъ взгляда на пережившаго супруга какъ на неочереднаго наслѣдника потому, что гр. ул. 1825 г. говоритъ не о правахъ наслѣдованія пережившаго супруга, а о долѣ его, не о jus haereditatis, а о paris haereditaria стр. 57. Но по этому поводу глубокій знатокъ гражданскаго права Цахаріе не безъ основанія замѣчаетъ, что при изслѣдованіи истиннаго разума закона не слѣдуетъ иногда придираться къ неточнымъ выраженіямъ законодателя, ибо онъ подъ тяжестью носимаго имъ бремени не всегда въ состояніи быть педантично точнымъ въ своихъ выраженіяхъ.

Отчасти ошибочно утверждаетъ IX Департаментъ, что 770 ст. гр. код. не отмѣнена ипот. уставомъ. Съ этимъ можно согласиться, но лишь отчасти. Ипот. уставъ 1818 г. дѣйствительно не отмѣнилъ постановленій кодекса относительно правъ наслѣдованія, но онъ отмѣнилъ самый способъ объявленія правъ по наслѣдованію.

Въ то время, какъ 724 статья гр. код. призвала къ наслѣдованію въ общемъ порядкѣ наслѣдованія, сообщающемъ одни лишь личныя права на наслѣдство (jura ad rem) законныхъ наслѣдниковъ въ силу самаго закона, безъ всякихъ публикацій, безъ всякаго судебнаго ввода, а установила этотъ порядокъ исключительно лишь для внѣбрачнаго дитяти и государства, ип. уставъ 1818 г. въ ст. 125—131 установилъ для всѣхъ безъ исключенія порядокъ, въ силу коего никто не можетъ пріобрѣсть вещныхъ правъ иначе, какъ по истеченіи 6 мѣсячнаго публикаціоннаго срока для явки наслѣдниковъ съ равными или лучшими правами.

Гдѣ кроется причина такой разницы въ способѣ осуществленія правъ по кодексу и ип. уставу? Безъ сомнѣнія на этотъ вопросъ можетъ быть отвѣтъ: разница происходитъ отъ различія въ послѣдствіяхъ пріобрѣтенія имущественныхъ правъ по гр. кодексу и по ип. уставу. Гр. кодексъ при переходѣ имущественныхъ правъ исходитъ изъ общаго юридическаго принципа—nemo plus juris in alterum transferre potest quam ipse habet, поэтому согласно 1599 ст. кодекса продажа чужой собственности недѣйствительна; продавецъ-несобственникъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ перенести на покупателя правъ собственности на непринадлежащую ему вещь, ип. же уставъ въ 30, 31 и 32 и многихъ другихъ статьяхъ провелъ одинъ и тотъ же принципъ, что записанный въ ип. книгахъ собственникъ въ глазахъ 3-яго добросовѣстнаго пріобрѣтатетеля долженъ быть почитаемъ дѣйствительнымъ собственникомъ, хотя бы онъ не былъ таковымъ, и пріобрѣтенное отъ такого собственника вещное право признается пріобрѣтеннымъ безповоротно. По гр. кодексу законный наслѣдникъ, вступившій въ обладаніе имуществомъ наслѣдодателя и затѣмъ продавшій таковое 3-ему лицу, не даетъ послѣднему гарантіи, что въ теченіе 30-лѣтняго давностнаго срока имущество, ему проданное, не будетъ отъ него отсуждено въ натурѣ въ пользу наслѣдника съ лучшими правами. По ип. же уставу наслѣдникъ, записанный въ ип. книгахъ въ качествѣ собственника, съ момента продажи наслѣдственнаго ипотекованнаго имущества 3-ему добросовѣстному пріобрѣтателю, не знавшему о существованіи наслѣдника съ лучшими правами, сообщаетъ этому пріобрѣтателю безповоротное право собственности. Вотъ гдѣ причина особой осторожности составителей ип. устава, проявленной ими при переходѣ права собственности на ип. имущества по наслѣдству.

Но быть можетъ намъ на это возразятъ, что если ип. законодатель былъ такъ остороженъ въ предоставленіи вещныхъ правъ вообще, а по наслѣдству въ частности, то практика, преслѣдующая тѣ же цѣли, идетъ лишь параллельно мысли законодателя. Не таковы однако были его желанія, ибо кромѣ осторожности законодатель преслѣдовалъ еще и интересы общаго блага.

Въ первоначальной редакціи 127 ст. ип. устава, опредѣляющей порядокъ публикаціи, означенъ былъ годичный срокъ съ 3 сроками для публикаціи. Но уже 20 окт. 1826 г. дворянскій совѣтъ (Rada Obywatelska) Плоцкаго воеводства возбудилъ предъ правительствомъ ходатайство о сокращеніи публикаціоннаго срока, объ уменьшеніи

количества публикаціи и даже объ уничтоженіи таковыхъ въ случаѣ наслѣдованія по прямой восходящей или нисходящей линіи, а равно объ облегченіи способовъ доказанія правъ на наслѣдованіе. Результатомъ этого ходатайства явился сеймовый законъ 16 и 28 іюня 1830 г., сократившій публикаціонный срокъ до 1/2 года, а число публикацій съ 3 на 2. Изъ мотивовъ этого закона, помѣщенныхъ въ сборникѣ приготовительныхъ работъ по введенію ип. уставовъ 1818 и 1825 г., стр. 353—392, нельзя не усмотрѣть, что хотя сеймъ не призналъ возможнымъ отмѣнить наслѣдственную публикацію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она повидимому представлялась излишней, но онъ призналъ справедливымъ сократить срокъ ип. безхозяйственности ип. недвижимостей для блага общественнаго кредита, во вниманіе къ справедливымъ интересамъ кредиторовъ, коимъ и безъ того гр. код. не даетъ правъ осуществлять свои иски къ наслѣдникамъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ и 40 дней со дня смерти наслѣдодателя, а для облегченія тягостей по публикаціямъ сократилъ ихъ число и упростилъ способъ легитимаціи наслѣдоспособности, допустивъ свидѣтельскія показанія. Несомнѣнно, что практика ввода во владѣніе независимо ип. наслѣдств. производства идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными намѣреніями ип. законодателя. Если законодатель послѣ продолжительныхъ дебатовъ на сеймѣ не призналъ возможнымъ удовлетворить ходатайствъ отдѣльныхъ депутатовъ объ уничтоженіи публикаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣмъ извѣстные наслѣдники вещныхъ правъ находятся налицо, если онъ призналъ, что человѣкъ, живущій въ обществѣ, долженъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносить себя въ жертву извѣстной законодательной идеѣ, если въ угоду этой идеѣ онъ принесъ въ жертву въ теченіе 6 мѣсяцевъ справедливые интересы наслѣдниковъ, кредиторовъ наслѣдодателя и кредиторовъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ, то нельзя подыскать мотивовъ, по коимъ бы законодатель послѣ принесенной уже 1 разъ во время ип. наслѣдственнаго производства жертвы сталъ бы требовать ее вторично, и при томъ очевидно безполезно. Ип. отдѣленіе уже разъ вызывало всѣхъ наслѣдниковъ какъ очередныхъ, такъ и неочередныхъ и непонятно, почему 1-ые, не внявъ ип. публикаціямъ, явятся по публикаціямъ окружнаго суда; но если бы они и явились, то какая сила можетъ заставить ихъ, независимо явки въ окр. судъ для предъявленія своихъ правъ на неипотекованное имущество, явиться въ ип. отдѣленіе для предъявленія тѣхъ же правъ на вещныя права. Полагаемъ, никто не станетъ спорить, что по точному смыслу 129 ст. ип. устава одна явка очередныхъ наслѣд-

никовъ въ окружный судъ не можетъ имѣть никакихъ ипотечныхъ послѣдствій.

Н. Лебединцевъ.

IV.

НЕДОРАЗУМѢНІЯ ВЪ НОТАРІАЛЬНОМЪ ДѢЛѢ.

При примѣненіи новаго гербоваго устава изд. 1900 г., въ нотаріальномъ дѣлопроизводствѣ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, возникаетъ на практикѣ существенный вопросъ объ оплатѣ гербовымъ сборомъ главныхъ выписей актовъ, совершаемыхъ нотаріусами. Въ виду того, что вопросъ этотъ неодинаково разрѣшается практически нотаріусами, и что и указанія окружныхъ судовъ нотаріусамъ, въ предметѣ его разрѣшенія, также могутъ быть различны, не лишнимъ считаемъ остановиться на этомъ вопросѣ, съ цѣлью разъясненія, насколько возможно и необходимо допустить однообразное примѣненіе закона. Въ силу 116 ст. герб. уст., гербовый сборъ за главную выпись акта, вносимаго въ актовую или крѣпостную книгу, взимается предъ внесеніемъ проекта акта въ эту книгу. Это установлено для губерній Имперіи. Въ губерніяхъ же Варшавскаго судебнаго округа означенный сборъ взимается при совершеніи акта, *всѣ выписи* котораго оплачиваются гербовымъ сборомъ въ размѣрахъ и порядкомъ, установленнымъ для оплаты копій. Вотъ и возбуждается на практикѣ вопросъ: слѣдуетъ ли главную выпись акта оплачивать простымъ гербовымъ сборомъ наравнѣ съ другими выписями, въ виду того, что законъ говоритъ о всѣхъ выписяхъ. Нижеслѣдующія соображенія не могутъ не привести къ заключенію, что главныя выписи не должны быть оплачиваемы простымъ гербовымъ сборомъ. 116 статья гербоваго устава помѣщена въ отдѣленіи IV главы V, гдѣ говорится вообще о порядкѣ оплаты актовъ *пропорціональнымъ* гербовымъ сборомъ. Въ ст. 115 устава говорится, что во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи акты излагаются на гербовой бумагѣ, достоинство которой, на основаніи 1 п. 80 ст. устава, соотвѣтствуетъ окладу сбора, причитающагося съ актовъ, или же на актъ налагаются гербовыя марки. Въ губерніяхъ же Варшавскаго судебнаго округа акты оплачиваются пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ наличными деньгами. Такимъ образомъ, въ ст. 115 говорится о пропорціональномъ гербовомъ сборѣ, уплачиваемомъ за акты, и о способахъ та-

кого взиманія. Въ слѣдующей же 116 статьѣ говорится о времени такого взысканія, т. е. о томъ, въ какой моментъ, сопровождающій совершеніе акта, вносится тотъ сборъ. И хотя въ ст. 116 упоминается о гербовомъ сборѣ за главную выпись акта, но, въ виду вышесказаннаго, а также въ виду ссылки въ этой статьѣ на 96, 169 и 262 ст. нот. полож., трактующія о гербовыхъ сборахъ и пошлинахъ, слѣдующихъ въ казну за совершеніе акта,—надлежитъ прійти къ выводу о томъ, что въ 116 статьѣ подъ гербовымъ сборомъ разумѣется *пропорціональный* гербовый сборъ, и что законъ, говоря о сборѣ, за главную выпись акта, разумѣетъ сборъ, налагаемый закономъ за самое совершеніе акта. Главная выпись акта неразрывно связана съ самимъ моментомъ совершенія акта; она входитъ въ понятіе совершенія акта. Такой выводъ основывается на сопоставленіи 115 и 118 ст. нотар. полож., 1 и 15 ст. врем. таксы вознагражденія нотаріусовъ и рѣш. Общ. Собр. Касс. Д-товъ Сената 1887 г. за № 5. Никакого особаго вознагражденія въ свою пользу нотаріусъ не имѣетъ права брать за выдачу главной выписи акта; никакого въ пользу казны особаго сбора, за главную выпись, кромѣ сбора за совершеніе акта, по закону не полагается. За главную выпись акта полагается лишь одинъ пропорціональный гербовый сборъ, взимаемый за совершеніе акта. Въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, по новому гербовому уставу, этотъ сборъ взимается наличными деньгами; при прежнемъ же гербовомъ уставѣ, главная выпись акта писалась на листѣ бумаги пропорціональнаго гербоваго сбора. И въ губерніяхъ Имперіи, для главной выписи акта, въ силу 195 ст. нот. пол., требуется гербовая бумага по цѣнѣ предмета акта. При всей ясности такого толкованія, въ недоумѣніе могутъ привести послѣднія строки 116 ст. герб. уст.: „*всѣ выписи* котораго (т. е. акта) оплачиваются гербовымъ сборомъ въ размѣрахъ и порядкомъ, установленнымъ для оплаты копій, т. е. простымъ сборомъ. Могутъ сказать, что, если всѣ выписи оплачиваются простымъ гербовымъ сборомъ, слѣдовательно и главная выпись оплачивается тѣмъ же сборомъ. Мы уже говорили, что главная выпись не то же, что всякая другая послѣдующая выпись; что въ нот. положеніи она занимаетъ свое особое мѣсто и выдѣляется по своему значенію отъ послѣдующихъ выписей, при чемъ, въ подтвержденіе этого соображенія, сослались на 115, 118, 195 и 196 ст. нот. пол. и 1 и 15 ст. таксы, но если обратиться и къ самому гербовому уставу, то и тамъ найдемъ подтвержденіе нашего взгляда. На основаніи 13 ст. п. 21 устава,

простому гербовому сбору въ 1 рубль подлежатъ выписи и копіи актовъ, подлежащихъ пропорціональному гербовому сбору, когда сборъ съ главной выписи не менѣе одного рубля (разумѣется пропорціональный сборъ), кромѣ первыхъ или главныхъ экземпляровъ, при чемъ сдѣлана ссылка на 195 и 196 ст. нот. пол. А изъ этихъ статей также видно, что простымъ гербовымъ сборомъ оплачиваются всѣ выписи, кромѣ той, которая пишется на гербовой бумагѣ по цѣнѣ предмета акта, т. е. главной. Такимъ образомъ, ясно устанавливается то положеніе, что не всѣ выписи актовъ оплачиваются простымъ гербовымъ сборомъ, а лишь слѣдующія за главной, т. е. вторичныя и послѣдующія выписи (дубликаты).

Покончивъ съ вопросомъ объ оплатѣ сборомъ главныхъ выписей актовъ, совершаемыхъ нотаріусами, перейдемъ къ разрѣшенію вопроса, также имѣющаго большое практическое значеніе, вопроса чисто нотаріальнаго, разно понимаемаго и разрѣшаемаго на практикѣ—вопроса о томъ, обязаны ли нотаріусы, независимо отъ требованія лицъ, въ актѣ опредѣленныхъ, выдавать имъ главныя выписи актовъ. Казалось бы, за разрѣшеніемъ этого вопроса слѣдовало бы обратиться къ самому нотаріальному положенію. Но положеніе не даетъ отвѣта на постановленный вопросъ. Статья 115-я положенія говоритъ, что выпись акта (т. е. главная) выдается нотаріусомъ съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 67—72, 99—103 и нижеслѣдующихъ. Статьями 67—72 требуется, чтобы нотаріусъ означалъ въ выписяхъ нумера акта, скрѣплялъ по листамъ, переводилъ подписи, сдѣланныя на иностранномъ языкѣ; въ ст. 99—103 говорится о пробѣлахъ, подчисткахъ и т. п., въ статьяхъ же, слѣдующихъ за 115-ой, говорится о томъ, кому и какъ нотаріусы выдаютъ выписи. Практика нѣкоторыхъ судовъ требуетъ, чтобы нотаріусы, сейчасъ по совершеніи акта, заготовляли и выдавали лицамъ, въ актѣ опредѣленнымъ, главныя выписи, и если лицо не желаетъ получить сейчасъ выпись акта, то чтобы немедленно заготовляли ихъ. Такая практика судовъ имѣетъ въ виду рѣшеніе Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената 1887 г. за № 5. Сенатъ находитъ, что выдача главной выписи, какъ было уже нами выше указано, составляетъ такое дѣйствіе нотаріуса, которое входитъ въ понятіе совершенія акта, что за выдачу главныхъ выписей не полагается нотаріусу никакого иного вознагражденія, кромѣ вознагражденія за самое совершеніе акта, что, на основаніи 118 ст. нот. пол., вторичныя и послѣдующія выписи могутъ быть выдаваемы только по требованію лицъ, и что,

слѣдовательно, выдача главной выписи *обязательна* для нотаріуса въ силу закона. Со всѣмъ этимъ логически можно согласиться, но разъ поставить вопросъ на практическую почву, рѣшеніе Сената не выдержитъ натиска практическихъ соображеній. Допустимъ, обяжемъ нотаріуса выдать главную выпись акта лицу, въ немъ опредѣленному. Но это лицо не желаетъ теперь же получать выпись: какъ тутъ согласовать обязанность нотаріуса и нежеланіе стороны; вѣдь нельзя же обязать ее получить выпись. Изготовленіе выписи требуетъ извѣстнаго времени; немало времени могло быть потрачено на самое совершеніе акта; сторона не имѣетъ времени ожидать еще и полученія выписи. Да выпись ей теперь, можетъ быть, и не нужна; выпись можетъ затеряться, сгорѣть и т. п.: такъ часто разсуждаютъ совершающіе акты изъ простолюдиновъ. На это могутъ возразить, что если не сейчасъ, то во всякомъ случаѣ нотаріусъ обязанъ заготовить выпись столь заблаговременно, что если сторона потребуетъ, то чтобы выпись была немедленно ей выдана. Но какъ часто, при ревизіи нотаріусовъ, приходилось видѣть заготовленныя за многіе года выписи въ пыли на полкахъ шкафовъ, напрасно ожидающія тѣхъ, кто за ними можетъ явиться. Одно соображеніе объ обязательной выдачѣ главныхъ выписей имѣетъ нѣкоторое значеніе. Нотаріусъ совершилъ актъ, получилъ вознагражденіе за актъ и за главную выпись (1 и 15 ст. таксы), но выпись не была получена и не была изготовлена, а впослѣдствіи нотаріусъ умеръ или вообще оставилъ свою должность. Является къ новому нотаріусу лицо, опредѣленное въ актѣ, совершенномъ первымъ нотаріусомъ, и требуетъ выписи. Это лицо уже уплатило за выпись первому нотаріусу, но новый нотаріусъ можетъ потребовать за выпись вторично плату, такъ какъ даромъ переписывать актъ и провѣрить его не обязанъ, и вотъ можетъ потребовать въ свою пользу вознагражденіе примѣнительно къ 15 ст. таксы. Но такіе случаи, сравнительно, рѣдки; кромѣ того, лицо, явившееся за выписью, справедливо, потерпитъ нѣкоторый матеріальный ущербъ за опрометчивость, выразившуюся въ томъ, что совершивъ актъ и уплативъ деньги, не озаботилось немедленнымъ требованіемъ и полученіемъ выписи.

При отсутствіи въ законѣ требованій о томъ, чтобы нотаріусы обязательно выдавали главныя выписи сейчасъ по совершеніи акта, независимо отъ требованій лицъ, въ актѣ опредѣленныхъ, нѣтъ основаній требовать отъ нотаріусовъ такой выдачи, а представляется болѣе правильнымъ наложить на нотаріусовъ обязанность выдавать

главныя выписи немедленно при каждомъ требованіи лицъ, въ актѣ опредѣленныхъ.

Попутно не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ и о другихъ недочетахъ въ положеніи о нотаріальной части. Удостовѣреніе въ самоличности неизвѣстныхъ нотаріусу лицъ, участвующихъ въ совершеніи акта, представляется весьма шаткимъ явленіемъ въ нотаріальной практикѣ. Въ силу 73 ст. нот. пол., такая самоличность удостовѣряется „двумя, извѣстными нотаріусу заслуживающими довѣрія, лицами". Эти же свидѣтели, обыкновенно, удостовѣряютъ и дѣйствительное совершеніе акта (84-я ст. Полож.), они должны быть совершеннолѣтніе и грамотные (86 ст. пол.). Лицамъ, совершающимъ актъ, обыкновенно трудно найти такихъ свидѣтелей, особенно, если нотаріальная контора находится не въ мѣстѣ жительства тѣхъ лицъ; люди занятые не охотно пойдутъ въ свидѣтели, не желая отклоняться отъ своихъ прямыхъ занятій. Силою вещей образовались въ нотаріальныхъ конторахъ профессіональные свидѣтели, удостовѣряющіе самоличность почти всѣхъ являющихся въ контору лицъ, нотаріусу неизвѣстныхъ, и становящіеся въ то же время свидѣтелями совершенія актовъ. Конечно, эти лица не могутъ знать всѣхъ являющихся въ контору, но, тѣмъ не менѣе, полагаясь на заявленія послѣднихъ, удостовѣряютъ самоличность. Такое удостовѣреніе часто обращается въ простую формальность. Эти свидѣтели обыновенно цѣлые дни проводятъ въ конторѣ нотаріуса, получая вознагражденіе отъ являющихся къ нотаріусу лицъ. Такое весьма нежелательное явленіе можетъ быть причиною разныхъ злоупотребленій. Нотаріусъ здѣсь формально правъ: разъ свидѣтели удовлетворяютъ требованіямъ 86 ст. нот. пол., онъ не можетъ не принять указываемыхъ ему свидѣтелей. Есть и другіе способы удостовѣренія въ самоличности, указанные въ 18 и 19 ст. врем. правилъ для нотаріусовъ (собр. узак. 1867 г. № 91 ст. 802) какъ то: подписка въ справедливости свидѣтельства, представляющіе свидѣтельства полиціи или начальства, паспортъ и т. п. Не говоря уже о подпискѣ, имѣющей чисто формальное значеніе, послѣдніе способы могутъ конечно удостовѣрить самоличность, но они являются ненадежными средствами удостовѣренія правоспособности лицъ, совершающихъ актъ, требуемой 83 и 147 ст. нот. пол., которыя, однако, не указываютъ, какія имѣются средства къ удостовѣренію правоспособности. Объ этихъ средствахъ говоритъ лишь 20 статья вышеуказанныхъ правилъ, ссылаясь на подписку и удостовѣреніе свидѣтелей, но всѣ эти способы, какъ мы уже указали, представляются не вполнѣ и не всегда надежными.

Веденіе книги сборовъ, если строго соблюдать требованія правилъ „о веденіи книгъ для сборовъ“ (собр. узак. 10 апрѣля 1867 г. № 33, ст. 322), представляетъ немалыя затрудненія для нотаріусовъ. Статья 16 правилъ требуетъ, чтобы внесшій сборъ вписалъ въ книгу собственноручно и прописью количество внесенныхъ имъ денегъ и подписалъ свое имя и фамилію. За неграмотнаго, внесшаго сборъ, росписывается въ книгѣ другое лицо по его просьбѣ (17 ст.), при чемъ, напр., служащіе у нотаріуса не имѣютъ права росписываться въ книгѣ за неграмотныхъ (18 ст.). Требованіе росписки по книги сборовъ гарантируетъ самихъ же совершающихъ сдѣлки предъ нотаріусами, такъ какъ совершающіе сдѣлку видятъ по книгѣ сборовъ, какая сумма сбора съ нихъ взыскана и та ли, которая дѣйствительно съ нихъ слѣдовала. Но, съ другой стороны, правила эти грѣшатъ излишнимъ формализмомъ и на практикѣ обыкновенно такъ строго не исполняются. Если въ крупныхъ культурныхъ центрахъ совершающими сдѣлки часто бываютъ люди неграмотные или малограмотные, то что̀ же ждать отъ большинства менѣе культурныхъ мѣстъ? Есть люди, настолько грамотные, что могутъ подписать лишь свою фамилію; нельзя требовать отъ нихъ, чтобы они собственноручно прописали въ книгѣ внесеніе ими сбора; иной грамотѣй лишь испачкаетъ книгу, пиша, что̀ требуется правилами, и все-таки ничего не напишетъ. Если лицо неграмотное, то за него чаще всего росписывается умѣющій лишь подписать свою фамилію, не будучи въ состояніи прописать весь текстъ росписки. Вотъ почему на практикѣ, во избѣжаніе такой возни съ грамотѣями, въ такихъ случаяхъ, или самъ нотаріусъ пишетъ текстъ росписки, или служащій у него, или свидѣтель совершенія акта. А вѣдь все это, вызываемое крайнею необходимостью, несогласно съ строгимъ требованіемъ 16 и 17 ст. правилъ. Служащій у нотаріуса не можетъ росписаться за неграмотнаго по книгѣ сборовъ, а за неграмотное лицо, совершающее актъ, онъ можетъ росписаться на актѣ. По крайней мѣрѣ въ ст. 113 нот. пол. нѣтъ такого запрещенія; лишь 87 ст. воспрещаетъ служащимъ въ конторѣ нотаріуса являться свидѣтелями при совершеніи актовъ. При такомъ положеніи вещей могутъ быть и несомнѣнно случаются нѣкоторые курьезы. За лицо, совершающее актъ, какъ неграмотное, по его просьбѣ, въ актѣ росписался служащій въ конторѣ нотаріуса. Нотаріусъ предлагаетъ росписаться въ книгѣ сборовъ объ уплатѣ сбора. Плательщикъ сбора, т. е. лицо, совершившее сдѣлку, естественно обращается къ тому же служащему съ просьбой росписаться за него и въ книгѣ

сборовъ. Тотъ заявляетъ, что не имѣетъ права росписаться въ книгѣ. „Да вы же только-что за меня росписались“, возражаетъ плательщикъ. „Тамъ можно было“, разъясняетъ служащій, „а по закону въ книгѣ я не имѣю права росписываться, ищите другое лицо“. Совершившій актъ остается въ полномъ недоумѣніи и, конечно, не поймаетъ, почему это тамъ за него росписался такой-то, а здѣсь онъ не имѣетъ права, подумавъ, пожалуй, что тутъ дѣло что-то неладно. И положеніе нотаріуса при этомъ какое-то неловкое. Если служащій въ конторѣ нотаріуса можетъ росписаться за неграмотное лицо на актѣ, весьма важномъ документѣ, устанавливающемъ юридическія отношенія сторонъ, то, казалось бы, тѣмъ болѣе нѣтъ основаній устранять служащаго въ конторѣ росписываться за неграмотныхъ по книгѣ сборовъ, гдѣ лишь отмѣчается объ уплатѣ сбора, тѣмъ болѣе, что извѣстно, съ какою трудностью вообще отыскиваются грамотные люди; для росписокъ же въ книгѣ сборовъ, какъ сказано выше, требуется такое грамотное лицо, которое бы могло написать весь текстъ росписки. Намъ казалось бы, что если совершающій актъ—лицо неграмотное, то достаточно было бы отмѣтить, гдѣ слѣдуетъ, рукою нотаріуса, что такой-то по неграмотности не подписался. Конечно это могло быть допустимо при измѣненіи редакціи 113 и подлежащихъ статей нотаріальнаго положенія. Нотаріусъ есть лицо, состоящее на государственной службѣ (17 ст. полож.); въ силу своего положенія, онъ пользуется общественнымъ довѣріемъ, а также и довѣріемъ правительства, органомъ котораго онъ состоитъ, и поэтому не представляется основаній опасаться того, что измѣненіе 113 ст. полож. повлечетъ за собою какія-либо злоупотребленія. Независимо сего, гарантія дѣйствительности и правильности совершенія акта отъ имени или на имя неграмотнаго еще и въ томъ, что два грамотныхъ свидѣтеля своими подписями удостовѣрятъ, что совершающій актъ не подписался по неграмотности, также точно, какъ они нынѣ удостовѣряютъ, что за неграмотнаго, совершающаго актъ, росписался такой-то (84 и 113 ст. нотар. полож.). Вѣдь 470 ст. уст. угол. суд. требуетъ, чтобы на слѣдственныхъ протоколахъ за неграмотныхъ лицъ подписывались тѣ, кому они довѣрятъ, а, между тѣмъ, на практикѣ обыкновенно судебный слѣдователь отмѣчаетъ, что такой-то неграмотенъ, и никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ этого не происходитъ. Подтвержденіемъ правильности нашего взгляда можетъ служить ссылка на гражданскій кодексъ Наполеона, съ успѣхомъ дѣйствующій въ губерніяхъ Царства Польскаго. Если

завѣщатель, совершая такъ называемое публичное завѣщаніе (чрезъ двухъ нотаріусовъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, или чрезъ одного нотаріуса въ присутствіи 4-хъ свидѣтелей), заявляетъ нотаріусу, что не умѣетъ или не можетъ подписать завѣщаніе, то объ этомъ нотаріусъ долженъ упомянуть въ своемъ актѣ, равно и о причинѣ, препятствующей подписать актъ (973 ст. код.). Мало того. Завѣщаніе это должно быть подписано свидѣтелями, но въ *селеніяхъ* (гдѣ, предполагается, мало грамотныхъ) достаточно, чтобы подписалъ его одинъ изъ двухъ свидѣтелей, если завѣщаніе совершено двумя нотаріусами, или двое изъ 4-хъ свидѣтелей, если оно совершено однимъ нотаріусомъ (974 ст. кодекса). Такимъ образомъ, если при совершеніи такого важнаго акта, какъ духовное завѣщаніе, устанавливающаго имущественныя отношенія на случай смерти завѣщателя, въ данномъ случаѣ неграмотнаго, не требуется чтобы кто-либо подписался за него на нотаріальномъ актѣ, не требуется, чтобы и всѣ свидѣтели подписались подъ актомъ завѣщанія, то тѣмъ болѣе это можетъ быть допустимо и во всѣхъ случаяхъ совершенія сдѣлокъ предъ нотаріусами.

Больнымъ мѣстомъ нотаріальнаго положенія является требованіе испытаній или экзаменовъ, въ той мѣрѣ, какъ то установлено 15 и 225 ст. положенія. Должность нотаріуса предоставляется желающему занять ее не иначе, какъ по испытаніи его предсѣдателемъ окружнаго суда, старшимъ нотаріусомъ и прокуроромъ въ умѣніи правильно излагать акты и въ знаніи формъ нотаріальнаго дѣлопроизводства, и необходимыхъ, для исполненія этой должности, законовъ (15 ст. полож.). Въ губерніяхъ Царства Польскаго, вмѣсто старшаго нотаріуса, въ испытаніи участвуетъ одинъ изъ нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечной канцеляріи суда (225 ст. полож.). Еще въ началѣ введенія въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія понятно требованіе экзамена отъ всякаго желающаго занять должность нотаріуса; но теперь не то. Члены судебныхъ палатъ, члены окружныхъ судовъ идутъ въ нотаріусы. Немудрено. Дороговизна жизни, осложненіе жизненныхъ условій и требованій, весьма недостаточно обезпеченное матеріальное положеніе лицъ судебнаго вѣдомства побуждаютъ лицъ судебной магистратуры идти въ нотаріусы, конечно въ наиболѣе крупные и бойкіе центры. И такой солидный кандидатъ, какъ судья, долженъ на общемъ основаніи подвергнуться испытанію. И здѣсь, конечно, дѣло не обходится безъ курьезовъ. Членъ окружнаго суда ревизуетъ нотаріусовъ, а когда пожелаетъ самъ стать нотаріусомъ, то, напр., въ губерніяхъ

Царства Польскаго экзаменуется нотаріусомъ, и, можетъ быть, тѣмъ, котораго вчера ревизовалъ. Надлежало бы, по крайней мѣрѣ, лицъ судебной магистратуры исключить изъ круга лицъ, подлежащихъ испытанію при соисканіи должности нотаріуса.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что коренной ломки нотаріальное положеніе не требуетъ; слѣдуетъ лишь устранить нѣкоторые непорядки въ нотаріальномъ дѣлѣ и, соотвѣтственно этому, произвести улучшенія.

Н. Ф. Бѣлевичъ.

V.

ОБЪ УДЕРЖАНІИ НОТАРІУСАМИ ОКРУГА ВАРШАВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ВЪ СВОЮ ПОЛЬЗУ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ СБОРОВЪ ПО МѢСТУ СОВЕРШЕНІЯ АКТОВЪ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія была измѣнена правительствомъ въ предѣлахъ б. Царства Польскаго система взиманія акцизныхъ сборовъ, при чемъ города, посады и сельскія гмины лишились значительной доли ихъ доходовъ, отошедшихъ всецѣло въ казну. Тогда въ возмѣщеніе сего ущерба и былъ установленъ сборъ съ векселей, заемныхъ писемъ и другихъ нотаріальныхъ актовъ въ пользу городовъ и сельскихъ или посадскихъ гминъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 декабря 1870 года положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго (собр. узак. 1871 г. № 4, ст. 39). Взиманіе этого послѣдняго сбора возложено тѣмъ же положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго на дѣйствовавшихъ тогда въ краѣ регентовъ (нотаріусовъ) и ипотечныхъ писарей, а изъ собранной ими суммы сего сбора предоставлено имъ въ жалованье и на канцелярскіе расходы *десять процентовъ*. Вслѣдствіе того регенты за послѣдніе пять съ половиною лѣтъ ихъ существованія въ Привислинскомъ краѣ до судебной тутъ реформы постоянно и повсюду брали въ свою пользу десятую часть сборовъ по мѣсту совершенія ими нотаріальныхъ актовъ и имѣли на то полное, установленное закономъ право. Между тѣмъ нотаріусы по Высочайше утвержденному 14 апрѣля 1866 года положенію о нотаріальной части, производя на основаніи 201—205 и 207 ст. сего положенія, со всѣхъ обязательствъ и договоровъ, совершаемыхъ ими, равно какъ и съ предъявляемыхъ имъ къ засвидѣтельствова-

нію и къ протесту, сборъ въ доходъ того города, мѣстечка или волости, гдѣ документъ совершенъ или предъявленъ, должны вносить этотъ сборъ въ полной цифрѣ его поступленія по принадлежности въ силу 43 ст. правилъ, росписаній и формъ, къ нотаріальной части относящихся, которыя распубликованы въ собр. узак. 1867 г. № 33, ст. 322. Эти правила, росписанія и формы составляютъ какъ бы, такъ сказать, формальное право—уставъ судопроизводства къ нотаріальному положенію 1866 года, которое само по себѣ есть матеріальное право по части нотаріальной—это какъ бы нотаріальный X т. ч. 1 свода гражд. зак. Съ введеніемъ въ предѣлахъ Привислинскаго края въ дѣйствіе со дня судебной реформы (1 іюля 1876 г.) нотаріальнаго положенія 14 апрѣля 1866 года по закону 19 февраля 1875 года (собр. узак. 1875 г. № 20, ст. 254) и вышеприписанныя правила распространены были закономъ 2 іюля 1876 года и на Варшавскій судебный округъ съ соотвѣтствующими измѣненіями, но за исключеніемъ статей, касающихся старшихъ нотаріусовъ (собр. узак. 1876 г. № 59, ст. 636). Однако смѣнившіе регентовъ въ этомъ краѣ нотаріусы, какъ установлено ревизіями и обозрѣніями дѣлопроизводства въ ихъ конторахъ, почти повсемѣстно въ округѣ Варшавской судебной палаты продолжаютъ пользоваться городскими сборами въ размѣрѣ 10% по примѣру бывшихъ регентовъ. Но правильно ли это? Гарантируетъ ли нынѣ дѣйствующій въ Привислинскомъ краѣ законъ подобную привилегію здѣшнихъ нотаріусовъ въ матеріальномъ отношеніи предъ ихъ собратьями-нотаріусами въ прочихъ частяхъ Россійской Имперіи? Населеніе этого края вообще сравнительно культурнѣе многихъ другихъ мѣстностей Имперіи; экономическій, промышленный и торговый бытъ его раньше и теперь гораздо выше населенія прочихъ губерній за небольшими исключеніями. Благодаря всему этому обыватели Варшавскаго судебнаго округа чаще и больше прибѣгаютъ къ содѣйствію нотаріусовъ при установленіи ихъ правовыхъ отношеній и ради огражденія и урегулированія ихъ. Такса вознагражденія этихъ должностныхъ лицъ за ихъ служебныя дѣйствія одна и та же всюду, гдѣ дѣйствуетъ нот. пол. 1866 года. Она распространена и на этотъ судебный округъ (собр. узак. 1876 г. № 80, ст. 864). Стало быть, заработокъ здѣшнихъ нотаріусовъ долженъ быть больше, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ Имперіи, и поэтому нѣтъ, повидимому, никакого основанія законодателю особенно заботиться о наилучшемъ обезпеченіи нотаріусовъ этого края и выдѣлять ихъ изъ ряда дѣйствующихъ въ остальной

части Россіи. Такая заботливость о здѣшнихъ нотаріусахъ и обособленіе ихъ, кромѣ того, противорѣчили бы общей системѣ правительства, стремящагося къ объединенію окраинъ съ Имперіею. Нѣтъ затѣмъ никакого разумнаго основанія и надлежащей причины вознаграждать нотаріусовъ за взиманіе сборовъ по мѣсту совершенія ими актовъ и не давать имъ ничего за взиманіе крѣпостныхъ и актовыхъ пошлинъ и гербоваго пропорціональнаго сбора, хотя трудъ вычисленія этихъ послѣднихъ сложнѣе, кропотливѣе и требуетъ бо́льшихъ познаній, чѣмъ перваго. Послѣдовательность требуетъ держаться одного правила и, если за болѣе сложную и отвѣтственную работу нѣтъ особаго жалованья, такъ и сравнительно легкій трудъ долженъ быть безвозмезднымъ. Но въ видахъ основательнаго изслѣдованія разсматриваемаго вопроса обращусь отъ общихъ соображеній и выводовъ къ существующимъ и дѣйствующимъ тутъ законамъ, а равно и къ сенатской практикѣ. Обсуждаемый мною вопросъ о правѣ нотаріусовъ Варшавскаго судебнаго округа удерживать въ ихъ пользу десять процентовъ сбора по мѣсту совершенія ими актовъ впервые восходилъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената лишь въ недавнее время и разрѣшенъ по I его департаменту въ положительномъ смыслѣ, какъ это видно изъ указа Сената Варшавскому губернскому правленію отъ 25 октября 1901 г. за № 11044. Вотъ полный текстъ опредѣленія I департамента Правительствующаго Сената.

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ членовъ Пултускаго городоваго магистрата на отказъ Варшавскаго Губернскаго Правленія въ удовлетвореніи ходатайства магистрата о взысканіи съ нотаріусовъ 10%, удержанныхъ ими въ свою пользу со сборовъ, взимаемыхъ въ пользу городскихъ кассъ съ протеста векселей и явки разныхъ актовъ, и приказали: разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, сохраняютъ ли нотаріусы губерній Царства Польскаго, по введеніи въ этомъ краѣ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, право на удержаніе въ свою пользу 10% со сборовъ, взимаемыхъ въ пользу городскихъ кассъ съ протеста векселей и явки разныхъ актовъ, предоставленное имъ Высочайшимъ повелѣніемъ 11 декабря 1870 года. Обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса, нельзя не придти къ заключенію, что таковой долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, ибо: 1) согласно Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 19 февраля 1875 года (П. С. З. № 54401), Положеніе о нотаріальной части, Высочайше утвержденное 14 апрѣля 1866 годъ (№ 43186), распространено на Варшавскій судебный округъ съ измѣненіями, изложенными въ приложенныхъ къ указу Правилахъ (218 ст. пол. о нот. части, Св. зак. т. XVI ч. 1-я, изд. 1892 г.) и 2) по статьѣ же 45 этихъ правилъ (265 ст. пол. о нот. части, изд. 1892 г.)

сборъ съ нотаріальныхъ актовъ по мѣсту совершенія производится на основаніи дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа правилъ (Высоч. повел. 11 декабря 1870 г.), (т. е. дѣлается ссылка на Высочайшее повелѣніе, коимъ нотаріусамъ даровано право на вышеупомянутые 10% сбора). Посему и имѣя въ виду, что по собраннымъ свѣдѣніямъ въ губерніяхъ Царства Польскаго почти повсемѣстно удерживается нотаріусами 10% изъ производимаго ими въ пользу городовъ и гминъ сбора, Правительствующій Сенатъ признаетъ правильнымъ постановленіе Варшавскаго Губернскаго Правленія, коимъ отказано въ ходатайствѣ о взысканіи съ нотаріусовъ въ пользу Пултуской и Насальской городскихъ кассъ удержанныхъ ими 10% изъ сборовъ, взыскиваемыхъ для этихъ кассъ, а потому опредѣляетъ: жалобу членовъ Пултускаго городоваго магистрата на означенное постановленіе Губернскаго Правленія оставить безъ послѣдствій, о чемъ для объявленія просителямъ, а равно въ разрѣшеніе рапортовъ за №№ 6471 и 4735 Варшавскому Губернскому Правленію послать указъ, ковымъ увѣдомить и Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что только-что прописанное опредѣленіе 1-го Департамента Правительствующаго Сената явно противорѣчитъ вышеупомянутому закону 2 іюля 1876 года о распространеніи на Варшавскій судебный округъ правилъ, росписаній и формъ, къ нотаріальной части относящихся и распубликованныхъ въ Собраніи узаконеній 1867 г. № 33, ст. 322. Опредѣленіе это является послѣдствіемъ недосмотра, благодаря отсутствію, при постановленіи его, полнаго собранія матеріала относительно бывшаго въ разсмотрѣніи Сената вопроса. Высочайше утвержденное 14 апрѣля 1866 года Положеніе о нотаріальной части распространено на Привислинскій край, какъ сказано выше, со дня судебной въ краѣ реформы въ силу закона 19 февраля 1875 года съ измѣненіями, изложенными въ правилахъ о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу этого Положенія (см. Положеніе о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ). Правила нотаріальнаго положенія о томъ, какъ, въ какомъ размѣрѣ, когда и съ какихъ актовъ производить сборъ по мѣсту совершенія ихъ, указаны въ статьяхъ его 201—205 и 207. Эти правила совсѣмъ не отвѣчаютъ правиламъ на тотъ же предметъ, имѣвшимъ мѣсто въ этомъ краѣ до судебной реформы. Поэтому пришлось сдѣлать необходимыя измѣненія, благодаря чему въ отмѣну ст.ст. 201—205 и 207 нот. пол., согласно 45 ст. правилъ о примѣненіи сего Положенія, предписано: „сборъ съ нотаріальныхъ актовъ по мѣсту совершенія производится на основаніи дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа правилъ (Высоч. пов. 11 дек. 1870 г.)“. До судебной же реформы въ этомъ краѣ сборы въ пользу городовъ и сельскихъ или посадскихъ гминъ

съ нотаріальныхъ актовъ взимались, какъ упомянуто раньше, на основаніи Высочайше утвер. 11 декабря 1870 г. положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Въ этомъ послѣднемъ положеніи, на которое сдѣлана ссылка въ 45 ст. Прав. о примѣненіи, имѣются соотвѣтствующія ст.ст. 201—205 и 207 пол. о нот. части правила, а сверхъ того есть еще постановленіе: „изъ собранной нотаріусами и ипотечными писарями суммы этого сбора предоставляется имъ въ жалованье и на канцелярскіе расходы десять процентовъ". Эта часть положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго отмѣнена совершенно закономъ 2 іюля 1876 года. Пятая (V) статья этого закона въ измѣненіе 43 статьи распространяемыхъ на округъ Варшавской судебной палаты правилъ, росписаній и формъ, къ нотаріальной части относящихся, предписываетъ: „собранныя на основаніи Высоч. утв. 11 декабря 1870 г. положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго суммы передаются *въ полной цифрѣ ихъ поступленія* въ концѣ мѣсяца при означенной въ ст. 34 вѣдомости въ мѣстныя городскую кассу или гминное сельское управленіе смотря по тому, въ массу какихъ доходовъ суммы эти должны поступить". Форма же упоминаемой въ этой статьѣ вѣдомости для Варшавскаго судебнаго округа такая:

Мѣсячная вѣдомость

нотаріуса (или мироваго судьи) такого-то.

№, по порядку.	Мѣсяцъ и число.	№, подъ которымъ соотвѣтствующая статья внесена въ реестръ	Краткое содержаніе акта или засвидѣтельствованія съ означеніемъ именъ лицъ, участвовавшихъ въ совершеніи ихъ.	Сумма акта.	Цѣна гербовой бумаги, употребленной на главную выпись или актъ.	Сколько взыскано сбора по мѣсту совершенія.

Такимъ образомъ и буквальное содержаніе закона 2 іюля 1876 г. (ст. V), послѣдовавшаго послѣ 19 февраля 1875 года, категорически требуетъ взноса сбора по мѣсту совершенія нотаріальныхъ актовъ по принадлежности въ полной суммѣ поступленія, и форма установленной на сей предметъ вѣдомости для сего судебнаго округа не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на то, чтобы какая бы то ни было часть этого сбора поступала въ жалованье и на канцелярскіе расходы нотаріусовъ.

При обозрѣніи нѣкоторыхъ нотаріальныхъ конторъ Люблинской губерніи въ порядкѣ ревизіи отъ нотаріусовъ, а также и отъ судей-практиковъ, въ особенности изъ мѣстныхъ уроженцевъ, мнѣ случалось не разъ слышать, что пятая статья закона 2 іюля 1876 года имѣетъ въ виду измѣнить ст. 43 правилъ, росписаній и формъ, распространенныхъ на Варшавскій судебный округъ, будто бы только лишь на счетъ мѣстъ, куда слѣдуетъ вносить сборъ по мѣсту совершенія актовъ, такъ какъ въ предѣлахъ этого края и въ прочихъ губерніяхъ Имперіи таковыя неодинаковы, а фраза—*въ полной цифрѣ ихъ поступленія*—попала въ текстъ V ст. этого закона якобы механически, повторена безъ всякой видимой причины и должнаго основанія. Однако съ этимъ толкованіемъ согласиться, по моему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія. Вышеприписанныя общія соображенія достаточно опровергаютъ это толкованіе.

Итакъ, въ виду изложенныхъ данныхъ необходимо придти къ заключенію, что нотаріусы Варшавскаго судебнаго округа, начиная со дня распубликованія закона 2 іюля 1876 года въ Собр. узак. 1876 г. № 59, ст. 636, не въ правѣ больше брать въ свою пользу 10% сбора по мѣсту совершенія актовъ.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю обратить еще вниманіе на слѣдующее. Высочайше утвержд. 11 декабря 1870 г. положеніе Комитета по дѣламъ Царства Польскаго начинается такъ: „впредь до введенія общаго для всего государства устава о гербовомъ сборѣ постановить для губерній Царства Польскаго слѣдующія правила....“ (Собр. узак. 1871 г. № 4, ст. 39). Высочайше утвержденнымъ 1 мая 1884 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта дѣйствовавшій въ раіонѣ Варшавскаго судебнаго округа гербовый уставъ 1863 г. отмѣненъ и съ 1 іюля 1884 года введенъ тутъ общій для всего государства гербовый уставъ 17 апрѣля 1874 года (Собр. узак. 1884 г. № 52, ст. 412). При наличности указанной редакціи положенія Комитета по дѣламъ Царства Польскаго и съ распространеніемъ на этотъ край дѣйствія устава о гербовомъ сборѣ 1874 г.

неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ, какими же правилами съ 1 іюля 1884 года руководствоваться здѣшнимъ нотаріусамъ при взиманіи сборовъ по мѣсту совершенія актовъ. Статья пятая того же мнѣнія Государственнаго Совѣта разрѣшаетъ это затрудненіе такимъ образомъ: „установленный Высочайше утвержд. 11 декабря 1870 г. положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго сборъ съ векселей, заемныхъ писемъ и нотаріальныхъ актовъ въ пользу городовъ и сельскихъ или посадскихъ гминъ *сохранить на прежнемъ основаніи*, т. е. въ такомъ видѣ, какъ это было 30, 29, 28..... іюня 1884 года, стало быть, по правиламъ названнаго положенія по дѣламъ Царства Польскаго, но безъ удержанія 10% въ пользу нотаріусовъ. Нѣкоторые нотаріусы однако же понимаютъ выраженіе „сохранить на прежнемъ основаніи“ въ томъ смыслѣ, какъ практиковалось тутъ до судебной реформы. Конечно, такое пониманіе произвольно и подсказывается имъ только корыстью.

Вышеприведенное опредѣленіе I Департамента Правительствующаго Сената было помѣщено во всѣхъ органахъ мѣстной періодической печати. Если раньше этого опредѣленія почти всѣ нотаріусы Привислинскаго края, какъ это констатируетъ и указъ Правительствующаго Сената, брали въ свою пользу десятую часть сборовъ по мѣсту совершенія актовъ, то въ настоящее время и тѣ немногіе нотаріусы совсѣмъ перестанутъ исполнять предписаніе V-ой ст. закона 2 іюля 1876 года. Для возстановленія силы и значенія этого, еще неотмѣненнаго въ законодательномъ порядкѣ, узаконенія и ради устраненія сомнѣній и недоразумѣній на практикѣ необходимо, думается мнѣ, примѣнить ст. 259[1] учр. суд. уст.

Что же касается городскихъ кассъ и сельскихъ или посадскихъ гминъ, по моему крайнему разумѣнію, онѣ и въ настоящее время, не выжидая означеннаго общаго разъясненія, имѣютъ полное право предъявить къ соотвѣтствующимъ нотаріусамъ ихъ раіона иски о возвратѣ 10% сбора съ векселей, заемныхъ писемъ и нотаріальныхъ актовъ въ ихъ пользу, которые эти лица удержали, и притомъ за все время существованія нотаріальной конторы, начиная со дня обнародованія въ той мѣстности закона 2 іюля 1876 года. Ни одинъ судъ имъ въ томъ не откажетъ. Основаніемъ подобнымъ искамъ будутъ V-я статья этого закона и 1376 съ 2262 ст. гражд. код. Въ силу первой изъ нихъ все, безъ должнаго основанія или по ошибкѣ полученное, подлежитъ возврату, а вторая гласитъ „всѣ

ПРЕДСѢДА
КАБИНЕТ

иски какъ вещные, такъ и личные подлежатъ (въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа) тридцатилѣтней давности".

П. Подгорьцкій.

VI.

НОВЫЙ ПРУССКІЙ ПРОЕКТЪ О НѢКОТОРЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ПРАВА И ВЫЗВАННЫЯ ИМЪ ВОЗРАЖЕНІЯ.

Среди условій, опредѣляющихъ возможность полученія судейскихъ или равныхъ имъ должностей въ Пруссіи, особенно существеннымъ является выдержаніе двухъ экзаменовъ: на званіе референдарія и на званіе ассесора. Первый экзаменъ сдается студентами, прослушавшими лекціи на юридическомъ факультетѣ въ теченіе 6 семестровъ (3 лѣтъ); ко второму же экзамену допускаются лишь референдаріи, прослужившіе по судебному вѣдомству не менѣе 4 лѣтъ. Такимъ образомъ подготовительная дѣятельность, открывающая доступъ къ судейскимъ должностямъ, продолжается въ Пруссіи 7 лѣтъ.

Однако со времени установленія такого порядка, т. е. съ 1869 года, условія преподаванія на юридическихъ факультетахъ значительно измѣнились. Отдѣльныя области гражданскаго и уголовнаго права получили такую разработку, что образовали особыя самостоятельныя дисциплины; съ другой стороны, измѣнился и самый методъ преподаванія: введены, напр., практическія занятія по многимъ предметамъ, по которымъ они раньше не существовали, подверглась измѣненіямъ и самая форма этихъ занятій и т. под. Становилось все труднѣе и труднѣе вмѣщать въ программу преподаванія на юридическихъ факультетахъ, разсчитанную на 6 семестровъ, всѣ тѣ требованія, которыя являются необходимыми для современнаго юриста. Вслѣдствіе этого стали раздаваться голоса о

необходимости увеличить продолжительность университетскаго курса. Съ введеніемъ же въ дѣйствіе новаго гражданскаго уложенія, требующаго особенно тщательнаго изученія, необходимость эта стала еще болѣе очевидною.

Въ виду всего этого въ январѣ нынѣшняго года прусскому ландтагу предложенъ „Проектъ закона объ экзаменахъ для юристовъ и о подготовкѣ къ службѣ по судебному вѣдомству", главное положеніе котораго заключается въ томъ, что продолжительность университетскаго курса для юристовъ опредѣляется въ 7 семестровъ, т. е. въ $3^1/_2$ года, и вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ обязательной подготовительной службы для экзамена на званіе ассесора сокращается до $3^1/_2$ лѣтъ, вмѣсто требуемыхъ въ настоящее время 4 лѣтъ. Такимъ образомъ продолжительность всей подготовительной дѣятельности для полученія судейской должности остается безъ измѣненія.

Прибавляемое къ университетскому курсу новое полугодіе имѣется въ виду посвятить, главнымъ образомъ, историческому изученію права, болѣе тщательному изученію римскаго права и обязательнымъ для студентовъ практическимъ занятіямъ съ изготовленіемъ письменныхъ работъ, введеннымъ въ прусскихъ университетахъ въ 1897 году. Какъ замѣчаетъ проф. Зеккель [1]), прусскіе юридическіе факультеты нуждаются въ прибавленіи не седьмаго семестра, а втораго, необходимаго для сообщенія студентамъ болѣе основательной подготовки къ изученію гражданскаго уложенія.

Но съ увеличеніемъ продолжительности университетскаго курса является желаніе, чтобы прибавляемое полугодіе было употреблено студентами именно на то, для чего оно предназначается, а не было потрачено ими на что-либо постороннее учебнымъ цѣлямъ. Вслѣдствіе этого проектъ предлагаетъ, чтобы студенту, прослушавшему три семестра, было выдаваемо начальствомъ особое свидѣтельство на основаніи удостовѣренія профессоровъ объ участіи его въ обязательныхъ практическихъ занятіяхъ и объ успѣшномъ изготовленіи имъ надлежащихъ письменныхъ работъ, и чтобы къ экзамену на референдарія допускались только тѣ, кто получили такое свидѣтельство и прослушали послѣ его полученія еще 4 семестра. Чтобы не стѣснять свободы перехода студентовъ изъ не-прусскихъ университетовъ въ прусскіе, проектъ предлагаетъ установить, что свидѣтельство объ успѣшномъ прохожденіи трехъ первыхъ семе-

---

[1]) Deutsche Juristen-Zeitung, 1902, № 3.

стровъ можетъ быть выдано также на основаніи удостовѣреній непрусскаго университета о пребываніи въ немъ даннаго студента въ теченіе извѣстнаго срока, если только преподаваніе поставлено въ этомъ университетѣ на тѣхъ же основаніяхъ и на такой же высотѣ, какъ и въ Пруссіи.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе новаго проекта. Какъ и слѣдовало ожидать, проектъ этотъ возбудилъ живой интересъ среди прусскихъ профессоровъ-юристовъ и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній [1]). Надо при этомъ замѣтить, что за весьма немногими исключеніями (Seckel, Kahl) всѣ предложенія проекта, кромѣ увеличенія продолжительности курса и сокращенія срока подготовительной службы, встрѣтили весьма серьезныя возраженія.

Весьма обстоятельно разсматриваетъ новый проектъ проф. Листъ. Прежде всего онъ упрекаетъ его въ односторонности. Все получаемое полугодіе посвящается дисциплинамъ частнаго права, подготовка студентовъ къ изученію гражданскаго уложенія ставится главною задачею преподаванія, тому же предмету посвящены и обязательныя практическія занятія. Всей области публичнаго права, вмѣстѣ съ правомъ уголовнымъ, отведено второстепенное, неподобающее ему мѣсто. Такое отодвиганіе на задній планъ столь существенныхъ дисциплинъ знаменитый криминалистъ признаетъ совершенно несправедливымъ.

Но съ особенною силой Листъ высказывается противъ дальнѣйшаго распространенія принципа обязательныхъ для студентовъ практическихъ занятій, введенныхъ еще въ 1897 году. Принципъ обязательности занятій Листъ считаетъ безусловно ложнымъ. Контролировать слѣдуетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, количество и объемъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ лицомъ, претендующимъ на какія-либо права, а не то, какимъ способомъ эти свѣдѣнія имъ пріобрѣтены,— аккуратнымъ ли посѣщеніемъ лекцій, исполненіемъ ли опредѣленнаго числа письменныхъ работъ, участіемъ ли въ извѣстныхъ практическихъ занятіяхъ и т. под. Въ частности же принципъ этотъ страдаетъ слѣдующими недостатками. Проектъ, предписывая студентамъ посѣщать практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ, напр., по римскому или гражданскому праву, тѣмъ самымъ вселяетъ въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что по этимъ предметамъ практическія занятія болѣе существенны

---

[1]) См. Deutsche Juristen-Zeitung, 1902 г., №№ 3, 4, 6, 7 и 8.

для нихъ и вообще для юридическаго образованія, чѣмъ практическія занятія необязательныя, существующія по другимъ предметамъ, напр., по уголовному праву. Установлять же обязательныя практическія занятія по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ отраслямъ частнаго и публичнаго права невозможно, да и нѣтъ въ томъ надобности. Кромѣ того посѣщеніе обязательныхъ занятій отнимаетъ у студента много времени, лишая его возможности посвятить это время занятію какимъ-либо предметомъ, которымъ онъ, быть можетъ, интересуется въ большей степени. Съ другой стороны, обязательное веденіе практическихъ занятій именно въ установленной еще въ 1897 году формѣ,—съ изготовленіемъ письменныхъ работъ,—не даетъ возможности учащему вести практическія занятія, сами по себѣ весьма полезныя [1]) въ какой-либо другой формѣ, которая можетъ ему показаться болѣе полезной, напр., бесѣды по отдѣльнымъ вопросамъ, рефераты съ преніями, толкованія отдѣльныхъ законовъ и т. под. Результатомъ обязательныхъ занятій является то, что студентъ въ большинствѣ случаевъ начинаетъ видѣть единственную цѣль своихъ занятій въ полученіи отмѣтки, и вмѣсто свободной, ничѣмъ не стѣсненной любви къ знанію является формальное отношеніе къ своимъ занятіямъ, не могущее не повліять самымъ пагубнымъ образомъ на общій качественный уровень представляемыхъ студентами работъ. Въ связи съ этимъ находится общая малоуспѣшность прусскихъ студентовъ сравнительно съ студентами другихъ германскихъ университетовъ, съ особенною яркостью обнаруживающаяся изъ сопоставленія отношенія числа невыдерживающихъ экзамена на референдарія къ общему числу всѣхъ подвергающихся испытанію. Въ то время какъ въ Саксоніи отношеніе это не превышаетъ 5 процентовъ, въ Пруссіи, по удостовѣренію прусскаго министра юстиціи, число это колеблется между 23 и 25%.

Далѣе однимъ изъ нежелательныхъ явленій, процвѣтанію котораго способствуетъ система обязательныхъ практическихъ занятій, слѣдуетъ признать весьма распространившійся среди прусскихъ студентовъ обычай прибѣгать къ помощи репетиторовъ. На основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній Листъ указываетъ, что главною причиною обращенія къ репетиторамъ даже самыхъ способныхъ студентовъ является непониманіе связи, существующей между от-

---

[1]) Листъ возражаетъ не противъ принципа практическихъ занятій, а противъ начала *обязательности* ихъ.

дѣльными преподаваемыми имъ дисциплинами. Все это оказывается послѣдствіемъ сокращенія числа лекцій и увеличенія количества практическихъ занятій. Съ другой стороны, дѣятельность всякихъ „натаскивателей“ перешла всякія допустимыя границы: они не стѣсняются въ печатныхъ объявленіяхъ не только указывать на дѣлаемый ими разборъ студенческихъ упражненій, но даже открыто предлагать изготовленіе письменныхъ работъ.

Вмѣсто того, чтобы совершенно оставить доказавшій свою несостоятельность принципъ обязательности практическихъ занятій, правительство желаетъ идти далѣе въ этомъ направленіи и думаетъ исправить дѣло введеніемъ еще болѣе строгаго контроля за занятіями студентовъ. Для того, чтобы у преподавателя была возможность тщательно просмотрѣть представленную ему работу и путемъ личной бесѣды съ авторомъ опредѣлить, насколько она самостоятельна и удовлетворительна, число участниковъ въ практическихъ занятіяхъ, ведущихся однимъ преподавателемъ, должно быть ограничено. Листъ указываетъ, что число это не можетъ превышать 25 человѣкъ, если только желаютъ, чтобы преподаватель добросовѣстно относился къ своей обязанности, а не ограничивался поверхностнымъ просмотромъ работъ и рутинными пріемами въ веденіи занятій. При такомъ ограниченномъ числѣ участниковъ необходимо въ значительной степени увеличить количество руководителей практическими занятіями, и за недостаткомъ опытныхъ профессоровъ придется поручать это дѣло мало подготовленнымъ доцентамъ. А между тѣмъ для успѣшнаго веденія практическихъ занятій необходимы какъ всестороннее и основательное знаніе преподаваемаго предмета, такъ и большая опытность, иначе руководитель на каждомъ шагу можетъ встрѣчать непредвидѣнныя затрудненія и во всякое время можетъ быть смущенъ какимъ-либо вопросомъ слушателя. Такое положеніе вещей непремѣнно должно понизить общій уровень преподаванія. Не надо забывать при этомъ, что всѣ эти новые доценты будутъ назначены безъ всякаго участія факультета, властью одного лишь лица, которое, не имѣя, конечно, возможности знать личныя достоинства каждаго претендента, должно будетъ основывать свой выборъ на свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до него черезъ какое-либо третье лицо, не носящее на себѣ формальной отвѣтственности за свою рекомендацію. Все это легко можетъ привести къ переполненію прусскихъ юридическихъ факультетовъ преподавателями весьма невысокаго качества.

Но особенное вниманіе Листъ обращаетъ на слѣдующее обстоя-

тельство. Уже теперь извѣстны случаи, когда испытательныя коммисіи не придаютъ значенія отмѣткамъ нѣкоторыхъ профессоровъ, такъ какъ извѣстно, что эти профессора слишкомъ снисходительно относятся къ представляемымъ имъ работамъ. При введеніи же новаго порядка эти единичные случаи пріобрѣтутъ постоянный характеръ и особенное значеніе, такъ какъ окажется необходимымъ установить контроль не только надъ студентами, но и надъ самими профессорами. Если то учрежденіе, отъ котораго зависитъ выдача трехсеместровыхъ свидѣтельствъ, пожелаетъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ ли данный преподаватель предъявляемымъ къ нему требованіямъ, то для него ничего не остается, какъ командировать кого-либо изъ своихъ членовъ къ присутствованію при занятіяхъ этого лица, чтобы опредѣлить ихъ достоинство и значеніе выставляемыхъ имъ отмѣтокъ. Такой порядокъ и предполагается установить при будущей системѣ. Такимъ образомъ проектомъ не только навязывается всѣмъ прусскимъ университетамъ одна одобренная правительствомъ система, но и предоставляется полная возможность сдѣлать совершенно безопаснымъ всякаго, кто вздумалъ бы придерживаться какой-либо иной методы преподаванія: стоитъ только объявить отмѣтки такого непокорнаго преподавателя недѣйствительными,—и моментально вся его аудиторія опустѣетъ. Съ другой стороны, для людей, заботящихся о своей карьерѣ болѣе, чѣмъ объ интересахъ науки, открыто широкое поприще интригъ и заискиваній.

Противъ новаго проекта дѣлаетъ серьезныя возраженія также извѣстный профессоръ Лабандъ. По его мнѣнію, педагогическое значеніе практическихъ занятій становится совершенно проблематичнымъ, въ томъ случаѣ, когда главною цѣлью студентовъ является стремленіе получить нужныя отмѣтки за опредѣленное количество работъ. Если это ставится необходимымъ условіемъ допущенія къ экзамену, то, само собою разумѣется, студенты не преминутъ обратиться къ такимъ средствамъ, которыя легче и скорѣе всего приведутъ къ желаемой цѣли, т. е. будутъ изготовлять свои работы, пользуясь постороннею помощью. Если уже не говорить о тѣхъ случаяхъ, когда письменныя работы изготовляются для студентовъ другими лицами по особому заказу, то никоимъ образомъ нельзя предотвратить возможность, чтобы студенты обсуждали свои работы совмѣстно съ товарищами или съ опытными юристами, получали отъ нихъ необходимыя указанія для разрѣшенія даннаго казуса и излагали это рѣшеніе безъ надлежащаго его усвоенія и

самостоятельной провѣрки. Для нихъ самымъ важнымъ является, чтобы данная имъ задача рѣшена была правильно, и чтобы преподаватель сдѣлалъ объ этомъ соотвѣтственную отмѣтку. Для того, чтобы рѣшеніе какой-либо задачи принесло студенту дѣйствительную пользу, необходимо, чтобы онъ не боялся, при ея разрѣшеніи, сдѣлать ошибку, хотя бы даже грубую. Лишь путемъ извѣстнаго труда онъ самъ долженъ прійти къ окончательному и правильному разрѣшенію своей задачи, и чѣмъ грубѣе была ошибка, тѣмъ важнѣе, чтобы онъ самъ въ ней убѣдился. Погоня за удовлетворительной отмѣткой заставляетъ забывать истинные интересы знанія и видѣть конечную цѣль занятій въ ихъ внѣшней удовлетворительности. А разъ эта удовлетворительность признана, разъ студентъ получилъ требуемыя отмѣтки за извѣстное число письменныхъ работъ, то дальнѣйшее участіе въ практическихъ занятіяхъ теряетъ для него всякій практическій смыслъ. Вмѣсто того, чтобы оживить интересъ къ наукѣ, такой порядокъ его заглушаетъ.

Съ другой стороны, возникаетъ затрудненіе и для учащихъ— опредѣлить, какимъ критеріемъ они должны руководствоваться при оцѣнкѣ письменныхъ работъ студентовъ первыхъ семестровъ. Въ силу необходимости и для нихъ рѣшающее значеніе пріобрѣтетъ чисто внѣшній признакъ,—разрѣшена ли данная задача правильно или нѣтъ, такъ какъ, если онъ станетъ ставить удовлетворительныя отмѣтки за такія работы, которыя заключаютъ въ себѣ, при добросовѣстности автора, грубыя ошибки или неправильное рѣшеніе, то навлечетъ на себя подозрѣнія въ невнимательномъ чтеніи работъ или въ черезчуръ снисходительной ихъ оцѣнкѣ.

Того, чтобы всѣ профессора при оцѣнкѣ работъ руководились однимъ и тѣмъ же мѣриломъ, нельзя достичь никакими средствами: всегда размѣръ предъявляемыхъ къ учащимся требованій будетъ зависѣть отъ индивидуальности каждаго преподавателя, и естественно, что студенты, допущеніе которыхъ къ экзамену зависитъ отъ полученія хорошей отмѣтки, будутъ отдавать предпочтеніе профессорамъ менѣе строгимъ. Такой порядокъ очевидно приведетъ повсюду, особенно въ большихъ университетахъ, къ нежелательной конкурренціи среди профессоровъ. Чтобы предотвратить это, остановились на неудачной мысли подчинить профессоровъ особому контролю правительственныхъ инспекторовъ относительно того, какія требованія они предъявляютъ къ письменнымъ работамъ и какой системы придерживаются въ веденіи практическихъ занятій. Такое подчиненіе представляетъ собою серьезнѣйшее нарушеніе принципа

свободы преподаванія и низводитъ профессоровъ на степень школьныхъ учителей.

Наконецъ, контроль этотъ можетъ имѣть мѣсто лишь по отношенію къ прусскимъ университетамъ; только прусскіе профессора будутъ слѣдовать въ своемъ преподаваніи по тому правильному пути, который имъ будетъ указанъ правительственною властью. Отмѣткамъ только этихъ профессоровъ заранѣе обезпечено признаніе со стороны правительства, и только тѣ студенты, которые получили такія отмѣтки, могутъ быть увѣрены, что онѣ не потеряютъ своей силы. Но никто не можетъ гарантировать, что прусскія власти въ каждомъ данномъ случаѣ признаютъ дѣйствительными отмѣтки профессоровъ не-прусскихъ университетовъ, не подверженныхъ правительственному контролю. Поэтому прусскіе студенты будутъ поступать благоразумно, если начнутъ избѣгать посѣщенія не-прусскихъ университетовъ, а станутъ учиться лишь въ состоящихъ подъ опекой правительства, привилегированныхъ и патентованныхъ прусскихъ университетахъ. Что вслѣдствіе этого пострадаетъ существующая нынѣ свобода перехода изъ одного университета въ другой,—нѣтъ никакого сомнѣнія.

Къ вышеизложеннымъ взглядамъ Листа и Лабанда всецѣло присоединяются профессора Розинъ, Ленель и Цительманъ, признающіе полную несостоятельность проекта въ отношеніи развитія обязательныхъ практическихъ занятій, введенія трехсеместровыхъ свидѣтельствъ и установленія правительственнаго контроля за ходомъ преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя правительство не предложило этого проекта на разсмотрѣніе университетовъ, юридическій факультетъ Кильскаго университета in corpore [1]) обратился къ ландтагу съ особою петиціей, въ которой, приводя изложенныя выше соображенія, проситъ принять обсуждаемый проектъ лишь за исключеніемъ оспариваемыхъ, какъ имъ, такъ и всѣми поименованными профессорами, положеній.

Надо полагать, что петиція эта не будетъ оставлена безъ вниманія и высказанныя въ ней пожеланія будутъ осуществлены. То единодушное осужденіе, которое встрѣтили предположенія прусскаго правительства среди выдающихся преподавателей права, въ связи съ тѣмъ дѣйствительно серьезнымъ посягательствомъ какъ на свободу ученія, такъ и на свободу преподаванія, которое представляютъ собою предлагаемыя проектомъ мѣры контроля за учащими-

---

[1]) Проф. Hänel, Schlossmann, Pappenheim, Niemeyer, Frantz, Kleinfeller.

ся и учащими, несомнѣнно должны повліять, если не на полное оставленіе принциповъ, принятыхъ въ 1897 году, то на удержаніе отъ дальнѣйшихъ шаговъ по той наклонной плоскости, которая, по словамъ Листа, должна привести къ превращенію университетовъ въ техническія школы для юристовъ.

А. Люблинскій.

VII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія, 30-го марта, В. А. Гольденбергъ сдѣлалъ докладъ о «Недобросовѣстной промышленной конкуренціи». Недобросовѣстная конкуренція есть продуктъ новѣйшаго времени и современной промышленности, свободная конкуренція которой выродилась въ полный произволъ. Проявленія недобросовѣстной конкуренціи очень разнообразны; самыми рѣзкими видами изъ нихъ, отмѣченными законодательными постановленіями и судебной практикой, являются: 1) обманная реклама; 2) черненіе; 3) искусственное смѣшеніе промышленныхъ предпріятій; 4) поддѣлка товарныхъ знаковъ. Обманная реклама заключается: въ приведеніи ложныхъ фактическихъ свѣдѣній о качествѣ и способѣ производства товара, въ скрытіи цѣлей и причинъ распродажъ, ихъ фиктивности и тому подобныхъ безчисленныхъ способахъ. Черненіе, распространенное главнымъ образомъ во Франціи, есть, собственно говоря, оклеветаніе конкурента; отнесеніе германскимъ законодательствомъ 1896 г. въ эту же категорію выдачи промышленныхъ тайнъ референтъ считаетъ неправильнымъ, а скорѣе однимъ изъ видовъ нарушенія довѣрія. По мнѣнію докладчика, свободная конкуренція, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, споспѣшествующихъ промышленности, должна существовать и быть охраняема законодательными постановленіями, но при этомъ промышленная конкуренція должна постулировать однородность способовъ борьбы, заключающуюся въ требованіи, чтобы промышленникъ пользовался въ борьбѣ лишь собственными силами въ ихъ дѣйствительномъ видѣ; подъ собственными силами подразумѣваются средства, привлеченныя путемъ соглашенія. Въ борьбѣ съ недобросовѣстной конкуренціей принимаются главнымъ образомъ въ расчетъ конкуренты, а не потребители. Законодательства, регулирующія свободную промышленную конкуренцію, поднимаютъ ее до высоты права. Что касается законодательствъ, то они почти во всѣхъ культурныхъ государствахъ преслѣдуютъ одинаково—уголовнымъ порядкомъ—одинъ видъ недобросовѣстной конкуренціи—поддѣлку товарныхъ знаковъ; относительно другихъ видовъ постановленія ихъ довольно различны. Во Франціи, Бельгіи, Италіи, Англіи—наказуемость главнымъ образомъ сводится къ гражданской отвѣтственности; въ Австріи строго преслѣдуется обманная ре-

клама; въ Германіи въ 1896 г. изданы спеціальные законы, направленные противъ недобросовѣстной конкуренціи. У насъ возможность борьбы съ этой конкуренціей даютъ правила о товарныхъ знакахъ и въ будущемъ предположенія новаго проекта уложенія (ст. 470) энергическаго преслѣдованія виновныхъ въ черненіи. Борьба съ недобросовѣстной промышленной конкуренціей, по мнѣнію докладчика, должна вестись на почвѣ уголовнаго права, ибо: 1) недобросовѣстная промышленная конкуренція является нарушеніемъ принциповъ довѣрія и вѣры, лежащихъ въ основѣ промышленныхъ сношеній, въ основѣ всего правопорядка; 2) гражданская отвѣтственность недостаточно репрессивная мѣра, особенно въ государствахъ, желающихъ выступить противъ недобросовѣстной промышленной конкуренціи лишь въ настоящее время; 3) далеко не всякое проявленіе недобросовѣстной промышленной конкуренціи можно преслѣдовать на пути гражданской отвѣтственности, такъ какъ не всегда можно установить основанія для этой отвѣтственности и исчислить убытки; 4) фиксація delict'а недобросовѣстной промышленной конкуренціи необходима въ цѣляхъ укрѣпленія народнаго правосознанія. (*Новое Время*).

Въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія 5-го апрѣля И. Е. Ильяшенко сдѣлалъ докладъ: „О правѣ наслѣдованія супруговъ съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія". Настоящій порядокъ наслѣдованія супруговъ развился на постановленіяхъ Московскаго государства, онъ является обломкомъ глубокой старины и, не приспособленный къ условіямъ современной жизни и требованіямъ справедливости, представляется крайне неудовлетворительнымъ; постановленія дѣйствующаго законодательства объ указной части супруговъ уступаютъ во многомъ закону о наслѣдованіи 1725 г., уравнивавшему право наслѣдованія мужа и жены, а также права на движимость и недвижимость; что касается наслѣдованія вдовъ послѣ свекра, то законъ устанавливалъ его на общихъ началахъ, вдовья же часть опредѣлялась данными закономъ въ $^1/_4$. При предстоящемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ преемство супруговъ должно быть опредѣлено въ видѣ „права наслѣдованія", а не въ видѣ лишь права „на прожитокъ", какъ это было въ Московской Руси и въ значительной степени сохранилось до настоящаго времени; такое положеніе вещей должно вытекать изъ духовной и нравственной связи брака въ предположеніи, что имущество или нажито, или сохранено взаимными трудами. Наслѣдованіе въ формѣ пожизненнаго владѣнія не можетъ считаться цѣлесообразнымъ и имѣетъ большія экономическія невыгоды для государственнаго хозяйства. Съ уравненіемъ пережившаго супруга съ прочими наслѣдниками по закону должно отпасть правило ст. 1152 т. X, гласящей, что по смерти бездѣтной жены наслѣдники ея не имѣютъ права требовать ея части, которая и поступаетъ къ наслѣдникамъ мужа, и должно допустить трансмисію. Размѣръ части наслѣдованія, предоставляемой пережившему супругу, по дѣйствующему законодательству очень малъ и долженъ быть увеличенъ хотя бы до нормы, установленной въ 18 ст., именно $^1/_4$, при этомъ дѣйствующее нынѣ начало, по которому размѣръ указанной части

ни въ какомъ случаѣ не измѣняется, должно отпасть и войти въ силу начало увеличенія наслѣдственной доли пережившаго супруга въ зависимости отъ того, съ кѣмъ изъ родственниковъ умершаго супруга ему приходится наслѣдовать. Если послѣ умершаго супруга не осталось родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія, или если остались родственники отдаленные, напр., нисходящіе прадѣда или прабабки, то все наслѣдство должно быть предоставлено пережившему супругу; конечно, при расторженіи или непризнаніи дѣйствительнымъ брачнаго союза права наслѣдованія между супругами не можетъ существовать. Что касается правъ наслѣдованія супруговъ въ имуществѣ свекра или тестя, то, по мнѣнію докладчика, они должны быть отмѣнены (слѣдовательно должны отпасть правила ст. 1149, 1151, 1153 т. X), ибо выдѣлъ изъ имущества свекра, имѣвшій свое логическое основаніе въ помѣстной системѣ, въ отбываніи дѣтьми государевой службы съ имѣній ихъ отцовъ, утратилъ нынѣ всякое значеніе. Выдѣлъ же изъ имущества тестя лишенъ даже историческаго основанія. *(Новое Время).*

Кіевское Юридическое Общество.

30 марта состоялось засѣданіе юридическаго общества. Послѣ открытія засѣданія, предсѣдатель общества проф. В. Г. Демченко прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности общества въ 1901 году. Истекшій годъ былъ 25-мъ годомъ существованія кіевскаго юридическаго общества. Къ концу истекшаго года въ составѣ общества числилось 3 почетныхъ члена и 124 дѣйствительныхъ. Общество имѣло въ истекшемъ году 11 научныхъ собраній и 1 распорядительное. Предсѣдателемъ общества состоялъ проф. В. Г. Демченко, товарищемъ предсѣдателя проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, секретаремъ проф. А. М. Гуляевъ, казначеемъ П. К. Скорделли.

По прочтеніи отчета, проф. П. П. Соколовымъ прочитанъ былъ докладъ: „Разводъ по нарушенію супружеской вѣрности въ практикѣ духовнаго суда“.

Съ теоретической точки зрѣнія, разводъ по прелюбодѣянію является слѣдствіемъ признанія одного изъ супруговъ виновнымъ въ прелюбодѣяніи. Такимъ образомъ, въ процессѣ о прелюбодѣяніи рѣшающее значеніе долженъ имѣть приговоръ уголовнаго суда. Между тѣмъ, уставъ духовныхъ консисторій переноситъ центръ тяжести на искъ о разводѣ, придавая ему болѣе важное значеніе, чѣмъ обвиненіе въ прелюбодѣяніи, и затрудняетъ, такимъ образомъ, разводъ. Помимо того, уставъ духовныхъ консисторій становится въ разрѣзъ со свѣтскимъ законодательствомъ, исключая изъ доказательствъ въ искѣ о разводѣ собственное признаніе отвѣтчика. Свѣтскій законъ признаетъ прелюбодѣяніе частнымъ преступленіемъ, подсуднымъ уголовному суду. Ст. 1585 улож. наказ. налагаетъ за прелюбодѣяніе наказаніе уголовное, по приговору свѣтскаго суда, и церковное, въ видѣ покаянія, по опредѣленію духовнаго начальства. Такимъ образомъ, духовное начальство должно принимать при опредѣленіи наказанія за прелюбодѣяніе въ видѣ рѣшающаго момента приговоръ уголовнаго суда. Тотъ же

самый принципъ, по мнѣнію докладчика, долженъ быть принятъ и въ искѣ о разводѣ. А между тѣмъ, консисторія не принимаетъ осужденія уголовнымъ судомъ за доказательство. Проектъ новаго уложенія также не разрѣшаетъ вопроса и даже дѣлаетъ, по мнѣнію докладчика, шагъ назадъ, становясь на точку зрѣнія консисторіи.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, прис. пов. Г. М. Барацъ и Ф. Д. Бржозовскій.

По окончаніи научной части собранія произведены были выборы должностныхъ лицъ на 1902 г. Выбраны были тѣ же лица, которыя состояли должностными лицами въ истекшемъ 1901 году. *(Кіевская Газета).*

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

20 марта состоялось ученое засѣданіе юридическаго отдѣленія общества. Предметъ засѣданія составили два доклада: Ѳ. Ѳ. Зигеля—„Юридическое образованіе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ", и Ѳ. В. Тарановскаго—„Новѣйшее ученіе о феодализмѣ удѣльной Руси".

Ѳ. Ѳ. Зигель нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершилъ путешествіе въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты съ цѣлью ознакомленія съ общимъ развитіемъ юридическихъ и общественно-политическихъ наукъ въ Америкѣ и, въ частности, съ постановкою тамъ юридическаго образованія. По послѣднему вопросу Ѳ. Ѳ. Зигелемъ напечатана въ одномъ изъ нашихъ научныхъ журналовъ спеціальная монографія. На основаніи личныхъ наблюденій, а также данныхъ, добытыхъ послѣдующимъ литературнымъ изученіемъ вопроса и письменными сношеніями съ обществомъ сѣверо-американскихъ юристовъ, Ѳ. Ѳ. Зигель ознакомилъ послѣднее собраніе юридическаго отдѣленія со своеобразными, съ европейской точки зрѣнія, особенностями американскаго преподаванія права. Послѣднее развивается самостоятельно внѣ государственной опеки и помимо принудительныхъ требованій, потому что вообще образованіе въ Америкѣ предоставлено частной иниціативѣ, и юридическая практика подводится подъ общее начало свободы профессіональнаго труда, такъ что для занятія ею въ преобладающемъ большинствѣ штатовъ не требуется ни диплома, ни спеціальнаго экзамена. Преподаваніе права въ Америкѣ входитъ въ кругъ какъ средняго, такъ и высшаго образованія. Въ первомъ оно ограничивается элементарнымъ общимъ ученіемъ объ американскомъ правѣ и государствѣ, которое дается либо въ видѣ особаго предмета, либо въ связи съ исторіей или географіей. Высшее юридическое образованіе американцы получаютъ въ спеціальныхъ школахъ правовѣдѣнія, а также въ университетахъ и коллегіяхъ, въ которыхъ имѣются особые департаменты (наши факультеты) права. Предоставленное вполнѣ свободному развитію высшее юридическое образованіе въ Америкѣ не знаетъ ни обязательной программы,

ни общепризнаннаго метода преподаванія. И то, и другое разнится по отдѣльнымъ учрежденіямъ. Наблюдателю приходится самому дѣлать общій выводъ. Послѣдній и дѣлается Ѳ. Ѳ. Зигелемъ. Относительно программы высшее юридическое образованіе въ Америкѣ рѣзко отличается отъ европейскаго тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ прикладная юриспруденція, исключительно изучаемая въ періодъ университетскихъ, выражаясь европейскимъ терминомъ, штудій. Теоретическое изученіе науки права является въ Америкѣ надстройкой надъ послѣдними, и ему посвящаютъ себя только лица, уже прослушавшія полный курсъ юридическихъ предметовъ въ спеціальной школѣ или въ департаментѣ права коллегіи либо университета. Такимъ образомъ въ противоположность юридическому образованію Европы, дедуцирующему отъ теоріи права къ прикладной юриспруденціи, юридическое образованіе въ Америкѣ индуцируетъ отъ прикладной юриспруденціи къ теоретическимъ обобщеніямъ и принципамъ науки права. Что касается метода преподаванія права въ Америкѣ, то онъ троякій и слагается изъ: 1) чтенія профессорами лекцій, 2) изученія студентами учебниковъ и выспрашиванія ихъ профессорами, и 3) изученія и разработки судебныхъ дѣлъ. Послѣдними двумя пріемами американскій методъ преподаванія права разнится отъ европейскаго. Всѣ указанныя докладчикомъ особенности юридическаго образованія въ Америкѣ были въ самомъ докладѣ подробно выяснены и широко обоснованы на общихъ особенностяхъ политическаго и правоваго строя сѣверо-американской республики, а также поставлены въ связь со своеобразной организаціей и управленіемъ въ Америкѣ высшихъ учебныхъ заведеній, выдвигаемыхъ и непосредственно провѣряемыхъ запросами практической жизни.

Интересный и цѣнный докладъ вызвалъ у присутствовавшихъ членовъ рядъ спеціальныхъ и детальныхъ вопросовъ, на которые отвѣчалъ докладчикъ, разъясняя и развивая такимъ образомъ свои основныя положенія.

Второй докладъ былъ, какъ уже сказано, сдѣланъ Ѳ. В. Тарановскимъ и посвященъ новѣйшему ученію о феодализмѣ удѣльной Руси.

Разобравъ общіе признаки феодальнаго строя и методологію его изученія, докладчикъ познакомилъ собраніе съ содержаніемъ трудовъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, въ которыхъ установляется наличность въ удѣльной Руси тожественныхъ съ германскими феодальныхъ отношеній, пока лишь во внѣшней ихъ структурѣ, или, по выраженію самого Н. П. Павлова-Сильванскаго, въ ихъ „скелетѣ". Сославшись на задуманную реферируемымъ авторомъ широкую программу изслѣдованія, докладчикъ привѣтствовалъ исполненныя до сихъ поръ начальныя ея части, признавъ ихъ цѣнными въ научномъ отношеніи какъ по правильности метода изслѣдованія, такъ и по убѣдительности документальной аргументаціи. Все это дѣлаетъ работы Н. П. Павлова-Сильванскаго заслуживающими, по мнѣнію докладчика, научнаго признанія или, по меньшей мѣрѣ, отмѣннаго вниманія со стороны ученыхъ спеціалистовъ. Полное разрѣшеніе вопроса о феодальныхъ отношеніяхъ удѣльной Руси нуждается, по мнѣнію докладчика, кромѣ солиднаго экономическаго обоснованія, обѣщаннаго Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, еще въ спеціальномъ изслѣдованіи цѣлаго ряда вопросовъ, изъ которыхъ важнѣйшими можно признать слѣдующіе: 1) выясненіе строя

русскаго домена; 2) изученіе въ удѣльной Руси сословности, какъ существеннаго продукта и признака развитой системы феодализма; 3) проведеніе сравненія нашего удѣльнаго періода съ эпохой не только образованія, но и полнаго расцвѣта феодализма на западѣ; 4) разъясненіе военной организаціи, въ частности,—военнаго предводительства феодаловъ; 5) органическое объясненіе „окняженья" земли, являющагося пока какъ deus ex machina; 6) болѣе точное опредѣленіе юридическаго положенія „княжатъ" и ихъ отношенія къ князьямъ и боярамъ; 7) вообще выясненіе вопроса о феодальной іерархіи; 8) подробное изученіе по отдѣльнымъ землямъ. Большую заслугу Н. П. Павлова-Сильванскаго докладчикъ усмотрѣлъ въ томъ, что его изслѣдованія разрушаютъ ничѣмъ не объяснимую условность, къ сожалѣнію, принятую въ разработкѣ исторіи русскаго права, въ силу которой сравнительно-историческій методъ, съ успѣхомъ примѣняемый къ до-удѣльному и петербургскому періоду, стушевывается при изученіи періода удѣльнаго и московскаго. Вслѣдствіе этого въ послѣднемъ царитъ сомодѣльщина самобытныхъ идей и категорій, только тормозящая научное развитіе.

Докладъ былъ оконченъ поздно, вслѣдствіе чего пренія не могли развиться полностью. Говорилъ только одинъ изъ членовъ общества. Съ своей точки зрѣнія ученаго спеціалиста по всеобщей исторіи, оппонентъ принципіально разошелся съ докладчикомъ въ оцѣнкѣ рефированнаго ученія и рѣшительно отрицалъ существованіе на Руси феодализма. (*Варшавскій Дневникъ*).

Въ засѣданіи 3 апрѣля прочитанъ былъ докладъ кн. С. А. Друцкого „Военно-уголовное право; его современное состояніе и задачи".

Современное состояніе военно-уголовнаго права докладчикъ опредѣлилъ какъ время его сложенія въ самостоятельную юридическую науку. Несмотря на исконную древность войска и столь же древнее фактическое существованіе военно-уголовнаго права, теоретическая его обработка не восходитъ дальше нашего времени, которому принадлежатъ первыя болѣе или менѣе самостоятельныя попытки этой обработки. Причина теоретической неразвитости военно-уголовнаго права коренится, по мнѣнію докладчика, главнымъ образомъ въ двухъ явленіяхъ военно-юридическаго быта, каковы: инквизиціонный характеръ военно-уголовнаго процесса и участіе и вліяніе военнаго начальства въ производствѣ военно-судныхъ дѣлъ. Явленія эти, съ одной стороны, покрываютъ непроницаемой тайной военно-судебную практику, съ другой—лишаютъ ее необходимой самостоятельности, и въ своей совокупности поражаютъ военно-судебную практику безплодіемъ. При такомъ положеніи дѣла она была не въ силахъ дать теоретической юриспруденціи новую самостоятельную отрасль—военно-уголовнаго права, которое по тѣмъ же причинамъ игнорируется не-военными юристами, что въ свою очередь пагубно отражается на его развитіи.

Между тѣмъ военно-уголовное право имѣетъ, какъ указалъ докладчикъ, всѣ данныя для того, чтобы стать самостоятельною отраслью юриспруденціи. Особыя цѣли военной организаціи и своеобразныя условія военнаго

быта порождаютъ особыя нормы военнаго права, нарушеніе которыхъ въ ихъ реальномъ бытіи образуетъ особыя воинскія преступленія, являющіяся самостоятельнымъ объектомъ военно-уголовнаго права. Самостоятельность послѣдняго зиждется на военной дисциплинѣ, которая представляетъ собою необходимое условіе существованія войска и специфическій признакъ военнаго быта. Подвергнувъ обстоятельной критикѣ существующія опредѣленія военной дисциплины, докладчикъ самостоятельно опредѣлилъ послѣднюю, какъ воспитаніе воиновъ въ непреложномъ духѣ повиновенія верховному вождю войска. Воспитаніе это нуждается въ извѣстныхъ случаяхъ въ репрессіи, а репрессія, въ свою очередь,—въ организаціи. Плодомъ этой организаціи является военно-дисциплинарное право, изъ котораго по формальному признаку тяжести наказанія выдѣляется право военно-уголовное. Теоретическая обработка послѣдняго должна сочетать въ себѣ основные принципы общаго права со своеобразнымъ духомъ военной дисциплины.

Намѣтивъ общую цѣль, докладчикъ остановился подробнѣе на отдѣльныхъ задачахъ военно-уголовнаго права.

Здѣсь докладчикъ прежде всего формулировалъ общее теоретическое требованіе, заключающееся въ томъ, чтобы военная криминологія строго ограничивалась одними воинскими преступленіями и исключила изъ своего вѣдѣнія общія преступленія, совершаемыя воинскими чинами. Въ особой разработкѣ нуждается вопросъ о военно-уголовномъ наказаніи: въ основу его должно быть положено, по мнѣнію докладчика, исключительно воспитательное назначеніе, и формы его осуществленія должны быть сообразованы какъ со срочностью военной службы, такъ и съ непозорностью многихъ изъ воинскихъ преступленій. При этомъ докладчикъ высказался за уничтоженіе разряда штрафованныхъ, полную отмѣну тѣлеснаго наказанія въ войскахъ, а также въ пользу введенія въ военно-уголовное право условнаго осужденія и въ военный судъ—неопредѣленныхъ приговоровъ, дозволяющихъ облегчать и сокращать наказаніе по мѣрѣ исправленія наказуемаго. Особенно важной задачей докладчикъ призналъ переработку въ военно-уголовномъ правѣ устарѣвшей и отсталой постановки такихъ вопросовъ, какъ: отношеніе къ вмѣняемости состоянія опьянѣнія, значеніе для вмѣненія обязательной силы приказа, и необходимая оборона воинскихъ чиновъ противъ преступнаго посягательства со стороны начальника; при этомъ докладчикомъ былъ указанъ строгій научно-юридическій путь для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Въ немъ докладчикъ искусно сочеталъ начало общей закономѣрности съ требованіями военной дисциплины, въ которой повиновеніе волѣ верховнаго вождя войскъ должно стоять выше формальнаго чинопочитанія, являющагося вспомогательнымъ средствомъ, а отнюдь не краеугольнымъ камнемъ военной дисциплины.

Въ заключеніе докладчикъ провелъ различіе между боевой и мирной жизнью войска и сказалъ, что, поскольку въ первой неизбѣжно царитъ *право силы*, постольку же во второй должна неуклонно проводиться *сила права*. (*Варшавскій Дневникъ*).

Кавказское юридическое общество.

Въ засѣданіи 30-го марта, С. М. Арцруни сдѣлалъ сообщеніе „Объ изъятіи дѣлъ о расторженіи законнаго брака изъ юрисдикціи духовныхъ судовъ“. Сущность этого сообщенія заключается въ томъ, что при современной постановкѣ бракоразводнаго процесса юридическіе вопросы о совмѣстномъ сожительствѣ супруговъ, объ ихъ имущественныхъ правахъ, о выдачѣ содержанія женѣ, объ опекѣ надъ дѣтьми и проч. не могутъ быть разрѣшены гражданскимъ судомъ до расторженія брака духовнымъ судомъ, и что представляется желательнымъ реформировать бракоразводный процессъ такимъ образомъ, чтобы гражданскій судъ разрѣшалъ этотъ вопросъ о наличности законныхъ основаній къ расторженію брака, предоставляя затѣмъ самое расторженіе брака вѣдѣнію духовнаго суда.

М. О. Грузенбергъ возразилъ, что раздѣленіе бракоразводнаго процесса между гражданскими и духовными судами нежелательно, такъ какъ при разрѣшеніи гражданскимъ судомъ вопроса о наличности законныхъ основаній къ расторженію брака для процессуальной дѣятельности духовнаго суда уже ничего не остается, а, между тѣмъ, такая двойственность бракоразводнаго процесса, не имѣющая за собою ни теоретическихъ, ни практическихъ оправданій, можетъ повлечь за собою коллизію между двумя судами, и потому необходимо всецѣло предоставить гражданскому суду расторженіе браковъ. Къ этому мнѣнію присоединились М. М. Шарыгинъ, И. К. Савицкій, Л. І. Шевалье, В. Н. Ефимовъ и А. И. Митькевичъ, указавшіе, что и въ настоящее время гражданскіе суды въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательно рѣшаютъ вопросы изъ области вѣдѣнія духовнаго суда безъ санкціи этого послѣдняго, напр., лишеніе подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія, влекущее за собою расторженіе брака, лишеніе по суду духовнаго сана и проч., и что гражданскій судъ, постановивъ рѣшеніе о расторженіи брака, долженъ лишь довести объ этомъ до свѣдѣнія духовнаго суда для соотвѣтствующей регистраціи въ метрическихъ книгахъ. Кромѣ того, И. К. Савицкій и А. І. Шевалье возразили, что мнѣніе г. Арцруни о невозможности разрѣшенія въ настоящее время гражданскими судами исковъ о содержаніи жены, опеки надъ дѣтьми и проч., до окончательнаго рѣшенія духовными судами дѣлъ о расторженіи брака ошибочно, такъ какъ по дѣйствующему законодательству разрѣшеніе этихъ исковъ гражданскими судами не находится ни въ какой зависимости отъ предъявленія однимъ изъ супруговъ иска о разводѣ въ духовномъ судѣ.

Юридическое общество единогласно постановило: признать желательнымъ передачу дѣлъ о расторженіи браковъ всецѣло къ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ и признать возможнымъ разрѣшеніе въ настоящее время гражданскимъ судомъ исковъ о совмѣстномъ сожительствѣ супруговъ, о содержаніи жены, объ опекѣ надъ дѣтьми и проч. внѣ всякой зависимости отъ предъявленія однимъ изъ супруговъ иска о расторженіи брака. *(Новое Обозрѣніе).*

Саратовское юридическое общество.

24-го марта, въ помѣщеніи саратовской судебной палаты состоялось собраніе мѣстныхъ юристовъ для разработки проекта устава предположеннаго къ открытію Саратовскаго юридическаго общества. На собраніи присутствовали почти всѣ представители магистратуры, какъ общей, такъ и мировой, прокуратуры и адвокатуры. Предсѣдателемъ собранія избранъ былъ предсѣдатель д—та палаты В. Я. Фуксъ, секретаремъ—членъ судебной палаты М. Г. Розановъ. Совѣщаніе при выработкѣ проекта руководилось уже существующими и дѣйствующими уставами юридическихъ обществъ—московскаго, казанскаго, харьковскаго, кавказскаго и екатеринодарскаго. По принятому проекту, саратовское юридическое общество будетъ состоять при судебной палатѣ и имѣетъ своею цѣлью практическую и теоретическую разработку вопросовъ права и распространеніе юридическихъ познаній. Общество состоитъ изъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ. Всѣ эти лица входятъ въ составъ общества по рекомендаціи не менѣе какъ двухъ дѣйствительныхъ членовъ, по выбору общаго собранія абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Во главѣ общества стоитъ совѣтъ въ составѣ предсѣдателя, его товарища, четырехъ членовъ, казначея и двухъ секретарей– всѣ по избранію общаго собранія. Въ засѣданіяхъ общества читаются рефераты, сообщенія, оно имѣетъ право печатать и издавать юридическія изслѣдованія, труды, сочиненія и проч. Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ основныя начала проекта устава, принятаго совѣщаніемъ. Проектъ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе г. Министра Юстиціи. *(Саратовскій Листокъ).*

Томское юридическое общество.

26-го марта состоялось очередное засѣданіе Томскаго юридическаго общества и общества сельскаго хозяйства, на которомъ были прочитаны проф. М. Н. Соболевымъ и И. А. Базановымъ доклады, посвященные разработкѣ проекта—устава молочныхъ крестьянскихъ товариществъ въ Сибири.

---

7 апрѣля въ актовомъ залѣ университета предполагалось публичное торжественное годовое общее собраніе членовъ юридическаго общества, на которомъ предполагалось произнесеніе рѣчей членами совѣта. По случайнымъ причинамъ объ этомъ засѣданіи не было достаточно оповѣщено для всеобщаго свѣдѣнія и торжественное засѣданіе было отложено до 19 апрѣля, пятницу св. Пасхи. На общемъ же собраніи 7-го апрѣля, былъ прочитанъ отчетъ за минувшій годъ, избранъ составъ совѣта общества и пробаллотированы почетные члены.

Изъ прочитаннаго отчета видно, что ко дню открытія общества 7 апрѣля м. г. въ обществѣ состояло 56 членовъ, въ теченіе года вновь вступило въ дѣйствительные члены безъ баллотировки по званію профессоровъ юридическаго факультета 4, по баллотировкѣ 17, въ члены сотрудники приняты

совѣтомъ 3. Одинъ выбылъ за смертью. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года дѣйствительныхъ членовъ состояло 76 человѣкъ и сотрудниковъ—3.

Юридическое общество имѣло въ теченіе года 6 общихъ публичныхъ засѣданій, на которыхъ было прочтено членами обществъ 8 рефератовъ.

Трудовъ своихъ общество въ минувшемъ году не издавало, но совѣтомъ намѣчено и общимъ собраніемъ одобрено въ текущемъ году издать отчетъ объ открытіи общества и напечатать рѣчи, при открытіи произнесенныя. При обществѣ заложено уже основаніе библіотеки, куда поступили книги, исключительно пожертвованныя разными лицами, какъ то: Ф. Ф. Деппъ, С. Л. Лаврентьевымъ, М. А. Рейснеромъ, С. П. Швецовымъ и др.

По прочтеніи отчета совѣтъ предложилъ общему собранію избрать въ почетные члены извѣстныхъ юристовъ: А. Л. Боровиковскаго, А. Ѳ. Кони и Б. Н. Чичерина. Всѣ эти лица баллотировкою избраны почетными членами общества.

Затѣмъ было приступлено къ избранію состава совѣта.

Избранными оказались: предсѣдателемъ общества проф. П. С. Климентовъ, товарищемъ предсѣдателя В. А. Шенингъ, членами совѣта проф. М. Н. Соболевъ и Д. Г. Безсоновъ, секретаремъ А. А. Кійковъ и товарищемъ секретаря М. Н. Вознесенскій, казначеемъ Н. В. Вологодскій, библіотекаремъ Р. Л. Вейсманъ, членами ревизіонной коммисіи В. В. Федоровъ, С. Н. Поповъ и В. В. Сѣнцовъ. *(Сибирскій Вѣстникъ).*

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1901 ГОДУ.

(Продолженіе) [1]).

Составилъ **Д. Д. Черновъ.**

А. Матеріальные гражданскіе законы.

а) Т. X ч. 1 Свод. зак. гражд.

Ст. 384, 1417.

95. Понятіе о желѣзной дорогѣ (какъ *самостоятельномъ недвижимомъ имуществѣ*, подлежащемъ отчужденію крѣпостнымъ порядкомъ) обнимаетъ собою не только совокупность желѣзнодорожныхъ сооруженій и приспособленій, но и ту полосу земли, на которой возведены всѣ эти сооруженія. Между тѣмъ, законъ допускаетъ существованіе рельсовыхъ желѣзнодорожныхъ путей, не составляющихъ юридически цѣлаго съ землею, на которой они проложены. На основаніи 8 ст. полож. о подъѣздныхъ путяхъ къ желѣзнымъ дорогамъ (т. XII ч. 1 по прод. 1893 г.), подъѣздные пути могутъ быть устроены на землѣ, арендуемой предпринимателями у собственника. При отчужденіи такого рельсоваго пути продавецъ передаетъ пріобрѣтателю право собственности на желѣзнодорожныя приспособленія и право *временнаго пользованія* землею, но не право собственности на желѣзную дорогу въ полномъ ея составѣ, а по-

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902, Февраль, стр. 293.

тому подобныя сдѣлки не могутъ быть приравниваемы къ продажѣ недвижимыхъ имуществъ и не требуютъ облеченія ихъ въ форму крѣпостного акта [1]). Рѣш. № 89.

Ст. 394, п. 7.

96. Правило о *нераздѣльности желѣзныхъ дорогъ* слѣдуетъ толковать въ связи съ 138 ст. общаго уст. жел. дор., откуда оно заимствовано; а такъ какъ дѣйствіе этого устава распространяется лишь на желѣзныя дороги *общаго пользованія*, то очевидно, что только послѣднія могутъ считаться имуществами нераздѣльными. Что же касается рельсовыхъ путей *частнаго пользованія*, устраиваемыхъ для надобностей промышленныхъ предпріятій, то къ нимъ это правило не можетъ относиться ни прямо, ни по аналогіи (такъ какъ эти пути не имѣютъ того общественнаго значенія, ради котораго нужно было бы охранять ихъ неприкосновенность въ видѣ цѣлаго предпріятія), а потому они могутъ быть свободно отчуждаемы по частямъ. Рѣш. № 89.

Ст. 399, прим.

97. Правило, изложенное въ означенномъ примѣчаніи, должно быть примѣняемо всякій разъ, когда возбуждается вопросъ о значеніи купчихъ актовъ между родственниками, совершенныхъ въ періодъ времени съ 1823 по 1835 годъ, независимо отъ того, когда возникъ объ этомъ споръ. Рѣш. № 97.

Ст. 426, 428, 429, 464.

98. Если теченіе рѣки, вслѣдствіе естественныхъ причинъ, измѣнилось, то никто изъ прибрежныхъ владѣльцевъ уже не имѣетъ права производить въ отношеніи новаго русла рѣки какія-либо дѣйствія, имѣющія цѣлью возвращеніе рѣки въ старое русло (такъ какъ законъ связываетъ съ перемѣною теченія рѣки извѣстныя юридическія послѣдствія для береговыхъ владѣльцевъ, напр., пріобрѣтеніе права на обсохшую землю и т. п.). При этомъ не мо-

---

[1]) Въ рѣш. общ. собр. касс. д—товъ 1881 г. № 47 было высказано общее правило, что продажа всякаго рода сооруженій, возведенныхъ на чужой (арендуемой) землѣ, съ передачей права пользованія землею, не требуетъ крѣпостного акта, потому что въ такихъ случаяхъ не происходитъ *перемѣны крѣпостного владѣнія землею*.

жетъ быть установлено какого-либо срока, въ теченіе котораго владѣльцы имѣли бы право возстановить старое русло; разъ теченіе *измѣнилось окончательно*, всякія дѣйствія къ возстановленію прежняго теченія рѣки должны быть признаны незаконными. Рѣш. № 70.

Ст. 428, 533.

99. „Естественныя воды (рѣки и озера) не могутъ считаться самостоятельнымъ предметомъ права собственности, и право на эти воды можетъ быть разсматриваемо лишь, какъ послѣдствіе права на береговую землю, существуя только въ связи съ правомъ на эту землю и вытекая изъ него", если оно не пріобрѣтено по особому акту или по соглашенію съ береговыми владѣльцами (рѣш. 1879 г. № 281). Такимъ образомъ пріобрѣтеніе по давности права собственности на землю по берегу озера влечетъ за собою, какъ законное послѣдствіе, пріобрѣтеніе права на воды озера въ предѣлахъ связаннаго съ этою землею берегового права. Но не можетъ быть рѣчи о самостоятельномъ укрѣпленіи по давности за даннымъ береговымъ владѣльцемъ *права собственности на однѣ воды озера* (безъ берега), принадлежащія по береговому праву другимъ береговымъ владѣльцемъ. Рѣш. № 73.

Ст. 570, 690, 693.

100. Сторона, терпящая убытки отъ неисполненія ея контрагентомъ лежащей на немъ обязанности, въ правѣ, не обращаясь къ суду, произвести необходимыя дѣйствія и зачесть произведенные для того расходы взамѣнъ слѣдующей по договору платы. „Нѣтъ необходимости, чтобы такое право было выговорено въ договорѣ: оно вытекаетъ изъ самаго существа договорныхъ отношеній и можетъ представляться не „самоуправствомъ", а слѣдствіемъ крайней необходимости". При этомъ, конечно, признаются дѣйствительными лишь *необходимые* расходы, которые сторона обязана оправдать въ случаѣ спора. Рѣш. № 87.

Ст. 574.

101. Лицо, понесшее расходы на погребеніе умершаго чиновника, имѣетъ право требовать возмѣщенія этихъ расходовъ изъ суммы, выданной изъ казны родственникамъ покойнаго на погребеніе его. Рѣш. № 102.

Ст. 683, п. 7, б.

102. Годичный срокъ для предъявленія исковъ къ *пароходнымъ* предпріятіямъ по 683 ст. есть срокъ давностный, а потому онъ несомнѣнно подлежитъ пріостановленію въ своемъ теченіи и перерыву, при наличности въ каждомъ случаѣ требуемыхъ закономъ условій (ср. рѣш. 1893 г. № 30). Поэтому предъявленіе иска *въ надлежащемъ, закономъ установленномъ порядкѣ* прерываетъ теченіе этого срока такъ же, какъ прерываетъ оно и общую земскую давность (ст. 1, примѣч. 1 прилож. къ ст. 694 зак. гражд.). А такъ какъ, по разъясненію Правительствующаго Сената (рѣш. общ. собр. касс. д-товъ 1883 г. № 32), иски по 683 ст. могутъ быть предъявляемы, по усмотрѣнію потерпѣвшихъ, или въ гражданскихъ судахъ, или въ уголовныхъ (если событіе, причинившее вредъ, вызвало уголовное преслѣдованіе), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ допускается заявленіе гражданскаго иска въ предварительномъ производствѣ, безъ указанія опредѣленнаго лица, до выясненія личности обвиняемаго (рѣш. угол. касс. деп. 1872 г. № 107),—то заявленіе подобнаго иска въ уголовномъ судѣ прерываетъ исковую давность, а въ случаѣ прекращенія уголовнаго преслѣдованія (по 277 ст. уст. угол. суд.) прерванная давность начинаетъ свое теченіе сызнова (рѣш. 1879 г. № 347). Рѣш. № 84. [1])

Ст. 694 прилож., п. 6.

103. Судебное рѣшеніе, не обращенное къ исполненію въ теченіе 10 лѣтъ, теряетъ силу хотя бы осуществленіе самаго права, признаннаго этимъ рѣшеніемъ, не было поставлено въ зависимость отъ пропущенія давностнаго срока (каково, напр., право пережившаго супруга на выдѣлъ указной части изъ наслѣдства, ст. 1152 зак. гражд.). Рѣш. № 93.

Ст. 967, 994.

104. Безмездное отчужденіе имущества нисходящимъ родственникомъ не всегда можетъ считаться выдѣломъ, а лишь тогда, когда

---

[1]) Такимъ образомъ, разница въ примѣненіи давности по искамъ къ желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ предпріятіямъ (п. 7 ст. 683, а и б) состоитъ въ томъ, что въ случаяхъ перваго рода возбужденіе уголовнаго преслѣдованія *всегда* прерываетъ теченіе исковой давности, независимо отъ того, воспользовался ли потерпѣвшій своимъ правомъ предъявить гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ, или нѣтъ, а въ случаяхъ второго рода давность прерывается только тогда, когда потерпѣвшій заявитъ въ уголовномъ судѣ искъ, а впослѣдствіи дѣло это будетъ прекращено.

оно совмѣщаетъ въ себѣ законные признаки выдѣла, т. е., когда воля отчуждающаго состоитъ „въ надѣленіи дѣтей долями—законными изъ родового имущества и по усмотрѣнію отца изъ благопріобрѣтеннаго (зак. гражд. ст. 994 и 996)“; въ противномъ случаѣ, напр., если отецъ уступилъ дѣтямъ имущество, предоставивъ имъ самимъ раздѣлиться, т. е. не опредѣливъ доли каждаго изъ дѣтей,—судъ въ правѣ признать такой актъ не выдѣломъ, а дареніемъ, потому что „отецъ воленъ и подарить дѣтямъ свое имущество, и учинить выдѣлъ ихъ“. Рѣш. № 97.

Ст. 1243.

105. Наслѣдники лица, о безвѣстномъ отсутствіи котораго сдѣланы публикаціи въ порядкѣ 1453 ст. уст. гражд. суд., имѣютъ право, не выжидая окончательнаго постановленія суда о признаніи этого лица безвѣстно-отсутствующимъ, защищать судебнымъ порядкомъ имущественныя права этого лица, охраняя такимъ образомъ свое право на могущее открыться наслѣдство,—подобно тому, какъ это признано Правительствующимъ Сенатомъ въ отношеніи права казны (или городского общества на охраненіе имущества, могущаго оказаться выморочнымъ (рѣш. 1890 г. № 129, 1901 г. № 23). Рѣш. № 77.

Ст. 1259 (полож. о выкупѣ, ст. 166).

106. Крестьянинъ, воспользовавшійся надѣломъ, оставшимся по смерти его отца, не можетъ считаться *принявшимъ наслѣдство* послѣ отца и не отвѣчаетъ за долги послѣдняго. Рѣш. № 69 [1]).

Ст. 1528.

107. Если одинъ изъ договаривающихся вступилъ въ сдѣлку лишь номинально, а *дѣйствительное соглашеніе сторонъ состояло* въ томъ, чтобы права по договору принадлежали другому лицу, то судъ, по иску этого послѣдняго, въ правѣ признать за нимъ права контрагента, и возстановить такимъ обратомъ сдѣлку въ ея истинномъ видѣ. Рѣш. № 86.

Ст. 1538, 1539.

108. „Квалификація актовъ подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ,—но лишь съ той точки зрѣнія, не придано ли акту,

---

[1]) Вопросъ этотъ передавался на разрѣшеніе общаго собранія 1, 2 и кассаціонныхъ департаментовъ.

по установленнымъ судебнымъ мѣстомъ его содержанію и волѣ совершившихъ его, такое значеніе, какого онъ, по закону, имѣть не можетъ; самое же установленіе истиннаго *смысла* акта и воли участвовавшихъ въ его совершеніи относится къ фактической сторонѣ дѣла, кассаціонной повѣркѣ не подлежащей". Рѣш. № 97.

Ст. 2199.

109. Изъ самаго существа договора страхованія слѣдуетъ, что вознагражденіе страхователя ограничивается лишь размѣромъ дѣйствительно понесеннаго имъ ущерба и не можетъ служить къ его обогащенію (рѣш. 1896 г. № 9, 1884 г. № 114 и друг.). Поэтому, если стоимость застрахованнаго имущества до его истребленія (пожаромъ) существенно измѣнилась (напр., строеніе было разобрано и обращено въ совокупность матеріаловъ), то вознагражденіе опредѣляется не по первоначальной оцѣнкѣ имущества, а по дѣйствительной стоимости сгорѣвшаго (рѣш. 1881 г. № 118, 1880 г. № 40). При этомъ доказать дѣйствительную стоимость сгорѣвшаго матеріала въ день пожара обязанъ страхователь. Рѣш. № 91.

б) Сводъ гражд. узак. губ. Прибалтійскихъ.

Ст. 1262, прим.

110. Сервитутъ, не внесенный въ публичныя книги, теряетъ силу безусловно, т. е. не только въ отношеніи третьихъ лицъ, но и между сторонами, участвовавшими въ сдѣлкѣ объ установленіи сервитута. Рѣш. № 82.

Ст. 1325.

111. Оброчный содержатель недвижимости не въ правѣ отчуждать принадлежащее ему оброчное право по частямъ, а равно и дѣлить участокъ на самостоятельныя поземельныя единицы безъ позволенія прямого собственника недвижимости [1]). Рѣш. № 94.

Ст. 3019, 3215, 3242.

112. *Раздѣлъ наслѣдства* упомянутъ въ 3215 ст. въ числѣ актовъ отчужденія, при которыхъ наступаетъ отвѣтственность отчуждателя за эвикцію; въ силу же ст. 3242, эта отвѣтственность отпадаетъ, если не предъявлено никакихъ притязаній на отчужден-

---

[1]) См. рѣш. 1900 г. № 54 (Жур. Мин. Юст., 1901 г., Май, стр. 299—300).

ную недвижимость въ теченіе годового срока со дня публикаціи о вызовѣ претендентовъ (на основ. 319 ст.). Такимъ образомъ и при раздѣлѣ наслѣдства учиненіе публикаціи (прокламы) устанавливаетъ погашеніе правъ стороннихъ лицъ на недвижимость, пріобрѣтенную путемъ раздѣла, если эти лица не заявятъ спора въ годовой срокъ со дня публикаціи. Рѣш. № 82.

Ст. 3284, 3337.

113. Если преступленіе *совершено* нѣсколькими лицами сообща, то они всѣ отвѣчаютъ за причиненный вредъ *солидарно*. Что касается *укрывателей*, то они не могутъ считаться виновниками преступленія, потому что между укрывательствомъ (самого преступника или вещей, добытыхъ преступленіемъ) и самымъ преступленіемъ нѣтъ причинной связи; поэтому укрыватель не можетъ быть привлеченъ къ солидарной отвѣтственности наравнѣ съ лицами, совершившими преступленіе, а отвѣчаетъ лишь за вредъ, *причиненный* его собственными дѣйствіями. „Такъ, напр., если онъ скрылъ у себя часть похищеннаго имущества, то онъ обязанъ возвратить лишь это имущество, а если, вслѣдствіе укрывательства преступника или похищеннаго имъ имущества, потерпѣвшій лишится возможности получить обратно свое имущество или взыскать вознагражденіе за вредъ съ самого преступника, то укрыватель долженъ подлежать отвѣтственности въ полномъ размѣрѣ дѣйствительно причиненнаго его дѣйствіемъ вреда. При этомъ само собою разумѣется, что если укрывательство совершено сообща нѣсколькими лицами, то они отвѣчаютъ передъ потерпѣвшимъ, на точномъ основаніи 3337 ст. свода, солидарно“ [1]). Рѣш. № 95.

в) Уставъ о векселяхъ (т. XI ч. 2).

Ст. 24.

114. „Въ случаѣ протеста векселя съ бланковою надписью, онъ не имѣетъ права дальнѣйшаго перехода безъ надписи протестовавшаго лица, и лицо, пріобрѣвшее вексель безъ сего, правильнымъ векселедержателемъ признано быть не можетъ“. Рѣш. № 85.

Ст. 87.

115. Платежъ посредникомъ по векселю можетъ быть удостовѣренъ, согласно буквальному смыслу 87 ст. устава, лишь роспискою

---

[1]) Вопросъ этотъ передавался на разрѣшеніе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ.

векселедержателя *на самомъ векселѣ* въ полученіи денегъ отъ посредника, но не отдѣльнымъ письменнымъ удостовѣреніемъ о томъ векселедержателя. Рѣш. № 85.

г) Общій уставъ желѣзныхъ дорогъ (т. XII, ч. 1).

Ст. 78, 112.

116. Послѣ выдачи груза получателю, послѣднему возвращается, взамѣнъ дубликата, подлинная накладная (ст. 86 уст.), въ которой личность получателя объявлена. Такая накладная приравнивается вполнѣ къ именной накладной (ст. 78, рѣш. 1890 г. № 28), и передача ея можетъ быть совершена лишь „установленнымъ порядкомъ", т. е. при помощи передаточной надписи или особаго письменнаго акта (какъ установлено ст. 2058 зак. гражд. относительно передачи именныхъ долговыхъ документовъ), а не простымъ переходомъ изъ рукъ въ руки) [1]). Рѣш. № 88.

д) Полож. о каз. подрядахъ и поставкахъ (т. X ч. 1).

Ст. 216.

117. Статья эта говоритъ объ освобожденіи контрагента казны отъ *отвѣтственности*, *установленной договоромъ*, но непримѣнима къ тому случаю, когда въ самомъ договорѣ отвѣтственность контрагента ограничена болѣе тѣсными предѣлами. Рѣш. № 96.

е) Положеніе о земскомъ страхованіи (т. XII ч. 1).

Ст. 17.

118. Страхованіе, *обязательное* по *особой* (возвышенной) оцѣнкѣ, по правиламъ 47—54 ст. полож. считается заключеннымъ разъ навсегда, а не на одинъ годъ (какъ страхованіе добровольное), при чемъ можетъ быть измѣненъ только размѣръ платежей, но не

---

[1]) Мировой съѣздъ призналъ истца правильнымъ держателемъ накладной, основываясь на письменномъ удостовѣреніи лица, которому она была первоначально выдана, о фактической передачѣ имъ накладной истцу задолго до того простымъ врученіемъ документа. При этомъ съѣздъ пріурочилъ переходъ правъ по накладной не къ моменту совершенія упомянутаго письменнаго акта, а къ моменту фактической передачи накладной. Между тѣмъ это обстоятельство имѣло значеніе для пропуска истцомъ давности, потому что письменный актъ составленъ былъ уже послѣ предъявленія иска и по истеченіи давностнаго срока.

иначе, какъ съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ ст. 26. Но земство не имѣетъ права по своему усмотрѣнію измѣнить самый способъ застрахованія (т. е. по нормальной или по особой оцѣнкѣ) и потому постановленіе губ. земск. собранія, коимъ измѣняется способъ, какъ противорѣчащее закону, должно быть признано недѣйствительнымъ. Рѣш. № 83.

ж) Положеніе о нотаріальной части (т. XVI, ч. I.).

Ст. 171.

119. Выдача сторонамъ выписи утвержденнаго старшимъ нотаріусомъ акта не является существеннымъ моментомъ утвержденія акта; поэтому, разъ утвержденіе состоялось, ст. нотаріусъ не въ правѣ отказывать сторонѣ въ выдачѣ выписи по такому основанію, которое могло бы служить препятствіемъ къ утвержденію акта, если бы было въ виду его въ свое время.

Такъ, напр., если послѣ утвержденія купчей крѣпости, но до выдачи покупщику выписи, ст. нотаріусу будетъ представлена запретительная статья на продаваемое имѣніе, то это обстоятельство не можетъ препятствовать выдачѣ выписи, хотя бы самое опредѣленіе суда о наложеніи запрещенія на имѣніе состоялось ранѣе утвержденія купчей ст. нотаріусомъ [1]). Рѣш. № 76.

з) Уставъ о гербовомъ сборѣ (т. V, изд. 1900 г.)

Ст. 14, п. 2.

120. Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судебныхъ установленій, подаваемыя въ Правительствующій Сенатъ по дѣламъ гражданскимъ, подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ *по 60 коп. за листъ;* правило же о рублевомъ сборѣ съ такихъ же просьбъ (ст. 13 п. 1 лит. б) относится лишь къ дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Рѣш. № 100.

Ст. 16, п. 1.

121. Копіи съ просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній (см. предыд. тезисъ) и приложенія къ нимъ, въ томъ числѣ и копіи съ копій

---

[1]) Въ рѣш. 1877 г. № 193 было разъяснено, что при наложеніи запрещенія на недвижимое имущество имѣетъ значеніе время напечатанія запретительной статьи, а не время постановленія опредѣленія суда (ст. 616 уст. гражд. суд.).

обжалованныхъ рѣшеній, оплачиваются по 15 к. за листъ, за исключеніемъ копій съ такихъ документовъ, которые подлежатъ сбору въ меньшемъ противъ 15 к. размѣрѣ (такія копіи, въ силу ст. 12, оплачиваются въ одинаковомъ размѣрѣ съ подлинниками). Тамъ же.

и) Уставъ о пошлинахъ (т. V).

Ст. 209.

122. Правила о *законной оцѣнкѣ* имуществъ для исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ (ст. 208—211), какъ и вообще всѣ законы о пошлинахъ и сборахъ не допускаютъ распространительнаго толкованія. „Въ тѣхъ случаяхъ, когда законная оцѣнка имущества не можетъ быть опредѣлена ни однимъ изъ указанныхъ въ законѣ способовъ, законъ предписываетъ принимать ту цѣну имущества, *которую стороны объявили по совѣсти*. Всякій иной способъ, какъ несогласный съ закономъ и произвольный, не можетъ быть допущенъ". Поэтому установленный ст. 209 уст. пошл. способъ опредѣленія законной оцѣнки *городскихъ имуществъ* при помощи *акта послѣдняго пріобрѣтенія* можетъ быть примѣняемъ тогда лишь, когда, напр., продается всецѣло то имущество, которое было пріобрѣтено по тому акту, или хотя и часть, но такая, цѣна которой въ точности въ томъ актѣ обозначена. Если же продается часть, цѣна которой отдѣльно не показана въ актѣ, то нельзя выводить таковую изъ общей стоимости имущества при помощи разныхъ соображеній и вычисленій, а тѣмъ болѣе пользуясь свѣдѣніями, въ самомъ актѣ не заключающимися [1]). Рѣш. № 99.

і) Улож. о наказ. (т. XV).

Ст. 64.

123. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, опредѣляется на основаніи

---

[1]) Обстоятельства дѣла таковы: продавалась часть имѣнія безъ построекъ, а между тѣмъ въ актѣ пріобрѣтенія показана цѣна всего имѣнія—земли и построекъ. По мнѣнію судебной палаты, цѣна продаваемой части должна была опредѣлиться путемъ вычета стоимости построекъ (по страховой оцѣнкѣ) и уменьшенія остатка сообразно съ количествомъ земли. Сенатъ призналъ такія вычисленія произвольными.

мѣстныхъ гражданскихъ законовъ (Сводъ ч. III), а не на основаніи 1 ч. X т. Свода зак. Имперіи, потому что въ мѣстныхъ законахъ имѣются на этотъ счетъ особыя постановленія (ст. 3284 и слѣд.), исключающія примѣненіе общеимперскихъ законовъ [1]). Рѣш. № 95; см. тезисъ 113.

к) Уставъ С.П.Б. общества взаимнаго отъ огня страхованія, §§ 35, 39.

124. При оцѣнкѣ страхуемыхъ построекъ главную роль играетъ ихъ „матеріальная стоимость", безъ всякаго отношенія къ цѣнности земли и доходности имущества; поэтому въ случаѣ сломки строенія и обращенія его въ строительный матеріалъ договоръ страхованія не уничтожается (такъ какъ самый предметъ страхованія— матеріалъ находится налицо); тѣмъ не менѣе, въ виду уменьшенія цѣнности предмета, является необходимость новыхъ разсчетовъ сторонъ (§ 39 устава) сообразно съ дѣйствительною стоимостью предмета. Рѣш. № 91.

Б. Процессуальные законы.

а) Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Ст. 110, 561.

125. Опредѣленіе гражданскаго суда о признаніи акта подложнымъ *безусловно обязательно* для мировыхъ установленій при разрѣшеніи иска, основаннаго на означенномъ актѣ. Положеніе дѣла нисколько не мѣняется, если приговоромъ уголовнаго суда, по обвиненію кого-либо въ совершеніи того же подлога, признано будетъ *недоказаннымъ самое событіе преступленія*. И въ этомъ случаѣ мировыя учрежденія обязаны считать актъ подложнымъ, „потому что опредѣленіе гражданскаго суда не можетъ быть отмѣнено уголовнымъ судомъ". Рѣш. № 75.

Ст. 584, п. 1; 588.

126. Такъ какъ вопросъ о родовой подсудности дѣла, а въ томъ числѣ и о неподвѣдомственности дѣла судебнымъ учрежденіямъ,

---

[1]) Вопросъ разрѣшенъ общимъ собр. касс. д-товъ.

можетъ быть возбуждаемъ не только тяжущимися, но и самимъ судомъ, то и тяжущимся должно быть предоставлено самое широкое право предъявлять такой отводъ во всякомъ положеніи дѣла. Такъ, если тяжущійся заявитъ въ первой инстанціи отводъ о неподвѣдомственности иска судебнымъ установленіямъ, но отводъ этотъ не будетъ уважечъ, то, пропустивъ семидневный срокъ на обжалованіе опредѣленія суда въ частномъ порядкѣ, тяжущійся не можетъ быть лишенъ права заявить о томъ же въ апелляціонной жалобѣ, и вторая инстанція обязана вновь разсмотрѣть этотъ вопросъ и не въ правѣ ссылаться на то, что опредѣленіе суда 1-й степени вошло, будто бы, за необжалованіемъ, въ законную силу. Рѣш. № 71.

Ст. 634—636.

127. „Третье лицо, отъ котораго должнику причитаются повременные платежи, неисполненіемъ требованія судебнаго пристава о наложеніи на нихъ ареста и передачею таковыхъ должнику (ст. 635 и 636), наноситъ взыскателю такой же ущербъ, какъ и то третье лицо, которое передаетъ должнику находящееся у него движимое имущество или капиталъ его, подвергнутые аресту (ст. 632 и 633)“, а потому должно подлежать отвѣтственности на тѣхъ же основаніяхъ, какія указаны въ ст. 634; иначе говоря, лицо это отвѣчаетъ передъ взыскателемъ лишь *при несостоятельности должника* [1]). Рѣш. № 78.

Ст. 779 (837).

128. „Опредѣленный статьею 779 двухнедѣльный срокъ на подачу просьбы о возстановленіи права апелляціи (а по аналогіи также и права кассаціи, ср. рѣш. 1867 г. № 499, 1875 г. № 938 и друг.) долженъ быть примѣняемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ о томъ, дѣйствительно ли пропущенъ срокъ на принесеніе

---

[1]) Хотя въ рѣшеніи 1879 года № 383 и высказано было противоположное положеніе (о непримѣнимости 634 ст. къ случаю нарушенія правилъ ст. 635 и 636), но, какъ разъясняется въ цитированномъ рѣшеніи, „въ томъ дѣлѣ шелъ вопросъ не о простомъ неисполненіи предъявленнаго по 631 или 635 ст. требованія, а объ *уклоненіи отъ дачи отзыва*, предусмотрѣннаго 635 ст., а послѣдствія такого уклоненія, предусмотрѣнныя 639 (а также и 640) ст., дѣйствительно наступаютъ независимо отъ того, несостоятеленъ ли должникъ или нѣтъ“.

жалобы стороною, ходатайствующею о возстановленіи ей того срока, *не требуетъ, по своей безспорности и очевидности, отдѣльнаго обсужденія*, а обсуждается одновременно съ тѣми поводами, которые стороною приведены въ основаніе ея ходатайства, при чемъ началомъ для теченія двухнедѣльнаго срока слѣдуетъ принять то время, *когда миновало независѣвшее отъ тяжущагося препятствіе*, отъ воздѣйствія котораго произошелъ пропускъ срока" [1]). Рѣш. № 68.

Ст. 795.

129. Должникъ, не вызванный надлежащимъ порядкомъ къ производству описи и продажи его имущества по судебному рѣшенію (а именно, если повѣстка объ исполненіи не вручена ему лично или по мѣсту его пребыванія, ст. 282 и 942 уст.), долженъ считаться *лицомъ, не участвовавшимъ въ дѣлѣ* о продажѣ его имущества, а потому онъ въ правѣ просить объ отмѣнѣ, по 795 ст. устава, опредѣленія суда объ укрѣпленіи имущества. Рѣш. № 77.

Ст. 924.

130. Исполненію подлежатъ судебныя рѣшенія, вошедшія въ законную силу и *не утратившія этой силы*; поэтому судъ не въ правѣ выдавать исполнительнаго листа по рѣшенію, потерявшему силу за давностью (п. 6 прил. къ ст. 694 зак. гражд.) [2]). Рѣш. № 93.

Ст. 1171, 1175.

131. Въ случаѣ разногласія кредиторовъ по вопросу о томъ, за кѣмъ изъ нихъ должно быть укрѣплено непроданное на торгахъ имѣніе,—слѣдуетъ руководствоваться не ст. 1174 (такъ какъ она предусматриваетъ разногласіе кредиторовъ насчетъ назначенія новаго торга), а статьею 1064 (примѣняемой къ продажѣ недвижимости по аналогіи, въ силу ст. 1094), т. е. преимущество принад-

---

[1]) Настоящимъ разъясненіемъ измѣняется взглядъ, высказанный Сенатомъ ранѣе (въ рѣш. 1891 г. № 38), согласно коему сторона могла просить о возстановленіи срока въ теченіе 10 лѣтъ, если самый фактъ пропуска срока не удостовѣренъ особымъ опредѣленіемъ суда.

[2]) Изъ рѣшенія не видно, обязанъ ли судъ всегда вызывать отвѣтчика къ производству о выдачѣ исполнительнаго листа (какъ это было въ разсмотрѣнномъ Сенатомъ дѣлѣ) и ждать его возраженія, или отказывать въ выдачѣ исполнительнаго листа по своей иниціативѣ, убѣдившись, что давностный срокъ пропущенъ.

лежитъ прежде всего тому кредитору, который раньше обратилъ взысканіе на данное имѣніе, а уже послѣ него тому, чье взысканіе значительнѣе. Рѣш. № 92.

Ст. 1187.

132. Залогодержатель имѣетъ право оставить за собою заложенное имущество *въ суммѣ долга по закладной* (какъ разъяснено въ рѣш. 1871 г. № 994), хотя бы онъ и согласился на оцѣнку имѣнія въ суммѣ выше той, въ какую имѣніе заложено, ибо „въ согласіи на оцѣнку имѣнія нельзя видѣть согласія на пріобрѣтеніе имѣнія по этой оцѣнкѣ". Рѣш. № 81.

Ст. 1213.

133. Вознагражденіе по этой статьѣ (за ненайденное имущество, подлежавшее понудительной передачѣ) присуждается взыскателю *по частному опредѣленію* суда, для чего нѣтъ надобности въ предъявленіи особаго иска. Рѣш. № 98.

Ст. 1282, прим. 2.

134. Правами казенныхъ управленій на судѣ пользуются лишь городскія общественныя управленія, подъ которыми разумѣются „коллегіальныя установленія, вѣдающія дѣла, сопряженныя съ городскими имущественными интересами вообще, каковы: городскія думы, городскія управы (гор. полож. 1892 г. ст. 1, 2, 21, 103)", городскіе же общественные банки, хотя и признаются принадлежащими къ числу городскихъ общественныхъ учрежденій (ст. 2 полож. о гор. общ. банкахъ, 2 ч. XI т.), но не входятъ въ составъ городского обществ. управленія и не могутъ пользоваться правами казенныхъ управленій. Рѣш. № 80.

Ст. 1340.

135. Установленная этою статьею двухлѣтняя давность погашаетъ всякіе споры какъ о личныхъ, такъ и объ *имущественныхъ* правахъ пережившаго супруга и рожденныхъ отъ брака дѣтей, если такіе споры основаны на опроверженіи законности самаго брака. Положеніе это вытекаетъ изъ буквальнаго смысла ст. 811 и 812 т. X ч. 2 (451 и 452 ст. зак. суд. гражд., изд. 1892 г.), изъ которыхъ заимствована настоящая статья уст. гражд. суд. Рѣш. № 79.

Ст. 1356.

136. „Указанныя въ 1356 ст. доказательства законности рожденія должны быть принимаемы и тогда, если въ имѣющихся метрическихъ книгахъ рожденіе не записано, а между тѣмъ оно представляется удостовѣреннымъ другими допускаемыми закономъ доказательствами". Рѣш. № 72.

б) Правила о производствѣ суд. дѣлъ у земск. нач. и гор. судей (т. XVI, ч. 1).

Ст. 106.

137. При исполненіи рѣшеній земскихъ начальниковъ и городскихъ судей не допускается вызовъ должника по 1222^{4-10} ст. уст. гражд. суд. (для заявленія о средствахъ къ удовлетворенію взысканія), такъ какъ на эти статьи устава нѣтъ ссылки въ ст. 106 правилъ, указывающей способы исполненія рѣшеній. Рѣш. № 90.

в) Уставъ суд. торговаго (т. XI, ч. 2).

Ст. 573—575.

138. Конкурсное управленіе имѣетъ право выкупить заложенное имущество несостоятельнаго, уплативъ заимодавцу полную сумму долга, или отказаться отъ выкупа, и тогда имущество поступаетъ въ продажу на общемъ основаніи.

„Но при отказѣ отъ выкупа, конкурсное управленіе освобождается совершенно отъ всякаго исполненія *по закладной*, а не по другимъ, дополнительнымъ къ ней обязательствамъ должника, имѣющимъ самостоятельное значеніе. Въ рѣшеніяхъ 1884 г. № 5 и 1874 г. № 129 разъяснено, что залогодатель, свободно распоряжающійся своею собственностью, въ правѣ принять на себя отвѣтственность передъ залогодержателемъ въ доплатѣ долга по закладной до полной суммы", въ случаѣ недовыручки таковой при публичной продажѣ. Подобныя обязательства „должны быть признаваемы дѣйствительными и подлежать исполненію со стороны какъ самого должника, такъ и учрежденнаго надъ нимъ конкурса, пока не будутъ ими опровергнуты по существу, какъ и всякія другія претензіи, отнесенныя конкурсомъ къ числу спорныхъ (ст. 582 и 602 уст. суд. торг.) и поступившія вслѣдствіе этого къ судебному разсмотрѣнію (рѣш. 1886 г. № 10)". Рѣш. № 74.

г) Положеніе о взысканіяхъ гражданскихъ (т. XVI, ч. 2).

Ст. 308.

139. Статья эта, какъ признано въ рѣшеніи 1871 г. № 994, должна быть примѣняема въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введены Судебные Уставы, въ виду отсутствія въ уст. гражд. суд. правила, опредѣляющаго сумму, въ которой имѣніе можетъ быть укрѣплено за залогодержателемъ. Рѣш. № 81; см. тезисъ 132.

ВОЕННО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВО ФРАНЦІИ.

Извѣстное дѣло Альфреда Дрейфуса вызвало во Франціи рѣзкія нападки на военные суды и принятый въ нихъ порядокъ судопроизводства. Въ періодической прессѣ различныхъ политическихъ партій, въ научной литературѣ и въ парламентѣ стали высказываться сомнѣнія въ правильности распространенія военной подсудности на всѣ преступныя дѣянія военнослужащихъ и въ цѣлесообразности подчиненія военныхъ судовъ мѣстному военному начальству. Въ парламентъ былъ внесенъ цѣлый рядъ законопроектовъ, предлагавшихъ частичныя улучшенія въ дѣйствующемъ порядкѣ военно-уголовнаго судопроизводства, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ законопроектовъ—о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, о зачетѣ подслѣдственнаго ареста въ срокъ наказанія лишеніемъ свободы, объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ—въ настоящее время уже разсмотрѣны парламентомъ и получили силу закона.

На встрѣчу требованіямъ общественнаго мнѣнія пошло и правительство. Декретомъ 31 января 1899 г. при военномъ министерствѣ для составленія проекта новаго устава военно-уголовнаго судопроизводства для сухопутной арміи былъ учрежденъ особый комитетъ (Comité du contentieux et de la justice militaire) изъ 12 членовъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Е. Герэна (E. Guérin). Къ концу 1899 г. комитетъ выработалъ слѣдующія главныя начала, принятыя имъ въ основаніе дальнѣйшихъ его работъ: 1) отнесеніе въ мирное время къ общей подсудности общихъ преступленій и проступковъ военнослужащихъ, за исключеніемъ насилій, оскорбленій и угрозъ между состоящими на дѣйствительной службѣ военнослужащими, а также преступныхъ дѣяній, совершенныхъ при исполненіи обязанностей службы; 2) предоставленіе въ мирное время общему касса-

ціонному суду разсмотрѣнія жалобъ на приговоры военныхъ судовъ; 3) предоставленіе военнымъ судамъ въ мирное время права признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ; 4) установленіе тайной подачи голосовъ при постановленіи приговоровъ военныхъ судовъ; 5) введеніе въ составъ военныхъ судовъ при сужденіи лицъ, приравненныхъ къ военнослужащимъ, двухъ членовъ изъ числа чиновъ того вѣдомства, къ которому принадлежитъ обвиняемый и 6) учрежденіе особаго военно-судебнаго вѣдомства. Эти главныя начала были изложены комитетомъ въ 10 статьяхъ особаго законопроекта, который 10 ноября 1899 г. былъ внесенъ правительствомъ на обсужденіе палаты депутатовъ [1]).

Нынѣ комитетъ закончилъ свои работы по составленію проекта новаго устава военно-уголовнаго судопроизводства для сухопутной арміи и 4 апрѣля 1901 г. представилъ военному министру проектъ устава, изложивъ въ пространной объяснительной запискѣ соображенія, послужившія основаніемъ къ измѣненіямъ правилъ дѣйствующаго устава. 24 мая 1901 г. проектъ новаго устава военно-уголовнаго судопроизводства внесенъ правительствомъ въ палату депутатовъ, при чемъ правительство предоставило парламенту рѣшить, слѣдуетъ ли оставить разсмотрѣніе ранѣе внесенныхъ отдѣльныхъ законопроектовъ и, приступивъ немедленно къ всестороннему обсужденію проекта новаго устава, сразу осуществить всѣ намѣченныя преобразованія, или же продолжать разсмотрѣніе ранѣе внесенныхъ законопроектовъ и принять сначала отдѣльными законами положенныя въ основаніе реформы главныя начала, болѣе удобныя для обсужденія и голосованія. Палата депутатовъ передала проектъ устава въ парламентскую коммисію уголовнаго законодательства, которая 3 іюня 1901 г. начала, подъ предсѣдательствомъ депутата Крюппи (Cruppi), обсужденіе проекта и поручила особой подкоммисіи изъ 6 членовъ составленіе предварительнаго доклада [2]). Коммисія уголовнаго законодательства рѣшила, ограничиваясь пока пересмотромъ правилъ, проектированныхъ для мирнаго времени, разрабатывать отдѣльные законопроекты, обнимающіе одинъ или два спеціальныхъ вопроса, и постепенно вносить ихъ на разсмотрѣніе палаты. Въ ноябрѣ 1901 г. докладчикомъ коммисіи г. Бомпаромъ (Bompard) были внесены въ палату депутатовъ два отдѣльныхъ законопроекта. Въ докладѣ отъ 21 ноября 1901 г. коммисія предла-

---

[1]) См. мою статью въ „Вѣстникѣ Права“ 1900, № 8, стр. 146—162.

[2]) Revue pénitentiaire, 1901, № 6, p. 1047—1051.

гаетъ распространить на военные суды постановленія общихъ уголовныхъ законовъ о досрочномъ освобожденіи (libération conditionelle), возстановленіи правъ, утраченныхъ по суду (réhabilitation de droit) и справкахъ о судимости (casier judiciaire). Этотъ законопроектъ 2 декабря 1901 г. принятъ палатою депутатовъ внѣ очереди безъ преній, при чемъ палата нашла необходимымъ распространить его дѣйствіе и на военно-морскіе суды; 13 декабря этотъ законопроектъ переданъ въ бюро сената. Въ докладѣ отъ 25 ноября 1901 г. коммисія предполагаетъ сократить число военныхъ судовъ, установить тайную подачу голосовъ при постановленіи приговоровъ въ военныхъ судахъ и подчинить военные суды контролю общаго кассаціоннаго суда. Разсмотрѣніе этого законопроекта въ палатѣ депутатовъ было назначено на 12 декабря, но военный министръ заявилъ о своемъ желаніи представить дополнительныя объясненія, и законопроектъ былъ снятъ съ очереди. Наряду съ законопроектами, внесенными отъ имени коммисіи уголовнаго законодательства, палата депутатовъ продолжаетъ разсмотрѣніе предложеній, внесенныхъ ранѣе по поводу реформы военнаго процесса отдѣльными депутатами. Такъ, закономъ 19 іюля 1901 г. военнымъ судамъ предоставлено въ мирное время право признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ не только при общихъ, но и при воинскихъ преступленіяхъ военнослужащихъ [1]). Затѣмъ въ засѣданіи 12 декабря 1901 г. были разсмотрѣны палатою и переданы на обсужденіе парламентской коммисіи предложенія Вальяна (Vaillant) объ отмѣнѣ устава военно-уголовнаго судопроизводства и упраздненіи военныхъ судовъ съ подчиненіемъ военнослужащихъ общей юрисдикціи, предложеніе Мирмана (Mirman) о реорганизаціи военныхъ судовъ въ мирное время, предложеніе Шарля Гра (Charles Gras) о допущеніи обжалованія приговоровъ военныхъ судовъ въ общій кассаціонный судъ и предложеніе Массэ (Massé), совпадающее съ законопроектомъ, разработаннымъ парламентской коммисіей въ докладѣ отъ 25 ноября 1901 г. [2]).

При такомъ порядкѣ обсужденія предложеній, касающихся реформы военнаго процесса, трудно сказать, когда будетъ закончено разсмотрѣніе представленнаго правительствомъ проекта новаго устава, но можно надѣяться, что въ виду настоятельныхъ требованій

---

[1]) Revue pénitentiaire 1901, № 7, p. 1518—1520; Bulletin officiel du ministère de la guerre 1901, partie réglementaire № 30 p. 419—420.

[2]) Revue pénitentiaire 1901, № 8, p. 1591—1593.

общественнаго мнѣнія коренная реформа военнаго процесса будетъ произведена во Франціи въ ближайшемъ будущемъ. Считаемъ поэтому не лишнимъ ознакомить читателей съ отличительными особенностями проектированнаго французскимъ правительствомъ устава военно-уголовнаго судопроизводства. Въ проектѣ устава, для удобства его примѣненія на практикѣ, принята та же система изложенія, что и въ дѣйствующемъ уставѣ военно-уголовнаго судопроизводства 9 іюня 1857 г.: первыя четыре книги проекта заключаютъ въ себѣ постановленія объ организаціи военныхъ судовъ, о подсудности, о порядкѣ судопроизводства и о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ; къ нимъ добавлена новая пятая книга, въ которой содержатся постановленія о личномъ составѣ военно-судебнаго вѣдомства. Въ проектѣ 374 статьи, т. е. на 97 статей больше, чѣмъ въ дѣйствующемъ уставѣ 1857 г.; это увеличеніе объема проекта устава объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ него введены всѣ частныя измѣненія, внесенныя въ правила военно-уголовнаго судопроизводства законами 15 іюля 1899 г. и 2 апрѣля 1901 г.

I.

Французскій проектъ устава военно-уголовнаго судопроизводства принимаетъ различныя системы судоустройства: съ одной стороны—для мирнаго и для военнаго времени, а съ другой—для внутреннихъ округовъ Франціи и ея колоній. Нормальная организація военно-судебныхъ учрежденій принята для внутреннихъ округовъ, гдѣ въ мирное время учреждаются постоянные военные суды военныхъ губернаторствъ и территоріальныхъ округовъ армейскихъ корпусовъ; число и мѣстопребываніе военныхъ судовъ, а также предѣлы подвѣдомственнаго каждому изъ нихъ раіона опредѣляются декретомъ правительства, при чемъ въ раіонъ дѣйствій одного военнаго суда могутъ входить нѣсколько военныхъ округовъ (ст. 7). По дѣйствующему уставу постоянные военные суды учреждаются въ каждомъ военномъ округѣ и военномъ губернаторствѣ; по отчету за 1898 г. изъ всѣхъ 22 судовъ внутреннихъ округовъ Франціи (по одному суду въ каждомъ изъ 19 корпусовъ, два въ Парижѣ и одинъ въ Ліонѣ) въ 10 судахъ было менѣе 100 дѣлъ въ годъ и только въ судѣ 6 армейскаго корпуса (въ Шалонѣ на Марнѣ) число дѣлъ было болѣе 200; поэтому сокращеніе числа военныхъ судовъ (предполагается упразднить 12 судовъ) представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что съ проектированнымъ ограниченіемъ

военной подсудности число дѣлъ въ военныхъ судахъ должно еще болѣе уменьшиться.

Составъ военныхъ судовъ по проекту оставленъ тотъ же, что и по дѣйствующему уставу: 7 членовъ (ст. 8), назначаемыхъ военнымъ начальствомъ на 6-ти-мѣсячный срокъ изъ числа офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ военныхъ округахъ, входящихъ въ раіонъ дѣйствій суда (ст. 12 и 14); при разсмотрѣніи дѣлъ о нижнихъ чинахъ въ составъ суда входитъ одинъ унтеръ-офицеръ, при разсмотрѣніи дѣлъ объ офицерахъ составъ суда измѣняется въ зависимости отъ чина подсудимаго (ст. 9), а при разсмотрѣніи дѣлъ о чиновникахъ спеціальныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ свою особую іерархію, въ составъ военнаго суда вмѣсто двухъ младшихъ по чину офицеровъ входятъ два чиновника того вѣдомства, къ которому принадлежитъ подсудимый (ст. 20). Назначеніе членовъ военныхъ судовъ по прежнему предоставлено генералу, командующему войсками того военнаго округа, въ которомъ засѣдаетъ судъ, или военному министру—при разсмотрѣніи дѣлъ о полковникахъ, генералахъ и маршалахъ, а также въ тѣхъ случахъ, когда въ предѣлахъ даннаго военнаго округа не оказывается достаточнаго числа офицеровъ требуемыхъ для образованія военнаго суда чиновъ (ст. 14 и 16). Для разсмотрѣнія дѣлъ о дивизіонныхъ генералахъ и маршалахъ членами военнаго суда при недостаткѣ маршаловъ, адмираловъ и генераловъ, командовавшихъ войсками въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, могутъ быть назначаемы дивизіонные генералы, не занимающіе должностей или состоящіе въ распоряженіи (pourvus d'emploi ou disponibles), при чемъ всякое отступленіе отъ порядка старшинства должно быть мотивировано въ распоряженіи военнаго министра (ст. 19). Назначеніе командующими войсками офицеровъ и унтеръ-офицеровъ членами военныхъ судовъ производится по заранѣе составленнымъ очереднымъ спискамъ, въ которые по уставу 1857 г. вносились всѣ офицеры и унтеръ-офицеры, которые могутъ быть назначены членами военнаго суда, а по проекту предположено вносить лишь офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, обладающихъ необходимыми для исполненія обязанностей судьи способностями (ст. 28), что даетъ военному начальству возможность по своему усмотрѣнію устранять отъ назначенія членами военнаго суда тѣхъ или другихъ офицеровъ. При каждомъ военномъ судѣ состоятъ правительственный коммисаръ, докладчикъ и секретарь (ст. 10), назначаемые военнымъ министромъ (ст. 15); правительственные коммисары, исполняющіе прокурор-

скія обязанности, и докладчики, занимающіеся производствомъ предварительныхъ слѣдствій, а также помощники тѣхъ и другихъ избираются изъ числа чиновъ особаго военно-судебнаго вѣдомства (ст. 11 и 13), а при недостаткѣ чиновъ и кандидатовъ этого вѣдомства—изъ числа офицеровъ и чиновниковъ интендантства, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ раіонѣ дѣйствій военнаго суда (ст. 13), при чемъ для назначенія ихъ требуется особое представленіе командующаго войсками военнаго округа (ст. 15). Секретари и ихъ помощники назначаются изъ числа военныхъ чиновниковъ.

Разсмотрѣніе предварительныхъ слѣдствій и распоряженіе о преданіи суду или прекращеніи производства по дѣйствующему уставу вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія командующаго войсками военнаго округа или военнаго министра (по дѣламъ о полковникахъ и генералахъ). Проектъ устава предполагаетъ возложить эти обязанности на особыя обвинительныя коммисіи (commissions d'accusation), число которыхъ, мѣстопребываніе и предѣлы подвѣдомственнаго каждой изъ нихъ раіона опредѣляются декретомъ правительства. Въ составъ каждой обвинительной коммисіи назначается военнымъ министромъ предсѣдатель и 2 члена изъ высшихъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, а при недостаткѣ таковыхъ—предсѣдателемъ назначается одинъ изъ генераловъ, а членами—2 полковника или подполковника; при каждой обвинительной коммисіи состоятъ правительственный коммисаръ и секретарь, которымъ могутъ быть назначены помощники; правительственный коммисаръ избирается также изъ высшихъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, а при недостаткѣ ихъ изъ штабъ-офицеровъ или высшихъ чиновниковъ интендантскаго вѣдомства; исполненіе обязанностей правительственнаго коммисара при обвинительной коммисіи можетъ быть возложено на правительственнаго коммисара при военномъ судѣ, засѣдающемъ въ мѣстѣ пребыванія обвинительной коммисіи (ст. 148—150). Для всѣхъ внутреннихъ округовъ Франціи составители проекта полагаютъ достаточнымъ учредить три обвинительныя коммисіи.

Вторую инстанцію для военныхъ судовъ по дѣйствующему уставу составляютъ ревизіонные суды [1]) (ихъ два—въ Парижѣ и въ Ал-

[1]) Наименованіе ревизіонныхъ судовъ (conseils de révision) по уставу 1857 г. можетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ по закону 15 іюля 1889 г. о комплектованіи арміи учреждены conseils de révision, исполняющіе по призыву къ отбыванію воинской повинности функціи нашихъ губернскихъ и областныхъ по воинской повинности присутствій.

жирѣ), разсматривающіе дѣла, восходящія изъ военныхъ судовъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Проектъ устава возлагаетъ пересмотръ въ кассаціонномъ порядкѣ приговоровъ военныхъ судовъ во внутреннихъ округахъ Франціи на общій кассаціонный судъ (ст. 6, 216—218 и 234), а потому существующій нынѣ въ Парижѣ ревизіонный судъ предполагается упразднить.

Въ Алжиріи разсмотрѣніе дѣлъ военной подсудности проектировано предоставить военнымъ судамъ, учрежденнымъ при дивизіяхъ (ст. 7); нынѣ этихъ судовъ имѣется пять (при 2 дивизіяхъ по два, а при третьей—одинъ), при чемъ по отчету за 1898 г. въ каждомъ изъ этихъ судовъ было болѣе 200 дѣлъ. По составу и условіямъ назначенія членовъ военные суды въ Алжиріи ничѣмъ не отличаются отъ судовъ во внутреннихъ округахъ; точно также предполагается для Алжиріи учредить обвинительную коммисію (четвертую по счету). Для пересмотра въ кассаціонномъ порядкѣ приговоровъ алжирскихъ военныхъ судовъ предположено учредить въ Алжиріи одинъ или нѣсколько постоянныхъ военно-кассаціонныхъ судовъ (ст. 34); въ составъ каждаго изъ этихъ судовъ назначаются предсѣдатель и четверо судей изъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, а при недостаткѣ таковыхъ предсѣдателемъ назначается бригадный генералъ, а судьями—четыре штабъ-офицера; при каждомъ военно-кассаціонномъ судѣ состоятъ правительственный коммисаръ и секретарь, которымъ могутъ быть назначены помощники; составъ военно-кассаціоннаго суда не предполагается измѣнять въ зависимости отъ чина подсудимаго, такъ какъ дѣла въ немъ будутъ разсматриваться въ отсутствіе подсудимаго и все производство будетъ ограничиваться разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ (ст. 35—38, 219—233).

Въ колоніяхъ проектировано учредить военные (conseils de guerre) и военно-кассаціонные (conseils de cassation militaires) суды, при чемъ предположено предоставить правительству въ зависимости отъ мѣстныхъ условій примѣнять къ организаціи этихъ судовъ правила, проектированныя для мирнаго или для военнаго времени (ст. 58); во всякомъ случаѣ въ колоніяхъ не предполагается учреждать обвинительныхъ коммисій.

Въ военное время, когда армейскій корпусъ, армія или нѣсколько армій дѣйствуютъ на отечественной территоріи или за-границей, по распоряженію военнаго министра при каждой дивизіи или отдѣльной бригадѣ, а также при штабахъ корпусовъ и армій и при главной квартирѣ нѣсколькихъ армій учреждается по одному или по

два военныхъ суда (conseils de guerre); кромѣ того военные суды могутъ быть учреждены при каждомъ отдѣльно дѣйствующемъ отрядѣ силою не менѣе баталіона, при управленіи этаповъ въ тылу арміи и при территоріальныхъ управленіяхъ, организуемыхъ въ непріятельской странѣ. Военные суды при дѣйствующихъ противъ непріятеля войскахъ по проекту такъ же, какъ и по уставу 1857 г., составляются изъ 5 судей, избираемыхъ военнымъ начальствомъ изъ числа офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ (ст. 40—41). При каждомъ военномъ судѣ состоятъ правительственный коммисаръ, докладчикъ и секретарь, назначаемые тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ мирное время; при судахъ дѣйствующей арміи также, какъ и въ мирное время, предполагается учреждать отдѣльныя должности правительственнаго коммисара и докладчика, тогда какъ по уставу 1857 г. обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ. Обвинительныхъ коммисій въ военное время учреждать не предполагается. При главной квартирѣ арміи и для каждаго отдѣльнаго театра войны предположено учреждать по одному военно-кассаціонному суду, при чемъ главнокомандующему предоставляется, въ случаѣ надобности, учреждать особые военно-кассаціонные суды для армій, корпусовъ, дивизій, управленій этаповъ, территоріальныхъ управленій въ непріятельской странѣ и отдѣльныхъ отрядовъ силою не менѣе одного баталіона; составъ военно-кассаціонныхъ судовъ въ военное время проектированъ такой же, какъ и въ мирное время, но при недостаткѣ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства и штабъ-офицеровъ военно-кассаціонный судъ составляется изъ предсѣдателя и двухъ членовъ (ст. 40—48).

Въ войскахъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля, наряду съ военными судами правосудіе отправляется великими прево, прево и начальниками полиціи; при этомъ проектъ предоставляетъ прево разсмотрѣніе менѣе важныхъ преступленій военнослужащихъ и лицъ, слѣдующихъ за арміею, не только за-границею, но и на французской территоріи.

Наконецъ, въ военныхъ округахъ, входящихъ въ раіонъ театра войны, а также въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, продолжаютъ дѣйствовать постоянные военные суды, учрежденные для мирнаго времени, но декретомъ главы государства можетъ быть измѣнено ихъ мѣсто пребыванія. Въ крѣпостяхъ, объявленныхъ въ осадномъ положеніи въ виду приближенія непріятеля, учреждаются военные суды такого же состава, какъ при войскахъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля. Для военныхъ округовъ, вхо-

дящихъ въ раіонъ театра войны, а также для мѣстностей, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, обязательно учреждаются особые военно-кассаціонные суды такого же состава, какъ въ Алжиріи и въ войскахъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля. Обвинительныхъ коммисій при этихъ условіяхъ учреждать не предполагается.

Для назначенія на должности членовъ военно-кассаціонныхъ судовъ и обвинительныхъ коммисій, правительственныхъ коммисаровъ и докладчиковъ проектировано организовать особое военно-судебное вѣдомство, подчиненное непосредственно военному министру и имѣющее свою особую іерархію; на чиновъ этого вѣдомства предполагается распространить постановленія закона 19 мая 1834 г. объ офицерскомъ званіи, законовъ о пенсіяхъ, о предѣльномъ возрастѣ, о срокахъ выслуги для производства въ слѣдующіе чины. Чины военно-судебнаго вѣдомства именуются „военно-судебными совѣтниками“ (conseillers de la justice militaire), при чемъ званіе совѣтника-инспектора (conseiller-inspecteur) I класса приравнивается къ дивизіонному генералу, совѣтника-инспектора II класса—къ бригадному генералу, совѣтника (conseiller) I класса—къ полковнику, совѣтника II класса—къ подполковнику, совѣтника III класса—къ баталіонному командиру и совѣтника IV класса—къ капитану. Производство въ высшія званія допускается исключительно по выбору. Комплектуется военно-судебное вѣдомство изъ капитановъ всѣхъ родовъ оружія, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, при чемъ они получаютъ званіе совѣтника IV класса послѣ конкурснаго испытанія и предварительнаго стажа въ званіи кандидата; въ случаѣ мобилизаціи составъ военно-судебнаго вѣдомства пополняется военно-судебными совѣтниками, состоящими въ резервѣ или въ территоріальной арміи. Чины военно-судебнаго вѣдомства, назначаемые правительственными коммисарами и докладчиками, исполняютъ возлагаемыя на нихъ обязанности по всѣмъ дѣламъ независимо отъ того, въ какомъ званіи они состоятъ (ст. 364—368); вмѣстѣ съ тѣмъ проектировано отмѣнить постановленіе устава 1857 г., по которому при разсмотрѣніи дѣлъ объ офицерахъ для исполненія обязанностей правительственнаго коммисара и докладчика должны быть назначаемы лица, старшія или по крайней мѣрѣ равныя по чину сравнительно съ подсудимымъ.

Такимъ образомъ французское правительство предполагаетъ нынѣ ввести юридическій элементъ въ составъ военныхъ судовъ. Можно только пожалѣть, что правительство не рѣшается провести болѣе радикальную реформу и останавливается на полъ-дорогѣ. Недоста-

точно установить требованіе спеціально-юридической подготовки отъ тѣхъ лицъ, которымъ поручается предварительное производство, и не предъявлять этого требованія къ судьямъ, отъ которыхъ зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла. Нельзя обольщать себя надеждою, что у судей будетъ опытный и свѣдущій руководитель—правительственный коммисаръ [1]). Онъ можетъ, правда, помочь суду своими заключеніями въ разрѣшеніи возникающихъ въ теченіе производства процессуальныхъ вопросовъ, намѣтить подлежащіе разрѣшенію суда вопросы по существу дѣла, но при самомъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ въ совѣщательной комнатѣ судьи предоставлены самимъ себѣ и не имѣютъ свѣдущаго въ законахъ и юридически образованнаго руководителя; затѣмъ правительственный коммисаръ, поддерживающій на судѣ обвиненіе, въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ въ состояніи безпристрастно отнестись къ дѣлу, и судъ, слѣдуя его указаніямъ, всегда будетъ оказывать преимущество обвиненію передъ защитой. Можно думать, что съ появленіемъ во французскихъ судахъ юридически образованныхъ правительственныхъ коммисаровъ отъ нихъ будетъ главнымъ образомъ зависѣть рѣшеніе дѣла, а это кореннымъ образомъ нарушитъ интересы защиты. Поэтому правительство поступило бы правильнѣе, если бы пошло дальше и по примѣру Германіи, Швейцаріи, Россіи и даже Австріи съ ея устарѣвшимъ кодексомъ, ввело юридическій элементъ въ самый составъ суда, установивъ, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ членовъ судебнаго присутствія долженъ имѣть спеціально-юридическое образованіе. Очевидно, составители проекта въ этомъ отношеніи стремились сохранить для военно-служащихъ право быть судимыми своими естественными судьями-офицерами, знающими духъ и потребности арміи, живущими съ нею одинаковою жизнью. Надо замѣтить, что этотъ взглядъ, положенный въ основаніе постановленій о составѣ военнаго суда дѣйствующаго нынѣ устава 1857 г., до сихъ поръ высказывается въ научной литературѣ [2]), хотя нѣкоторые писатели находятъ весьма полезнымъ ввести въ составъ военнаго суда въ качествѣ предсѣдателя офицера, получившаго юридическое образованіе [3]).

Нельзя согласиться затѣмъ и съ предположеннымъ составите-

---

[1]) Leredu. La réforme du code de justice militaire „Revue pénitentiaire", 1900, № 1, p. 108.

[2]) Taillefer. La justice militaire, 375—377; Marsil. Réforme de la justice milit., 170—171; Du Barail. Revue Mame, 1899, № 249.

[3]) Chanson. Justice militaire pour l'armée de terre, p. 213.

лями проекта сохраненіемъ въ составѣ военнаго суда по дѣламъ о нижнихъ чинахъ одного унтеръ-офицера. Еще въ 1823 г. Ле Граверанъ [1]) находилъ неправильнымъ введеніе въ составъ военныхъ судовъ унтеръ-офицера въ виду того, что унтеръ-офицеръ „въ присутствіи офицеровъ не можетъ имѣть необходимой для рѣшенія дѣла независимости". Въ настоящее время отсутствіе независимости и достаточной подготовки у унтеръ-офицеровъ, назначаемыхъ членами военныхъ судовъ, признаются единогласно въ научной литературѣ [2]), а потому предположеніе проекта о сохраненіи въ составѣ военнаго суда унтеръ-офицера является болѣе, чѣмъ страннымъ, въ особенности если принять во вниманіе, что въ палатѣ депутатовъ г. Мирманъ еще въ 1898 г. заявлялъ, что присутствіе унтеръ-офицера въ составѣ военнаго суда представляетъ лишь кажущуюся гарантію интересовъ подсудимыхъ нижнихъ чиновъ [3]).

Наконецъ военно-судебная организація, предположенная проектомъ для военнаго времени, поражаетъ своей сложностью и многочисленностью судовъ. Если въ мирное время, какъ было замѣчено выше, при 27 судахъ на всю армію въ большей части изъ нихъ бываетъ не болѣе 100 дѣлъ въ годъ, то въ военное время съ учрежденіемъ военныхъ судовъ при каждой дивизіи, штабахъ корпусовъ и армій, главной квартирѣ, управленіи этаповъ, въ крѣпостяхъ и наконецъ при каждомъ отрядѣ силою не менѣе баталіона, дѣйствующемъ отдѣльно, этимъ судамъ нечего будетъ дѣлать. Между тѣмъ на такую массу судовъ, конечно, не хватитъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства для замѣщенія должностей докладчиковъ и коммисаровъ тѣмъ болѣе, что военные судьи мирнаго времени не будутъ закрываться, такъ какъ для нихъ будетъ достаточно дѣлъ, возникающихъ въ частяхъ территоріальной арміи; поэтому въ военное время на должности докладчиковъ, коммисаровъ и членовъ военно-кассаціонныхъ судовъ придется назначать строевыхъ офицеровъ, вслѣдствіе чего въ военное время армія врядъ ли будетъ пользоваться услугами чиновъ военно-судебнаго вѣдомства.

---

[1]) Le Graverend. Traité de la législat. criminel. II, 637.

[2]) Marsil, op. cit., 173—176; Chanson, op. cit., 198—200; Taillefer, op. cit., 377; Meynieux. Discours de rentrée de la cour d'appel de Montpellier, 1898.

[3]) Documents parlement., 1898 annexe № 299.

II.

Наиболѣе существеннымъ нововведеніемъ проекта военно-уголовнаго судопроизводства является измѣненіе правилъ о подсудности военнымъ судамъ въ мирное время. По дѣйствующему уставу военнымъ судамъ подсудны всѣ военнослужащіе, состоящіе на дѣйствительной службѣ, за всѣ совершенныя ими преступныя дѣянія, какъ общія, такъ и воинскія; эти широкіе предѣлы подсудности ограничиваются по отношенію къ чинамъ резерва и территоріальной арміи, а также по отношенію къ военнослужащимъ, находящимся въ отпуску и состоящимъ въ распоряженіи правительства. Чины резерва арміи подсудны военнымъ судамъ за всѣ преступленія, совершенныя во время учебныхъ и повѣрочныхъ сборовъ, во время нахожденія ихъ на излеченіи въ военныхъ госпиталяхъ или подъ стражей въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, а внѣ этихъ условій только за нѣкоторыя, спеціально указанныя въ законѣ, воинскія преступленія; чины резерва арміи, территоріальной арміи и ея резерва подсудны военнымъ судамъ также за нѣкоторыя спеціально указанныя въ законѣ преступленія въ случаѣ совершенія ими таковыхъ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ по увольненіи ихъ по домамъ послѣ призыва подъ знамена. Военнослужащіе всѣхъ чиновъ, чины военнаго интендантства и лица, приравниваемыя къ военнослужащимъ, когда они состоятъ въ распоряженіи правительства или находятся въ отпуску, подсудны военнымъ судамъ только за воинскія преступленія и проступки, предусмотрѣнные уставомъ военно-уголовнаго судопроизводства. Наконецъ въ случаѣ соучастія военнослужащаго вмѣстѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства всѣ соучастники подсудны общимъ судамъ, хотя бы ими было совершено преступленіе воинское. Составители дѣйствующаго нынѣ устава 1857 г. ввели подсудность военнымъ судамъ всѣхъ преступныхъ дѣяній военнослужащихъ, во-первыхъ, потому, что естественными судьями для всей арміи являются суды военные, во-вторыхъ, потому, что, совершая общее преступное дѣяніе, военнослужащій не перестаетъ быть военнослужащимъ и въ третьихъ, потому, что установленіе безъ крайней необходимости подсудности чиновъ арміи общимъ судамъ вызоветъ смѣшеніе того, что̀ должно быть строго разграничено, создастъ почву для прискорбныхъ столкновеній и лишитъ наказанія, налагаемыя на военнослужащихъ, быстроты, которая дѣлаетъ ихъ примѣрными. Составители проекта устава, оговариваясь, что должно быть доказано не общее правило, по которому общимъ судамъ подсудны всѣ

общія преступныя дѣянія независимо отъ того, кѣмъ они совершены, а необходимость установленія для военнослужащихъ въ видѣ исключенія подсудности за общія преступленія военнымъ судамъ,—признаютъ доказательства составителей устава 1857 г. мало убѣдительными. Прежде всего они указываютъ, что военнослужащій, поступая въ ряды арміи, не перестанетъ быть гражданиномъ и, въ качествѣ таковаго, продолжаетъ подчиняться общимъ законамъ. Затѣмъ указаніе на опасность подчиненія арміи общей юрисдикціи, по мнѣнію составителей проекта, требуетъ еще доказательства, ибо весь вопросъ заключается въ томъ, не слѣдуетъ ли различать двѣ категоріи нарушеній—нарушенія обязанностей, общихъ для всѣхъ гражданъ, и нарушенія спеціально воинскихъ обязанностей, налагаемыхъ требованіями дисциплины. Случаи столкновеній между двумя юрисдикціями—общей и военной—являются гораздо болѣе многочисленными въ настоящее время, когда подсудность тому или другому суду ставится въ зависимость не отъ характера совершённаго дѣянія, а отъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя въ зависимости отъ времени возбужденія уголовнаго преслѣдованія измѣняютъ подсудность преступнаго дѣянія. Наконецъ, быстрота приведенія въ исполненіе наказанія имѣетъ существенное значеніе только въ военное время. Въ виду этихъ соображеній составители проекта нашли необходимымъ возвратиться къ прежней системѣ подсудности, принятой Наполеономъ I и наиболѣе отвѣчающей національнымъ традиціямъ.

Статьею 1 законопроекта 14 ноября 1899 г. предполагалось ограничить подвѣдомственность военныхъ судовъ въ мирное время: а) преступными дѣяніями чисто воинскими, предусмотрѣнными раздѣломъ II книги IV устава военно-уголовнаго судопроизводства, б) преступными дѣяніями, совершаемыми военнослужащими при исполненіи ими обязанностей службы, и в) насиліями, оскорбленіями и угрозами между военнослужащими, состоящими на дѣйствительной службѣ. Въ проектѣ устава военно-уголовнаго судопроизводства, составленномъ внѣпарламентской коммисіей, нѣкоторыя преступныя дѣянія, не упомянутыя въ уставѣ 1857 г., включены въ раздѣлъ II книги IV проекта устава въ виду невозможности сохранить подвѣдомственность этихъ преступныхъ дѣяній судамъ общимъ; кромѣ того, въ проектъ устава включены постановленія, предусматривающія обиды и оскорбленія между военнослужащими, равными по званію. Съ другой стороны, составители проекта устава къ состоящимъ на дѣйствительной службѣ военнослужащимъ приравняли въ отношеніи подсудности военнымъ судамъ военнослужащихъ, находя-

щихся въ отпуску или состоящихъ въ распоряженіи правительства, съ тѣмъ, что эти послѣдніе за всѣ общія преступленія остаются подсудными общимъ судамъ, такъ какъ никакихъ служебныхъ обязанностей они не исполняютъ. Благодаря этимъ измѣненіямъ правила о подсудности оказалось возможнымъ изложить въ одной 62-й статьѣ проекта, дополненіемъ къ которой являются статья 63, опредѣляющая начальный моментъ военной подсудности для новобранцевъ, и ст. 64—65, устанавливающія подсудность военнымъ судамъ чиновъ резерва, территоріальной арміи и жандармеріи.

Еще недавно во Франціи господствовало убѣжденіе, что принципы общаго и военнаго права представляются настолько различными, что общіе суды, состоящіе изъ лицъ, не знакомыхъ съ военнымъ бытомъ и условіями военной службы, могутъ принести въ дѣлѣ поддержанія военной дисциплины болѣе вреда, чѣмъ пользы [1]). Въ настоящее время сторонниковъ распространенія военной подсудности на всѣ преступныя дѣянія военнослужащихъ во Франціи, повидимому, осталось немного, при чемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія они приводятъ тѣ же доказательства, на которыхъ основывались составители устава 1857 г. Такъ генералъ дю-Барайль указываетъ на то, что каждое преступное дѣяніе военнослужащаго, которому ввѣрена защита родины, имѣетъ совершенно особый характеръ и отличается отъ преступленій остальныхъ гражданъ [2]); г. Барбу высказываетъ опасеніе, что ограниченіе подсудности военныхъ судовъ ослабитъ дисциплину [3]); г. Лередю находитъ, что, совершая общее преступленіе, военнослужащій роняетъ свое воинское званіе и достоинство мундира, нарушаетъ тѣмъ самымъ воинскую дисциплину [4]). Съ другой стороны, и въ парламентѣ, и въ литературѣ цѣлый рядъ изслѣдователей военнаго процесса высказались за ограниченіе военной подсудности одними воинскими преступленіями, при чемъ критикѣ были подвергнуты всѣ доказательства, послужившія составителямъ устава 1857 г. основаніемъ для распространенія подсудности военныхъ судовъ на преступленія общія. Такъ, г. Марсиль, разсматривая вопросъ о подсудности общихъ преступленій военнослужащихъ съ древнѣйшихъ временъ и

---

1) Gran. Fonctionnement de la justice militaire dans les différents Etats de l'Europe, T. I, p. 152.

2) Du Barail. „Revue Mame" 9 juillet 1899 № 249.

3) H. Barboux. „Revue politique et parlementaire" 10 octobre 1899 г.

4) G. Leredu. „Revue pénitentiaire" 1900, № 1, p. 113.

указывая, что еще въ римскомъ правѣ различались преступленія воинскія и общія, находитъ необходимымъ въ вопросѣ о предѣлахъ военной подсудности принять принципъ, выраженный Наполеономъ I еще въ 1809 г. въ словахъ: „La justice est une en France; on est citoyen français avant être soldat; si, dans l'intérieur un soldat en assassine un autre, il a sans doute commis un crime militaire, mais il a aussi commis un crime civil; il faut donc que tous les délits soient soumis d'abord à la juridiction commune toutes les fois qu'elle est présente". Г. Марсиль указываетъ далѣе, что этотъ же принципъ былъ принятъ какъ палатою пэровъ при разсмотрѣніи проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства въ 1827 году, такъ и коммисіей, составлявшей проектъ устава, внесенный въ законодательное собраніе въ 1829 г., и утверждаетъ, что послѣ блестящей защиты этого принципа бар. Паскье, гр. де-Сезъ и де-Порталисъ въ 1827 г. и докладчикомъ коммисіи 1829 г. герц. де-Брольи къ ихъ доводамъ нельзя прибавить ничего новаго [1]). Депутатъ Мирманъ (Mirman) въ палатѣ общинъ въ 1898 г. на одномъ частномъ примѣрѣ съ неопровержимою убѣдительностью доказалъ, что въ случаѣ совершенія общаго преступленія военнослужащимъ, уволеннымъ въ отпускъ и не явившимся въ срокъ, виновный въ зависимости отъ времени учиненія преступленія является подсуднымъ то общимъ, то военнымъ судамъ, а потому при системѣ дѣйствующаго устава столкновенія между двумя юрисдикціями должны встрѣчаться гораздо чаще, чѣмъ при ограниченіи подсудности военныхъ судовъ одними воинскими преступленіями [2]). Г. Лалоэ, подробно разобравъ всѣ возраженія противъ подчиненія военнослужащихъ юрисдикціи общихъ судовъ за общія преступленія и доказавъ несостоятельность опасеній, что военнослужащіе будутъ при этомъ отрываться отъ службы, что уменьшится авторитетъ военнаго начальства, что гражданскіе судьи не знаютъ условій военнаго быта, останавливается на указаніяхъ на медленность процедуры въ общихъ судахъ и на снисходительность гражданскихъ судей. На основаніи статистическихъ данныхъ за 1887 г. г. Лалоэ доказываетъ, что громадное большинство уголовныхъ дѣлъ въ судахъ исправительной полиціи рѣшается быстрѣе, чѣмъ въ военныхъ судахъ, и что по дѣламъ объ общихъ преступленіяхъ военнослужащихъ военные

---

[1]) J. Marsil. Réforme de la justice militaire, 1901, p. 58—113.

[2]) Documents parlementaires, chambre des députés, session extraordinaire 1898, annexe № 299.

судьи опредѣляютъ наказанія болѣе снисходительно, чѣмъ судьи гражданскіе [1]).

Наконецъ нѣкоторые изслѣдователи, напр. г. Лалоэ, а за нимъ г. Тальефэ, высказываются за установленіе строго предметной подсудности военнымъ судамъ съ тѣмъ, чтобы военнымъ судамъ были подсудны всѣ воинскія преступленія независимо отъ того, кѣмъ они учинены—военнослужащими или лицами гражданскими. Г. Лалоэ указываетъ при этомъ, что гражданскія лица могутъ совершить воинское преступленіе не только въ соучастіи съ военнослужащими, но и самостоятельно, и полагаетъ, что въ случаяхъ учиненія гражданскими лицами преступныхъ дѣяній, направленныхъ противъ безопасности арміи и неприкосновенности ея строя, наиболѣе компетентными являются судьи военные [2]). Однако составители проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства не нашли возможнымъ распространить военную подсудность на лицъ гражданскихъ въ мирное время и, въ чемъ ихъ большая заслуга, сохранили подсудность общимъ судамъ дѣлъ о совершеніи воинскихъ преступленій военнослужащими при участіи лицъ гражданскихъ; если въ подобныхъ случаяхъ и является нѣкоторое несоотвѣтствіе, такъ какъ военнослужащій за воинское преступленіе оказывается подсуднымъ общему суду, то для устраненія этого несоотвѣтствія возможно установить подсудность каждаго изъ соучастниковъ своему суду, и нѣтъ необходимости отступать отъ порядка, который примѣняется во Франціи едва-ли не со временъ великой революціи и на практикѣ не представлялъ до сихъ поръ существенныхъ неудобствъ.

Такимъ образомъ, ограничивая подсудность военныхъ судовъ въ мирное время одними воинскими преступленіями и тѣми изъ общихъ преступленій, которыя совершены военнослужащими при исполненіи обязанностей службы, составители проекта устава идутъ на встрѣчу требованіямъ общественнаго мнѣнія; такое ограниченіе подсудности принято въ настоящее время въ Англіи, Италіи и Швейцаріи. Нельзя однако не отмѣтить, что, устанавливая, по примѣру дѣйствующаго закона 1889 г. о комплектованіи арміи, подсудность за нѣкоторыя преступленія военнымъ судамъ для чиновъ территоріальной арміи и ея резерва въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня роспуска послѣ призыва, проектъ устава военно-уголовнаго

---

[1]) F. Laloé. Observations sur la compétence des conseils de guerre de l'armée de terre, 1894, p. 146—167.

[2]) F. Laloé, op. cit., p. 168—207; A. Taillefer, op. cit. p. 331—394.

судопроизводства даетъ военному начальству возможность привлекать гражданскихъ лицъ къ отвѣтственности передъ военными судами за нападки на армію. „Военное начальство“, говоритъ г. Лермиттъ, „имѣетъ возможность распространять, когда ему угодно, силу военныхъ законовъ на писателей, и для этого нѣтъ необходимости объявлять осадное положеніе, а достаточно сдѣлать простое распоряженіе о призывѣ. Призывъ, хотя бы для провѣрки документовъ, имѣетъ въ этомъ отношеніи то же значеніе, какъ и призывъ на дѣйствительную службу, и военное начальство имѣетъ право дѣлать подобныя повѣрки, когда ему заблагоразсудится. Поэтому военному министру для того, чтобы заставить замолчать писателя, который осмѣиваетъ въ газетѣ принятые въ арміи порядки, достаточно каждые полгода призывать его подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, и несчастный всю свою жизнь будетъ оставаться подчиненнымъ постановленіямъ устава военно-уголовнаго судопроизводства“ [1]).

III.

По отношенію къ порядку судопроизводства въ военныхъ судахъ составители проекта устава прежде всего внесли въ текстъ устава измѣненія, вызванныя закономъ 15 іюля 1899 г., которымъ на военные суды были распространены постановленія закона 8 декабря 1897 г. о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи [2]). Затѣмъ составители проекта устава предполагаютъ: 1) измѣнить порядокъ назначенія предварительнаго слѣдствія и преданія военному суду; 2) допустить освобожденіе изъ подъ стражи обвиняемыхъ военнослужащихъ; 3) установить рѣшеніе вопросовъ о виновности подсудимаго простымъ большинствомъ голосовъ съ тѣмъ, чтобы подача голосовъ производилась тайно, и 4) измѣнить правила примѣненія судоустройства и судопроизводства, установленныхъ для военнаго времени и для осаднаго положенія.

По дѣйствующему уставу 1857 г. генералъ, командующій территоріальнымъ военнымъ округомъ (корпусный командиръ), пользуется исключительнымъ правомъ распоряженія о начатіи предварительнаго слѣдствія, а по окончаніи онаго—распоряженія о пре-

---

[1]) G. Lhermitte. Le sabre et la loi, p. 54—55.

[2]) См. мою статью въ „Вѣстн. Права“ 1900 № 8, стр. 148—151.

даніи обвиняемаго военному суду или о прекращеніи производства. Составители устава 1857 г. исходили изъ того соображенія, что командующій военнымъ округомъ по своему высокому и независимому положенію лучше, чѣмъ кто-либо иной, можетъ рѣшить, имѣются ли достаточныя данныя для начатія предварительнаго слѣдствія, а затѣмъ для преданія военному суду, при чемъ, распоряжаясь о прекращеніи производства, командующій военнымъ округомъ будетъ принимать на себя отвѣтственность за это распоряженіе, вслѣдствіе чего не можетъ возникнуть подозрѣнія въ излишней снисходительности или въ какомъ бы то ни было незаконномъ воздѣйствіи. На практикѣ оказывается, что командующіе военными округами, считая себя обязанными охранять честь арміи, нерѣдк отказываютъ въ распоряженіи о начатіи предварительнаго слѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда военнослужащіе обвиняются въ какомъ-либо возмутительномъ преступленіи [1]), при чемъ потерпѣвшій отъ преступленія не имѣетъ возможности настоять на привлеченіи обвиняемаго къ уголовной отвѣтственности [2]). При рѣшеніи вопроса о преданіи обвиняемаго военному суду или о прекращеніи производства командующій военнымъ округомъ, обремененный различными обязанностями, долженъ поневолѣ основываться на заключеніи докладчика и правительственнаго коммисара, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эти должностныя лица высказываютъ различныя мнѣнія, командующему военнымъ округомъ приходится поручать разсмотрѣніе многотомнаго слѣдственнаго производства офицеру генеральнаго штаба и затѣмъ основывать свое рѣшеніе на заключеніи этого офицера, который въ большинствѣ случаевъ оказывается совершенно некомпетентнымъ въ юридическихъ вопросахъ [3]).

Составители проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства признали необходимымъ облегчить обязанности командующаго военнымъ округомъ по крайней мѣрѣ въ мирное время. Если необходимо, чтобы за командиромъ корпуса было сохранено право распоряженія о начатіи предварительнаго слѣдствія, то, по мнѣнію составителей проекта устава, слѣдуетъ установить съ одной стороны, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ корпуса не считаетъ нужнымъ дѣлать распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, онъ отдавалъ въ томъ отчетъ военному министру, а съ

---

[1]) E. Douai. Catéchisme de la paix, 46.
[2]) Chanson, op. cit, 230—238.
[3]) A. Taillefer, op. cit., p. 371—373.

другой—чтобы съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія путемъ начатія предварительнаго слѣдствія отвѣтственность за распоряженіе о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія была возложена исключительно на производившаго слѣдствіе докладчика. Поэтому составители проекта, облекая командующаго военнымъ округомъ властью преслѣдованія всѣхъ подсудныхъ военнымъ судамъ преступныхъ дѣяній, учиняемыхъ въ предѣлахъ округа, предоставили ему право въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ нужнымъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ какого-либо лица, подсуднаго военному суду, предлагать докладчику того военнаго суда, къ которому принадлежитъ округъ, произвести предварительное слѣдствіе (ст. 98—99). Если обвиняемымъ является маршалъ Франціи, генералъ, полковникъ или должностное лицо спеціальнаго вѣдомства, непосредственно подчиненнаго военному министру, то произведенное по распоряженію командующаго округомъ дознаніе представляется военному министру, отъ котораго въ этихъ случаяхъ и зависитъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія (ст. 99 и 117). Если командующій округомъ, разсмотрѣвъ оконченное дознаніе, найдетъ, что уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено, то онъ доноситъ объ этомъ военному министру, который можетъ распорядиться о производствѣ предварительнаго слѣдствія; однако въ случаяхъ, когда объ учиненіи преступнаго дѣянія сдѣлано сообщеніе слѣдственнымъ судьей или прокуроромъ республики, командующій округомъ не можетъ отказать въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Въ распоряженіи о производствѣ предварительнаго слѣдствія должны быть точно обозначены преступныя дѣянія, подлежащія разслѣдованію; предварительное слѣдствіе можетъ быть начато не иначе, какъ на основаніи распоряженія командующаго округомъ или военнаго министра, при чемъ жалобы на это распоряженіе не допускаются (ст. 99 и 116). Такимъ образомъ проектъ устава лишаетъ командующаго военнымъ округомъ права прекращать уголовное преслѣдованіе по своему усмотрѣнію, сохраняя это право исключительно за военнымъ министромъ и дѣлая обязательнымъ производство предварительнаго слѣдствія, когда поводомъ къ возбужденію преслѣдованія является сообщеніе судебныхъ властей гражданскаго вѣдомства.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія докладчикъ, по предположеніямъ проекта устава, долженъ сообщить все слѣдственное производство состоящему при военномъ судѣ правительственному

коммисару съ тѣмъ, чтобы тотъ въ 3-хъ-дневный срокъ предъявилъ свои окончательныя требованія (ст. 141). Разсмотрѣвъ эти требованія, докладчикъ опредѣляетъ, подлежитъ ли дѣло судебному разсмотрѣнію или же преслѣдованіе должно быть прекращено. Если докладчикъ найдетъ, что дѣло не подсудно военному суду, то онъ отсылаетъ слѣдственное производство вмѣстѣ съ своимъ постановленіемъ по сему предмету къ тому военному начальнику, которымъ было сдѣлано распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, съ тѣмъ, чтобы дѣло было направлено къ надлежащей подсудности (ст. 142). Если докладчикъ найдетъ, что въ дѣйствіяхъ подсудимаго не заключается признаковъ преступнаго дѣянія, то онъ постановляетъ о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжается объ освобожденіи обвиняемаго изъ подъ стражи, если онъ былъ арестованъ; постановленіе это, если оно относится до военнослужащихъ или приравненныхъ къ нимъ лицъ, сообщается чрезъ правительственнаго коммисара командующему тѣмъ военнымъ округомъ, гдѣ служитъ обвиняемый, для немедленнаго приведенія въ исполненіе (ст. 143). Если обвиняемый изобличается въ преступномъ дѣяніи, влекущемъ за собою по закону тюремное заключеніе или денежный штрафъ, то докладчикъ постановляетъ о преданіи обвиняемаго военному суду, при чемъ арестованные обвиняемые, которымъ грозитъ тюремное заключеніе, оставляются подъ стражей, а неявившіеся въ срокъ на службу, въ случаѣ добровольной ихъ явки, и обвиняемые, которымъ не грозитъ тюремное заключеніе, могутъ быть по распоряженію докладчика освобождены изъ подъ стражи (ст. 144). Если преступное дѣяніе наказывается общественными работами, исключеніемъ изъ службы или уголовными наказаніями и если противъ обвиняемаго имѣются достаточныя улики, то докладчикъ постановляетъ о передачѣ дѣла чрезъ правительственнаго коммисара въ обвинительную комиссію, при чемъ впредь до ея распоряженія арестованные обвиняемые оставляются подъ стражей (ст. 145). Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ постановленіе докладчика о дальнѣйшемъ направленіи дѣла можетъ быть въ 24 час. срокъ опротестовано правительственнымъ коммисаромъ въ обвинительную коммисію; обвиняемый имѣетъ право обжаловать постановленіе докладчика только въ случаѣ неподвѣдомственности ему дѣла и притомъ если онъ ранѣе предъявилъ противъ докладчика отводъ по этой причинѣ (ст. 146 и 147).

Когда на основаніи постановленія докладчика слѣдственное

производство представлено въ обвинительную коммисію, коммисія въ закрытомъ засѣданіи выслушиваетъ докладъ по дѣлу одного изъ своихъ членовъ, при чемъ правительственный коммисаръ обвинительной коммисіи и защитникъ подсудимаго могутъ представлять свои объясненія; члены коммисіи совѣщаются въ отсутствіе сторонъ и большинствомъ голосовъ постановляютъ рѣшеніе, провозглашаемое предсѣдателемъ въ публичномъ засѣданіи (ст. 151). Обвинительная коммисія постановляетъ: а) о прекращеніи производства, если дѣйствія обвиняемаго не составляютъ преступнаго дѣянія или въ случаѣ недостаточности уликъ, при чемъ обвиняемый освобождается отъ стражи; б) объ обращеніи дѣла къ надлежащей подсудности, если оно является неподсуднымъ военному суду, или в) о преданіи обвиняемаго суду, если дѣло подлежитъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, при чемъ опредѣляетъ юридическую квалификацію дѣянія обвиняемаго, а въ случаѣ обвиненія въ преступленіи постановляетъ о заключеніи обвиняемаго подъ стражу (ст. 154). Такъ же обвинительная коммисія разрѣшаетъ жалобы обвиняемаго и протесты правительственнаго коммисара противъ постановленій докладчика о взятіи обвиняемаго подъ стражу или по поводу участія въ предварительномъ слѣдствіи защитника (ст. 153). Рѣшенія обвинительной коммисіи могутъ быть обжалованы обвиняемымъ и правительственнымъ коммисаромъ только въ кассаціонномъ порядкѣ, если обвинительной коммисіей нарушены важнѣйшія постановленія закона о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, а также въ случаяхъ: 1) неподвѣдомственности дѣла обвинительной коммисіи, 2) невоспрещенности дѣянія обвиняемаго подъ страхомъ наказанія, 3) если не было выслушано заключеніе правительственнаго коммисара и 4) если обвинительная коммисія засѣдала въ ненадлежащемъ составѣ; подача жалобы не останавливаетъ преданія суду (ст. 155). Рѣшенія обвинительной коммисіи сообщаются для исполненія правительственному коммисару при томъ военномъ судѣ, которому подсуденъ обвиняемый (ст. 156).

Порядокъ преданія военному суду по проекту устава приближается къ порядку, установленному въ общихъ судахъ, и, по словамъ составителей проекта, увеличивая гарантіи правъ обвиняемыхъ военнослужащихъ, не только ничѣмъ не нарушаетъ существенныхъ прерогативъ военнаго начальства, но наоборотъ избавляетъ его отъ отвѣтственности. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда о преступномъ дѣяніи сообщаютъ должностныя лица общихъ судебныхъ установленій, отъ усмотрѣнія командира корпуса и

военнаго министра по прежнему вполнѣ зависитъ, сдѣлать или нѣтъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія или же наложить дисциплинарное взысканіе; за ними сохраняется высшая оцѣнка важности учиненнаго дѣянія и право рѣшать, слѣдуетъ или нѣтъ въ интересахъ дисциплины возбудить противъ обвиняемаго судебное преслѣдованіе. Съ того момента, когда отдано распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, военное начальство устраняется отъ вліянія на дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла и не будетъ вынуждено, какъ нынѣ, принимать на себя отвѣтственность за произведенное слѣдствіе или же подвергать себя опасности личнаго вмѣшательства въ дѣло въ случаѣ принятія рѣшенія, несогласнаго съ заключеніями докладчика. Благодаря предоставленію правительственному коммисару права протестовать противъ постановленій докладчика, военное начальство имѣетъ возможность черезъ правительственнаго коммисара обращаться къ обвинительной коммисіи съ требованіемъ о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи судебнаго преслѣдованія вопреки заключенію докладчика.

Въ постановленіяхъ дѣйствующаго устава военно-уголовнаго судопроизводства о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда вовсе не упоминается объ освобожденіи арестованныхъ обвиняемыхъ изъ-подъ стражи, вслѣдствіе чего, если обвиняемый заключенъ подъ стражу, то ни докладчикъ, ни военное начальство до постановленія приговора не могутъ освободить его изъ-подъ стражи; только циркулярнымъ распоряженіемъ военнаго министра было предоставлено право освобождать изъ-подъ стражи обвиняемыхъ въ пьянствѣ въ общественныхъ мѣстахъ, а также въ неявкѣ въ срокъ на службу. На практикѣ заключеніе обвиняемыхъ подъ стражу примѣняется слишкомъ часто и въ литературѣ высказываются пожеланія, чтобы примѣненіе этой мѣры пресѣченія было ограничено предѣлами необходимости, такъ какъ до рѣшенія суда обвиняемаго нельзя считать виновнымъ [1]). Составители проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства признали необходимымъ устранить неудобства дѣйствующаго устава и постановленія о мѣрахъ пресѣченія заимствовали изъ устава уголовнаго судопроизводства, не возлагая однако на обвиняемыхъ обязанности представленія денежнаго залога, такъ какъ это противорѣчило бы основному началу военнаго судопро-

---

[1]) J. Chanson, op. cit., 236.

изводства, по которому обвиняемые избавляются отъ всякихъ расходовъ и допускается даже замѣна денежныхъ взысканій.

По предположеніямъ проекта устава производящему предварительное слѣдствіе докладчику предоставляются тѣ же права, которыми по уставу уголовнаго судопроизводства пользуется слѣдственный судья, съ тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія о принятіи противъ обвиняемаго мѣръ пресѣченія дѣлались докладчикомъ по предварительномъ истребованіи заключенія правительственнаго коммисара, который постановленія докладчика о военнослужащихъ и лицахъ, къ нимъ приравненныхъ, сообщаетъ для исполненія командующему военнымъ округомъ, которому подчиненъ обвиняемый. Какъ только военное начальство передастъ обвиняемаго въ распоряженіе докладчика, послѣдній долженъ рѣшить, можно ли освободить обвиняемаго изъ-подъ стражи; постановляя объ освобожденіи обвиняемаго отъ предварительнаго заключенія, докладчикъ обязываетъ его являться по первому требованію ко всѣмъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, а передъ судебнымъ засѣданіемъ по дѣлу возвратиться въ мѣсто заключенія; въ тѣхъ случахъ, когда обвиняемый былъ подвергнутъ аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ, командующій военнымъ округомъ опредѣляетъ, слѣдуетъ ли его освободить изъ-подъ ареста или нѣтъ (ст. 132). Въ случаѣ, если освобожденный изъ-подъ стражи обвиняемый не явится къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ или къ судебному разбирательству, то докладчикъ или предсѣдатель военнаго суда дѣлаетъ распоряженіе объ арестованіи его (ст. 135). Во время предварительнаго слѣдствія докладчикъ можетъ также отмѣнить ранѣе отданный имъ приказъ о заключеніи обвиняемаго подъ стражу и выпустить его на свободу; при этомъ командующій военнымъ округомъ имѣетъ право освободить обвиняемаго изъ-подъ стражи или, въ случаѣ надобности, подвергнуть его аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ. За докладчикомъ сохраняется право вновь постановить о заключеніи обвиняемаго подъ стражу, если того потребуютъ вновь открытыя обстоятельства (ст. 133). Обвиняемому предоставляется право ходатайствовать объ освобожденіи его изъ-подъ стражи, если докладчикомъ не было сдѣлано о семъ распоряженія; такое ходатайство разрѣшается постановленіемъ докладчика, а въ случаѣ его отклоненія обвиняемый можетъ подать жалобу въ обвинительную коммисію, но исполненіе постановленія докладчика подачею жалобы не пріостанавливается; съ своей стороны, правительственный коммисаръ можетъ опротестовать въ обвинительную коммисію постановленія докладчика объ освобожденіи обвиняемаго изъ-подъ стражи

или объ отмѣнѣ сдѣланнаго ранѣе распоряженія о предварительномъ его заключеніи; протестъ правительственнаго коммисара точно также не пріостанавливаетъ исполненія постановленій докладчика. Если по протесту правительственнаго коммисара или по жалобѣ обвиняемаго обвинительная коммисія постановитъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи обвиняемаго, подвергнутаго предварительному заключенію, то въ случаѣ надобности сдѣлать распоряженіе о задержаніи обвиняемаго, докладчикъ долженъ войти въ обвинительную коммисію съ представленіемъ объ отмѣнѣ прежняго ея постановленія (ст. 134). Всѣ постановленія о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу для приведенія ихъ въ исполненіе должны быть засвидѣтельствованы подписью командующаго военнымъ округомъ, въ которомъ состоитъ на службѣ обвиняемый или засѣдаетъ военный судъ; приказъ о заключеніи подъ стражу можетъ быть приведенъ предварительно въ исполненіе послѣ засвидѣтельствованія его начальникомъ гарнизона, а, въ случаѣ призыва обвиняемаго къ предварительному слѣдствію, военное начальство можетъ распорядиться о предварительномъ арестованіи его въ дисциплинарномъ порядкѣ (ст. 140).

Изложенный выше порядокъ принятія противъ обвиняемаго мѣръ пресѣченія, какъ указываютъ составители проекта устава, съ одной стороны предоставляетъ обвиняемому новыя гарантіи, а съ другой— не нарушаетъ правъ военнаго начальства, такъ какъ докладчикъ будетъ только пользоваться полномочіями, предоставленными ему распоряженіемъ военнаго начальства о начатіи предварительнаго слѣдствія, при чемъ за военнымъ начальствомъ сохраняется право опротестованія чрезъ правительственнаго коммисара всѣхъ постановленій докладчика въ обвинительную коммисію.

При сравненіи постановленій проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства о принятіи мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда съ соотвѣтствующими правилами устава уголовнаго судопроизводства (ст. 91 и слѣд.) оказывается, что въ военныхъ судахъ обвиняемымъ предполагается предоставить гораздо менѣе гарантій, чѣмъ въ судахъ общихъ, такъ какъ по французскому уставу уголовнаго судопроизводства предварительное заключеніе обвиняемаго подъ стражу допускается только въ случаѣ побѣга обвиняемаго или возбужденія противъ него обвиненія въ преступномъ дѣяніи, влекущемъ за собою тюремное заключеніе или болѣе строгое наказаніе (ст. 94, измѣненная закономъ 14 іюля 1865 г.). Проектированныя правила уступаютъ даже поста-

новленіямъ русскаго военно-судебнаго устава, такъ какъ въ проектъ не включено соотвѣтствующаго ст. 474 нашего военно-судебнаго устава (срав. ст. 421 уст. угол. суд.) правила, которое обязываетъ слѣдователя при избраніи мѣры пресѣченія принимать въ соображеніе строгость угрожающаго обвиняемому наказанія, свойство совершеннаго имъ преступленія, силу представляющихся противъ него уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, возрастъ, служебное положеніе и другія обстоятельства.

По дѣйствующему уставу военно-уголовнаго судопроизводства 1857 г. въ мирное время для рѣшенія не въ пользу подсудимаго вопросовъ о виновности и для опредѣленія подсудимому наказанія въ военныхъ судахъ требуется большинство пяти голосовъ противъ двухъ. Составители проекта устава признали, что съ предоставленіемъ проектированнымъ порядкомъ судопроизводства обвиняемымъ изъ военнослужащихъ тѣхъ же гарантій, которыя предоставлены обвиняемымъ въ судахъ общихъ, и съ распространеніемъ на нихъ постановленій объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ не имѣется уже основаній сохранять для подсудимыхъ въ военныхъ судахъ исключительную привилегію, по которой при составѣ военнаго суда изъ семи членовъ подсудимые подлежатъ оправданію, если за осужденіе ихъ высказалось только четыре голоса противъ трехъ. Поэтому составители проекта устава, по примѣру ст. 347 устава уголовнаго судопроизводства, предположили установить, что въ мирное время вопросы о виновности подсудимаго, о наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ и о мѣрѣ опредѣляемаго ему наказанія рѣшаются въ военныхъ судахъ простымъ большинствомъ голосовъ, а если большинства голосовъ не составляется, то относительно опредѣленія наказанія принимается мнѣніе, наиболѣе благопріятное для подсудимаго; въ приговорѣ не указывается число голосовъ, поданныхъ за постановленное судомъ рѣшеніе (ст. 185 и 186). Составители проекта указываютъ, что отмѣна требованія спеціальнаго большинства для постановленія рѣшенія во вредъ подсудимому устраняетъ возраженіе противъ введенія въ составъ военныхъ судовъ при разсмотрѣніи дѣлъ о лицахъ, приравненныхъ къ военнослужащимъ, двухъ членовъ одного вѣдомства съ подсудимымъ; въ 1827 и 1857 г.г. это предположеніе по отношенію къ чинамъ интендантскаго вѣдомства было отвергнуто потому, что при дѣйствіи правилъ устава 1857 г. съ введеніемъ въ составъ военнаго суда двухъ сослуживцевъ подсудимаго, расположенныхъ къ снисходительности по

духу товарищества, оказывалось достаточнымъ присоединеніе къ нимъ одного голоса для того, чтобы подсудимый былъ оправданъ. Сохраненіе въ проектѣ устава правила, по которому въ случаѣ, если при опредѣленіи подсудимому наказанія не составится большинства, принимается мнѣніе, наиболѣе благопріятное для подсудимаго, какъ указываютъ составители проекта, предоставляетъ лицамъ, подвѣдомственнымъ военнымъ судамъ, привилегію, которою не пользуются лица, подсудныя общимъ судамъ; съ примѣненіемъ этого правила будетъ въ достаточной мѣрѣ смягчаться суровость наказаній устава военно-уголовнаго судопроизводства тѣмъ болѣе, что при тайномъ голосованіи въ рѣдкихъ случаяхъ составится большинство голосовъ за какое-либо мнѣніе, а потому почти всегда будетъ назначаться наименѣе строгое наказаніе. Въ этомъ отношеніи правила проекта французскаго устава являются болѣе благопріятными для подсудимыхъ, чѣмъ постановленія нашего военно-судебнаго устава, по которому наказаніе подсудимому опредѣляется относительнымъ большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ поровну отдается предпочтеніе мнѣнію, принятому предсѣдателемъ, и только, если голосъ предсѣдателя не можетъ дать перевѣса, принимается мнѣніе, наиболѣе благопріятное для подсудимаго (ст. 907 воен. суд. уст., ср. ст. 769 уст. угол. суд.). Однако при чрезвычайной строгости наказаній, установленныхъ во Франціи за воинскія преступленія, врядъ ли цѣлесообразно было отмѣнять предоставленную подсудимымъ уставомъ 1857 г. привилегію, тѣмъ болѣе, что въ новѣйшемъ изъ военно-процессуальныхъ кодексовъ—германскомъ для рѣшенія вопросовъ о виновности не въ пользу подсудимаго установлено спеціальное большинство ($^2/_3$) голосовъ.

По проекту французскаго устава военно-уголовнаго судопроизводства голосованіе судьями вопросовъ о виновности подсудимаго и объ опредѣленіи ему наказанія предположено производить въ строгой тайнѣ (ст. 183). Это измѣненіе правилъ дѣйствующаго устава, по которымъ голоса собираются предсѣдателемъ открыто, начиная съ младшаго члена, было предложено въ парламентѣ депутатами Дюма (Dumas) и Гюгомъ (d'Hugues), какъ единственное средство обезпеченія независимости членовъ военныхъ судовъ; они указывали, что при всемъ безпристрастіи предсѣдатель военнаго суда врядъ ли можетъ удержаться во время разсмотрѣнія дѣла или во время совѣщанія отъ выраженія своего мнѣнія, которое несомнѣнно окажетъ вліяніе на остальныхъ членовъ суда [1]); при открытомъ соби-

[1]) J. Chanson, op. cit., 236—237.

раніи голосовъ члены суда знаютъ, какое мнѣніе подано каждымъ изъ судей, и каждый изъ нихъ можетъ оказаться отвѣтственнымъ за свое мнѣніе передъ своимъ начальствомъ; вслѣдствіе этого въ военныхъ судахъ независимость судей менѣе гарантирована, чѣмъ въ разсматривающихъ дѣла о дурномъ поведеніи офицеровъ административныхъ коммисіяхъ (conseils d'enquête), гдѣ голосованіе производится тайно [1]). Установленіе тайной подачи голосовъ сдѣлаетъ невозможнымъ совѣщаніе судей и предварительные дебаты по поводу вопросовъ о виновности подсудимаго, такъ какъ при допущеніи такихъ дебатовъ будутъ выясняться мнѣнія отдѣльныхъ судей, и тайная подача голосовъ утратитъ свое значеніе [2]), но съ этимъ недостаткомъ придется примириться. Дѣйствительно, при составѣ военныхъ судовъ исключительно изъ строевыхъ офицеровъ разныхъ чиновъ, а въ особенности при введеніи по дѣламъ о нижнихъ чинахъ въ число судей унтеръ-офицера только тайное голосованіе можетъ обезпечить независимость судей; достаточно напомнить, что послѣ разсмотрѣнія военнымъ судомъ X-го корпуса въ г. Реннѣ дѣла А. Дрейфуса (во 2-й разъ) предсѣдательствовавшій въ судѣ полковникъ артиллеріи Жуо (Jouaust), подавшій голосъ за признаніе подсудимаго невиновнымъ, подвергся цѣлому ряду преслѣдованій со стороны своего начальства и сослуживцевъ [3]).

Относительно порядка отправленія правосудія военными судами во время войны составители проекта устава не нашли возможнымъ, какъ предлагали нѣкоторые изъ изслѣдователей этого вопроса [4]), поручить разсмотрѣніе всѣхъ возникающихъ въ военное время дѣлъ особымъ марціальнымъ судамъ съ упрощеннымъ порядкомъ судопроизводства и съ устраненіемъ права обжалованія: для военнаго времени составители проекта установили съ весьма незначительными измѣненіями тѣ же правила судопроизводства, которыя предположены для мирнаго времени, и сохранили лишь постановленія устава 1857 г. относительно власти военнаго начальства по принятію противъ обвиняемыхъ мѣръ пресѣченія и по преданію ихъ

---

[1]) Marsil, op. cit., 219—223.

[2]) Указывая на примѣръ суда присяжныхъ, г. Марсиль полагаетъ, что совѣщаніе судей вполнѣ возможно и при тайной подачѣ голосовъ, но къ сожалѣнію не поясняетъ, какимъ образомъ мыслимо при этомъ избѣгнуть оглашенія судьями своихъ мнѣній, ср. Marsil, op. cit., 221—222.

[3]) J. Ajalbert. Quelques dessous de procès de Rennes. P. 1901 p. 40-42

[4]) Напр. A. Taillefer, op. cit., p. 395—419.

военному суду. Вмѣсто недостаточно яснаго указанія дѣйствующаго устава 1857 г. на мѣстности, находящіяся на военномъ или въ осадномъ положеніи, составители проекта различаютъ: 1) войска, входящія въ составъ дѣйствующей арміи, и крѣпости, объявленныя въ осадномъ положеніи въ виду приближенія непріятеля, гдѣ въ полной мѣрѣ примѣняются правила, установленныя для военнаго времени въ отношеніи судоустройства, расширенія подсудности, усиленія наказуемости и т. д.; 2) военные округа, входящіе въ раіонъ операцій дѣйствующей арміи, гдѣ продолжаютъ дѣйствовать постоянные военные суды и сохраняется право обжалованія приговоровъ въ общій кассаціонный судъ; 3) войска, мобилизированныя и соединенныя въ операціонные корпуса въ военныхъ округахъ, по отношенію къ которымъ компетенція постоянныхъ военныхъ судовъ распространяется на всѣ преступленія, устраняется преданіе суду обвинительными коммисіями и установляется обжалованіе въ военно-кассаціонные суды; наконецъ 4) мѣстности, объявленныя въ осадномъ положеніи по причинамъ политическимъ, гдѣ вводится подсудность гражданскихъ лицъ военнымъ судамъ, но порядокъ судопроизводства сохраняется установленный для мирнаго времени.

IV.

Въ постановленія проекта устава, касающіяся преступленій и наказаній, внесено сравнительно немного новаго. Составители проекта ввели въ текстъ устава измѣненія, произведенныя недавно принятымъ парламентомъ закономъ 2 апрѣля 1901 г. о зачетѣ въ срокъ наказанія подслѣдственнаго ареста [1]). Затѣмъ въ раздѣлѣ I книги III устава, представляющемъ общую часть военно-уголовнаго кодекса, проектировано предоставленіе военнымъ судамъ права признавать въ мирное время наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ, примѣненіе къ военнослужащимъ условнаго осужденія и распространеніе на нихъ постановленій новыхъ законовъ о справкахъ о судимости, о возстановленіи утраченныхъ по суду правъ и о досрочномъ освобожденіи.

По уставу военно-уголовнаго судопроизводства 1857 г. военнымъ судамъ предоставлено право признавать наличность умень-

---

[1]) См. мою статью въ „Вѣстникѣ Права“ 1900, № 8, стр. 153—154; текстъ закона 2 апрѣля 1901 г. см. „Bulletin officiel du ministère de la guerre“ 1901, partie réglementaire № 14 p. 536—537.

шающихъ вину обстоятельствъ и понижать положенныя въ законѣ наказанія въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 463 уголовнаго уложенія, только въ тѣхъ случаяхъ, когда военно-служащіе обвиняются въ общихъ преступленіяхъ, а также когда военному суду оказываются подсудными лица, не принадлежащія къ арміи и не приравненныя къ военнослужащимъ; если же военнослужащіе обвиняются въ преступленіяхъ воинскихъ, то военные суды могутъ смягчать установленныя наказанія только въ случаяхъ, спеціально указанныхъ въ уставѣ, и только въ томъ размѣрѣ, который для каждаго преступленія указанъ закономъ. Составители устава 1857 г., назначая за большую часть воинскихъ преступленій весьма строгія наказанія, признавали весьма опаснымъ для поддержанія дисциплины въ арміи всякое постановленіе, которое можетъ внушить военнослужащимъ, что они могутъ разсчитывать на снисходительность и слабость судей и что они будутъ подвергнуты только пониженному наказанію. Въ 1899 г. депутатъ Лейдэ (Leydet) внесъ въ палату депутатовъ предложеніе о предоставленіи военнымъ судамъ права признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ случаяхъ обвиненія военнослужащихъ въ воинскихъ преступленіяхъ; тогдашній военный министръ Фрейсинэ сочувственно отнесся къ этому предложенію, и 14 іюня 1899 г. оно было передано въ парламентскую коммисію, назначившую докладчикомъ по этому вопросу г. Шамье (Chamié) [1]). Въ концѣ 1899 г. это же предположеніе было въ числѣ другихъ внесено въ палату депутатовъ и самимъ правительствомъ; составители доклада 14 ноября 1899 г. мотивировали предоставленіе военнымъ судамъ права признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ, съ одной стороны, тѣмъ, что для достиженія указываемой составителями устава 1857 г. цѣли устрашенія слѣдовало бы отмѣнить для военнослужащихъ помилованіе, устранить вліяніе строгости наказанія на рѣшеніе судей и прекратить произнесеніе военными судьями противъ совѣсти оправдательныхъ приговоровъ, а съ другой—тѣмъ, что цѣлесообразнѣе самимъ закономъ предоставить военному судьѣ возможность удовлетворять естественной склонности къ опредѣленію наказанія, соразмѣрнаго съ степенью испорченности виновнаго. Составители доклада не находили возможнымъ предоставлять военнымъ судьямъ право признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ военное время, такъ какъ по справедливому указанію генер. Ніеля при обсужденіи устава 1857 г.

---

[1]) „Revue pénitentiaire“ 1899 p. 888.

„военное время является не чѣмъ инымъ, какъ цѣлымъ рядомъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ". Въ литературѣ предположеніе правительства было встрѣчено весьма сочувственно: указывали, что при современномъ порядкѣ комплектованія арміи нѣтъ надобности въ установленіи слишкомъ строгихъ наказаній и возможно допустить смягченіе ихъ [1]), что благодаря строгости наказаній, установленныхъ за воинскія преступленія, на практикѣ весьма часто военное начальство отказываетъ въ распоряженіи о производствѣ предварительнаго слѣдствія, вмѣсто приказа о преданіи суду дѣлаетъ распоряженіе о прекращеніи производства, а въ случаѣ оправданія военнослужащаго военнымъ судомъ налагаетъ на него взысканіе въ дисциплинарномъ порядкѣ; наконецъ, что невозможность для военныхъ судовъ понижать положенныя въ законѣ наказанія заставляетъ судей противъ совѣсти оправдывать виновныхъ, а главу правительства побуждаетъ даровать виновнымъ помилованіе, пользуясь для этого всевозможными случаями [2]). Составители проекта устава предполагали предоставить военнымъ судамъ право признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ мирное время по всѣмъ безъ исключенія преступнымъ дѣяніямъ, а въ военное время лишь при обвиненіи въ общихъ преступныхъ дѣяніяхъ, а равно въ нѣкоторыхъ воинскихъ преступленіяхъ, спеціально перечисленныхъ въ уставѣ; при этомъ составители проекта, примѣняясь къ ст. 463 уголовнаго уложенія, проектировали подробныя правила о пониженіи при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ различныхъ наказаній, положенныхъ за воинскія преступленія (ст. 268—269). Однако еще до внесенія проекта устава въ парламентъ 16 ноября 1900 г. сенатъ принялъ во второмъ чтеніи выработанный на основаніи предложенія депутата Лейдэ законопроектъ о предоставленіи военнымъ судамъ права признавать уменьшающія вину обстоятельства по дѣламъ о воинскихъ преступленіяхъ [3]), а 19 іюля 1901 г. правила о примѣненіи уменьшающихъ вину обстоятельствъ къ воинскимъ преступленіямъ получили силу закона [4]). При этомъ въ случаѣ осужденія за воинскія преступленія, влекущія за собою смертную казнь съ лишеніемъ правъ, закономъ 19 іюля 1901 г.

---

[1]) J. Chanson, op. cit., p. 239—242.

[2]) Marsil, op. cit., p. 230—246.

[3]) „Revue pénitentiaire", 1900, p. 1518—1520.

[4]) Bulletin officiel du ministère de la guerre 1901, partie réglementaire, № 30, p. 419—420.

такъ же, какъ и ст. 463 уголовнаго уложенія при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, допускается пониженіе наказанія до срочной каторги, тогда какъ статьею 269 проекта устава въ случаяхъ осужденія за капитуляцію крѣпости или въ открытомъ полѣ, за отказъ въ повиновеніи и за насиліе противъ старшаго съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или изъ засады (ст. 284, 285, 293 и 296 проекта, соотвѣтствующія ст. 209, 210, 218 и 221 дѣйствующаго устава) предположено было дальнѣйшее пониженіе наказанія до заточенія (détention), въ первыхъ трехъ случаяхъ обязательно, а въ послѣднемъ—факультативно.

Предложеніе распространить на военные суды постановленія закона 26 марта 1891 г. объ условномъ осужденіи было внесено въ палату депутатовъ еще 8 декабря 1898 г. депутатомъ Гранмэзономъ (Grandmaison); это предложеніе было передано въ особую парламентскую коммисію [1]), которая въ представленномъ палатѣ 7 февраля 1899 г. докладѣ высказалась за предоставленіе военнымъ судамъ права примѣнять постановленія закона объ условномъ осужденіи по всѣмъ дѣламъ, независимо отъ того, въ какихъ именно преступленіяхъ — общихъ или воинскихъ — признаны виновными военнослужащіе [2]). Выработанный парламентской коммисіей законопроектъ изъ трехъ статей до сихъ поръ еще не разсмотрѣнъ палатою депутатовъ; какъ въ литературѣ, такъ и въ арміи это предложеніе было встрѣчено весьма сочувственно: указывали, что примѣненіе условнаго осужденія значительно сократитъ число случаевъ прекращенія военно-судныхъ дѣлъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, а также число оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ исключительно въ виду неизбѣжности выбора между полнымъ оправданіемъ и опредѣленіемъ виновному весьма строгаго наказанія [3]); нѣкоторые военные начальники, съ своей стороны, начали уже весьма оригинально примѣнять правила объ условномъ осужденіи, не предавая виновныхъ военному суду въ случаѣ совершенія ими преступныхъ дѣяній или не приводя въ подобныхъ случаяхъ въ исполненіе наложенныхъ на виновныхъ дисциплинарныхъ взысканій [4]).

---

[1]) „Revue pénitentiaire", 1899, p. 128.

[2]) Тамъ же, 1899, p. 1304.

[3]) Chanson, op. cit. p., 242—244.

[4]) Marsil, op. cit., p. 246—252.

Составители проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства признали возможнымъ примѣнять правила объ условномъ осужденіи къ случаямъ осужденія военнослужащихъ военными и общими судами за общія преступныя дѣянія, а равно къ случаямъ осужденія лицъ, не принадлежащихъ къ числу военно-служащихъ или къ нимъ приравненныхъ, за всѣ безъ различія преступныя дѣянія, какъ общія, такъ и воинскія; составители проекта находятъ, что возложеніе на военные суды разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ общихъ не можетъ измѣнить характеръ этихъ преступныхъ дѣяній и не должно влечь за собой для виновныхъ усиленія отвѣтственности. Однако, въ случаѣ признанія военнослужащихъ какъ военными, такъ и общими судами виновными въ преступныхъ дѣяніяхъ воинскихъ, составители проекта устава нашли невозможнымъ допустить примѣненіе правилъ объ условномъ осужденіи (ст. 270). Несмотря на весьма благотворное вліяніе этихъ правилъ на нравственность осужденныхъ, составители проекта признали ихъ непримѣнимыми къ воинскимъ преступленіямъ, съ одной стороны, вслѣдствіе краткости сроковъ дѣйствительной военной службы, а съ другой—въ виду необходимости для поддержанія дисциплины сдѣлать наказаніе примѣрнымъ. По правиламъ закона 26 марта 1891 г. для окончательнаго погашенія наказанія, назначеннаго условно, требуется протеченіе пятилѣтняго срока; составители проекта указываютъ, что при трехлѣтнемъ срокѣ службы и при увольненіи части молодыхъ солдатъ въ запасъ спустя годъ послѣ принятія ихъ на военную службу для военнослужащихъ, совершившихъ воинскія преступленія, указанный пятилѣтній срокъ будетъ фактически значительно сокращенъ, такъ какъ по увольненіи въ запасъ осужденный уже не можетъ совершить воинскаго преступнаго дѣянія; поэтому, напр., если военнослужащій наканунѣ увольненія его въ запасъ продастъ свою аммуницію и подвергнется условному осужденію, то въ дѣйствительности онъ окажется совершенно безнаказаннымъ. Кромѣ того, по мнѣнію составителей проекта, для поддержанія дисциплины необходимо, чтобы наказанія были примѣрными, для чего приговоры судовъ объявляются въ приказахъ по полку и приводятся въ исполненіе въ присутствіи нижнихъ чиновъ; съ примѣненіемъ правилъ объ условномъ осужденіи наказанія, опредѣляемыя военными судами, перестанутъ быть примѣрными, такъ какъ преступныя дѣянія, признаваемыя военнымъ начальствомъ заслуживающими наказанія, будутъ оставлены безъ немедленнаго взысканія.

Намъ кажется, что въ вопросѣ о предоставленіи военнымъ судамъ права примѣнять постановленія объ условномъ осужденіи составители проекта проявили излишнюю осторожность: по справедливому указанію г. Бомпара, докладывавшаго палатѣ выработанный парламентской коммисіей законопроектъ объ условномъ осужденіи въ военныхъ судахъ, предоставленіе военнымъ судамъ права постановлять объ отсрочкѣ исполненія наказанія является особенно необходимымъ по дѣламъ о воинскихъ преступленіяхъ потому, что именно по дѣламъ этой категоріи, вслѣдствіе чрезмѣрной строгости наказаній, опредѣляемыхъ военно-уголовными законами, военнымъ судьямъ нерѣдко приходится противъ совѣсти признавать подсудимыхъ невиновными, отвергая несомнѣнно доказанные факты, или же приговаривать подсудимыхъ къ такимъ наказаніямъ, которыя по своей суровости справедливо возмущаютъ общественное мнѣніе. Правда, положеніе военныхъ судей въ этомъ отношеніи нѣсколько облегчается предоставленіемъ имъ права признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ, но это право предоставляется военнымъ судамъ только въ мирное время, а между тѣмъ отсрочка приведенія наказаній въ исполненіе является особенно цѣлесообразной въ военное время, когда осужденный за воинское преступленіе спустя нѣсколько дней можетъ вполнѣ загладить свою вину подвигами храбрости и самоотверженія. Въ этомъ отношеніи французскій проектъ устава военно-уголовнаго судопроизводства уступаетъ нашему военно-судебному уставу, въ который еще въ 1885 г. были внесены особыя правила объ исполненіи приговоровъ надъ военнослужащими въ раіонѣ театра войны, предоставляющія военному начальству право въ случаѣ примѣрной храбрости или другаго подвига осужденнаго ходатайствовать о смягченіи наказанія или о совершенномъ прощеніи (п. 5—7 прилож. къ ст. 1412 кн. XXIV С. В. П. 1869 г. изд. 3) [1]).

Наконецъ, надо отмѣтить, что вопреки высказанному въ литературѣ мнѣнію о необходимости распространить на воинскія преступленія постановленія законовъ 26 марта 1891 г. объ усиленіи наказаній при повтореніи преступленій и 27 мая 1885 г. о релегаціи [2]), составители проекта устава нашли возможнымъ примѣнять правила

---

[1]) По поводу этихъ правилъ см. замѣтку Е. В. Котова—„Условное помилованіе въ военномъ вѣдомствѣ". „Право", 1901, № 15, стр. 786—787.

[2]). Chanson, op. cit., p. 243—244.

этихъ законовъ только къ общимъ, но не къ воинскимъ преступленіямъ военнослужащихъ (ст. 266); дѣйствительно, при суровости наказаній за воинскія преступленія, взятыхъ проектомъ устава почти цѣликомъ изъ дѣйствующаго устава 1857 г., всякое дальнѣйшее усиленіе этихъ наказаній было бы ничѣмъ неоправдываемой жестокостью.

Постановленія устава уголовнаго судопроизводства, касающіяся возстановленія правъ, утраченныхъ по суду (réhabilitation de droit), до сего времени примѣнялись только къ случаямъ осужденія военными судами къ тюремному заключенію и къ денежному штрафу. Составители проекта устава предполагаютъ распространить на всѣ постановляемые военными судами приговоры дѣйствіе правилъ ст. 619—634 уст. угол. суд. о реабилитаціи, а также связанныхъ съ этими правилами законовъ о справкахъ о судимости (casier judiciaire) [1]); при этомъ осужденіе къ общественнымъ работамъ приравнивается къ осужденію къ тюремному заключенію на половинный срокъ, а при реабилитаціи лишеннаго чиновъ, орденовъ и права на пенсію ему не возвращаются выслуженныя до осужденія преимущества, а предоставляется лишь въ случаѣ зачисленія его въ армію пріобрѣсти вновь эти преимущества своею службою. Ходатайства о возстановленіи правъ представляются и разрѣшаются по правиламъ устава уголовнаго судопроизводства, а если осужденный находится на дѣйствительной службѣ, то ходатайство о возстановленіи правъ представляется командующему военнымъ округомъ, который передаетъ его черезъ правительственнаго коммисара въ обвинительную коммисію, исполняющую обязанности, возложенныя уставомъ уголовнаго судопроизводства на камеру преданія суду (ст. 362—363). Составители проекта, въ случаѣ возстановленія правъ осужденнаго офицера, нашли невозможнымъ возвращать утраченные по суду чины и ордена, такъ какъ, съ одной стороны, осужденный уже замѣщенъ другимъ офицеромъ и возвращеніе ему утраченныхъ преимуществъ можетъ нарушить права другихъ офицеровъ, а съ другой—возстановленный въ правахъ и возвращенный на службу офицеръ не можетъ, конечно, имѣть нравственнаго авторитета, необходимаго для того, чтобы подчиненные ему повиновались и оказывали ему уваженіе. Въ случаяхъ помилованія утраченныя по суду служеб-

---

[1]) См. статью С. Гогеля—„Возстановленіе утраченныхъ по суду правъ“, въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1895 № 10 (декабрь).

ныя права и преимущества возвращаются только тогда, когда объ этомъ спеціально упомянуто въ актѣ, дарующемъ помилованіе.

Точно такъ же составители проекта устава нашли возможнымъ распространить на военнослужащихъ, осуждаемыхъ какъ общими, такъ и военными судами, постановленія закона 14 августа 1885 г. о досрочномъ освобожденіи. Для военнослужащихъ, отбывающихъ наказаніе въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, досрочное освобожденіе разрѣшается военнымъ министромъ, при чемъ освобожденный зачисляется до окончанія срока службы въ одну изъ спеціально назначенныхъ для того войсковыхъ частей, а въ случаѣ учиненія новаго проступка до истеченія опредѣленнаго судомъ срока наказанія, онъ возвращается въ тюремное заведеніе распоряженіемъ военнаго министра, основаннымъ на рѣшеніи дисциплинарнаго суда (conseil de discipline).

Раздѣлъ II книги IV устава, представляющій собою особенную часть военно-уголовнаго кодекса, въ проектѣ устава подвергся лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Составители проекта нашли весьма затруднительнымъ измѣнять установленное въ 1857 г. соотвѣтствіе наказаній важности преступленій, ибо постановленія дѣйствующаго устава о наказуемости отдѣльныхъ преступленій были выработаны по соображеніи предшествовавшаго законодательства съ опытомъ многочисленныхъ войнъ, принимая во вниманіе какъ степень испорченности виновнаго, такъ и важность послѣдствій, которыя можетъ имѣть преступное дѣяніе для безопасности арміи и поддержанія дисциплины. Составители проекта устава указываютъ, что единственный упрекъ, который нынѣ дѣлается постановленіямъ дѣйствующаго устава, упрекъ въ чрезмѣрной суровости наказаній, относится главнымъ образомъ къ мирному времени, когда суровость наказаній будетъ смягчаться правомъ военныхъ судовъ признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ; объ излишней строгости наказаній въ военное время никто не говоритъ, а наоборотъ въ 1870 г. правительство было даже вынуждено учредить марціальные суды, примѣнявшіе почти исключительно смертную казнь. Поэтому всѣ измѣненія, внесенныя составителями проекта въ раздѣлъ II книги IV устава имѣютъ характеръ лишь частныхъ дополненій и исправленій. Прежде всего въ проектъ устава внесены постановленія о тѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ военнослужащихъ смѣшаннаго характера, на которыя признано необходимымъ распространить военную подсудность; къ нимъ относятся оскорбленія начальствующихъ лицъ въ печати (ст. 299—300), оскорбленіе

знамени (ст. 301), насильственныя дѣйствія и оскорбленія лицъ, равныхъ съ виновнымъ по чину и званію (ст. 302), появленіе уволеннаго въ отпускъ или въ запасъ въ военной формѣ въ скопищѣ, нарушающемъ общественный порядокъ (ст. 303 ч. 5), оскорбленіе на словахъ, на письмѣ и неприличнымъ дѣйствіемъ подчиненныхъ (ст. 308), составленіе подложныхъ отпускныхъ билетовъ, медицинскихъ свидѣтельствъ и удостовѣреній о хорошемъ поведеніи (ст. 341—343), нарушеніе правилъ о военныхъ реквизиціяхъ (ст. 337—338). Эти постановленія внесены въ проектъ устава изъ общаго уголовнаго уложенія и изъ другихъ дѣйствующихъ законовъ, напр., изъ закона 29 іюля 1881 г. о преступленіяхъ въ печати, изъ закона 3 іюля 1877 г. о военныхъ реквизиціяхъ и т. д. Затѣмъ составители устава въ цѣломъ рядѣ статей сдѣлали редакціонныя измѣненія съ цѣлью устранить возможность недоразумѣній при примѣненіи ихъ на практикѣ. Такъ, напр., постановленіе 213 ст. дѣйствующаго устава объ оставленіи военнослужащимъ своего поста дополнено указаніемъ, что оставленный безъ разрѣшенія постъ долженъ быть порученъ виновному начальствомъ (ст. 288 проекта), къ отказу въ повиновеніи приравнено неисполненіе подчиненнымъ отданнаго ему приказанія (ст. 293 проекта), понятіе начальника (supérieur) въ постановленіяхъ о нарушеніи чинопочитанія разъяснено указаніемъ на то, что имъ признается не только прямой начальникъ, но и всякій старшій по чину, званію или должности (ст. 296—299 проекта), къ умышленному уничтоженію оружія и аммуниціи приравнено покинутіе ихъ въ виду непріятеля (ст. 331 проекта) и т. д. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ внесены незначительныя измѣненія въ размѣрахъ положенныхъ наказаній, при чемъ увеличеніе наказуемости сравнительно съ дѣйствующимъ уставомъ предположено только въ одномъ случаѣ, именно, за вооруженное возстаніе въ числѣ болѣе двухъ человѣкъ проектировано заточеніе вмѣсто заключенія (ст. 303 проекта) съ тѣмъ, чтобы для военнослужащихъ усилить наказаніе, опредѣленное за то же преступленіе общимъ уголовнымъ уложеніемъ.

Вообще постановленія французскаго проекта о преступленіяхъ и наказаніяхъ отличаются значительной неполнотою; такъ, въ нихъ отсутствуютъ правила объ условіяхъ ненаказуемости преступленій, совершенныхъ подчиненными по приказанію начальства, о непримѣнимости къ военнослужащимъ постановленій о крайней необходимости, нѣтъ наказаній за пьянство, за неосторожную порчу лошади и вьючныхъ животныхъ, за распространеніе въ военное время

безпорядка ложными слухами и неосторожными выстрѣлами и т. д., хотя на необходимость внесенія въ уставъ этихъ правилъ дѣлались указанія въ литературѣ [1]).

Можно думать, что парламентская коммисія подвергнетъ особенно внимательному обсужденію книгу IV проекта и измѣнитъ ее настолько, чтобы постановленія ея не уступали по достоинству лучшимъ современнымъ военнымъ кодексамъ.

А. С. Лыкошинъ.

---

[1]) A. Taillefer, op. cit., 401—409. J. Chanson, op. cit., 259—260.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ.—Историческій очеркъ, составленный Начальникомъ Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею Статсъ-Секретаря Куломзина.—С.П.Б. 1902 г. Два тома. Стр. VII+340 и II+324. Съ приложеніями.

При разработкѣ вопроса объ изданіи „Историческаго обзора дѣятельности Комитета Министровъ“ [1]) рѣшено было выдѣлить въ особый трудъ очеркъ исторіи дѣятельности Комитета по вопросамъ желѣзнодорожной политики. Къ этому побудило сознаніе того обстоятельства, что вопросы о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ и ихъ дальнѣйшемъ развитіи составляютъ вполнѣ самостоятельный и, до извѣстной степени, обособленный кругъ дѣлъ—не только съ точки зрѣнія спеціально технической, но и въ смыслѣ оцѣнки вліянія желѣзныхъ дорогъ на складъ политической и хозяйственной жизни страны, а также изысканія способовъ наиболѣе согласнаго съ общегосударственными выгодами пользованія этимъ важнымъ факторомъ преуспѣянія торговли и промышленности.

Недавно изданы первые два тома предпринятой вслѣдствіе этого работы, подъ заглавіемъ „Наша желѣзнодорожная политика“.

Характеръ и рамки этого изслѣдованія довольно ясно опредѣлены въ слѣдующихъ заявленіяхъ предисловія. „Предлагаемый

---

[1]) Первый томъ этого Обзора, обнимающій эпоху царствованія Императора Александра I, вышелъ въ свѣтъ въ началѣ текущаго года. См. „Жур. Мин. Юст.“ 1902 г. Мартъ, стр. 336.

трудъ не преслѣдуетъ цѣли подробнаго перечисленія всѣхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, бывшихъ когда-либо на разсмотрѣніи Комитета Министровъ, или изложенія состоявшихся по каждому изъ такихъ дѣлъ сужденій. Задача эта можетъ считаться уже въ значительной мѣрѣ исполненною со времени изданія Министерствомъ Путей Сообщенія „Краткаго историческаго очерка начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 г. включительно“ (С.П.Б. 1898)....Настоящій историческій очеркъ представляетъ попытку прослѣдить не столько отдѣльные фазисы развитія нашего желѣзнодорожнаго строительства въ тѣсномъ смыслѣ слова, сколько *главнѣйшія теченія*, обозначавшіяся *въ нашей желѣзнодорожной политикѣ* со времени первоначальнаго возникновенія въ Россіи вопроса о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ до нашихъ дней“. Упомянувъ далѣе о томъ, что желѣзнодорожная политика, нося на себѣ отпечатокъ каждой данной эпохи, переживаетъ различные фазисы, типическія черты которыхъ мѣняются въ зависимости отъ видоизмѣненія основъ политики общегосударственной, авторъ предисловія говоритъ: „настоящее изслѣдованіе ставитъ себѣ задачею отмѣтить именно, такія *типическія черты* и, на ряду съ этимъ, охарактеризовать, преимущественно на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, отношеніе руководящихъ государственныхъ дѣятелей, въ каждую данную эпоху, къ вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства“.

Въ намѣченныхъ такимъ образомъ предѣлахъ Н. А. Кислинскій, работавшій, какъ видно изъ заглавнаго титула, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина, хорошо выполнилъ свою задачу, давъ полный, обстоятельно и литературно изложенный обзоръ важнѣйшихъ проявленій нашей желѣзнодорожной политики до 1881 года. Составленное главнымъ образомъ по документамъ Архива Комитета Министровъ, изслѣдованіе г. Кислинскаго обнаруживаетъ и основательное знакомство съ научно-литературною разработкою русской желѣзнодорожной политики. Съ другой стороны, авторъ не далъ повода къ упреку въ томъ, въ чемъ нерѣдко бываютъ повинны составители оффиціальныхъ изданій, не умѣя найти мѣру пользованія сырыми матеріалами и не стараясь выдѣлить въ нихъ болѣе существенное отъ менѣе важнаго. Г. Кислинскій не загромождаетъ своей книги безъ нужды длинными извлеченіями изъ оффиціальныхъ бумагъ, а даетъ, на основаніи этихъ матеріаловъ, живое и ясное изложеніе, толково утилизируя тѣ подлинныя слова документовъ, которыя представляются въ томъ или иномъ отношеніи характеристичными или особенно важными. Въ немалую заслугу

автору должны быть поставлены общія заключенія, въ которыхъ, по разсмотрѣніи различныхъ періодовъ развитія желѣзнодорожной политики, онъ выдвигаетъ ихъ типическія черты.

Въ книгѣ г. Кислинскаго изложеніе доведено до 1881 года, до вступленія на престолъ Государя Императора Александра III. Оканчивая историческій обзоръ постепенной смѣны направленій въ области нашей желѣзнодорожной политики, авторъ вполнѣ основательно подчеркиваетъ „глубоко знаменательную", по его выраженію, рѣчь послѣдняго Министра Финансовъ эпохи Императора Александра II—А. А. Абазы, въ которой онъ намѣтилъ наиболѣе, по его мнѣнію, раціональныя основы для будущей желѣзнодорожной политики русскаго правительства. „Рѣчь Министра Финансовъ",—говоритъ авторъ,—„и въ особенности отношеніе къ ней Комитета Министровъ [1]) знаменуютъ собою наступленіе новой эры въ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Эта рѣчь стоитъ какъ бы на грани двухъ періодовъ: одного, отходящаго въ область прошлаго, характернымъ признакомъ котораго являлась широкая самостоятельность въ дѣйствіяхъ желѣзнодорожныхъ компаній, почти не стѣсняемая вмѣшательствомъ правительства, и другаго, только наступающаго, въ которомъ правительство призывалось къ энергической дѣятельности какъ по надзору за частными обществами, такъ и по самостоятельному завѣдыванію постройкою и эксплоатаціею рельсовыхъ путей". „Солидарность Комитета съ выводами Абазы не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что процессъ эволюціи воззрѣній на роль правительства въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ—процессъ, признаки котораго наблюдались въ высшихъ правительственныхъ сферахъ со второй половины семидесятыхъ годовъ,—къ началу 1881 г. уже могъ считаться окончательно завершившимся... Почва для проведенія взглядовъ новаго Министра Финансовъ была уже готова—оставалось только ею воспользоваться".

Въ небогатой литературѣ нашей по вопросамъ внутренняго управленія книга „Наша желѣзнодорожная политика" съ полнымъ правомъ займетъ видное мѣсто.

Д.

---

[1]) Комитетъ Министровъ, какъ значится въ журналѣ его (засѣд. 27 января и 3 февраля 1881 г.), „выразилъ полное сочувствіе къ высказаннымъ дѣйств. тайн. сов. Абазою взглядамъ".

К. Н. Анненковъ—Система русскаго гражданскаго права. Т. VI. Право наслѣдованія. Спб. 1902 г. Стр. VI+520.

Первые три тома обширнаго труда г. Анненкова въ сравнительно короткое время выдержали два изданія, что̀, безъ сомнѣнія, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что „Система“ пользуется у насъ успѣхомъ. Главной причиной такого успѣха является, конечно, то обстоятельство, что книга г. Анненкова предназначена преимущественно для практиковъ, а, какъ извѣстно, другаго подобнаго руководства у насъ пока нѣтъ.

Какъ мы уже замѣтили, до сихъ поръ вышли три тома, изъ которыхъ первый посвященъ общей части русскаго гражданскаго права, второй—вещному праву, третій—общей части обязательственнаго права. Въ настоящее время передъ нами шестой томъ, содержащій все наслѣдственное право или, по терминологіи автора, право наслѣдованія. Этотъ томъ, очевидно, будетъ заключительнымъ, а невышедшіе еще четвертый и пятый томы будутъ, по всей вѣроятности, посвящены особенной части обязательственнаго права и праву семейному.

При оцѣнкѣ труда г. Анненкова необходимо принять въ соображеніе то обстоятельство, что писать систему русскаго гражданскаго права при скудости нашей спеціальной литературы, когда многіе вопросы вовсе не разработаны, а многіе разработаны весьма слабо, при томъ состояніи, въ которомъ находятся вообще наши гражданскіе законы, представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Г. Анненковъ собралъ и сгруппировалъ поистинѣ громадный матеріалъ по нашему праву, что̀ является заслугой и весьма не малой. Но прежде, чѣмъ перейти къ общей оцѣнкѣ послѣдняго тома „Системы“, мы обратимся къ изложенію самаго содержанія его, при чемъ попутно мы будемъ дѣлать критическія замѣчанія, на которыя, какъ намъ кажется, автору слѣдовало бы обратить вниманіе при второмъ изданіи шестаго тома, а также при составленіи четвертаго и пятаго томовъ.

Въ каждой главѣ изложенію русскаго права предшествуетъ изложеніе права римскаго, саксонскаго, итальянскаго и общегерманскаго. Послѣднее введено г. Анненковымъ въ „Систему“ впервые, такъ какъ въ первыхъ трехъ томахъ германское гражданское уложеніе совершенно не принято въ соображеніе.

Нѣсколько словъ по поводу иностранной части „Системы“ г. Ан-

пенкова. Римское право, какъ извѣстно, въ настоящее время въ Западной Европѣ нигдѣ болѣе не дѣйствуетъ и, слѣдовательно, практическаго значенія не имѣетъ. Но если для нашихъ практиковъ все-таки полезно ознакомленіе съ отдѣльными институтами гражданскаго права, выработанными наукой на почвѣ римскаго права, то для этого надо было избрать болѣе авторитетный курсъ пандектовъ, чѣмъ краткій учебникъ Барона, предназначенный главнымъ образомъ для академическаго употребленія. Можно указать на курсы пандектовъ такихъ корифеевъ романистической цивилистики, какъ Виндшейдъ и Дернбургъ, ознакомленіе съ которыми было бы дѣйствительно полезнымъ дѣломъ для русскихъ практиковъ. Къ тому же учебникъ Барона имѣется въ прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ проф. Петражицкаго и, слѣдовательно, вполнѣ доступенъ русской публикѣ. Кромѣ того, г. Анненковымъ римское право далеко не приведено полностью даже по учебнику Барона. За римскимъ правомъ по Барону слѣдуетъ право саксонское, итальянское и общегерманское. Изложеніе права этихъ странъ сводится исключительно къ передачѣ содержанія соотвѣтствующихъ статей уложеній, также имѣющихся въ хорошихъ русскихъ переводахъ и, стало быть, тоже доступныхъ и безъ того русскимъ юристамъ. Не говоря уже о томъ, что само „изложеніе“ содержанія статей далеко не полно, ни по одному иностранному кодексу нѣтъ ни малѣйшаго указанія на литературу. А вѣдь литература по всѣмъ приведеннымъ г. Анненковымъ уложеніямъ прямо-таки колоссальна. Въ особенности обильна литература по новому германскому гражданскому уложенію. Послѣднее дѣйствуетъ всего только какихъ-нибудь два года [1]), а уже имѣются не только громадные общіе курсы и комментаріи, выдержавшіе по нѣскольку изданій, но обширная монографическая литература по отдѣльнымъ вопросамъ гражданскаго права. Изъ общихъ курсовъ можно указать на пользующіеся наибольшей извѣстностью курсы Эндемана и Козака.

Саксонское уложеніе 1863 г. до недавняго времени было, что называется, „въ модѣ“. Оно было послѣднимъ словомъ кодификаціи и считалось образцовымъ кодексомъ. Въ настоящее время новое германское гражданское уложеніе заслонило собою всѣ бывшія до него кодификаціи гражданскаго права и по полному праву заняло первое мѣсто среди всѣхъ кодексовъ Западной Европы. Помимо

---

[1]) Германское гражданское уложеніе вступило въ дѣйствіе 1 января (н. ст.) 1900 г.

того, саксонское уложеніе въ настоящее время, какъ не дѣйствующее, не имѣетъ никакого практическаго значенія. Если для теоретиковъ оно не утратило своего интереса въ качествѣ образцоваго *памятника* кодификацій гражданскаго права XIX вѣка, то для „практиковъ“ интересъ къ саксонскому уложенію совершенно исчезъ. Что касается права итальянскаго, то и оно, по нашему убѣжденію, совершенно излишне въ „Системѣ“ г. Анненкова. Итальянскій кодексъ, плоть отъ плоти—французскій code civil, не составляетъ въ настоящее время „образца“. Было бы гораздо полезнѣе, если бы г. Анненковъ изложилъ право французское съ ссылкой на практику французскихъ судовъ, очень интересную для русскихъ юристовъ. Саксонское гражданское уложеніе можно было съ большею пользою для дѣла замѣнить правомъ австрійскимъ, но опять-таки съ указаніемъ на судебную практику.

Г. Анненковъ называетъ свой трудъ „Системой русскаго гражданскаго права“. Это названіе, однако, далеко не соотвѣтствуетъ содержанію сочиненія, такъ какъ авторъ даетъ собственно только гражданское право по Своду законовъ или, вѣрнѣе, по X тому Свода законовъ. Гражданское право нашихъ окраинъ—Привислинскихъ губерній, Прибалтійскаго края, Финляндіи и Бессарабіи—совершенно отсутствуетъ въ „Системѣ“ и совершенно напрасно. Почтенный авторъ принесъ бы несомнѣнную пользу нашимъ практикамъ, если бы изложилъ на ряду съ правомъ X тома и право нашихъ окраинъ тѣмъ болѣе, что у насъ чувствуется недостатокъ въ болѣе или менѣе полномъ руководствѣ по гражданскому праву нашихъ пограничныхъ областей. Выполненіе этой задачи не представило бы особаго труда, такъ какъ всѣ законы окраинъ (за исключеніемъ бессарабскаго права) собраны въ систему и переведены на русскій языкъ [1]).

Можно было полнѣе изложить римское право въ связи съ правомъ Остзейскихъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, дѣйствуетъ главнымъ образомъ право римское; французское право слѣдовало бы изложить съ указаніемъ на тѣ уклоненія отъ него, которыя имѣются въ гражданскихъ законахъ губерній Царства Польскаго, и т. д.

---

[1]) Собраніе гражд. зак. Царства Польскаго С.-П.Б. 1870 г. Общее уложеніе и дополненіе къ нему узаконеній Финляндіи, изд. Малышева, С.-П.Б. 1891 г. Сводъ гражд. узак. губ. Прибалтійск., оффиціальн. изд. 1890 г. Особое приложеніе къ курсу гражд. права Малышева, т. I, С.-П.Б. 1880. Шестикнижіе Арменопуло, изд. 1831 г.

Весь лежащій передъ нами шестой томъ „Системы“ дѣлится на десять неравныхъ по объему главъ. Первая глава озаглавлена такъ: „Понятіе права наслѣдованія, его предметъ и основаніе его возникновенія“. Глава эта поражаетъ своею краткостью: ей посвящены всего 7 страницъ, изъ которыхъ двѣ удѣлены праву иностранному. Мы ждали, что г. Анненковъ въ первой главѣ, служащей какъ бы общимъ введеніемъ въ наслѣдственное право, дастъ дѣйствительное научное опредѣленіе права наслѣдованія въ объективномъ и въ субъективномъ смыслахъ, какъ дѣлаетъ между прочимъ и Баронъ [1]). Мы полагаемъ, что и для практиковъ было бы не безынтересно знать, какую форму наслѣдственнаго права выработала наша исторія и, въ частности, десятый томъ. Вѣдь отъ общаго воззрѣнія нашего права на наслѣдованіе (исходитъ ли оно изъ отношеній личныхъ, имущественныхъ, семейныхъ, родовыхъ и т. д.) зависитъ дальнѣйшее пониманіе и уясненіе всего института наслѣдственнаго права въ его цѣломъ. Между тѣмъ авторъ довольствуется только констатированіемъ того факта, что „нашъ десятый томъ не даетъ вовсе опредѣленія права наслѣдованія въ *субъективномъ смыслѣ* [2]), а ограничивается только опредѣленіемъ его предмета“, послѣ чего г. Анненковъ переходитъ къ опредѣленію *предмета* наслѣдованія по нашему дѣйствующему праву (разумѣя, конечно, 1 ч. X т.). Мы видимъ слѣдовательно, что этотъ основной отдѣлъ наслѣдственнаго права представленъ у г. Анненкова совершенно недостаточно.

Послѣ этого краткаго введенія идетъ обширная глава, посвященная „наслѣдованію по завѣщанію“. Такимъ образомъ, г. Анненковъ въ своемъ изложеніи русскаго наслѣдственнаго права придерживается системы Мейера, Шершеневича и нашего X тома, въ которомъ глава „о духовныхъ завѣщаніяхъ“ предшествуетъ главѣ „о наслѣдованіи по закону“. Но такой порядокъ изложенія врядъ ли можетъ быть названъ удачнымъ. Дѣло въ томъ, что матеріально-правовыя нормы, относящіяся къ вопросамъ наслѣдственнаго права вообще, находятся въ томъ отдѣлѣ I ч. X т., который относится къ наслѣдованію по закону. У насъ въ законѣ даже нѣтъ главы „о наслѣдованіи по завѣщанію“, а имѣется только отдѣлъ „о духовныхъ завѣщаніяхъ“, гдѣ рѣчь идетъ больше о формальной сторонѣ завѣщанія, и много нормъ для наслѣдованія по завѣщанію

---

[1]) Система римск. гражд. пр. В. IV, стр. 58 и сл.

[2]) Курсивъ нашъ.

приходится выводить путемъ аналогіи изъ постановленій, относящихся къ наслѣдованію по закону [1]). Въ виду этого правильнѣе было бы помѣстить „наслѣдованіе по закону“ раньше, а уже потомъ перейти къ наслѣдованію по завѣщанію, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Побѣдоносцевъ. Это соотвѣтствовало бы и историческому порядку развитія наслѣдственнаго права. Интересны въ этомъ отношеніи также слова Кавелина [2]), что „по нашему законодательству наслѣдованіе по закону есть правило, наслѣдованіе по завѣщанію—дополненіе къ нему“.

Глава „О наслѣдованіи по завѣщанію“, въ свою очередь, распадается на отдѣльные параграфы. Первый изъ нихъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Понятіе завѣщанія и необходимыя его принадлежности“.

Излагая довольно подробно мнѣнія нашихъ цивилистовъ по поводу опредѣленія понятія завѣщанія по нашему дѣйствующему праву и признавая, что легальное опредѣленіе, даваемое ст. 1010 1 ч. X т., не только крайне неудачно, но даже лишено смысла, г. Анненковъ отдаетъ предпочтеніе опредѣленію Любавскаго и слѣдующимъ образомъ самъ опредѣляетъ понятіе завѣщанія по нашему праву: „*завѣщаніе есть актъ, заключающій въ себѣ одностороннее распоряженіе физическаго лица о томъ, что̀ должно быть сдѣлано послѣ его смерти и въ частности въ отношеніи его имущества*“. Врядъ ли, однако, нужно доказывать, насколько такое опредѣленіе можетъ быть названо „удачнымъ“ не только съ точки зрѣнія стилистики, но и со стороны его содержанія. Очевидно, г. Анненковъ хотѣлъ сказать то, что̀ сказалъ Любавскій, опредѣленіе котораго самъ же признаетъ наиболѣе вѣрнымъ. Авторъ хотѣлъ сказать, что по нашему праву завѣщаніемъ называется не только такое распоряженіе на случай смерти, въ которомъ назначенъ наслѣдникъ или сдѣлано распоряженіе относительно имущества, но всякое распоряженіе на случай смерти. Было бы лучше прямо присоединиться къ опредѣленію, даваемому Любавскимъ. Послѣдній слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ завѣщаніе по русскому праву: „это есть актъ, заключающій въ себѣ распоряженія на случай смерти“ [3]). При изложеніи римскаго права по этому вопросу, г. Анненковъ вовсе не упоминаетъ о существованіи въ римскомъ правѣ такъ

---

[1]) Напримѣръ, по вопросу о правѣ завѣщать nasciturus'у и мн. др.

[2]) Права и обязанности, стр. 374.

[3]) Юрид. мон. и изслѣдов., т. II, стр. 140.

называемыхъ кодицилловъ, которые противопоставлялись завѣщаніямъ въ строгомъ смыслѣ слова. Подъ „testamentum“ римское право понимаетъ „такое распоряженіе на случай смерти, посредствомъ котораго наслѣдодатель назначаетъ себѣ наслѣдника“, а подъ кодицилломъ—„такое распоряженіе на случай смерти, которое не содержитъ назначенія наслѣдника“ [1]).

Второй параграфъ посвященъ вопросу „о лицахъ, имѣющихъ право совершать завѣщанія“, вопросъ, извѣстный римскому праву подъ названіемъ: „testamentifactio activa“. По обыкновенію, центръ тяжести г. Анненковъ переноситъ на изложеніе мнѣній, высказанныхъ въ нашей литературѣ и въ рѣшеніяхъ Сената. Но оказывается, что почтенный авторъ сгруппировалъ здѣсь далеко не все, что было высказано въ нашей литературѣ по этому поводу. Такъ, по вопросу о завѣщаніяхъ лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія г. Анненковымъ не указано мнѣніе нашего криминалиста Таганцева, высказанное и подробно мотивированное въ его знаменитыхъ лекціяхъ по русскому уголовному праву, т. IV, стр. 1363 и сл. По вопросу о завѣщаніяхъ самоубійцъ мы не находимъ очень важнаго мнѣнія профессора-криминалиста Кистяковскаго, высказаннаго имъ въ довольно интересной статьѣ, помѣщенной въ Кіевскихъ университетскихъ запискахъ за 1879 г. № 11, а также въ его учебникѣ общаго уголовнаго права, стр. 293 и сл. По этому же вопросу имѣются еще двѣ работы: Н. Березницкаго—„О духовныхъ завѣщаніяхъ самоубійцъ“, 1871 г., и Медокса—„О значеніи духовныхъ завѣщаній самоубійцъ“, 1877 г. Послѣднее сочиненіе обратило на себя вниманіе С. А. Муромцева, который считаетъ мнѣніе г. Медокса относительно завѣщаній самоубійцъ „заслуживающимъ предпочтенія передъ всякимъ другимъ толкованіемъ по своей справедливости и цѣлесообразности“ [2]).

Въ слѣдующемъ затѣмъ третьемъ параграфѣ излагается ученіе о такъ называемой „testamentifactio passiva“. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе споръ о дѣйствительности по нашему праву такого завѣщанія, въ которомъ имущество наслѣдодателя завѣщается какому-либо учрежденному впервые завѣщателемъ въ завѣщаніи же юридическому лицу. Вопросъ этотъ въ началѣ истекшаго столѣтія волновалъ всю почти Западную Европу по поводу знаменитаго за-

---

[1]) Dernburg. Pandecten, III, стр. 125, изд. 6.

[2]) Юрид. Вѣстникъ, 1878 г., кн. IV, стр. 596 и 597.

вѣщанія франкфуртскаго купца Штеделя, завѣщавшаго свое колоссальное состояніе институту изящныхъ искусствъ, который долженъ былъ быть учрежденъ во Франкфуртѣ только послѣ его смерти. Послѣ ожесточенныхъ споровъ, длившихся нѣсколько лѣтъ, дѣло было рѣшено благополучно въ пользу института. Но споры продолжались много лѣтъ спустя [1]). Вопросъ этотъ возникалъ неоднократно и у насъ, и Сенатъ разрѣшалъ его въ смыслѣ положительномъ (рѣш. 1876 г. № 369, 1888 г. № 63 и др.). Мнѣніе Сената г. Анненковъ считаетъ вполнѣ правильнымъ съ точки зрѣнія нашего права, вопреки противоположному мнѣнію Шершеневича [2]).

Четвертый обширный параграфъ (стр. 43—98) посвященъ „содержанію завѣщанія". Здѣсь между прочимъ, разсматриваются такіе важные институты наслѣдственнаго права, какъ субституціи въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ и легаты. Въ частности литература о субституціяхъ также не представлена у г. Анненкова полностью. Нѣтъ, напримѣръ, указанія на сочиненія Моисеенко (О субституціи въ завѣщаніи по русскому праву, 1874) и Нрс. (Истолкованіе духовнаго завѣщанія, субституція и резолютивное условіе, Юрид. Вѣстн. 1880, № 5). Конечно, „Система" нисколько не теряетъ отъ отсутствія въ ней указаній на маловажныя литературныя работы, но мы знаемъ, что трудъ г. Анненкова имѣетъ еще литературно-библіографическое значеніе. За „Системой" г. Анненкова признается крупное достоинство въ томъ, что въ ней сгруппировано *все*, что высказано въ нашей литературѣ, а не только *существенное* [3]).

Посвятивъ слѣдующій параграфъ вопросу „о совершеніи и формѣ завѣщанія", г. Анненковъ переходитъ къ немаловажному ученію „объ измѣненіи" и отмѣнѣ завѣщательныхъ распоряженій, а затѣмъ къ „храненію, утвержденію и исполненію завѣщанія".

---

[1]) Mühlenbruch, Rechtliche Beurtheilung des Städelischen Beerbungsfalls 1828.—Суворовъ—Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву, изд. 2-ое, стр. 269.

[2]) Учебникъ русск. гражд. права, 3-е изд., стр. 673.

[3]) Къ недостаткамъ подобнаго рода мы должны отнести и то обстоятельство, что г. Анненковъ цитируетъ курсъ гражданскаго права Побѣдоносцева по старому изданію, а извѣстное сочиненіе Кавелина—„Право наслѣдованія" по Журн. Гражд. и Уголов. Права, гдѣ оно было впервые помѣщено, между тѣмъ какъ оно вошло въ собраніе сочиненій Кавелина и помѣщено въ четвертомъ томѣ.

Этимъ заканчивается отдѣлъ „О наслѣдованіи по завѣщанію". Слѣдующая затѣмъ глава, относящаяся къ „наслѣдованію по закону", начинается съ вопроса объ „основаніи права наслѣдованія по закону и условія, его возникновенія", послѣ котораго г. Анненковъ излагаетъ ученіе о лицахъ, имѣющихъ право наслѣдовать по закону. Далѣе мы находимъ изложеніе очень интересныхъ и важныхъ вопросовъ наслѣдственнаго права, къ какимъ, безъ сомнѣнія, относятся ученія о родствѣ, какъ основаніи права наслѣдованія по закону, о наслѣдованіяхъ въ линіяхъ боковыхъ, гдѣ авторъ подробно останавливается на правилѣ: сестра при братѣ въ боковыхъ линіяхъ не наслѣдница, о наслѣдованіи по линіи восходящей и т. д. Какъ извѣстно, большинство нашихъ цивилистовъ, а также кассаціонный Сенатъ, не считаетъ имущество, поступающее послѣ умершихъ дѣтей къ восходящимъ, наслѣдованіемъ, а г. Анненковъ, наоборотъ, считаетъ это наслѣдованіемъ, хотя и не настоящимъ, а наслѣдованіемъ sui generis, съ ограниченною отвѣтственностью за долги умершаго и т. д.

Посвятивъ слѣдующій параграфъ вопросу „о наслѣдованіи усыновленныхъ и усыновителей", почтенный авторъ переходитъ къ очень интересному институту „наслѣдованія супруговъ".

Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставленъ споръ о томъ, является ли право супруга на указную долю изъ имущества умершаго другого супруга правомъ наслѣдованія или нѣтъ. Сенатъ, какъ извѣстно, вопросъ этотъ разрѣшаетъ отрицательно (рѣш. 1883 г. № 34; 1891 г. № 42 и др.).

Г. Анненковъ на него отвѣчаетъ утвердительно, какъ это мы видимъ у большинства нашихъ теоретиковъ, при чемъ онъ считаетъ право супруга на полученіе указной части изъ имущества другаго супруга за право наслѣдованія послѣ смерти послѣдняго какъ въ томъ случаѣ, когда оно установлено въ видѣ права на полученіе указной части изъ имущества свекра или тестя при жизни послѣднихъ (стр. 336), а не только въ первомъ изъ этихъ случаевъ, какъ полагаетъ, напримѣръ, Побѣдоносцевъ [1]).

Въ девятомъ параграфѣ обращаетъ на себя вниманіе вопросъ „о наслѣдованіи въ имуществахъ выморочныхъ". Переходитъ ли выморочное имущество къ казнѣ (или къ разнымъ учрежденіямъ) по праву наслѣдованія, или здѣсь имѣетъ мѣсто occupatio безхозяйныхъ имуществъ? Практика Сената, какъ извѣстно, стоитъ на

---

[1]) Курсъ гражд. пр. т. II, стр. 341 и сл.

первой точкѣ зрѣнія и считаетъ право казны и другихъ учрежденій на полученіе выморочнаго имущества особымъ видомъ наслѣдованія по закону (рѣш. Общ. Собр. 1887 г. № 19). Второе мнѣніе высказано Мейеромъ [1]) и Шершеневичемъ [2]). Г. Анненковъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Сената.

Размѣры настоящей рецензіи не позволяютъ намъ подробно остановиться на этомъ спорѣ, но мы не можемъ не высказать сомнѣнія въ правильности разрѣшенія вопроса г. Анненковымъ. Если государство является „наслѣдникомъ", то возникаетъ вопросъ, какой моментъ считать для казны моментомъ открытія наслѣдства. Кромѣ того, этому какъ-будто противорѣчитъ само понятіе выморочнаго имущества, которое становится таковымъ, когда *нѣтъ вовсе* наслѣдниковъ (потому ли, что они не явились въ теченіе 10 лѣтъ, потому ли, что ихъ нѣтъ совсѣмъ, потому ли, наконецъ, что они не доказали своихъ правъ). Не будетъ ли правильнѣе, если мы признаемъ, что выморочное имущество поступаетъ къ казнѣ, какъ хозяину всякихъ безхозяйныхъ имуществъ (ст. 406, 1162 I ч., 1167, 1 ч. X т.)? Послѣдній параграфъ третьей главы посвященъ „особому порядку наслѣдованія" (ст. 1184 I ч. X т. и друг.)

Въ слѣдующей затѣмъ главѣ излагается ученіе „объ открытіи наслѣдства, его охраненіи и о вызовѣ наслѣдниковъ". Г. Анненковъ довольно подробно останавливается на моментѣ открытія наслѣдства и вызовѣ наслѣдниковъ и приводитъ всѣ контроверзы по этому вопросу въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ отразились въ нашей спеціальной литературѣ (о моментѣ открытія наслѣдства послѣ лишенныхъ правъ, постригшихся въ монашество, безвѣстно отсутствующихъ и т. д.). Вызовъ наслѣдниковъ, по мнѣнію г. Анненкова, не всегда обязателенъ, самый вызовъ авторъ считаетъ мѣрой охраны наслѣдства [3]).

Затѣмъ авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы интереснымъ вопросамъ наслѣдственнаго права, каковыми являются: утвержденіе въ правѣ наслѣдованія, принятіе наслѣдства и послѣдствія приня-

---

[1]) Русское гражд. пр., изд. 5-ое, стр. 669.

[2]) Русское гражд. пр., изд. 3-е стр. 711.

[3]) Ср. по этому вопросу мнѣніе К. П. Побѣдоносцева (съ ссылкой на рѣшеніе Сената 1871 г. № 1421), согласно которому съ вызовомъ не всегда соединяется охраненіе. „Вызовъ наслѣдниковъ имѣетъ свое особое значеніе и можетъ быть сдѣланъ и безъ принятія охранительныхъ мѣръ, когда онѣ не требуются" (Курс. гражд. пр. т. II, стр. 372).

тія, отреченіе отъ наслѣдства и послѣдствія отреченія, принятіе отказа и отреченіе отъ него, взаимныя отношенія наслѣдниковъ, раздѣлъ наслѣдства и наконецъ защита и доказательства права наслѣдованія. Г. Анненковъ очень подробно останавливается на разрѣшеніи вопроса о томъ, необходимо ли по нашимъ законамъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Изложивъ мнѣнія нашихъ теоретиковъ по этому поводу, а также рѣшенія кассаціоннаго Сената, который высказался за необязательность утвержденія, за исключеніемъ особыхъ случаевъ (рѣш. 1896 г. № 116 и др.), и принимая въ соображеніе „историческія основанія" соотвѣтствующихъ статей нашего Свода, авторъ приходитъ къ заключенію, что „утвержденіе въ правахъ наслѣдства по нашему закону ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться для наслѣдниковъ обязательнымъ. Само утвержденіе, по мнѣнію г. Анненкова, имѣетъ значеніе только удостовѣренія или доказательства права наслѣдованія. Утвержденіе въ правахъ наслѣдства никакъ не можетъ быть приравниваемо принятію наслѣдства и не можетъ влечь за собой само по себѣ отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя, такъ какъ оно, т. е. утвержденіе, является лишь актомъ, удостовѣряющимъ только ихъ право на наслѣдство и легитимирующимъ ихъ единственно на его принятіе, не болѣе (стр. 388). Въ практикѣ Сената по этому, столько же важному, сколько интересному съ теоретической стороны, вопросу замѣтно колебаніе; неустойчивость замѣчается и у нашихъ теоретиковъ. Но любопытно здѣсь то, что самъ г. Анненковъ раньше былъ противоположнаго мнѣнія [1]), отъ котораго онъ теперь отказывается. По вопросу о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ него авторомъ изложена съ поразительной подробностью русская литература этого ученія, а также практика Сената.

Г. Анненковъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) принятіе наслѣдства представляется у насъ совершенно добровольнымъ актомъ наслѣдниковъ; 2) въ случаѣ смерти наслѣдника (все равно, наслѣдника по закону или по завѣщанію) до принятія имъ наслѣдства право на полученіе слѣдовавшаго ему наслѣдства должно переходить къ его наслѣдникамъ не только въ случаѣ его смерти, но и вообще по наступленіи и другихъ обстоятельствъ, влекущихъ за собою открытіе послѣ него наслѣдства; 3) принятіе наслѣдства у насъ можетъ быть совершаемо наслѣдниками не иначе, какъ безусловно и безповоротно; 4) принятіе наслѣдства есть актъ

---

[1]) Опытъ коммент. къ уст. гражд. суд. Изд. 2, т. 5, стр. 99.

вступленія наслѣдника во всѣ юридическія отношенія наслѣдодателя, а не выраженіе имъ намѣренія вступить въ эти отношенія; 5) принятіе наслѣдства есть юридическая сдѣлка, вслѣдствіе чего для дѣйствительности принятія необходима наличность тѣхъ же условій, которыя требуются для дѣйствительности всякой юридической сдѣлки; 6) послѣдствіемъ непринятія наслѣдникомъ наслѣдства вовсе или принятія его въ части или въ долѣ, меньшей противъ слѣдуемой ему по закону или по завѣщанію, должно быть *приращеніе* частей и долей въ наслѣдствѣ другихъ наслѣдниковъ *по закону*, а *не по завѣщанію*; 7) нашъ законъ устанавливаетъ только одинъ способъ принятія наслѣдства—посредствомъ дѣйствія (pro herede gestio); 8) отвѣтственность за долги наслѣдодателя изъ имущества наслѣдниковъ имѣетъ характеръ субсидіарный, а не безусловный; 9) начальный моментъ давностнаго срока опредѣляется въ неодинаковыхъ случаяхъ различно.

Таково содержаніе шестаго тома „Системы" г. Анненкова. Какъ видитъ читатель, мы указали на довольно крупные недостатки и промахи, которые находятся въ послѣднемъ томѣ труда г. Анненкова. Къ указаннымъ недостаткамъ можно прибавить еще и другіе. Матеріалъ изложенъ далеко несистематически. Многіе вопросы очень важнаго свойства, какъ право представленія, отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя, наслѣдованіе въ имуществахъ родовыхъ, объ отказахъ, субституціяхъ, о давности при наслѣдованіи и многіе другіе, должны были бы быть выдѣлены въ особыя главы и разсмотрѣны болѣе подробно и отдѣльно отъ прочихъ институтовъ наслѣдственнаго права. Г. Анненковъ нагромождаетъ матеріалъ, чѣмъ дѣлаетъ пользованіе книгой крайне затруднительнымъ. Цивильно-политическія стороны вопросовъ наслѣдственнаго права вовсе не затронуты. Къ крупнымъ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести и отсутствіе въ ней алфавитнаго предметнаго указателя и указателя именъ авторовъ, мнѣнія которыхъ изложены въ „Системѣ".

Несмотря, однако, на всѣ эти недочеты, принимая во вниманіе, съ одной стороны, тѣ условія, о которыхъ мы говорили въ началѣ рецензій, а также и то обстоятельство, что „Система" г. Анненкова является пока единственнымъ практическимъ руководствомъ по русскому гражданскому праву, мы должны прійти къ заключенію, что разбираемая книга является весьма полезнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей цивилистической литературы.

И. Вольманъ.

М. М. Винаверъ—Очерки объ адвокатурѣ. 218 стр. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эта книга состоитъ изъ нѣсколькихъ статей по разнымъ вопросамъ, печатавшимся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Побудительной причиной для переизданія ихъ въ объединенномъ видѣ служитъ внесеніе въ Государственный Совѣтъ выработаннаго коммисіей по пересмотру законоположеній по судебной части проекта объ организаціи адвокатуры. Критикѣ этого проекта посвящена значительная часть книги (почему-то озаглавленная „Основные принципы"), остальная часть трактуетъ объ адвокатской школѣ (такъ называется только II глава, но по существу и слѣдующая—III глава „Личный патронатъ"—говоритъ о томъ же) и наконецъ о первомъ международномъ конгрессѣ адвокатовъ въ Брюсселѣ (1897 г.).

Несмотря на все видимое различіе темъ, объединенныхъ въ разсматриваемой книгѣ, онѣ весьма прочно цементируются единствомъ принципа, положеннаго въ основу каждой изъ статей. Принципъ этотъ выраженъ въ приводимыхъ авторомъ словахъ лѣтописца французской адвокатуры: „какъ ни одно государство не можетъ существовать безъ справедливости, такъ справедливость не можетъ быть достигнута безъ участія ея служителей; а адвокатъ есть служитель справедливости" (46 с.). Авторъ не останавливается на развитіи этого положенія, онъ справедливо считаетъ его уже вполнѣ доказаннымъ, своего рода аксіомой, и оно проникаетъ каждую мысль, оно сквозитъ въ каждой строчкѣ, въ каждомъ оборотѣ рѣчи г. Винавера. Центральнымъ вопросомъ, которому авторъ удѣляетъ наибольше вниманія и страсти, является въ книгѣ вопросъ о профессіональной подготовкѣ. Этотъ вопросъ авторъ сводитъ къ дилеммѣ о сословномъ и личномъ патронатѣ, при чемъ онъ рѣшительно и абсолютно высказывается въ пользу перваго. Рѣчь свою на упомянутомъ Брюссельскомъ конгрессѣ, посвященную вопросу о личномъ патронатѣ, авторъ заключилъ предложеніемъ слѣдующихъ тезисовъ: „1) личный патронатъ тормозитъ свободный доступъ въ сословіе, суживаетъ произвольный кругозоръ стажьера, не развиваетъ въ немъ ни ораторскаго дара, ни способности прилагать право къ факту; 2) онъ особенно опасенъ для странъ съ молодой адвокатурой и 3) принципъ „мастерской" (т. е. уединеннаго кабинета патрона, гдѣ только и получаетъ свое профессіональное воспитаніе помощникъ при господствѣ началъ личнаго патроната)

долженъ уступить принципу профессіональной школы, съ индивидуализаціей ея формъ сообразно условіямъ мѣста и времени" (с. 95).

Присоединяясь вполнѣ къ взглядамъ г. Винавера на значеніе личнаго патроната, недостатки котораго выяснены имъ чрезвычайно рельефно, какъ вообще, такъ и въ отношеніи практики С.-Петербургскаго совѣта, нельзя однако не замѣтить, что авторъ далеко недостаточно выяснилъ приписываемаго имъ сословному патронату рѣшительнаго вліянія на судьбы въ адвокатурѣ. Самъ же онъ въ послѣдней главѣ „Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ" противопоставляетъ французской адвокатурѣ, „сформированной какъ замкнутый орденъ, риторской и фарисейской, гордой своей древностью и глухой къ нарождающимся нуждамъ жизни" (с. 124), противопоставляетъ, говоримъ мы, адвокатуру бельгійскую, которая, поставивъ своей цѣлью „сохраненіе независимости и достоинствъ сословія, обезпеченіе защиты правъ лицъ неимущихъ и охрану либеральныхъ доктринъ" (с. 126), дѣятельно стремится къ осуществленію этихъ задачъ. И однако въ обѣихъ странахъ всегда господствовалъ сословный патронатъ; мало того, расцвѣтъ бельгійской адвокатуры самъ авторъ меньше всего приписываетъ, повидимому, этому началу, такъ какъ на стр. 170 указываетъ, что „обязательная конференція отцвѣла, не расцвѣвъ". Поэтому, сторонники обязательнаго личнаго помощничества (къ числу которыхъ, повторяемъ, мы отнюдь не принадлежимъ) въ правѣ были бы сказать автору, что приведенными имъ данными далеко не удостовѣряется связь между процвѣтаніемъ адвокатуры и сословнымъ патронатомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не даетъ вовсе картины положенія адвокатуры въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ начало личнаго патроната.

Чрезвычайно живо и поучительно описаніе упомянутаго уже выше брюссельскаго конгресса адвокатовъ и въ частности новаго направленія бельгійской адвокатуры съ очень яркой характеристикой главы этого направленія Эдмона Пикаръ. По мнѣнію автора, *единственный* результатъ конгресса заключается въ томъ урокѣ, который вынесенъ былъ иноземцами изъ внушительной демонстраціи: „бельгійская адвокатура встрѣтилась на конгрессѣ лицомъ къ лицу съ крайне противоположною ей по своему направленію французскою адвокатурою,—столкновеніе двухъ враждебныхъ тенденцій, взаимная критика общихъ воззрѣній (?) привлекла къ себѣ все вниманіе конгресса" (с. 97). Къ сожалѣнію, однако, эта именно сторона конгресса осталась наиболѣе въ тѣни и, хотя г. Винаверъ

и дальше (с. 147) еще разъ подчеркиваетъ, что столкновеніе должно было быть неминуемымъ, но въ чемъ оно проявилось, въ книгѣ не указывается. Въ первый день конгресса „на мигъ оживилъ скуку г. Клюне (французскій адвокатъ) язвительнымъ упрекомъ, брошеннымъ „молодой адвокатурѣ", въ томъ, что она все еще „молода", хотя ей вотъ уже минуло 50 лѣтъ (с. 203); во второй день „медленными важными шагами, съ дурно скрытымъ волненіемъ, вступилъ затѣмъ на каѳедру M-r Clunet (все тотъ же). Онъ пріурочилъ формально свою рѣчь къ нашимъ указаніямъ на обветшалость и непригодность системы личнаго патроната,—но скоро выплылъ изъ этого скромнаго уголка на широкое море разсужденій объ обветшалости вообще, о древности истины, морали и красоты, о вѣкахъ, прошедшихъ длинною чередою надъ устоями парижской адвокатуры, и проч. Излагать подробнѣе содержаніе этой рѣчи не стоитъ,—да оно и невозможно; всѣ усилія возстановить связь мыслей оказывались тщетными тогда—тотчасъ по выслушаніи,—а тѣмъ болѣе теперь" (с. 209); въ третій день бывшій bâtonnier Пуллье высказался противъ учрежденія международнаго бюро справокъ о дѣйствующихъ законодательствахъ, и бельгійскій адвокатъ тотчасъ же отказался отъ своего проекта (с. 210, 211), и наконецъ, въ четвертый, (день закрытія конгресса) послѣ блестящей рѣчи Пикара, указавшаго, между прочимъ, на отсутствіе во французскомъ языкѣ слова, соотвѣтствующаго нѣмецкому „Advocatur", „рѣзкимъ диссонансомъ врѣзалась въ ихъ среду вся проникнутая злобою и высокомѣріемъ рѣчь Клюне. Онъ метался и ревѣлъ (!), взывалъ о мщеніи и за обиженный французскій языкъ, и за поруганную честь французской молодежи (кто изъ предшествующихъ ораторовъ ее обидѣлъ—не видно), издѣвался надъ этими „никогда нестарѣющимися старцами" и грозно поднималъ руки, „вызывая на бой всѣхъ за честь Франціи (с. 214). Вотъ и все. Очевидно это слишкомъ мелко, чтобы говорить о столкновеніи двухъ направленій, и во всякомъ случаѣ положительно не видно, какое отношеніе имѣетъ это столкновеніе къ тѣмъ различіямъ, которыя намѣчены авторомъ между французской и бельгійской адвокатурой. Эти недочеты сами по себѣ, пожалуй, и не столь существенны, но они особенно замѣтны именно у разсматриваемаго автора, который во всѣхъ своихъ работахъ щеголяетъ ясною до красоты мыслью и строгою послѣдовательностью изложенія. Настоящую аномалію можно поэтому объяснить только тѣмъ, что авторъ безъ всякихъ измѣненій воспроизвелъ журнальную статью, написанную подъ свѣжимъ и сильнымъ впе-

чатлѣніемъ конгресса, не преломившимся еще сквозь призму его аналитическаго ума.

Намъ не хотѣлось бы оставить вовсе безъ вниманія рядъ, хотя и бѣглыхъ, но, по нашему мнѣнію, существенно важныхъ замѣчаній. Авторъ неоднократно возвращается къ тому, что при сословномъ патронатѣ стажьеры въ той или другой формѣ принимаютъ участіе въ оказаніи безплатной юридической помощи бѣдному населенію. Такъ, на стр. 52 говорится, что во Франціи „на стажьеровъ возлагалась обязанность присутствовать въ бюро безплатныхъ консультацій"; на стр. 54, что „защита дѣлъ бѣдныхъ, ввѣренная по закону стажьерамъ, поставлена подъ бдительный надзоръ совѣта и особыхъ руководителей изъ среды старѣйшихъ адвокатовъ, обязанныхъ шагъ за шагомъ слѣдить за движеніемъ процесса и дѣйствіями стажьеровъ"; на стр. 141, что молодая адвокатура въ Бельгіи взяла на себя организацію защиты бѣдныхъ по уголовнымъ дѣламъ и т. д. И вдругъ на стр. 167 авторъ совершенно неожиданно для читателя разражается горячей тирадой противъ этого порядка. „Сочетаніе обязательныхъ занятій и даже единственнаго обязательнаго занятія стажьеровъ съ защитой бѣдныхъ было несомнѣнной ошибкой, печальныя послѣдствія которой даютъ о себѣ знать и донынѣ". Къ сожалѣнію, авторъ ни слова не говоритъ о томъ, въ чемъ выразились эти печальныя послѣдствія, да и трудно, въ сущности, представить себѣ, какія могутъ быть печальныя послѣдствія, которыя *и донынѣ* чувствуются. Рѣчь можетъ идти только объ ошибкахъ молодыхъ адвокатовъ, повлекшихъ за собой какой-либо вредъ для кліентовъ, но этого легко избѣжать при помощи болѣе бдительнаго контроля старшихъ. Что это такъ, что „печальныя послѣдствія" не такъ уже неизбѣжны и чувствительны, видно изъ дальнѣйшаго разсказа самого автора: справедливыя, какъ онъ говоритъ, нареканія на современную организацію стажа вызвали привѣтствуемый авторомъ новый проектъ, который однако отнюдь „не изъемлетъ дѣлъ бѣдныхъ изъ вѣдѣнія стажьеровъ, но значительно усиливаетъ вмѣшательство руководителей въ дѣла, имъ ввѣренныя" (с. 169). Да иначе оно и быть не можетъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Винаверъ, задачи практической адвокатской школы можно осуществить только на дѣлахъ, по конкретнымъ случаямъ (с. 81), и уменьшить участіе стажьеровъ въ веденіи дѣлъ по праву бѣдности значитъ *отказаться совершенно* (!) отъ профессіональнаго обученія" (с. 167). А кромѣ того „раздающіеся голоса за устраненіе опасныхъ экспериментовъ in animo

vili бѣдныхъ кліентовъ“ совершенно упускаютъ изъ виду, что такое устраненіе не повлечетъ за собою обращенія этихъ кліентовъ къ опытнымъ адвокатамъ, а предоставитъ ихъ собственнымъ силамъ или, вѣрнѣе, собственному безсилію, и что, слѣдавательно, положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ много ухудшится. Эта альтернатива имѣетъ особенное значеніе у насъ, благодаря безысходному юридическому невѣжеству массы, и вотъ почему произведенные нашей молодой адвокатурой опыты учрежденія безплатныхъ юридическихъ консультацій, о которыхъ мы не разъ говорили на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи, дали столь блестящіе результаты, и вотъ почему мы думаемъ, что вопросъ объ обязательномъ участіи въ организованной юридической помощи бѣднѣйшему населенію, поднимающемъ адвокатуру на степень общественнаго служенія, заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, нежели вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ личнаго и сословнаго патроната.

І. Гессенъ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ.—Историческій очеркъ, составленный Начальникомъ Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ подъ главною редакціею Статсъ-Секретаря Куломзина.—Спб. 1902 г. Два тома (Стр. VII+340 и II+324). Съ приложеніями.

Мокринскій, С. П.—Наказаніе, его цѣли и предположенія.—Ч. I. Общее и спеціальное предупрежденіе преступленій.—Москва. 1902. (Стр. 157)—Ч. II. Значеніе результата.—Томскъ. 1902. (Стр. 159—291). Цѣна за обѣ части 2 руб.

Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ.—1) Отчеты за 1901 г. 2) Смѣты на 1902 г. 3) Списокъ членовъ. Спб. 1902. (Стр. 85).

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ Мировомъ Съѣздѣ за 1901 годъ (съ 1 января 1901 г. по 1-е января 1902 г.).—Москва. 1902. (Стр. 46).

П-скій, Н. Н.—Къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права.—Москва. 1902. (Стр. 24). Ц. 20 коп.

Von Rohland, Woldemar.—Histrorische Wandlungen der Religionsverbrechen. (S. 121—142).

Тарановскій, Ѳ. В.—Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка.—Варшава. 1902. (Стр. 27). Ц. 25 коп.

ОБЗОРЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Gerichtssaal. 1901. Bd. IX.

A. Schlecht. „Lex Heinze. R. G. vom 25 Juni 1900 betreffend Aenderungen und Ergänzungen des Strafgesetzbuchs. (A. Шлехтъ: „Законъ Гейнце“ 25 іюня 1900 г., изданный въ измѣненіе и дополненіе германскаго уголовнаго уложенія).

Названъ этотъ законъ, на римскій манеръ, по случаю скандальнаго процесса Гейнце (1891 г.), подавшаго поводъ къ составленію подробнаго законоположенія, направленнаго къ огражденію общественной нравственности. Подвергая извѣстный „законъ Гейнце“ подробному анализу, авторъ указываетъ на одно изъ его наиболѣе спорныхъ положеній: подверженіе мужа (подобно опекуну) уголовной отвѣтственности за непринятіе имъ мѣръ обузданія развратной жены. Далѣе, къ особенностямъ этого закона относится принятіе энергичныхъ мѣръ противъ „сутенеровъ“ и простое приготовленіе, даже безъ фактической продажи, разныхъ безнравственныхъ печатныхъ произведеній и изображеній. Художественный міръ Германіи былъ въ свое время особенно взволнованъ тѣмъ, что „Lex Гейнце“ запрещаетъ выставленіе на показъ не только безнравственныхъ изображеній, но и вообще тѣхъ, „которыя своею грубою неприличностью могутъ оскорбить чувство стыдливости“. Граница этого понятія, какъ справедливо указываетъ критика, представляется неуловимою и колеблющеюся.

Prof. L. v. Bar. „Zur Frage der Strafrechtlichen Verantwortlichkeit des Arztes“. (Проф. Баръ—„Къ вопросу объ уголовной отвѣтственности врача“).

Капитальное значеніе имѣетъ вопросъ объ установленіи, на строгихъ началахъ уголовнаго права, предѣла той уголовной отвѣтственности, которая можетъ быть установлена для врача, не парализуя справедливаго простора его профессіи. Какое значеніе имѣетъ, для установленія этого предѣла, согласіе паціента и какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя получить это согласіе, въ виду неполнаго развитія или душевной болѣзни паціента? Таковы тѣ вопросы, которыми задается авторъ, разсматривая различныя теоріи, отвѣчающія на нихъ разно. Лично онъ всего болѣе склоняется къ мнѣнію Гесса, Штоса и Геймбергера, что *цѣль* врача имѣетъ рѣшающее значеніе и что она, въ принципѣ, устраняетъ элементъ преступности, *разъ врачъ стремится къ излеченію паціента.* Затѣмъ рѣшающее значеніе имѣетъ выраженное согласіе паціента, въ томъ смыслѣ, что самое дѣйствіе врача, хотя и не злонамѣренное, но совершенное вопреки волѣ паціента, есть уже нарушеніе права. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ такому выводу: операція, совершенная съ согласія паціента, ради его излеченія и по правиламъ медицины—не можетъ считаться ни въ коемъ случаѣ причиненіемъ увѣчья, каковы бы ни были ея послѣдствія. Но, при отсутствіи какого-либо изъ указанныхъ признаковъ, дѣяніе врача можетъ повлечь за собою уголовныя послѣдствія.

Dr. Hermann Ortloff. „Hypnose und Suggestion in ihrer Bedeutung für die Rechtspflege“—(Г. Ортловъ „Судебное значеніе гипноза и внушенія“).

Статья излагаетъ содержаніе книги Левенфельда: „Гипнозъ и внушеніе, съ точки зрѣнія медицины и судебной практики“ (Висбаденъ, 522 стр.). Эта книга есть результатъ 22 лѣтъ спеціальныхъ изслѣдованій. Уголовный характеръ гипноза не подлежитъ сомнѣнію, когда лицо, подвергающееся таковому, не выразило своего согласія. Уголовное значеніе гипноза обнаруживается также въ цѣляхъ, къ достиженію которыхъ онъ можетъ быть примѣненъ, напримѣръ: лишеніе свободы, нанесеніе увѣчья, принужденіе къ совершенію невыгодной сдѣлки, покушеніе на цѣломудріе. Меньшее

значеніе, для криминалиста, представляетъ внушеніе. Было высказано мнѣніе о возможности примѣненія гипноза, при розысканіи слѣдовъ преступленія. Однако, на самомъ дѣлѣ, оказывается, что показанія загипнотизированнаго свидѣтеля не представляютъ цѣннаго или даже достовѣрнаго матеріала. Авторъ высказывается за необходимость законнаго воспрещенія всѣхъ гипнотическихъ представленій и публичныхъ сеансовъ.

Dr. Friedlaender. „Anwaltszwang im deutschen Strafprocess“ (Фридлендеръ—„Обязательность дѣйствія черезъ повѣреннаго въ германскомъ уголовномъ процессѣ).

Основнымъ положеніемъ германскаго гражданскаго процесса (за исключеніемъ мироваго судопроизводства) является обязательность дѣйствія на судѣ не иначе, какъ черезъ профессіональнаго повѣреннаго. Это положеніе, вообще, не распространяется на уголовный процессъ. Однако, въ видѣ исключенія, и уголовное судопроизводство допускаетъ это начало, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—абсолютно, въ другихъ—условно, съ предоставленіемъ тяжущимся на выборъ нѣсколькихъ процессуальныхъ средствъ, изъ коихъ опредѣленно указанныя дѣйствія требуютъ повѣреннаго. Авторъ относится критически къ этимъ положеніямъ, находя въ нихъ отсутствіе объединяющаго начала и частныя противорѣчія.

Dr. Stenglein. „Die Reform des Actienrechts“ (Штенлейнъ—„Реформа акціонернаго законодательства“).

Недовольство, вызванное въ широкихъ кругахъ злоупотребленіями, обнаруженными въ акціонерной практикѣ, отразилось въ требованіи, какъ спеціальною литературою, такъ и общею печатью, широкаго пересмотра акціонернаго законодательства. Крайнее, но не серьезное мнѣніе, доходило даже до предложенія полнаго воспрещенія закономъ акціонерной формы ассоціацій. Авторъ предостерегаетъ отъ нежелательныхъ крайностей такого рода и считаетъ мало цѣлесообразнымъ расшатывать постоянными передѣлками недавно опредѣлившійся въ Германіи строй акціонернаго законодательства. Однако, несомнѣннымъ недостаткомъ существующихъ законовъ является, по мнѣнію автора, смѣшеніе многомилліонныхъ и мелкихъ акціонерныхъ предпріятій въ одномъ нераздѣльномъ типѣ съ неизмѣнно сложной организаціей, вовсе не подходящей для небольшихъ предпріятій. Другимъ существеннымъ недостаткомъ являет-

ся, по мнѣнію автора, слишкомъ широкая независимость директоровъ акціонерныхъ компаній, надъ которыми коллегіальное начало, выраженное въ правленіяхъ этихъ обществъ, устанавливаетъ весьма недостаточный контроль. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы возвратиться къ началамъ германскаго торговаго уложенія, значительно видоизмѣненнымъ, въ смыслѣ далеко нежелательномъ, позднѣйшими имперскими законами 1870, 1884 и 1897 годовъ.

Deutsche Juristen-Zeitung. 1902 (Januar-März).

Dr. Seckel: „Die Neuordnung des juristischen Ausbildungsganges in Preussen". (Секкель—„Новый проектъ юридической подготовки въ Пруссіи").

Въ указанномъ проектѣ предполагается установить норму семи полугодій университетскихъ занятій и трехъ съ половиною лѣтъ службы въ кандидатахъ (Referendardienst). Противъ нынѣ дѣйствующаго порядка, такая система вводитъ удлиненіе университетскаго курса и сокращеніе практическаго стажа, безъ удлиненія, въ общемъ итогѣ, періода непроизводительныхъ годовъ молодаго юриста; другими словами, академическая постановка расширяется въ ущербъ судебному стажу.

Необходимость этой реформы вызывается тѣмъ, что, со введеніемъ новаго гражданскаго уложенія, требуется значительное приспособленіе современныхъ германскихъ юристовъ къ кругу понятій и къ комментаторской литературѣ новаго уложенія, а пріобрѣтенныя познанія, относящіяся къ предыдущему періоду гражданскаго законодательства, окажутся въ скоромъ времени совершенно устарѣвшими.

Несмотря на это вѣское соображеніе, основательность введенія въ юридическихъ факультетахъ Германіи новаго—седьмаго семестра вызываетъ критику, главнымъ образомъ сводящуюся къ двумъ положеніямъ; изъ противниковъ реформы нѣкоторые утверждаютъ, что для новыхъ требованій мало и семи семестровъ; другіе говорятъ, что справиться съ ними можно и въ предѣлахъ шести семестровъ.

Что касается проектированнаго сокращенія практическаго стажа, то оно вызывается тѣмъ, что, по свойству новой кодификаціи, изученіе дѣйствующаго гражданскаго права, утрачивая въ значитель-

ной степени присвоенный ему до сего времени казуальный характеръ, на будущее время получаетъ широкую теоретическую постановку и почти всецѣло переходитъ въ область академическаго преподаванія.

Dr. Laband: „Eine Staatsrechtliche Erörterung zum Entwurf des neuen Zolltarifgesetzes“ (Д-ръ-проф. Лабандъ—„Государственно-правовое освѣщеніе новаго проекта закона о таможенномъ тарифѣ“).

Не касаясь нашумѣвшихъ въ послѣднее время вопросовъ, возбуждаемыхъ проектируемымъ германскимъ тарифомъ, въ отношеніи пошлинъ на хлѣбъ и на скотъ, защиты промышленности, максимальныхъ и минимальныхъ ставокъ и т. п., авторъ задается вопросомъ о томъ, насколько этотъ проектъ юридически обоснованъ, и объявляетъ его прямо противнымъ германской конституціи. Прежде всего, согласно статьямъ 35 и 70 германской конституціи, таможенные доходы должны поступать въ имперскую казну, для общеимперскихъ потребностей; между тѣмъ новый проектъ предполагаетъ передачу значительной части этихъ сборовъ союзнымъ государствамъ. Подробнымъ анализомъ взаимныхъ отношеній имперскаго и союзныхъ правительствъ въ финансовомъ хозяйствѣ авторъ доказываетъ, что намѣченный въ проектѣ новый путь ведетъ къ опасностямъ; онъ смѣшиваетъ финансовую систему и отправленія органовъ того и другаго порядка и неминуемо долженъ повести къ конфликтамъ.

D. H. Dove. „Die Unpopularität des Juristenstandes in Deutschland“ (Дове—„Непопулярность сословія юристовъ въ Германіи“).

Еще въ средніе вѣка сложилась въ Германіи поговорка: „Juristen sind schlechte Christen“ (юристы плохіе христіане). Повидимому клерикальное вліяніе содѣйствовало возникновенію этой поговорки, когда юристы стали помогать, своею ученостью, императорской власти, во время ея знаменитой борьбы противъ папскихъ прерогативъ. Однако, и съ наступленіемъ реформаціи, новое духовенство, съ Лютеромъ во главѣ, продолжало относиться враждебно къ сословію юристовъ. Съ измѣненіемъ склада понятій въ общественныхъ классахъ, съ теченіемъ вѣковъ и развитіемъ народной культуры, тотъ же антагонизмъ сохранился, но съ другимъ оттѣнкомъ. Нерѣдко можно слышать обращенный къ юристамъ упрекъ, что формальное ихъ міровоззрѣніе

заставляетъ ихъ смотрѣть на жизнь иными глазами, нежели другіе люди. „Это, можетъ быть, и такъ, съ юридической точки зрѣнія“,— говорятъ часто не юристы,—„однако по здравому смыслу оно выходитъ иначе!“—„Что же это за явленіе?“—спрашиваетъ авторъ—„неужели есть въ юридическомъ мышленіи нѣчто, роковымъ образомъ обособляющее отъ жизни?“ Принципіально—авторъ находитъ, что такое положеніе недопустимо, и что юридическое мышленіе должно совпадать съ общечеловѣческой логикой. Разъ есть уклоненіе, юристъ виноватъ, и его юридическое разсужденіе невѣрно. Затѣмъ, приводя цѣлый рядъ остроумныхъ примѣровъ изъ жизни, авторъ признаетъ, что такія уклоненія несомнѣнно бываютъ; но они теоретически вовсе не оправдываются. Въ общемъ, авторъ возлагаетъ оптимистическія надежды на постепенное исчезновеніе вѣковаго предразсудка, благодаря распространенію юридическихъ знаній въ обществѣ, а также благодаря гласности современныхъ судовъ.

Dr. Liszt. „Strafrecht und Psychologie“ (Д-ръ проф. Листъ „Уголовное право и психологія“).

Статья эта есть отвѣтъ на скептическія утвержденія нѣкоторыхъ современныхъ психологовъ Германіи, считающихъ свидѣтельскія показанія матеріаломъ безусловно недостовѣрнымъ для установленія фактической истины въ уголовномъ процессѣ. Не отрицая существенности того факта, что устная передача видѣннаго и слышаннаго претерпѣваетъ, по законамъ психологіи, неизбѣжныя уклоненія отъ дѣйствительности совершившагося событія, авторъ усматриваетъ въ критическомъ изслѣдованіи этого явленія цѣнныя данныя для выработки научныхъ основаній процессуальной оцѣнки свидѣтельскихъ показаній. При этомъ авторъ приводитъ любопытные опыты, произведенные въ уголовной семинаріи Берлинскаго университета. Сначала прочтено было объясненіе подсудимаго, взятое изъ одного уголовнаго дѣла, въ присутствіи перваго круга лицъ; послѣ этого одно лицо изъ этой аудиторіи разсказало слышанное передъ вторымъ кругомъ слушателей; а изъ втораго круга выбрали докладчика тѣхъ же самыхъ данныхъ передъ третьимъ кругомъ; наконецъ изъ третьяго круга выдѣленъ былъ докладчикъ для четвертаго круга. Замѣчено было, что уже съ третьей устной передачи текстъ доклада совершенно уклонялся отъ первоначальной версіи. Въ другомъ случаѣ была устроена искусственная ссора, кончавшаяся револьверными выстрѣлами, по заранѣе подстроенному плану, но передъ непредупрежденною аудиторіею. Тутъ также

получились чрезвычайно поучительныя уклоненія свидѣтельскихъ показаній.

Prof. Dr. Oertmann: „Abstrakte Versprechen aus rechtswidrigem Verpflichtungsgrunde“ (Проф. Эртманъ—„Отвлеченное обѣщаніе, вытекающее изъ противозаконнаго основанія“).

Какъ извѣстно, новое германское гражданское уложеніе отвело значительное мѣсто мало распространенному у насъ типу абстрактной сдѣлки безъ конкретно-указаннаго основанія. При спорахъ сторонъ, заключившихъ подобную сдѣлку, вопросъ о выясненіи ея скрытаго основанія можетъ возникать, главнымъ образомъ, тогда, когда возникаетъ предположеніе о противозаконности этого основанія. Въ виду этого, особенный интересъ представляетъ изслѣдованіе,—въ какой мѣрѣ такая противозаконность должна вліять на дѣйствительность самой сдѣлки, коль скоро, по самому характеру ея сдѣлка поставлена внѣ видимой сферы вліянія какого-либо конкретнаго основанія. Профессоръ Эртманъ разсматриваетъ этотъ вопросъ посредствомъ критическаго освѣщенія статей 138 и 817 герм. гражд уложенія и приходитъ къ заключенію, что эти статьи не даютъ принципіальной почвы для того, чтобы, вообще говоря, уничтожать абстрактныя сдѣлки съ безнравственнымъ или противозаконнымъ скрытымъ основаніемъ, такъ какъ для этого нельзя обойтись безъ категорическаго положенія въ законѣ.

Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft.

Bartolomäus. „Ueber Zweikampf und Beleidigung“ (Бартоломеусъ—„О поединкѣ и оскорбленіи“).

Обычай поединка не поддается законодательному искорененію по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что общественное мнѣніе выражаетъ пренебреженіе къ тому, который, получивъ обиду, не сумѣлъ постоять за себя; во-вторыхъ—вслѣдствіе слабой наказуемости всѣхъ посягательствъ на чужую честь.

Устранить первую причину можетъ только общественное воспитаніе. Устранить вторую причину можетъ самъ законодатель.

Кто украдетъ самую ничтожную вещь—попадаетъ въ тюрьму. Между тѣмъ худшія личныя оскорбленія, словомъ или дѣйствіемъ, клеветою—кончаются ничтожною репрессіею, обыкновенно денеж-

нымъ штрафомъ. Кромѣ того, въ силу принципа гласности, лицо, оскорбленное въ самыхъ священныхъ своихъ чувствахъ или потерпѣвшее оскверненіе семейной чести, должно терпѣть публичность объясненій по своему дѣлу. По мнѣнію г. Бартоломеуса, борьба съ обычаемъ поединка немыслима, если оставить эти условія безъ измѣненія.

Dr. Walter Lehmann. „Zur Lehre von dem autonomen Strafrecht öffentlicher Verbände“ (Д-ръ Вальтеръ Леманъ—„Къ вопросу о самобытномъ карательномъ правѣ публичныхъ союзовъ“).

На практикѣ, на ряду съ карательной функціей государства, существуютъ такіе виды проявленія этой функціи, въ которыхъ право наказывать присвоивается общественнымъ союзамъ, подчиненнымъ государственной власти, но не являющимся органами этой власти, Это называется самобытнымъ или автономнымъ уголовнымъ правомъ. Д-ръ Леманъ подвергаетъ эту мало изслѣдованную область уголовнаго права тщательному монографическому изслѣдованію.

Авторъ присоединяется къ болѣе широкой постановкѣ идеи автономнаго права, выраженной у Штоббе, Безелера, Гирке, Лабанда и другихъ; согласно этому взгляду союзъ, пользующійся правомъ издавать обязательныя для своихъ членовъ постановленія, считается въ обладаніи этимъ правомъ, не по делегаціи отъ государственной власти, а вполнѣ самостоятельно. Государственная власть не требуется, но государство въ правѣ вмѣшиваться какъ инстанція надзора и ограничительный факторъ, для огражденія своихъ цѣлей. Въ абсолютномъ государствѣ можетъ быть вовсе отмѣнена автономія; но понятіе останется именно таковымъ. На этомъ теоретическомъ основаніи д-ръ Леманъ строитъ систему автономнаго уголовнаго права общественныхъ союзовъ и разсматриваетъ подробно: порядокъ возникновенія или отмѣны этого права, формы его проявленія, источники, виды практикуемыхъ наказаній и наконецъ отдѣльные виды союзовъ, могущихъ имѣть карательную власть, какъ-то: общинно-территоріальные, сословные, экономическія товарищества и наконецъ сообщества, преслѣдующія общеполезныя цѣли.

А. Б.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

отъ Министерства Юстиціи (на основаніи ст. 138 уст. цензурн.).

Во многихъ газетахъ (Юридическая Газета, № 30; Право, № 16 Русскія Вѣдомости, № 98; Биржевыя Вѣдомости, № 110 и др.) появилось сообщеніе о томъ, будто по соглашенію Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи организованы особыя совѣщанія изъ секретарей различныхъ судебныхъ инстанцій и кандидатовъ на судебныя должности для обсужденія вопросовъ о реформѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Затѣмъ, въ связи съ тѣмъ же извѣстіемъ, въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" № 110, помѣщено письмо въ редакцію, въ которомъ высказывается между прочимъ удивленіе по поводу полнаго устраненія отъ обсужденія означенныхъ вопросовъ профессоровъ юридическаго факультета и выражается недоумѣніе, почему созываемыя совѣщанія образуются въ составѣ кандидатовъ и секретарей, т. е. лицъ изъ всего состава судебнаго вѣдомства наиболѣе молодыхъ и наименѣе опытныхъ даже въ практической юриспруденціи.

Приведенныя газетныя сообщенія оказываются невѣрными и основанными, очевидно, на недоразумѣніи.

Въ дѣйствительности, озабочиваясь упроченіемъ и расширеніемъ практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ, бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія въ минувшемъ году призналъ необходимымъ возложить на академика Янжула ближайшее изученіе на мѣстѣ положенія, устройства и нуждъ таковыхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что большинство изъ оканчивающихъ университетскій курсъ молодыхъ людей по означенному факультету поступаютъ на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи и что поэтому возможно лучшая подготовка названныхъ лицъ къ предстоящей имъ дѣятельности тѣсно связана съ интересами судебнаго вѣдомства,—генералъ-адъютантъ Ванновскій обратился къ Министру Юстиціи съ просьбою сообщить, въ чемъ наиболѣе ощу-

тительно заключается практическая неподготовленность молодыхъ юристовъ, а также высказать, не представлялось ли бы желательнымъ перенести на университеты часть лежащихъ нынѣ на судебномъ вѣдомствѣ заботъ по ознакомленію вступающихъ на государственную службу молодыхъ людей съ предстоящею имъ дѣятельностью и чѣмъ, съ этою цѣлью, надлежало бы пополнить практическія свѣдѣнія юристовъ во время прохожденія университетскаго курса, по какимъ отраслямъ знанія и какими способами. Съ своей стороны, признавая существенно важнымъ по возможности полное освѣщеніе поставленныхъ вопросовъ, Министръ Юстиціи нашелъ необходимымъ собрать по сему предмету отзывы всѣхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ,—какъ лицъ близко знакомыхъ съ практическою дѣятельностью вновь поступающихъ на судебную службу молодыхъ юристовъ, а потому могущихъ дать полезныя указанія относительно наблюдаемыхъ въ современной постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ практическихъ недостатковъ, а равно и о желательныхъ въ немъ измѣненіяхъ. Полученные отъ упомянутыхъ лицъ подробные и весьма обстоятельные отзывы, разсмотрѣнные затѣмъ въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ должностныхъ лицъ Министерства Юстиціи подъ предсѣдательствомъ Министра, и послужили основаніемъ для заключенія, высказаннаго Министерствомъ Юстиціи по возбужденному вопросу.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ вѣдѣнія этого Министерства къ участію въ предварительномъ обсужденіи нѣкоторыхъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ Министерствомъ Юстиціи были привлечены дѣятели его вѣдомства, наиболѣе компетентные въ данномъ вопросѣ, и никакихъ, съ этою цѣлью, совѣщаній изъ секретарей судебныхъ мѣстъ и кандидатовъ на судебныя должности Министерствомъ Юстиціи организовано не было.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Брокгауза и Ефрона.

ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ „Энциклопедическаго Словаря“ завѣдуютъ:

К. К. Арсеньевъ и заслуж. проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскій.**

Редакція десяти главныхъ отдѣловъ:

С. А. Венгеровъ—исторія литературы. Проф. **А. И. Воейковъ**—географія. Проф. **Н. И. Карѣевъ**—исторія. Академ. **А. О. Ковалевскій.** Проф. **В. Т. Шевяковъ**—біологич. науки. Проф. **Д. И. Менделѣевъ**—химико-технич. и фабрично-заводскій отдѣлъ. **Э. Л. Радловъ**—философія. Проф. **А. В. Совѣтовъ**—сельско-хозяйственный отдѣлъ. Проф. **П. Ѳ. Соловьевъ**—музыка. **А. И. Сомовъ**—изящныя искусства. Академикъ **И. И. Янжулъ**—политическая экономія и финансы.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ — С.-Петербургъ, Прачешный, 6.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Брокгауза и Ефрона, обниметъ приблизительно 74—75 книгъ на Руб. **225**; вышли въ свѣтъ 65 полутомовъ по **3** р. на Руб. **195**. Пересылка вышедшихъ полутомовъ—по разстоянію, пересылка по почтѣ—по 40 к. за полутомъ. Доставка въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ за счетъ конторы. Допускается *разсрочка платежа.*

ЗАКАЗЪ. Прошу записать меня въ число подписчиковъ на одинъ экземпляръ „Энциклоп. Словаря“ на слѣдующихъ условіяхъ:

I. съ *разсрочкой платежа:*

а) по *три* руб. въ мѣсяцъ—съ высылкою мнѣ первыхъ 26 книгъ (до буквы *К*) на Руб. *78*, при чемъ при подпискѣ уплачиваю задатокъ *6* руб.

б) по *четыре* руб. въ мѣсяцъ—съ высылкой мнѣ первыхъ 45 книгъ (до буквы *П*) на Руб. *135*, при чемъ при подпискѣ уплачиваю задатокъ *12* руб.

в) по *пяти* руб. въ мѣсяцъ—съ высылкою мнѣ 65 вышедшихъ книгъ (до буквы *Т*) на Руб. *195*, при чемъ при подпискѣ уплачиваю задатокъ *20* руб.

II. за *наличный* разсчетъ съ высылкой мнѣ 65 вышедшихъ книгъ на Руб. *195* и дальнѣйшихъ по мѣрѣ ихъ выхода съ налож. платежа.

Выбранный способъ подписки оставить, остальные зачеркнуть.

По мѣрѣ уплаты взносовъ подписчикъ получаетъ нѣсколько дальнѣйшихъ книгъ, стоимость которыхъ присчитывается къ долгу.

Уплата взносовъ начинается черезъ мѣсяцъ по полученіи книгъ; взносы уплачиваются при полученіи квитанцій конторы, черезъ артельщиковъ конторы или по почтѣ, съ наложеннымъ платежомъ.

Адресъ мой _____

Званіе, мѣсто службы или профессія _____

Подпись

____ *дня* _____ *190*____ *г.*

Въ Сенатской типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Цѣна съ пересылкою **25** коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ ПОРТОВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПРИМОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.

Цѣна съ пересылкою 75 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженіе Министра Финансовъ о пріемѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна съ пересылкою 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна съ пересылкою **20** коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ.—**II. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта** объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна съ пересылкою **15** коп.

Высочайше утвержденныя Правила и Инструкція Министра Финансовъ о фруктово- и виноградоводочномъ и коньячномъ производствѣ.

Цѣна съ пересылкою 75 коп.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна **1** руб. сер.

КУРСЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Т. I. Изд. 3-е. 1902 г. Сенатора, заслуженнаго профессора Имп. С.-Пб. университета **И. Я. ФОЙНИЦКАГО.**

Цѣна **3** руб. **50** коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ (1868—1896 г.).

Составили: Членъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. Товарища Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. И. Тимофеевскій* и бывшій Оберъ-Секретарь того-же Д—та *С. П. Кузнецовъ.*

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна **4** руб., съ пересылкою—**4** руб. **50** коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I И II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оберъ-Секретарь Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *Н. Н. Быстровъ.*

Цѣна **4** р., съ перес. **4** р. **50** к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири.

Цѣна съ пересылкою 50 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна съ пересылкою **30** коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Новаго Времени" Невскій проспектъ № 40 и Вольфа Гостиный Дворъ № 19 и Контору Редакціи газеты „Право" (Дмитровскій пер., № 6).

Въ Сенатской Типографіи принимаются частные заказы на всякаго рода печатныя и переплетныя работы.

Сенатская Типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежемъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о взносѣ таковыхъ въ § 12 спеціальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

Сенатская Типографія.

00083791
ЮФ СПбГУ

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ)

въ 1902 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1902 г.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной Конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,—при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—**по 5 рублей въ годъ.**

За **перемѣну адреса** уплачивается 1 рубль.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Отдѣленія конторы: въ книжныхъ магазинахъ:

Въ **СПБургѣ:** 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр., уголъ Садовой, № 50—16. 2) И. П. Анисимова, Гостиный дворъ, № 14; 3) „Новое Время" А. С. Суворина, Невскій, 40; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20; 5) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе. Невскій пр., 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр., 46; 7) Книжный магазинъ „Юридическая Помощь", Кабинетская, 20.

Въ **Москвѣ:** 1) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская; 2) И. К. Голубева, Покровка, домъ церкви Іоанна Предтечи.

Въ **Кіевѣ:** 1) П. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33; 2) А. И. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ **Варшавѣ:** 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „Петербургскомъ Книжномъ складѣ", Новый Свѣтъ, 24.

Въ **Одессѣ:** 1) Н. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Росиопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ **Харьковѣ:** Ф. А. Іогансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ **Казани:** 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ, № 1.

Въ **Перми:** О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ **Полтавѣ:** Перельцвейга, Александровская.

Въ **Тифлисѣ:** Центральная книжная торговля.

Въ **Томскѣ и Иркутскѣ:** Сибирскій книжный магазинъ Макуши

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 рублей за стран

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.